

Александр Владимирович Мазин Белый Клинок

В джунглях Черного континента нескольких минут достаточно, чтобы из путника превратиться в пищу. Если этот человек – не маг. Но даже маг не может сравниться в искусстве выживания с Черными Охотниками Гибельного леса.

«Белый клинок» – третья книга эпопеи «Дракон Конга».

*Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!
Глотни, солдат, и дай глотнуть
И мне, солдат, – за нас!
Сегодня топчем пыльный путь,
А завтра топчут нас!
Глотни, солдат, вкус у вина,
Всегда, солдат, хорош.
А кровь тем больше солона,
Чем больше ее льешь.
Чтоб ты, солдат, приятней пах,
Ты пей, солдат, и пой!
А девки в южных городах —
Толпой, солдат, толпой!
У нас, солдат, Судьба одна.
Молись, солдат, Судьбе!
Чтоб фляга ввек была полна,
И руки – при тебе!
Придут другие времена,
А ты солдат – живой!
Глотни, солдат, глотни вина!
Домой, солдат, домой!
Вино, солдат, – жена и брат:
Глотни – и ты согрет.
А дом, солдат...
Придешь, солдат,
А дома-то и нет.
Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!
Конгская песня*

Книга шестая ЧЕРНЫЙ ОХОТНИК

«И было так: пало Небо на землю и обратилось Место Жизни в Место Гибели. Я видел, как изливался огненный дождь с окрыленных колесниц. Я видел, как падали они на землю огненным дождем. И канули в море дворцы, и обратились в золу тучные нивы. И горела кожа земли. Я видел, как рушились горы и вставали горы по слову Последнего Повелителя Махд-Шагош. Но и Он пал.

И я говорю так: прошли века и пройдут века. И настанет день,

когда от Огня и Камня, в месте Жизни и Смерти возродится Он, исполненный гнева. И вновь поплывет по Небу Бури его огненная колесница-дракон. И падет Пламя на Камень, и возрастет на камне Семя Зла. И живые позавидуют мертвым. И одно лишь сможет умерить Пламя Гибели: Живая Песнь, Чистая Кровь и Колыбель Грёз. Я, Глас Истинного, говорю: так будет!»

Фахри Праведный Эдзамский. Я говорю!

ЮГ. ГИБЕЛЬНЫЙ ЛЕС. ГОД ТЫСЯЧА ОДИННАДЦАТЫЙ.

...Истока Зеленой реки, той, что на Побережье называют Проклятой, Тилод достиг к вечеру двадцать восьмого дня. Топь кончилась. Сменив живой островок на связанный лианами плот, Тилод отдался на волю неспешного течения. Он плыл по зеленой воде, разделившей бурлящее Жизнью и Смертью Вечное Лоно, страшный Гибельный лес. Он смотрел на разноцветье сплетающихся крон и знал, что скрывается за ними. Потому что он жил там, в этом страшном лесу. И звали его тогда не Тилодом—Зодчим из Фаранга, а Несмехом. Черным охотником Вечного Лона. Двадцать лет назад... Двадцать лет назад, когда он впервые увидел эту мутную теплую зеленую воду...

ЮГ. ГИБЕЛЬНЫЙ ЛЕС. ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ ГОД ПО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЮ ИМПЕРИИ. ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ДО ПРИХОДА ОСВОБОДИТЕЛЯ.

Двадцатипятилетний Тилод стоял на корме, у флагштока, и, перевесившись через фальшборт, смотрел с высоты тридцати локтей на жгут кильватерной струи, цветом напоминающий зеленый мрамор, что привозили в Фаранг с Межевых гор. Еще два месяца назад Тилод и предположить не мог такой перемены судьбы. Ведь он только что достиг предела своих мечтаний. Он, родившийся на земляном полу деревенской хижины, в четырнадцать лет потерявший родителей, не имевший ни влиятельных друзей, ни богатых родственников, стал самым молодым зодчим Фаранга! О большем Тилод не мечтал. Не хотел он большего, его вполне устраивало то, что есть. Но Судьба не спрашивает, хочет человек или не хочет. Потому, когда сорок восемь дней назад пересеклись пути сотника Бентана и зодчего Тилода, ни тот, ни другой не знали, что им уготовано Судьбой.

«Строенный меч»¹ Бентан, прибыл в Фаранг в конце месяца Увядания. Прибыл с двумя сотнями воинов и личным повелением Великого Ангана. Разместив на одном из кораблей фарангской эскадры, быстроходном трехмачтовике «Победитель», свой отряд, сотник с полудюжиной солдат отправился глотнуть вина в самую чистую из ближайших харчевен.

Случилось так, что и Тилод, фарангский зодчий, заглянул туда же: осушить чашку охлажденного вина. И попался на глаза подвыпившему сотнику.

— Какой здоровяк! — Бентан толкнул плечом своего помощника.

Тот без интереса поглядел на толстощекого парня.

— Мясо,— уронил равнодушно.

Но глаза сотника уже загорелись.

— Эй ты! — закричал он зычным голосом военачальника.— Ты, ты!

Из немногочисленных гостей таверны Тилод последним оглянулся на окрик.

— Поди сюда! — сотник призывно замахал рукой.

— Тебе надо — ты и подходи! — отозвался юноша.

¹ «Строенный меч» — три соединенных меча — шеврон конгайского сотника. «Сдвоенный меч» — десятник.

К изумлению солдат, Бентан даже не рассердился.

– Нет, ты гляди, какая у него шея! – заорал он прямо в ухо отодвинувшемуся десятнику.

– Один хороший удар. – Десятник был старым воякой и знал цену шеям.

Сотник хлопнул ладонью по столу, оглядел своих солдат.

– Парень нам нужен! – тоном, не допускающим возражений, заявил он. – Такой богатырь!

Солдаты полностью разделяли мнение десятника, но знали: если сотнику в башку запала мысль, вышибить ее невозможно даже дубиной.

Сотник встал. Встал и сам (!) подошел к молодому зодчему. Обняв его (Тилод брезгливо отодвинулся – изо рта сотника воняло, как из пасти парда), Бентан, хитро улыбаясь, сказал:

– Два золотых «дракона» в неделю! – И подмигнул: ни один из его солдат не получал больше одного.

– Отойди! – сказал Тилод.

Деньги его не заинтересовали. Молодой зодчий, он имел втрое больше.

– Ты увидишь мир, парень! – зашел с другой стороны сотник.

Теперь он был убежден – фарангец нужен ему позарез!

Мир Тилода интересовал еще меньше. Ему вполне хватало родного города.

Он стряхнул с себя руку сотника и встал, намереваясь уйти. Бентан опять не рассердился. Он был в восторге от парня! И, само собой, не собирался его отпускать.

– Карман! – бросил он одному из солдат. – Ну-ка, останови его!

Карман, коренастый, темнокожий, ростом едва по плечо Тилоду, заступил зодчему дорогу.

– Притормози, паренек! – лениво произнес солдат. – Командир тебя не отпускал!

Юноша почувствовал раздражение.

– Что мне твой командир! – сердито сказал молодой фарангец и попытался оттолкнуть солдата.

Тот ловко схватил его за руку и заломил за спину. Карман был когда-то борцом, а зодчий – всего лишь деревенским парнем. Но иногда сила тоже имеет значение. Тилод распрямил завернутую за спину руку с такой легкостью, будто его держала девушка. Он стряхнул с себя Кармана, как бык стряхивает дикого пса, и зашагал к двери.

Все, кто был в таверне, притихли, ожидая развязки.

– Ну-ка, парень! Возьмите его! – закричал Бентан.

Он прямо-таки лучился от радости.

Пятеро солдат поднялись с мест. Но еще прежде отброшенный Тилодом Карман вскочил с пола и ударом под колено свалил Тилода. Вот тут зодчий по-настоящему рассвирепел. Он был увальнем, но, рассердившись, двигался достаточно быстро. Прежде чем солдаты обступили его, он снова оказался на ногах и разбросал их, как щенков. Бентан хохотал. Он ни на минуту не усомнился, что его подчиненные сладят с парнем.

Так и вышло. Получив удар рукоятью кинжала повыше уха, Тилод мешком повалился на грязные доски пола.

– Свяжите его, ребята, и тащите на корабль! – распорядился Бентан. – Да поласковой, хуруги! Из этого мяса я сделаю бойца!

Так зодчий Тилод стал воином-моряком по прозвищу Несмех.

А спустя сорок восемь дней «Победитель» с Тилодом на борту вошел в устье Проклятой и двинулся вверх по реке, вглубь Гибельного южного леса.

Все эти сорок восемь дней молодой фарангец жил словно бы во сне. Каждое утро ему казалось, что сон кончится и он проснется в спальне своего фарангского дома. Сознание Тилода словно раздвоилось. Он учился воинскому искусству, ел, спал, играл с солдатами в гурамскую игру хаг... Но большая часть его «я» онемела, как немеет перетянутая шнуром

рука. Сказано: стал моряком-воином. Не совсем так. За сорок восемь дней не сделать воина из новобранца. Несмеха учили натягивать лук, рубить и колоть длинным конгским мечом, знать свое место на корабле – и только.

Тилод стоял на корме, а подгоняемый ветром и веслами «Победитель» полз по мутной зеленой воде между обмелевшими берегами, с которых сползала, выпирала, наваливалась на реку красно-желто-зеленая буйная плоть Юга. Три дня и две ночи в Гибельном лесу. И Тилод начал осознавать, что сон никогда не кончится и придется привыкать в нежеланной судьбе. Гибельный Лес. Оживший кошмар каждого конгая. Даже здесь, посреди широкой реки, Лес старался дотянуться до нежного человеческого мяса. Ночами омерзительные существа вскарабкивались по круглым бортам на палубу и гибли под мечами караульных. Днем крылатые твари, пятнистые южные урги с зубастыми челюстями в локоть длиной, норовили сцапать зазевавшегося моряка. Воины били их из арбалетов, и требовалось не меньше трех болтов², чтобы прикончить такого хищника.

И все-таки здесь, на палубе большого корабля, люди были в относительной безопасности. Но кто из воинов не просыпался по ночам от ужасных воплей? Кто не думал с трепетом о том, что когда-нибудь ему придется сойти на берег?

Так шли они три дня, сжигаемые палящими лучами солнца, сквозь душный, влажный, густой, как студень, воздух Юга, под нескончаемые вопли, стоны, уханье, рев Джунглей.

– О Добрая Богиня,
Пошли нам свежий ветер,
Попутный свежий ветер
Певцам соленых вод.
И пусть беда нас минет,
И пусть нам солнце светит,
И пусть родимый берег
Из синевы встает...–

пел за спиной Тилода младший кормчий, раскручивая штурвал.

Широкое русло отвернуло вправо, огибая невысокую, густо заросшую лесом гору.

Наверху, в «вороньем гнезде», пронзительно засвистел впередсмотрящий. Тилод поднял голову. Корабль, следуя руслу реки, завершил полукруг. Открылся западный склон горы – голый отвесный обрыв, источенный отверстиями тоннелей и разлинованный уступами террас. Пещерный город.

– Якорь! – скомандовал старшему кормчему капитан и вопросительно посмотрел на командира моряков-воинов.

Бентан напряженно изучал береговой обрыв. Город казался пустым. Ни одного человека ни на террасах, ни в темных отверстиях пещер. Не верил Бентан этой пустоте. Слухи, ходившие на Побережье про обитателей Города-на-Берегу (их еще называли Хозяевами Реки), заставили бы и беспечного держать руку на эфесе меча. В команде «Победителя» беспечных не было. Военный корабль глядел на берег тремя десятками баллист левого борта. Большой корабль с воинским отрядом почти в двести мечей. Не много ли – против каких-то дикарей?

Но во дворце Великого Ангана решили: народец, запросто расположившийся в Гибельном Лесу, может оказаться опасным. Владыка Конга не желал иметь на своей, пусть пока не освоенной, земле никаких независимых селений. Тем более что, по слухам, там были даже беглые ссыльные. В последнее, впрочем, мало кто верил: Гибельный Лес – надежный сторож.

² Болт – арбалетная стрела.

– Спрыснуть их огненным зельем – полезут, как крысы! – возбужденно проговорил солдат, стоящий рядом с Несмехом.

Осторожничают сотник Бентан: подойдешь на расстояние залпа – и, кто знает, не получишь ли сам огненное приветствие? Что там, в этих пещерах? А корабль на реке – как на открытой ладони!

– Два десятка – к высадке! – отрывисто приказал «строенный меч».

– Две шлюпки – на воду! – эхом отозвался капитан.

Минута – и две шлюпки, гонимые слаженными ударами весел, понеслись к правому берегу. Гребцы ловко развернули их у нижних террас, высадили солдат и отошли на положенные двенадцать локтей, взмахами весел удерживая лодки на месте.

Шло время. Густая зеленая вода с шорохом терлась о борта стоящего на якоре «Победителя».

С правой стороны реки доносились обычные звуки полуденных джунглей.

Береговой Город безмолвствовал.

– Они нас ждали! – произнес старший кормчий, ни к кому не обращаясь.

– Нормально, моряк! – отозвался Бентан после небольшой паузы. – Разве мы таились?

– Лучше б им держаться вместе! – нахмурился старший кормчий, заметив: перед тем как войти в пещеры, солдаты разбились на четыре группы.

– Обычный порядок, – отвечал Бентан, думая о другом.

Он подошел к ограждению и посмотрел с высокого борта вниз, в мутную воду. Не то чтобы сотник опасался нападения оттуда. Водившиеся в реке твари у любого отбили бы охоту подобраться к кораблю вплавь. Но когда жизнь человека в течение десятка лет постоянно находится под угрозой, у него вырабатывается особое чутье на опасность. Сумел ли сотник разглядеть что-то в текущей воде? Неизвестно. Крохотная стрелка воткнулась ему в верхнюю губу, и Бентан мешком повис на ограждении, а потом, перевалившись через перила, с шумом плюхнулся в зеленую воду. И прежде чем его тело, увлекаемое тяжестью лат, исчезло в пучине, вокруг корабля – слева, справа, сзади, спереди – вскипела вода. Все происшедшее было полнейшей неожиданностью для конгаев. Десятки маленьких стальных крючьев впились в фальшборт. Десятки смуглых стремительных тел выбросились из воды, будто вздернутые привязанными к крючьям тонкими канатами.

Часть солдат от неожиданности даже не успела взяться за оружие. Это на какое-то время сохранило им жизнь. Те же, кто успел выхватить меч или поднять арбалет, умерли сразу. Быстротой нападавшие были подобны демонам. Совершенно голые, вооруженные лишь короткими трубками в полтора локтя длиной, они щедро сеяли вокруг себя смерть – крохотные стрелки с ядом, убивавшим меньше, чем за мгновение. Нападавших было не больше трех десятков, но вся палуба, казалось, заполнилась мелькающими телами.

Несмех был среди тех, кто не сумел подготовиться к бою. Фарангец не успел бы взяться за меч, будь у него и вчетверо больше времени. Ошарашенный, Несмех пару мгновений тупо глядел перед собой, а потом смуглая рука мелькнула у его лица, твердое ударило в лоб, и свет дня погас.

Очнулся Несмех в полутемной душной пещере. Руки и ноги были умело связаны: пошевелить нельзя, но жилы не перетянуты. Голова побаливала. Но не там, куда пришелся удар. Пол пещеры покрывал тонкий слой щекочущей ноздри пыли. Приподняв голову, Несмех увидел еще нескольких человек, связанных, лежащих на полу.

Следующий час Несмех провел, лежа ничком и пытаясь вытолкнуть языком деревянный кляп с дыркой, позволявший дышать, но мучительно растянувший челюсти. А потом в пещере на миг стало еще темнее и в нее вошли двое. Хозяева Реки.

Среднего роста, мускулистые, поджарые, они двигались плавно и быстро, с той грацией и точностью движений, какие отличают подкрадывающихся кошек. Несмеха освободили одним из первых. Узлы, связывающие юношу, были распутаны почти мгновенно. Пока один из туземцев сворачивал веревки, второй быстро и больно прошелся пальцами по телу

Несмеха. А потом оба перешли к следующему конгаю. Боль от тычков твердых, как дерево, пальцев прошла быстро, а вместе с ней исчезли и боль в голове, и мучительное оцепенение от долгого лежания на камне.

Хозяева Реки развязали уже многих. Несмех сообразил, что победители оказались среди плененных врагов, без всякого прикрытия, не вооруженные. Это могло быть бесстрашием, беспечностью, полной уверенностью в себе или попросту провокацией. Но, несомненно, это было и вызовом для воинов, привыкших силой решать свои проблемы.

Несмех заметил, что один из уцелевших десятников украдкой обменялся тайными знаками со своими людьми. И солдаты, вставшие на ноги, чтобы размять затекшие тела, будто невзначай приблизились к распутывающим очередного пленника смуглокожим. Те, казалось, не замечали опасности.

Солдаты Конга отлично обучены. Шестеро набросились на двух туземцев практически одновременно. Нападавшие не издали ни звука и, безусловно, должны были обезвредить туземцев быстро и бесшумно, не привлекая внимания тех, кто, возможно, оставался снаружи. Да, никто – ни напавшие, ни Хозяева Реки – не издали ни звука. Больше того, туземцы даже не прервали своего занятия. Стремительное мелькание тел, десятков глухих ударов – и все шестеро конгаев валяются на полу, а туземцы, освободив очередного пленника, переходят к следующему. Будто ничего не произошло.

Такое впечатляет. Других попыток напасть на смуглокожих не было, и, освободив всех, Хозяева Реки вышли.

Теперь у конгаев появилась возможность изучить свою тюрьму. Низкая широкая пещера с единственным выходом – на изолированный карниз шириной около двух шагов и длиной чуть больше десяти. Под ним – обрыв, а тридцатью локтями ниже – река. Желающих прыгнуть вниз не нашлось. Под поверхностью Проклятой обитала смерть. А что туземцы напали на корабль из воды – так на то они и Хозяева Реки. Но даже если бы беглецу и удалось благополучно выбраться на берег, там его уже поджидал Гибельный Лес. В джунглях, на илистом дне Проклятой... Так и так – смерть.

В пещере оказалось сорок шесть пленников. Все – воины. Большинство – из отрядов, высланных на разведку. Эти тоже не успели оказать сопротивление. Не успели даже понять, что произошло. Просто разведчикам вдруг стало трудно дышать, и при этом ими овладело странное веселье. Очнувшись уже в пещере. Наверняка без магии не обошлось. О судьбе остальных моряков-воинов и корабельной команды никто ничего не знал. Но предположения были самые мрачные. Впрочем, сейчас пленников больше занимала собственная судьба.

Вскоре стало ясно, что морить голодом их не собираются. Сверху на карниз спустили бочонок с пресной водой и еду. Пища был неизысканная: рыба и сырые плоды. Но зато – в достаточном количестве. Пленники поели. А через час сверху сбросили лестницу, и появившийся туземец знаком предложил всем подняться наверх.

Пленные выполнили просьбу-приказ и один за другим взобрались на широкую террасу двадцатью локтями выше. Здесь их встретили двенадцать Хозяев Реки. Они были очень похожи друг на друга: худые, с кожей, испещренной шрамами, обтягивающей мощные узлы мышц, длинные черные волосы, собранные в пучок на затылке. Вся одежда этих людей состояла лишь из головных и набедренных повязок. Черты смуглых лиц напоминали конгайские, но кожа потемнее. И сами лица живей, подвижней. Когда Хозяева Реки общались друг с другом, выражения сменяли одно другое с огромной быстротой. Это был язык более полный, чем короткие реплики, которыми они обменивались.

Хозяева Реки выбрали из числа пленников девятерых, причем девятым оказался Несмех. Юноша удивился, когда туземец коснулся его груди указательным пальцем. Удивился потому, что восемь уже выбранных были, безусловно, лучшими из воинов.

Туземец был на поллоктя меньше ростом, чем Несмех, в полтора раза уже в плечах. Но юноша ни на мгновение не усомнился в том, что Хозяину Реки ничего не стоит вышибить из него дух. Худая, жилистая, похожая на лапу парда рука вряд ли слабее толстой мускулистой руки конгая.

Девятерым предложили подняться еще выше. На сей раз не по лестнице, а по веревке с узлами. Несмех, взобравшийся последним, имел возможность сравнить движения солдат с пластикой туземцев. Тела Хозяев Реки, казалось, сами взлетали вверх, как будто руки касались веревки только для вида.

Следующий карниз оказался еще шире. Вход же в пещеру – не грубо обработанная каменная арка, а что-то вроде украшенного резьбой портика. Девять конгаев вошли внутрь. Рядом с каждым беззвучно двигался выбравший его туземец.

Шли довольно долго. Свет, шедший снаружи, давно померк, но светились сами стены подземного коридора: тусклое сине-зеленое мерцание, вполне достаточное, чтобы различить, куда поставить ногу.

Коридор кончился. Пленники и их сопровождающие оказались перед занавесом из раскрашенных тростниковых стволов. Хозяева Реки остановились. Они ждали. Несмех мазнул пальцем по стене, и на коже остался сине-зеленый светящийся след.

Занавес раздвинулся. Перед пленниками открылся вход в подземный зал. Пещера оказалась обширной и высокой. Ее светящийся свод был на двадцать локтей выше головы Несмеха. Пол же плавно понижался к середине, и в самом его центре располагалась ровная, почти круглая площадка шагов десяти в поперечнике. Ее ограждал барьер, высотой по пояс Несмеху. Туземцы расступились, и пленники сошли вниз, к центру пещеры. Несмех почувствовал озноб. От волнения. А может быть, оттого, что в пещере было довольно прохладно. Не меньше сотни туземцев смотрели на них. Несмех ощутил их запах, не такой, как у конгаев, и довольно приятный. Так пахнет подогретое дерево. К пленникам подошел человек, значительно превосходящий ростом остальных туземцев. На плечи его была накинута широкая полоса ткани, концы которой опускались ниже набедренной повязки. Человек с лентой оглядел каждого из пленников. Особенно долго он изучал Несмеха. Юноша готов был поклясться: Хозяин Реки, несмотря на полумрак, видит его очень хорошо.

– Воины! – произнес высокий звонким властным голосом. – Готовы ли вы взять свою свободу? – Хозяин Реки говорил на конгаэне. Причем на северном диалекте, не похожем на скороговорку Сарбура³ или придыхающую речь Южнобережья...

– Готовы ли вы взять свою свободу?

Пленники молчали.

Хозяин Реки повторил в третий раз.

Тогда один из десятников осторожно спросил:

– Что должны мы сделать?

– Биться! – Хозяин Реки вновь оглядел всех девятерых. – Каждый из вас может биться с одним из тех, кто сегодня вступает на путь Соединения. Это – честь для них.

– С одним из... С одним из вас?

Высокий туземец сделал вид, что не заметил интонации вопроса.

– Вот они! – Он указал рукой на группу туземцев по другую сторону огражденной площадки. Их было девять. И за каждым, так же как и за каждым из пленников, стоял еще один человек. Из-за темноты никто из конгаев не мог толком разглядеть своих предполагаемых противников.

– Оружие? – спросил десятник.

– Их оружие – они сами. Вы можете взять свое.

Десятник, верзила с длинными толстыми руками, несколько оживился. До этого он рассматривал слова Хозяина Реки как предложение почетной смерти.

– Нельзя ли побольше света? – поинтересовался он.

– Света? – Просьба удивила высокого туземца. – Факелы?

Конгай кивнул.

Хозяин Реки отдал соответствующее приказание.

³ Сарбур – самый большой город Конга.

– Что еще? – спросил он.
– Пусть принесут мой меч! – сказал десятник. – И учти: мне нужен именно мой меч!
Он...

– Тебе принесут твой меч! – перебил его предводитель. – Что еще?
– Что будет со мной, если я сумею победить? – спросил конгай.
Все девятéro пленников, затаив дыхание, ждали ответа.
– Ты получишь свободу! – спокойно сказал высокий туземец. И, после небольшой паузы. – Ты получишь полную свободу. Таковую, какой ты ее понимаешь. Мы проводим тебя – и любого, кто победит, – к берегу моря. И там отпустим. Ты согласен?

– Нужно быть дураком, чтобы отказаться, – буркнул десятник. – Меня устраивают условия. Они всех устраивают! Так? – Он обернулся к остальным.

Конгаи ответили дружным согласием. Промолчал один Несмех. Тогда фарангцу показалось: его молчания никто не заметил.

Принесли оружие. Каждому из конгаев вручили его собственный клинок. Четверо, пожелавшие получить кинжалы, получили и их. Солдаты, прицепив к поясам мечи, повеселели. Один Несмех продолжал держать оружие в руках.

Принесли факелы и установили вокруг огражденной площадки. Сразу посветлело. Теперь Несмех увидел лицо говорившего с ними Хозяина Реки. Старик. Но из тех, что до самой смерти сохраняют силу. И лицо его было ничуть не похоже на конгайское. Встреть Несмех такого в Фаранге, не задумываясь, сказал бы: подданный Империи, причем, почти наверняка – северной крови, хольдец или рус.

В свете факелов стали различимы и лица будущих противников. Вот тут и солдатам стало немного не по себе: их соперниками оказались мальчишки-подростки, не старше четырнадцати лет.

– Я могу убить своего противника... – сказал десятник. Полувопрос-полуутверждение.
– Проигравший умрет от своей руки или примет медленную смерть! – произнес седовласый туземец.

– О! – только и вымолвил десятник.
– Тот, кто покинет место чести, – продолжал Хозяин Реки, – также умрет медленной смертью! Ты понял?

– Да! – воскликнул десятник. Ему не надо было объяснять, что такое – медленная смерть. – Слава Туру! – воскликнул он и перемахнул через ограждение.

С другой стороны то же самое сделал отрок-туземец. В отличие от тяжело ударившего ногами в каменный пол воина, босые ноги мальчика коснулись опоры совершенно беззвучно.

Худенький, большеглазый и нежнолицый, он едва достигал макушкой подбородка конгая. Но глядел смело.

Десятник опять почувствовал подвох.

– Я не... – начал он, оборачиваясь к седовласому.

Маленькое смуглое тело взметнулось в воздух. Десятник еще успел как-то среагировать: обернуться, выхватить из ножен меч... Он был очень хорошим воином, этот десятник. Но враг его перевернулся в воздухе и с коротким яростным вскриком ударил снизу вверх твердой, как железо, пяткой.

Десятник умер через миг после того, как сломанные носовые кости разорвали оболочку его мозга. Но сердце воина ударило еще трижды. И рука с мечом, взлетев вверх, разрубила воздух лучшим из ударов, когда-либо нанесенных ею.

Восемь оставшихся конгаев одновременно выдохнули воздух. Никто из находившихся в зале Хозяев Реки не издал ни звука.

Юный победитель упал на руки одновременно со взмахом меча конгая и, перекувырнувшись, встал раньше, чем тело воина начало падать. Отрок поклонился всем, затем, отдельно, – седовласому и, даже не взглянув на поверженного им десятника, покинул площадку.

Несмех смотрел на Хозяев Реки, мужчин, женщин. Только что конгай про себя осуждал

жестокость, с которой они, как полагал Несмех, обрекли на смерть собственных детей. Теперь же он осуждал их за то, что они обрекли на верную смерть его самого.

– Ты! – сказал седовласый второму десятнику.

Тот не шевельнулся. Стоявший за спиной десятника туземец легонько подтолкнул конгая рукой. Несмеху показалось, что десятник боится, но тот просто выжидал. Уступая убитому соратнику ростом и физической силой, он был более ловок, опытен и отлично владел оружием. Он медлил лишь для того, чтобы увидеть своего противника. И как только один из отроков сделал шаг к барьеру, десятник бросился вперед. Перемахнув через ограждение, воин оказался на площадке мгновением раньше, чем его юный противник. Когда же обутые в кожаные сандалии ноги конгая коснулись камня, в правой руке его уже сверкал меч, а в левой – обоюдоострый кинжал в локоть длиной.

Его соперник, худой длинный подросток, был почти такого же роста, что и десятник. Но, в отличие от защищенного шлемом с опущенным забралом, облаченного в стальную кирасу и наголенники солдата, на отроке была лишь набедренная повязка. И голые руки против меча и кинжала.

Близость отточенной стали к смуглой коже, обтягивающей ребра юного бойца, вызвала у Несмеха внутреннюю дрожь. Чтобы изгнать ее, конгаю пришлось напомнить себе об исходе первого поединка.

Десятник сделал пробный выпад мечом.

Его противник даже не потрудился уклониться.

Тогда конгай отступил на шаг и всем своим видом показал, что намерен лишь ждать атаки.

Несмеху казалось нелепым надеяться, что безоружный подросток кинется на вооруженного до зубов опытного воина.

Десятник ждал. И отрок заколебался. Он предпочел бы встретить атаку, а не начать ее.

Десятник выжидал.

Юный туземец быстро шагнул в сторону. Клинок в согнутой руке конгая последовал за ним. Отрок сделал еще один короткий шаг, потом качнулся вправо и, уловив движение меча, стремительным броском покрыл разделявшее их расстояние. Меч метнулся навстречу, и отрок, поймав плоскость клинка ладонью, отвел оружие от себя, вернее – себя от него. Уйдя вниз, он уклонился от удара кинжалом, зацепил ногой ногу десятника и рванул к себе. Десятник упал. Но, падая, ухитрился рассечь лоб противника шипом боевого браслета. Кровь залила глаза юного бойца, а десятник перекатился набок и ударил его мечом по ноге. Отрок не успел отдернуть ногу достаточно быстро. Стальное лезвие разрубило стопу. Рана была ужасна. Несмех ждал, что юный воин упадет. Но тот не упал. Напротив, с такой силой ударил кулаком в забрало шлема своего врага, что сбил его с ног.

Не будь туземец ранен, второго десятника постигла бы участь первого. Но кровь ручьем лилась из ноги юного бойца, и он был не в состоянии нанести смертельный удар. К чести десятника, тот не стал ждать, пока противник окончательно потеряет силы. Лежа, он метнул кинжал. Отрок поймал его на лету, но воспользоваться оружием не успел. Почти одновременно с броском конгай привстал на колено и вонзил меч в левую подмышку отрока. Точно в сердце.

Тихий шелест прокатился по залу. Десятник встал, обтер клинок платком и опустил в ножны. Потом подошел к убитому, вынул у него из руки кинжал. Сделав это, десятник обернулся к седовласому.

– Ты свободен, – произнес тот лишенным эмоций голосом.

Конгай кивнул, перепрыгнул через ограждение и стал неподалеку от своих соратников.

Четверо туземцев подхватили тело убитого и унесли его так же, как перед этим – тело первого десятника.

– Ты! – седовласый указал на одного из конгаев.

Третий солдат, воодушевленный успехом предшественника, бодро перемахнул через ограждение. Но, в отличие от своего командира, он не стал ждать нападения, а сам

набросился на своего юного противника, едва тот оказался внутри, за барьером.

Длинный меч со свистом рассек воздух, и... солдат свалился в беспамятстве, получив точный и сокрушительный удар в нижнюю часть голени.

Подросток вопросительно взглянул на седовласого.

Тот стоял с каменным лицом.

Тогда отрок просто уселся на пол, скрестив ноги, и стал ждать. Спустя минуту солдат зашевелился. Подросток повернул к нему круглую голову с пучком черных волос на затылке. Он смотрел, как конгай садится, трет ладонью ногу, озирается по сторонам...

– Ты волен умереть от своей руки! – сказал седовласый.

Солдат засмеялся.

– Закончи уж! – сказал он и бросил свой меч отроку.

Тот поймал меч. Конгай сбросил шлем, похлопал себя по шее и снова засмеялся, вернее, захохотал, широко разевая рот.

Отрок метнул меч. Солдат продолжал хохотать. Он не уклонился, и широкий клинок вошел в разинутый рот, разом оборвав смех.

Четвертый, пятый, шестой, седьмой поединки неизменно заканчивались гибелью конгаев. Лишь одному из моряков-воинов удалось легко ранить своего противника. Другие не сумели даже прикоснуться к своим убийцам.

Несмех и представить себе не мог, что человеческое тело может стать столь совершенным оружием. Мальчики, подростки управлялись с опытнейшими конгайскими воинами за каких-нибудь несколько минут.

Несмех все еще держал в руке меч в ножнах, когда восьмой солдат вступил на площадку. С начала первого поединка прошло чуть больше получаса.

Восьмой конгай получил неожиданное преимущество. Босые ноги его соперника скользили в лужах крови, покрывших площадку. Его же собственные, подбитые акульей кожей сапоги – нет. Пользуясь этим, он теснил своего противника, мальчика, на вид не старше двенадцати лет. Тот уклонялся от ударов, отступал, не решаясь на те почти акробатические трюки, которые принесли победу его соплеменникам. Рослый конгай гонял его от одного бортика к другому, и, не будь на солдате тяжелых доспехов, стесняющих движения, воин, возможно, уже достал бы своего противника. Несколько раз отрок терял равновесие, но всегда успевал вскочить или перекатиться в сторону, прежде чем клинок касался его кожи. Туземец не получил ран, но был с ног до головы покрыт чужой кровью.

Он устал. На его счастье, конгай тоже устал. Время от времени противники останавливались и глядели друг на друга. Это был самый долгий поединок, дольше всех предыдущих, сложенных вместе. Конгай сделал очередной выпад. Но на сей раз юный туземец не отступил. Он неожиданно упал на пол и покатился под ноги воину. Конгай споткнулся о него и растянулся на каменном полу. Отрок мгновенно вскочил и прыгнул на поверженного врага. Удар его ног был направлен в просвет между кирасой и шлемом, но за миг до того, как он обрушился на шейные позвонки конгая, тот приподнял голову и дернулся вперед. И удар пришелся на защищенную кирасой спину. Воин извернулся и успел ухватить отрока за щиколотку. А ухватив, рывком подбросил вверх: тот ведь был совсем легкий. Юный туземец упал на спину, попытался второй ногой сбросить державшую его руку. Но конгай подставил браслет, проткнув туземцу подошву, вскинул меч для смертельного удара... Юный боец перестал сопротивляться. Клинок взлетел над ним, туземец испустил пронзительный крик... и меч выпал из руки конгая. Голова солдата откинулась назад, словно он получил удар в подбородок, глаза его закрылись, и он, отпустив ногу отрока, повалился набок.

Мальчик поднялся и, прихрамывая, подошел к седовласому. Седовласый шагнул вперед и, перегнувшись через барьер, обнял юного победителя.

Несмех был так поражен происшедшим, что не сразу заметил: что тишина в пещере сменилась гулом десятков голосов. Он забыл даже о собственной участи, о том, что остался единственным из девяти выбранных, и шансов у него никаких, с его-то умением владеть

оружием.

Взгляд седовласого остановился на фарангце.

– Я должен сражаться? – спросил Несмех.

– Ты не хочешь?

– Не хочу! – проговорил юноша, стараясь придать голосу твердость.

Глаза седовласого, серые, пронзительные, казалось, заглядывали в глубочайшие из тайников его сознания, в такие сокровенные уголки, о которых и сам Несмех не мог даже догадываться. Юноша вдруг ощутил терпкий запах смолы, услышал потрескивание горящих факелов и тишину, воцарившуюся в зале. Тишину настолько плотную, что она казалась наполненной тысячами беззвучных голосов, таким множеством звуков.

Сильный голос седовласого ворвался в это безмолвие и разбил его, как форштевень корабля разбивает волны.

– Не сражайся! Но знай, что ты не вернешься в свою страну.

– Я – пленник, – согласился Несмех.

Он был готов и к худшему.

Седовласый улыбнулся. Это была пугающая улыбка. Он вновь вонзился взглядом в Несмеха, прошел его насквозь, и юноша понял: за словами Хозяина Реки стоит нечто большее, чем просто запрет на возвращение.

– Да, это так! – подтвердил седовласый, кивнул стоявшему за спиной Несмеха, и тот, взяв юношу за плечо, увел его из подземного зала.

Ночью Несмех проснулся от чужого присутствия. Он лежал в маленькой пещере, куда его отвели вчера. Две яркие звезды сияли там, где был выход. Звуки Гибельного Леса, приглушенные, приходили снаружи.

– Это он? – раздался совсем рядом с его головой голос седовласого.

– Да, – ответил другой мужчина, чьего голоса юноша прежде не слышал. – Да! – повторил он и добавил еще что-то, чего Несмех не понял, потому что не слишком хорошо знал хольдский, на котором говорили Хозяева Реки.

Твердая легкая ладонь коснулась лба юноши.

– Он не маг, – произнес незнакомец. В его голосе чувствовался скрытый ритм.

– Он не маг. И он не воин.

– Я – строитель! – сказал юноша.

– Пусть скажет, как он оказался на корабле, – предложил неизвестный.

– Меня не спросили, – буркнул Несмех. – Долго рассказывать...

– Мы послушаем, – произнес седовласый. – Говори.

Несмеху ничего не оставалось, кроме как выложить свою историю. Как его схватили в фарангской таверне. Как посадили на корабль и привезли на Юг. Не скрыл, что не представляет, зачем понадобился сотнику: среди ветеранов он был подобен рабочему парду, очутившемуся в стае кугурров. Его обучали, и он делал успехи потому, что был силен и ловок. И не глуп. Может, через год-другой, пройдя десяток стычек, Несмех и стал бы неплохим воином. Неплохим, но не отличным. Не было в нем настоящего запала, холодной ярости, которая только и делала конгского моряка-воина непобедимым. Все это Тилод-Несмех понимал. Понимали это и другие: сам сотник, командир его десятка. Но его уже внесли в списки, и до конца рейда Несмех должен был оставаться на корабле. Или умереть.

Несмех рассказал о том, как плыли они вверх по Проклятой...

– Зеленой! Называй ее Зеленой! – вмешался седовласый, и это был единственный раз, когда он перебил юношу.

Рассказ получился короче, чем ожидал Несмех. Теплая ладонь незнакомца оторвалась от лба фарангца. Двое негромко переговаривались. Юноша улавливал отдельные слова, но смысл разговора ускользал. Он мог только догадываться, что речь идет о нем. Несмех не испытывал страха. Хотя то, что он увидел вчера, говорило: Хозяева Реки без уважения

относятся к жизням пришельцев. Несмех не боялся просто потому, что его воспитывали как мирного человека, а не воина. Собственная жизнь оставалась для него священной, и он привык ставить ее выше, чем жизнь других. Но защищать ее, как воин, Несмех не привык. По сути своей он так и остался деревенским парнем, с неторопливой речью, цепким вниманием и неистребимым дружелюбием к миру. Миру жестокому, и все же уступающему напору ума и хитрости. Медлительный в решениях, предпочитающий не делать ровно ничего, если не уверен в успехе, Несмех был упорен и предприимчив, словно гурамский пес-следопыт, когда решал добиться своего. В Фаранге эти качества принесли ему успех. И здесь, на Юге, в сердце Гибельного Леса, они, как ни странно, подарили ему жизнь, хотя сам Юг требовал от человека совершенно других свойств.

Двое закончили разговор. Юноша слышал, как они поднялись и пошли к выходу. Тень на миг заслонила белые огоньки звезд.

Хозяева ушли, но Несмех еще долго ворочался на жестком тростниковом ложе.

Прикосновение руки разбудило его. Несмеху казалось, что он уснул минуту назад, однако уже наступило утро. Широкий поток света вливался в пещеру. Рядом с юношей сидел на корточках смуглокожий большеглазый туземец. Когда Несмех посмотрел на него, туземец встал и жестом показал: поднимайся!

Несмех сбросил с себя тонкое одеяло, обмотал вокруг бедер повязку и собрался надеть остальное, но Хозяин Реки покачал головой, взял его за руку и повел к выходу из пещеры.

Карниза перед ней не было, но слева от отверстия висела веревка, по которой Несмех спускался вчера вечером. Цепляясь за ее узлы, юноша довольно неуклюже взобрался наверх. В это время туземец, вместо того чтобы воспользоваться веревкой, как ящерица, полез прямо по отвесной скале. Причем поднимался он куда быстрее, чем Несмех. Юноша не успел перевалить свое тело через край террасы, а Хозяин Реки уже стоял на ней, ожидая. Когда Несмех выпрямился, руки и ноги его дрожали. А у туземца даже не участилось дыхание. Терраса, на которую они поднялись, была локтей на двадцать выше пещеры, где ночевал Несмех. Они прошли по ней шагов сорок, миновав два входа в пещеры, и снова стали подниматься. Но, к радости конгая, — по веревочной лестнице. На сей раз и туземец не пренебрег ею.

Лестница вела на вершину обрыва. Преодолев еще три террасы, они достигли длинного углубления, протянувшегося вдоль всего обрыва. Над углублением нависал карниз шириной в пару шагов. Следы инструмента на камне сообщили молодому зодчему, что углубление — дело человеческих рук.

Несмех ожидал увидеть наверху джунгли, но очутился между двумя каменными стенами высотой в полтора человеческих роста. Это был коридор, частью сложенный из плит, частью — вырубленный в мягкой породе. Хозяин Реки двинулся вперед, знаком приказав Несмеху следовать за собой. Солнце стояло невысоко, и тень от восточной стены укрывала их от палящих лучей. Коридор был не шире двух шагов. Кое-где стены расступались, образуя проходы. Однажды Несмех увидел часового, неподвижным изваянием застывшего наверху. На спине часового висели меч в ножнах и очень короткий лук, а смотрел он туда, где, по предположению Несмеха, был Гибельный Лес.

Так шли они минут пять, время от времени сворачивая, пока Несмех не услышал журчание воды. Следующий короткий коридор вывел их к огражденной площадке шагов десять шириной и сорок — длиной. Из-под дальней стены струился поток чистой прозрачной воды. Заполняя проточный бассейн посередине площадки, вода уходила через круглый сток.

Сопровождающий велел пленнику ждать и удалился.

Несмех подошел поближе к бассейну. На дне его с непонятной целью были уложены ряды камней. Верхушки их были или чуть выше, или чуть ниже уровня воды, а промежутки составляли от двух до шести локтей. Несмех опустил руку в поток. Вода оказалась прохладной, но не холодной. Юноша подумал немного, а потом влез в воду и, упершись ногами в одну из глыб, позволил потоку смыть с себя грязь.

– Оу, человек! – раздался рядом женский голос.

Несмех поспешно выбрался из воды. Пред ним стояла девушка с ребенком на руках. Ребенок, совершенно голый мальчуган, лет двух от роду, висел на ней, зацепившись рукой и ножками, и, грызя кулачок, внимательно изучал Несмеха.

– Иди, поплавай! – сказала девушка, не без усилия оторвала ребенка от себя и, к ужасу конгая, швырнула в воду.

Пролетев пять шагов, малыш плюхнулся в поток, который подхватил его и понес прямо к отверстию стока, в полтора раза более широкому, чем тельце ребенка. Несмех метнулся к воде, сообразил, что не успеет, и замер. Тут ребенок вынырнул на поверхность и заработал руками и ногами с ловкостью и быстротой лягушки.

Как зачарованный, наблюдал Несмех за малышом, преодолевшим силу течения и вскарабкавшимся на один из камней.

– Плавать! Плавать! – повелительно закричала девушка, и малышу пришлось слезть в воду.

Обернувшись к Несмеху, она окинула его оценивающим взглядом.

– Меня зовут Эйрис! – сказала она. – Зови меня так. А я буду звать тебя – Большой!

– Мое имя – Тилод! – заметил Несмех.

– Большой! – Девушка поджала губы. Она была гибкая и мускулистая, с худыми сильными руками и длинными ногами, такими же худыми и сильными. Узкие бедра и маленькая грудь обернуты светло-желтой материей. Ее тело походило на тело юноши-бегуна, но голова, гордо сидящая на длинной шее, явно принадлежала женщине, и женщине красивой. Лицо ее мало походило на лица конгаек. Огромные синие глаза, обрамленные густыми ресницами, не нуждались в краске. И никаких следов грима на коже. Волосы цвета дневного солнца, заплетенные в толстую косу, спускались до набедренной повязки. Брови светлыми арками выделялись на смуглом лице.

– Отец велел мне заняться тобой, Большой! – проговорила она, и Несмех уловил в ее голосе недовольство.

Отец? О! Она определенно похожа на седовласого!

Девушка быстро подняла руку и сжала бицепс конгая. Пальцы твердые, как черное хуридское дерево. Несмеху стало больно, он стерпел и не стал вырываться.

– Оу! – презрительно пробормотала она. – Плоть съела твою силу! – Ее конгаэн был не похож на конгаэн отца. И вообще не походил ни на один из известных Несмеху диалектов. Но голос очаровал фарангца настолько, что он не почувствовал обиды от сказанного. Светловолосая нравилась Несмеху. Так нравилась, что он мог лишь стоять и глупо ухмыляться.

Девушка отпустила руку конгая и... вдруг ткнула ему в глаза растопыренными пальцами.

Несмех инстинктивно отшатнулся.

– Две! – сказала девушка.

– Что – две? – все еще ухмыляясь, спросил Несмех.

– Ровно две минуты ты проживешь там! – кивок в сторону джунглей.

– Так долго? – пошутил фарангец.

– Ты – большой! – ответила Эйрис совершенно серьезно. – Вечному Лону понадобится время, чтобы понять: ты просто еда! Ребенок Берегового Народа сильнее тебя!

– Я в этом убедился вчера, наблюдая ваших маленьких убийц!

Лицо девушки исказила гримаса.

– Ты не понимаешь, что говоришь! Убивать людей – отвратительно!

– Зачем же вы учите этому своих детей? – удивился Несмех.

– Мы не учим!

– Но вчера...

– Те, кто приплыл с тобой на корабле, сами были убийцами!

– Не все. И какое это имеет значение?

– Человек-убийца подобен хорахшу⁴. Лучше, когда он мертв!
– Но зачем делать из этого зрелище?
– Спроси моего отца! Кто хочет испытать себя – испытывает! Тебе не понять наши обычаи, человек!
– Да уж! – согласился Несмех, покосившись на ребенка, все это время отчаянно боровшегося с течением.
– Повернись ко мне спиной! – велела девушка.
– Да, Эйрис! – Несмех впервые назвал ее по имени и получил от этого удовольствие. Пальцы девушки прошли по его позвоночнику. На сей раз достаточно легко.
– Дай мне руку! – Она помяла широкую ладонь юноши, пощупала пульс. – Сила у тебя есть! – констатировала она. – Что ты делал там, на Севере?
– Строил дома!
– Дома? Оу! Жилища! Полезная работа! Идем!

Эйрис свистнула. Малыш подплыл к краю бассейна и попытался взобраться наверх. Но борт был для него слишком высок. Эйрис наклонилась, подхватила его, и ребенок, вскарабкавшись на нее, как на дерево, цепко обвил девушку руками и ногами. Та похлопала малыша по спине и вышла в один из коридоров. Несмех отправился следом. Коса девушки слегка раскачивалась при ходьбе, а походка была плавной и очень быстрой. Несмеху пришлось поторопиться, чтобы не отстать, хотя он шел налегке и был выше ростом.

Спустя несколько минут Эйрис вывела его из каменного лабиринта на вершину горы. Перед ним лежала широкая полоса очищенной от растительности земли, за которой поднималась высокая пестрая стена джунглей.

На освобожденной от деревьев полосе кипела работа. Не меньше трех дюжин молодых туземцев занимались достройкой лабиринта. Большинство из них откалывало от скального выступа каменные блоки, человек пять носили добытые камни к строящимся стенам, остальные подгоняли плиты по месту, укладывая их так, чтобы не оставалось щелей. Никакой скрепляющий раствор не использовался. Опытный глаз Несмеха сразу отметил умелую расстановку людей и сноровку, с которой они работали. Особенно ему понравились те, кто откалывал каменные блоки. На фарангских каменоломнях никто не трудился и вполтину так споро, как последний из туземных каменщиков; правда, здешняя порода была помягче и легче поддавалась напору инструментов.

Несколько минут Эйрис не мешала Несмеху наблюдать, но потом, показав на одного из носивших блоки, сказала конгаю:

– Вот твоё место! Рядом с ним, а потом – вместо него!

Несмех хотел сказать, что он способен на большее, чем переноска камней, но вовремя вспомнил, что он – пленник. Вспомнил и смолчал. Поглядев в сторону Леса, он заметил цепочку вооруженных туземцев. Они сидели на корточках шагах в сорока от работающих, и тела их почти сливались с неровностями рельефа.

– Ты готов? – спросила Эйрис.

Несмех кивнул и пошел к рубившим камень.

Шероховатая глыба не показалась ему тяжелой. Бегом, как и остальные, Несмех отнес ее к стене и так же бегом вернулся за новой ношей.

Полчаса он трудился без передышки. Туземец, к которому его направила Эйрис, счел конгая достойной заменой и, взяв инструмент, присоединился к каменотесам. Но прошло еще полчаса – и энтузиазм Несмеха пошел на убыль. Выбранный ритм оказался слишком быстрым. Достигшее зенита солнце палило нещадно. А ведь шел второй, самый холодный, месяц зимнего сезона.

Ноги Несмеха стали ватными. Он начал спотыкаться. Он уже не бегал, а плелся,

⁴ Хорахш – хищный динозавр, обитающий на юге Черного материка. Самый крупный из наземных хищников Мира и один из самых опасных охотников в Гибельном лесу.

шатаясь, прижимая к груди горячие камни.

Эйрис, не спуская с него глаз, окликнула юношу, но Несмех не услышал. Уши его наполнял ровный тупой гул, на который накладывались толчки от ударов крови в затылке.

Эйрис быстро подошла к нему, отобрала очередную глыбу и почти силой отвела в тень. Здесь в глазах Несмеха немного прояснились.

– Отдых? – спросил он с облегчением.

– Для тебя! – заявила девушка без тени сочувствия. Ребенок перебравшийся ей на плечи, взирал на Несмеха, прищурив один глаз.

И тут Несмех увидел совсем рядом большой кувшин и привязанную к его ручке глиняную чашку. Он судорожно сглотнул густую слюну, сделал шаг и быстро зачерпнул чашкой воду. Юноша поднес тяжелую чашку к губам, он уже ощущал, как вода омывает его пересохшее горло...

Эйрис быстрым движением выхватила у него чашку и выплеснула ее содержимое на голову Несмеха. Тот ошеломленно уставился на девушку. Вода приятно холодящими ручейками текла по его лицу.

– Один глоток! – сказала Эйрис твердо. – Вот все, что твое!

И, зачерпнув ладонью воду, она поднесла ее к губам юноши. Ровно один глоток. Но Несмех не поменял бы его на целый кувшин ледяной влаги.

Потом, развязав кусок ткани, прикрывающий ее грудь, девушка смочила его водой и, заставив Несмеха наклониться, обмотала его голову мокрой повязкой. Скептически оглядев конгая, она потрогала жилку, пульсирующую на его шее, а потом звонко хлопнула Несмеха по широкой, мокрой от пота спине:

– Иди, трудись!

* * *

Спустя шесть дней Несмех и молодой туземец Чок лежали на камнях в тени недостроенной стены. Чок, коричневоглазый, гибкий, как кот, юноша шестнадцати лет от роду, работал каменотесом в паре с Несмехом. Он неплохо говорил на конгаэне и ничего не имел против того, чтобы перекинуться с Несмехом парой фраз.

– Знаешь, Чок, – проговорил Несмех. – Первые три дня я думал, что не выдержу: упаду и умру! А сегодня я впервые работал и видел, что происходит вокруг.

– Могу тебя понять! – отозвался Чок, катая между ладонями мраморный шарик. – Эйрис – лучшая из тех, кто учит недавнорожденных власти над Четырьмя. Но жалости в ней нет. Все же под ее оком с грани ты не сойдешь. Хотя недавнорожденным легче, чем тебе.

– Недавнорожденным?

– Детям. Младенцам.

– Но я – не ребенок!

– Ты хуже ребенка! Не обижайся! Из твердого дерева трудно резать стрелу. Сначала ей надо придать форму, а уж потом сделать твердой. Но ты справишься, иначе Натро не оставил бы тебя с нами, с Народом. Должно быть, воля Повелителя Судеб – над тобой! Мы не оставляем чужих!

– Что же вы делаете с ними? – скрывая волнение спросил Несмех. – Что стало с моряками, плившими со мной? Их убили?

– Их отдали Лону! – Гладкая кожа на лбу Чока собралась в вертикальную складку над переносицей. – Да, так! Иначе они привели бы сюда много кораблей. И много жизней пришлось бы отнять. Да. Лоно принимает всех!

– Но они рассказали бы о вашей силе! – пылко воскликнул Несмех. – Никто не рискнул бы напасть на вас!

– Ты прожил так много, а говоришь как дитя! – возразил молодой Хозяин Реки. – Сила хороша внутри. Сделай ее видимой – и она притянет другую силу: как пададь притягивает

ургов⁵! Нет корабля – нет вестей – нет действия! Лоно принимает все!

– А тот, что победил в бою? – спросил Несмех. – Ему обещали свободу! Он тоже мертв?

Чок нахмурился, но потом лицо его снова стало невозмутимым.

– Прощаю тебя! – сказал он. – Ты думаешь как дитя и не хотел оскорбить. Он получил свою свободу. После того, как племя получило его плоть.

– Не понял тебя! Плоть?

– Слепой, победивший зрячего, – необыкновенен! Так сказал Благородный Учитель. Плоть его должна стать частью нашего народа. Говорят, прежде такое случалось часто. Теперь – нет.

– Все же я не понял тебя! – признался Несмех. – Как это – взять плоть? Съесть, что ли?

Чок засмеялся.

– Ты и впрямь – как дитя! – проговорил он. – Съесть! Одна из женщин Народа была с ним – вот и все. Одна из наших женщин. Теперь твой приятель – тоже часть Народа. Хотя сейчас он уже вернулся к берегу Соленых Вод. Вернулся, но будет молчать. Все ли я сказал?

Несмех кивнул. Некоторое время они отдыхали молча. Потом конгай спросил:

– Чок! Четверо, о которых ты говоришь, кто это?

– Оу! Ты задал важный вопрос. Четверо породили Вечное Лоно. Слушай меня: вот они – Твердь, Струя, Ветер и Пламя! Овладей Четырьмя – и Вечное Лоно не сможет тебя взять. Так говорил Благородный Учитель. Но – хватит! Ты – дитя умом. А дитя получает лучшего из учителей. Первый шаг – важнейший. Тебе повезло, что Эйрис согласилась учить тебя. Над тобой ее око, и я больше ничего не скажу. Я – трава у ее ног!

– Ты так чтишь эту девушку?

Чок шевельнул губами, собираясь что-то сказать, но передумал и просто кивнул. А потом вдруг оказался на ногах.

Тень его упала на спину Несмеха, когда он одним прыжком взлетел на стену. Несмех повернул голову, но Чока наверху уже не было.

Солнце садилось.

Этот короткий разговор изменил отношение фарангского юноши к тому, что происходило с ним. До этих пор Несмех полагал, что Береговому Народу он нужен лишь как еще одна пара рабочих рук.

На следующий день он совершенно по-новому взглянул на Эйрис.

– Если ты приходишь, чтобы проводить меня, – сказал он, «набрасывая первое кольцо», как говорили в Фаранге, – то не трать времени. Я выучил дорогу!

Несмех рассчитывал, что девушка что-то ответит, но та просто уступила место впереди. Молча.

Несмех шел уверенно. Уже на второй день он составил схему поворотов. Он был строителем, а потому мог представить здание по грубому рисунку или даже по колонкам чисел.

Сейчас же он попросту «видел» их путь.

Когда они пришли, Эйрис произнесла свое обычное:

– Иди, трудись! – но по ее тону Несмех понял, что память его оценена и одобрена.

В этот день произошло еще одно событие. Несмех увидел, как действует их «охрана». И понял, кстати, почему не замечал этого раньше. Его взгляд упал на часового мгновением раньше, чем тот заметил опасность. За миг до этого туземец сидел на корточках, и короткий лук висел за его спиной. А теперь он уже стоял и провожал взглядом пущенную в гущу листвы стрелу. Несмех не видел, в кого или во что попала стрела и попала ли. Но туземец – видел. И, удовлетворенный, снова опустился на корточки и застыл.

Все это заняло не больше времени, чем потребовалось сердцу Несмеха, чтобы ударить

⁵ Ург – летающий ящер.

трижды.

Вечером того же дня Несмех спросил Эйрис о власти над Четырьмя.

– Кто сказал тебе об этом? – В голосе девушки зазвенела тетива.

– Чок! – признался Несмех, почти испуганный ее тоном.

– Что еще сказал Чок?

– Пламя, земля, вода и ветер! – ответил Несмех. – Вот Четверо, породившие Вечное Лоно! Признаюсь, я мало что понял из этого. А больше он ничего не сказал. Добавил только, что чтит тебя и считает, что ты одна должна отвечать на мои вопросы. Прости его, Эйрис, если он сказал лишнее! Он еще юн!

– Юные умирают чаще, – пробормотала Эйрис.

Несмех видел, что она задумалась. И ждал.

– Воля Направляющего Судьбы! – наконец сказала она. – Этой ночью я приду к тебе!

Несмех окинул ее взглядом – от светлой макушки до маленьких босых ног – и понял, что девушка желанна ему. Больше, чем желанна.

Невольно Несмех коснулся лоскута ткани, обертывающего его голову, а потом посмотрел на того же цвета лоскут, прикрывающий маленькие груди.

Голубые глаза Эйрис потемнели и сузились: она угадала его мысли. Но миг спустя на ее губах появилась усмешка. Она взмахнула рукой, так быстро, что Несмех не успел заметить движения, и резко ударила его ладонью. Не больно, но в глазах у юноши потемнело, а когда способность видеть вернулась, Эйрис исчезла.

Как бы там ни было, но если Эйрис сказала, что придет, – значит, придет. Несмех не сомневался в этом и решил, что не сомкнет глаз, ожидая ее прихода. Однако ж едва он вытянулся на своем узком жестком ложе, усталость взяла свое. Веки его отяжелели. Он сам не заметил, как закрыл глаза и провалился в сон.

– Большой! Оу! Большой!

Несмех с трудом выбирался из сновидений. Волны моря Зур еще раскачивали его лодку. Обеими руками он цеплялся за скользкие борта. Соленая вода текла по его груди и спине...

Он действительно был мокрым. От пота. Во рту пересохло, и сердце яростно колотилось в груди...

– Большой! Оу! – пропел голос, возникающий из темноты.

Несмех хотел поднять руку, но рука не повиновалась. Не только рука – юноша не мог повернуть голову, не мог даже – закрыть глаза, хотя не видел ровно ничего.

Крохотный желтый шарик вспыхнул на расстоянии локтя от его лица. Маленький, не больше виноградины шарик в воздухе, и света его хватало лишь на то, чтобы Несмех видел верхнюю часть лица Эйрис: лоб, глаза, прямую, почти от бровей, линию носа.

– Не шевелись, Большой! Не шевелись! Только – слушай!

И замолчала.

Сначала Несмех не понял, о чем говорит девушка. Но минуту спустя сообразил, что слышит великое множество звуков, остававшихся до сей поры незаметными. Самым громким было собственное дыхание, затем – удары сердца и движение крови внутри тела. Затем – звуки тела: похрипывание, бульканье, свист, скрипы, шорохи... Слышал он и дыхание Эйрис, удары ее сердца, совсем тихие. Слышал звуки джунглей, Вечного Лона, мириады звуков, совершенно отчетливых, объемных, словно все они рождались здесь, в пещере. Но при этом он мог почти точно определить расстояние до каждого из них. Еще был плеск и шорох речной воды, сотней локтей ниже пола его пещеры. И потрескивание остывающих камней. И шепот лапок бегущей по стене ящерицы. Он слышал бормотание подземного ключа неподалеку и царапанье песчинок, влекомых водой, стачивающей мягкий минерал. Целую вечность слушал Несмех. Юноша понимал окружающее так ясно, как будто глядел на мир сверху в солнечный полдень. И он сразу заметил, как из тысячи звуков выделился Голос. Умом юноша мог предположить, что Голос принадлежит Эйрис, но

большей своей частью Голос принадлежал самому миру звуков, единому, как воздух. Голос рождался в этом мире, и слова, в которые он облакался, не были словами Эйрис.

– Четыре основы у Познаваемого, Большой, – приходило из темноты. – Твердь. Струя. Ветер. Пламя. Все исходит от них. Все приходит к ним. Четырежды сочетаются они, образуя Вечное Лоно: Твердь – с Пламенем, Пламя – с Ветром, Ветер – с Потоком, а Поток – с Твердью. Так завершается Круг.

Рожденный подобен одному из Четырех. Один из Четырех преобладает в нем. Ты, рожденный, ты – Твердь. Твердь от Тверди. Я, бодрствующая во тьме, – Пламя. Одно лишь Вечное Лоно включает все. Но властвующий над Четырьмя – сильнее Вечного Лона! Властвующий – от закона Девяти, созданного Направляющим Судьбы для прозревших малое. Властвующим был Благородный Учитель! Немногие – рядом с ним. Из живущих – Натро, Слушающий, Кион-Сторож.

Ты, Большой, – Твердь. И разум твой – камень. Твой рок – познать суть свою, чтобы утвердиться. Тогда я, пламя, дам тебе силу, чтобы распасться и воспарить. Я порожаю в тебе вожеление и обрекаю на боль. Я сотрясаю тебя изнутри и выжигаю нечистое, чтоб стал ты, черный камень, тем, что сияет изнутри и режет бивень хармшарка⁶. Я поведу тебя путем твоей сути потому, что ты – мой! Страшись!

Огонек погас. Несмех услышал шаги, подобные грому, а потом тьма рассеялась, и наступило утро.

Харрок

«Он был подобен мягкому береговому камню, иноземец. Огонь Солнца изгнал лишнее из его тела и ума, и он пил Знание, как сухая земля пьет воду дождя. Там, где крошка ребенок из Народа послушно следовал каждому прикосновению, он стоял, как стена из гладких камней, или катился, как сорвавшийся с кручи валун – без пути и без удержу. Он был труднейшим из тех, кого я обращала на Путь. И он радовал мое сердце: истинный вызов – благословение богов! Так говорил Благородный Учитель, чья неизменная чистая кровь течет в моих жилах. Так учил меня тот, кто дал мне тайное имя – Харрок, Возжигающая Камень. Он был мой, этот чужеземец, и я полюбила его так, чтобы умереть за него. Или убить его, если совершит недостойное.

Он, камень, сразу принял жизнь камня и его движение. Резец его отсекал лишнее, бурав пронзал слабое, хотя зеленые глаза блуждали, как опьяневшие от весны головки цветов пурпурицы.

Я поймала ниточку его сути, но ум его был как расстроенная ситра: говорил, когда следовало слушать, и молчал, когда следовало говорить. Его прошлое не давало ему правильно поставить ногу. Мне хотелось убить его память! Он был таким тяжелым! И таким наивным, что даже сила Страх не могла разбудить его. Его можно было убить – он бы не испугался! Я ставила его на край пропасти, как ставила моих мальчишек: чтоб смотрели и преодолевали себя. Ему нечего было преодолевать: он не боялся. Толкни я – он, не сопротивляясь, полетел бы вниз и разбился. Он был слаб так же, как и упрям. Я, Харрок, знаю: заглянуть вниз важнее, чем не упасть. Но не для него! Он был истинной Твердью, иноземец! И он был, уже был соединением тех руд, тех металлов, из которых куется меч. Я лишь убрала лишнее, отточила его и закалила своей кровью. Потому что не было иного пути, чтобы из куска Пищи для Вечного Лона сделать Черного охотника, Прозревающего Малое. За неполные два года...»

Несмех плечом коснулся горячего, нагретого солнцем плеча Эйрис. Пожалуй, ее мускулы все еще были тверже его собственных. Он не смог бы держать на ладони обломок

⁶ Кость рога северной акулы хармшарка поддается только алмазу.

скалы в четверть собственного веса так, как это делала сейчас Эйрис. И рука ее не дрожала.

– Ты видишь слабую линию камня? – спросила она.

Вместо ответа Несмех провел пальцем по неровной поверхности обломка.

– Ты мог бы расколоть его?

– Конечно! погоди, я возьму молоток!

– Стой! Зачем тебе молоток? Сделай это рукой, Большой!

– Я ушибу ее! – возразил Несмех.

Камень взлетел в воздух. Взмах ладони Эйрис – и две половинки упали на землю.

– Совсем просто! – сказала девушка.

Несмех взял ее руку и провел пальцем по жесткому ребру ладони.

– Когда у меня будет такая рука – я тоже обойдусь без молотка!

– У тебя никогда не будет такой руки! – отрезала девушка. – Даже если ты три сезона будешь рубить ладонями дерево и сырой песок. У тебя нет времени, которое есть у наших детей. Ты его упустил. Ты уже никогда не сможешь пробить пальцами ствол Черной Эвенны. Но тот камень ты мог бы разбить! Мог бы! Ты же чувствуешь, куда нанести удар? Попробуй! Не бойся разбить руку – я залечу ее! Попробуй! – Она смотрела на него блестящими, синими, как низинная трава, глазами, и в груди у Несмеха стало горячо.

– Хорошо! – сказал он.

«Ради тебя я могу разбить не только руку!» – добавил он мысленно.

Эйрис подняла с земли плоскую плиту шириной в две ладони. Держа камень с двух сторон, она подняла его на уровень груди Несмеха:

– Бей со всей быстротой! Найди слабое место – и бей! – велела она.

Несмех провел рукой по поверхности камня и легко отыскал скрытую внутри трещину. Отступив на шаг, он поднял сжатый кулак и резко ударил по плите.

Его рука даже не ощутила сопротивления, но камень раскололся именно там, куда был нанесен удар.

– А ты права! – с удивлением произнес Несмех.

Да, его удар был именно таким, как требовалось. Не веря, что разобьет камень, он готов разбить руку!

«Суть его – тверже камня!» – подумала Эйрис.

Но и она не заметила важнейшей из перемен, происшедшей в сознании Несмеха, когда его кулак расколол хрупкий обломок. Мгновением раньше он был уверен, что не сможет сделать то, что приказывала девушка. Но он сделал это, и сделал с легкостью. И потому наконец уверился в ней. Уверился полностью, настолько же, насколько прежде сомневался в каждом ее слове. Из слушателя Несмех превратился в Ученика. А поскольку он был взрослым, а не ребенком, суть этого превращения была наивысшей глубины.

Прошло еще несколько дней. Теперь Эйрис не отходила от него ни на шаг и бдительно, почти ревниво следила за тем, чтобы он не общался ни с кем из Берегового Народа, кроме нее самой. В конце концов и Несмех перестал искать себе новых друзей. Тем более, что общество Эйрис было единственным, которого он по-настоящему желал.

«Он постиг суть тверди!» – думала Эйрис, наблюдая, как карабкается вверх по скале ее ученик. «Пусть пятилетняя девочка делает это лучше, чем он, но ведь никто прежде не овладевал искусством столь быстро!»

Несмех преодолел уже сотню локтей. Глаза его были завязаны: так тело лучше понимало скалу: голый, без единой травинки, камень берегового обрыва. Мокрой от пота спиной юноша ощущал взгляд Эйрис. И этот взгляд придавал ему дополнительную опору. Взгляд Эйрис – и сама скала. У Несмеха не было крепости пальцев Хозяина Реки, но зато имелось особое чутье. Руки и ноги не искали опору – опора сама находила их. Тело его дрожало от напряжения, но локоть за локтем он карабкался вверх, осознавая и разверзшуюся под ним пустоту – вплоть до омываемой водой подошвы горы, – и тяжелый нависающий

карниз на самом верху. Карниз ему не преодолеть. Но этого и не требуется – довольно достичь верхней террасы.

Несмех поднимался на пределе собственных сил, и любая ошибка привела бы к падению. Народ Эйрис никогда не прибегал к страховочным тросам: кто упал – тот упал. Однако Несмех не мог сделать неверного движения. Он не думал об этом, как не думает скачущий пард о том, куда поставить лапу. И силы ему должно было хватить. Иначе тело отыскало бы иной путь наверх.

«Путь есть всегда! – впечаталась в его память фраза Эйрис. Только землетрясение могло бы сейчас сбросить юношу со скалы. Несмех стал частью этого изрезанного природой и людьми склона. Впрочем, и о землетрясении он узнал бы заранее, как знает о нем сама земля.

Конгая отделял от цели какой-нибудь десяток локтей, когда Эйрис, оттолкнувшись от нижней террасы, вспрыгнула на стену. Пальцы ее рук и ног еще в воздухе потянулись к нужным выступам. Она поднималась по отвесному обрыву быстрее, чем карабкается по веревочной лестнице матрос. И ей ничего не стоило догнать Несмеха, чтобы одновременно с ним оказаться наверху. Она сдернула с тяжело дышащего юноши черную повязку. Несмех поморгал, привыкая к яркому свету дня.

– Ты постиг! – Глаза девушки сияли. – Ты обрел первую основу! Хочу, чтобы у тебя был праздник! Чего ты желаешь?

«Тебя!» – мысленно вскричал Несмех. Но вслух сказал, пожав широкими плечами и улыбнувшись:

– Выбери за меня!

Эйрис задумалась, а потом хлопнула его по руке:

– Я возьму тебя в Вечное Лоно!

– Отличная идея! – согласился Несмех. – А я проживу обещанные две минуты?

Он не забыл ее слов, сказанных в первый день.

Эйрис засмеялась:

– Проживешь! Я пойду с тобой. И не только я. Следящие видели неподалеку большого краурха. Его надо взять, а для этого потребуется много охотников. Великолепное зрелище! Я скажу отцу, что завтра ты пойдешь с ними. Оу! Ты увидишь Вечное Лоно, Большой! Оно чудесно!

– Не сомневаюсь! – отозвался Несмех. – Краурх, это кто? Как он выглядит?

– Прекрасно! Сплошь покрыт броней! Стрелы от него отскакивают! Такие огромные клешни! – В голосе девушки звучала совершенно детская радость. – Похож на скального краба, – добавила она спокойнее. – Только намного больше!

Несмех любовался своей наставницей, вдруг превратившейся в маленькую девочку. Он смотрел на нее сверху (макушка Эйрис – на уровне его подбородка) и думал о том, кем бы стала она, если б родилась в Фаранге. Каким было бы ее тело, походка, голос? И осталась бы она столь желанной Тилоду, если б не принадлежала племени Хозяев Реки?

– Эйрис, я видел гигантского краба в зверинце. Он действительно велик, больше взрослого парда!

– Что? – удивленно спросила девушка. И расхохоталась. – Парда? Должно быть, ты видел совсем молоденького краурха! Велик! Вы очень странные, родившиеся в городах!

– Я родился в деревне. Но это не важно. Скажи, ты хотела бы побывать в большом городе?

– Я была в Сарбуре! – Девушка взглянула на него с недоумением. – Это большой город? Почему ты спрашиваешь?

– Большой. Он тебе понравился?

– Нет! Конечно, нет! Вялый, грязный и очень скучный!

«Так тебе, великолепный Сарбур!» – злорадно подумал фарангец Несмех.

– Отец мой, Натро, возил меня в Сарбур, когда мне сравнялось восемь лет. Он сказал: потомки Благородного Учителя когда-нибудь вернутся туда, откуда пришли, и я должна

увидеть, как живут другие. Надеюсь, пророчество не коснется моих детей – не хочу видеть их несчастными! Мы рождаемся, чтобы жить, а не спать! Пойдем, Большой! Я хочу, чтобы ты спустился по восточному краю. Там меньше террас, и камень в это время не так сильно раскален, как здесь!

Следующий день начался для Несмеха, как обычно, приходом Эйрис.

– Вот! – девушка, положила узел с одеждой.

– Для чего это? – удивился конгай. – Здесь и так слишком жарко!

– Оу! Да! Слушающий ходит в Вечное Лоно босиком! – засмеялась Эйрис. – И кое-кто из молодых тоже. Достойное испытание! Но не для тебя. Без серьезной причины даже маг не войдет в Лоно в одной набедренной повязке. Делай как я! – и развязала второй, точно такой же узел.

«Нижняя» часть одежды состояла из шелковой рубашки и таких же панталон, поверх которых натягивались чулки. Нежный, прохладный на ощупь тончайший паутинный шелк. И рубаха, и панталоны сшиты очень свободно.

На нижнюю одежду надевалась верхняя: куртка из толстой паутинной ткани и шаровары. Многослойное плетение, похожее на то, какое используют для подкольчужных курток. Всё черное... Несмех натянул сапоги из акульей кожи с мягкой подкладкой. Затянул двойные ремни, перехватывающие запястья и голенища сапог. Надел перчатки. Эйрис помогла ему правильно застегнуть капюшон. Показала, как пристегивать клапан, закрывающий нижнюю часть лица. Глаза можно было защитить рамкой с натянутой на нее прозрачной летательной перепонкой большой медовницы⁷. Рамка опускалась наподобие забрала. К удивлению Несмеха, даже при полностью закрытом лице дышалось легко. И голова поворачивалась свободно. Не хуже капюшона скроен и весь костюм. Паутинная ткань пропускала воздух, а когда Несмех двигался, его словно овеивал ветерок.

Они поднялись на верхнюю террасу. Верная себе, Эйрис не разрешила юноше воспользоваться лестницей. Зато он убедился, что в сапогах лазать еще удобнее – помогала шершавая кожа на подметках.

Как оказалось, они пришли на оружейный склад. Эйрис дала Несмеху меч, непривычный, с утяжеленным, сильно расширяющимся к концу лезвием. Ножны крепились наискось за спиной, и выхватывался меч непривычным для конгая способом – из-под руки. Несмех проделал это разок – и едва не распорол себе подмышку.

– Оставь! – сказала Эйрис. – Сегодня он тебе не понадобится, а потом я тебя научу.

Кроме меча Несмех получил короткий лук, также крепившийся за спиной, и колчан толстых стрел.

Эйрис, кроме лука и меча, взяла трос из паутины с прикрепленным к нему «трезубцем», состоявшим из клинка в пядь длиной и расходящихся от его основания двух отточенных стальных «когтей», а у основания имеющим два расходящихся отточенных стальных когтя. К другому концу троса был привязан шар размером с кулачок ребенка. Следующим предметом арсенала Эйрис стала духовая трубка и запас стрелок, хранившихся в перевязи меча. По тому, как осторожно она укладывала их в футлярики на ремне, Несмех понял, что стрелки отравлены. Пока она наполняла небольшую сумку на поясе, Несмех решил поближе рассмотреть оружие Берегового Народа и обнаружил множество предметов, о назначении которых он не мог даже догадываться. То есть он догадывался, что все это – оружие, но представить себе не мог, как им пользоваться.

– Нравится? – спросила Эйрис.

Она закончила экипировку и тихо подошла сзади.

– А? – отозвался Несмех. – Не очень-то я в этом разбираюсь! Вот это, например, что

⁷ Медовница – летающая ящерица, питается пыльцой, растительным соком и плодами. Размеры – от трех до тридцати сантиметров.

такое? – Он взял изделие из полудюжины соединенных вместе тростниковых трубок с четырьмя свисающими ремешками. Больше всего эта плоская конструкция напоминала музыкальный инструмент.

Вместо ответа Эйрис быстро пристегнула штуковину к голове так, что отверстия трубок оказались у ее рта.

– Смотри! – Она показала Несмеху на маленький овальный щит, висевший на стене. Резкий выдох – и поверхность щита ощетижилась дугой трепещущих стрелок.

– Пойдем! – сказала Эйрис, отстегивая оружие. – Нас ждут.

– Как это называется? – поинтересовался Несмех.

– Суфф! Идем же!

Десять туземцев в точно таких же защитных костюмах ждали у разделительной полосы на вершине горы. Нижние клапаны капюшонов у всех пристегнуты. Несмех видел лишь десять пар коричневых глаз. Хозяева Реки показались ему совершенно неотличимыми друг от друга.

Как только Эйрис и ее ученик подошли к группе, охотники окружили их и все двинулись к джунглям.

Пересекая разделительную полосу, Несмех убедился, что этот край Берегового Города охраняется не хуже, чем подступы к крепости во время войны. Защитная полоса шагов в тридцать шириной: нагромождения валунов, заостренных кольев, скрытые и открытые ямы, самострелы, хитрые ловушки. Не зная проходов, пройти почти невозможно. Понижающийся склон представлял собой отличный обзор для наблюдателей. Выбеленные солнцем кости и остатки панцирей лежали на каждом шагу. Некоторые – весьма приличных размеров.

У самого края Леса охотникам пришлось перепрыгнуть через полосу черного вещества с острым запахом. И сразу же у них под ногами засновали тысячи сухопутных крабов всех форм и расцветок. Они совершенно не боялись людей, но довольно ловко увертывались от мягко ступающих ног. За черной полосой дерн содран до скального основания горы. Еще дальше – полоса выжженной земли. Здесь отряд ненадолго остановился. Некоторые прикрыли глаза прозрачной, радужно переливающейся пленкой. Несмех сделал то же. Потом отряд построился прежним порядком – Несмех и Эйрис в центре – и вошел в джунгли.

Эйрис была права: Вечное Лоно оказалось потрясающе красивым! Здесь, на склоне горы, еще не росли исполинские деревья, чьи ветви укрывают землю многоярусной крышей: слишком тонок слой почвы. Но и более скромная растительность уходила вверх на внушительную высоту, вознося к небу оплетенные лианами стволы. Под ними тянулась к свету молодая поросль с листьями разнообразнейших форм и расцветок. И все вокруг усеяно цветами. От ярких красок слепило глаза, а от аромата кружилась голова. Цвели даже ползучие лианы. Несмех чуть не вскрикнул, когда одна из таких лиан, пересекающая тропу, – стебель толщиной в мужскую руку – шевельнулась около его сапога. Конгай сразу же вспомнил страшные сказки о растениях-душителях. Но эта лиана оказалась мирной и душить его не стала.

Тропа заросла ржавого цвета травой. Поросль на ней – ниже и реже, чем вокруг, но все равно охотникам то и дело приходилось пускать в ход широкие мечи, отсекая ветви, прорубая переплетенную массу воздушных корней и обросших мхом лиан. Густые лишайниковые бороды свешивались с горизонтальных ветвей почти до самой земли. А над головами, под ногами, повсюду – висели, падали, перекачивались и гнили синие, черные, красные, фиолетовые, полосатые и пятнистые плоды. Некоторые, сорвавшись вниз, пусть даже с небольшой высоты, вполне могли убить человека. Несмех подозревал, что многие могут убивать и иначе – стоит лишь проглотить крохотный кусочек их мякоти. Между опавшими плодами, не уступая им ни в яркости, ни в разнообразии, поднимались грибы. Шары, наросты, «головы», «пальцы», бесформенные наплывы... Впрочем, грибы отличались разнообразием не только в Вечном Лоне. Зато такого набора колючек не было больше нигде. От крохотных, едва заметных, но намертво застревающих в коже до огромных отравленных

пик. Однако никакие иглы не могли защитить растения от ртов, клешней, щупалец кишевшей вокруг живности.

Прежде всего бросались в глаза крабы. Великое множество крабов: от алых малюток, уместившихся на ногте, до страшноватых созданий с черными шариками глаз на стебельках и клешнями, способными с маху отхватить палец. Столь же многочисленными и куда более шумными были лягушки и жабы. И крысы. В основном маленькие, куда меньше тех, которых Несмех видел на родине. Но один раз он заметил и гиганта в локоть высотой, грязно-зеленого, с большой круглой головой. Крыса сидела на задних лапах и глядела на людей малюсенькими злобным глазками.

Здесь были и змеи, и ящерицы, и конечно – слизи. Все это прыгало, ползало, бегало, карабкалось по стволам и ветвям, свешивалось с них, сыпалось на головы идущих, пожирало друг друга, совокуплялось, множилось... Вечное Лоно!

На людей живность обращала мало внимания. Зверье покрупней спешило убраться с дороги. Но пока Несмех не видел никого крупнее человека.

Тропу, по которой двигались охотники, никто не назвал бы прямой. Она спускалась и поднималась, петляла между завалами и непроходимыми зарослями. Пересекала нагромождения булыжников, превращалась в решето переплетенных корней, с которых смыло почву. Несколько раз охотники пересекали овраги с kloкотавшей внизу водой. Через такой овраг обычно был переброшен древесный ствол, скользкий от покрывавшего его синего мха. Охотники перебежали по нему с легкостью ящериц. Для Несмеха же натягивали веревку, и только она спасала его от падения с приличной высоты на острые камни, усеивающие дно оврага.

В топких местах им приходилось перепрыгивать с корня на корень, и ноги оказывались заляпанными грязью выше колен. Зато стоило пройти десяток шагов среди густой влажной травы, как одежда и сапоги вновь становились чистыми. Несмех по достоинству оценил свою экипировку. Прочный непромокаемый костюм, способный выдержать укус, укол шипа или хватку клешней. Фарангек не знал, как обстоят дела у Хозяев Реки, но сам он то и дело стряхивал с себя вцепившихся в ткань мелких тварей. Некоторые из них были размером с ладонь, большинство – наверняка ядовиты. Дважды его оплевали какие-то существа, причем второй плевок угодил прямо в лицо: несколько капель белой жидкости стекли с прозрачной пленки, защищающей глаза.

Шедший впереди вскинул руку, и ближайший к Несмеху охотник прижал его к опутанному лианами стволу. Конгай увидел, что весь отряд затаился и ждет. Вскоре и он услышал треск, а потом что-то огромное, бурое, глянцевое-блестящее проломилось сквозь заросли и ушло в сторону восхода. Кто это, Несмех, разумеется, не разглядел, но оставленная громадиной просека была пошире тропы.

Отряд двинулся дальше. А еще через полчаса справа от тропы, в трех шагах от конгая, из молодой фиолетовой поросли вдруг вынырнула плоская голова, сизая, с тремя красными рожками на длиннющей зеленой шее. Распахнув пасть с загнутыми, сочащимися ядом зубами, голова зашипела и откачнулась назад, готовясь ударить...

Несмех убедился – выхватывать меч из-за спины столь же удобно, как и из ножен на поясе. Ближайший к мерзкому созданию охотник отсек рогатую голову через миг после того, как она вынырнула из кустарника. Удар был так стремителен, что Несмеху показалось – длинная шея попросту разорвалась пополам.

Остальные охотники даже не повернули головы. Обычное дело.

Отряд остановился. Одна из безликих фигур приблизилась к Несмеху, и юноша, по глазам, узнал Эйрис.

– Мы – рядом, – прошептала она, притянув к себе голову Несмеха.

Юноша не понял, почему в бедламе Вечного Лона нужно говорить шепотом. Не понял он и слов Эйрис, но все же согласно кивнул.

Охотники перестроились цепью.

Кустарник впереди стал пореже, и юноша заметил между стволами подобие поляны, а

на ней – громадный валун мокро-лилового цвета. Там, где золотистая труба пробившегося через полог листвы света падала на его вершину, валун блестел, как полированное дерево.

Охотники подбирались именно к валуну. До него оставалось не больше двадцати шагов. Несмех тщетно пытался обнаружить, кого же они выслеживают. Неожиданно один из охотников пронзительно свистнул. И Несмех увидел – кого.

Огромный камень вздыбился, развернулся, поднялся с треском и хрустом на растопыренных, усеянных шипами лапах. Громаднейший краб, спина которого возвышалась над землей на десяток локтей, задрал вверх лиловые, с черной каймой, усеянные зубьями клешни, оглушительно защелкал ими, пока угольно-черные шары его глаз вертелись на стеблях, ища источник звука.

Опорные лапы взбросили землю. Краурх боком пошел вправо, а потом вдруг подпрыгнул, рванулся к кустарнику с желто-зелеными цветами. Выброшенная клешня мимоходом разрубила древесный ствол в поллоктя толщиной. Несмех увидел мелькнувшее в кустарнике гибкое тело охотника. Тотчас еще одно черное тело взлетело вверх с другой стороны. Вспыхнул в лучах солнца изогнутый клинок и ударил в сустав опорной лапы. Краб мгновенно развернулся, но охотник нырнул под брюхо, а третий охотник, выскочив сзади, вспрыгнул на согнутую ногу краурха и, оттолкнувшись, оказался на широченной плоской спине. Мелькнуло кривое лезвие на паутинном шнуре – и желтая жидкость ударила из перерубленного глазного стебля. Черный шар глаза размером с человеческую голову упал на траву.

Краб волчком завертелся на месте. Клешни грохотали, как сотни соударяющихся щитов. Опорные ноги слились в один бешеный круг. А на спине чудовища приплясывал, раскручивая оружие, крохотный человек.

Несмех ощутил, как дрожит от возбуждения Эйрис.

Краб вдруг замер. Настолько резко, что будь на месте охотника Несмех, он кубарем скатился бы со спины. Но Черный устоял. И вновь метнул оружие. Так краурх лишился второго глаза. Тотчас же остальные бросились прямо под беснующиеся опорные ноги. Могучие клешни щелкнули еще несколько раз – и краб успокоился, опустил, сложив ноги, на плоское панцирное брюхо.

– Что с ним? – спросил Несмех.

– Яд! – коротко ответила Эйрис. – Сейчас краурха подготовят.

Охотники уже возились у передней части головогруды. Несмех подошел поближе и увидел, что они буравами высверливают броню краурха и вгоняют внутрь тонкие стальные «усы».

– Что они делают? – удивился он.

– Увидишь!

Спустя несколько минут охотники закончили операцию и по очереди вскарабкались на плоскую спину. Трое уселись около торчащих «усов», один – над «ртом», двое – рядом с обрубками глазных стебельков.

– Полезай! – Эйрис подтолкнула Несмеха. Тот поднял руки, ухватился за край панциря, чтобы подтянуться, но его попросту схватили за руки и вздернули наверх. Эйрис одним прыжком оказалась рядом... И краурх встал!

Так стремительно, что Несмех едва не свалился вниз – его удержала чья-то рука.

Потоптавшись на месте, краб вдруг сорвался и побежал по тропе. Рысь его была быстрой и вместе с тем удивительно ровной: спина сотрясалась только тогда, когда передний боковой край панциря подминал стволы деревьев. Это был великолепный способ передвижения! Подрост остался внизу, вместе с таившимися в нем опасностями. Всадникам приходилось лишь уклоняться от свисающих лиан или низких ветвей.

Впереди показался овраг. Краб прибавил скорость и одним прыжком перемахнул через него. Перемахнул и помчался дальше, оставляя позади широкую просеку. Когда панцирь краба подминал очередное дерево, с ветвей его взмывался в воздух настоящий разноцветный смерч. Хищники покрупнее спешили убраться с дороги. В Вечном Лоне было

совсем не много чудовищ, способных бросить вызов взрослому краурху.

До края джунглей добрались в пять раз быстрее, чем пешком.

Достигнув выжженной полосы, краб остановился. Все охотники, кроме троих управляющих, спрыгнули вниз. Несмех немного поколебался, прежде чем сигануть с высоты десяти локтей. И напрасно. Когда он наконец решился – три пары рук подхватили юношу прежде, чем его ноги коснулись земли.

Медленно, осторожно, одну за другой переставляя шипастые суставчатые лапы, краурх двинулся через защитную полосу.

– Что с ним теперь сделают? Съедят? – спросил Несмех.

– Съедят? – Эйрис засмеялась. – Стоило бы тогда его ловить! Если за ним ухаживать, он проживет не меньше десяти лет. Нужно только подрезать ему глаза, когда он сменит панцирь. Краурх – дар Лона Благородному Учителю! На его спине мы в три дня можем достичь берега моря Зур.

– А как им управляют?

– Это сложное искусство. Я ему не училась. Тебе понравилось Вечное Лоно?

– О да! Я хочу побывать в нем еще раз! Как насчет завтра?

– Ты не готов! – отрезала Эйрис. – Даже мне не уберечь тебя в одиночку! Овладей Четырьмя – и Лоно станет твоим! Мы, Народ, живем, чтобы владеть Лоном! Только мы, да Рожденные-в-Тумане (тут Эйрис аккуратно плюнула себе под ноги), да еще маги – можем войти в него и не стать мясом. Этому научил нас Благородный! – И добавила с гордостью: – Я – из его потомков! Мое лицо – его лицо! Потому, что кровь Благородного Учителя сильнее любой крови.

– А кто он, Благородный Учитель?

– Узнаешь! – отрезала девушка. – Пошли! Твой отдых кончился!

«Отдых!» – саркастически подумал Несмех, последовав за наставницей.

Этой ночью он впервые задумался над тем, что нужно от него Береговому Народу. Теперь он узнал достаточно, чтобы понять: Хозяева Реки – далеко не дикари. А в том, насколько сильна их магия, он убедился сегодня, увидев, как был покорен гигант-краурх. Так для чего же им он, Тилод-Несмех, беспомощный, не обладающий ни знаниями, ни магической властью, ни каким-нибудь заметным талантом?

А ведь Хозяева Реки не только сохранили ему жизнь, но и поручили его лучшей из своих наставниц! Для чего?

С этой мыслью он и уснул. И снился ему Фаранг.

* * *

Нижняя терраса всего лишь на локоть-полтора возвышалась над поверхностью речного потока. Ряд пещер вдоль нее был необитаем. Во время дождей их заливала река.

Из случайно услышанного разговора Несмеху стало известно, что пещеры были и в подводной части обрыва.

За четыре с половиной месяца, прожитых Несмехом в Береговом Городе, он до смешного мало узнал о его обитателях. И в основном из таких вот обрывков чужих бесед. Вся его здешняя жизнь полностью определялась Эйрис, упорно ведущей Несмеха к неведомой цели. Каждый день и едва ли не каждую третью ночь они проводили вместе. День – работа: упражнения, испытания, снова упражнения. Ночь – беспокойные сны или впечатываемые в память слова наставницы. Такая жизнь могла бы показаться изнурительной, но Несмех был почти счастлив. И причина тому была – Эйрис.

Последний весенний месяц здесь, на юге Черной Земли, почти не отличался от зимы. Разве что поднялся на ладонь уровень Зеленой. Но такое случалось и после редких дождей. Зато через шесть месяцев вода поднимется, затопит и нижние пещеры, и верхушки трех белых камней, выступающих из воды у берегового склона. Эйрис как-то сказала – эти три

пики – одна поднимающаяся снизу скала с вершиной, рассеченной натрое.

Сейчас на этих белых, голых, раскаленных солнцем камнях расположилась компания тощих нагих ребятишек, упражнявшихся в стрельбе из лука. Мишенью им служили плавающие у самой поверхности рыбы. Для такой охоты требовался отменный глазомер и твердая рука. И терпение. Несмех с восхищением смотрел, как четырехлетний малыш раскачивается на самом краю скалы, следя острием коротенькой стрелы за серебристо-синей спиной рыбы, не уступающей по размеру самому охотнику.

Выстрел – и стрелка, взбив крохотный фонтанчик, уходит в воду, унося привязанную к хвостовику паутинную нить. Пять выстрелов из шести, как правило, были неудачны. Но иногда требовался целый десяток детских рук, чтобы добить и вытащить рыбку, вид которой поверг бы в трепет взрослого фарангца. Однако Будущие Хозяева Реки без церемоний приканчивали ее ударами ножей и маленьких копий, ловко избегая зубов и ядовитых колючек.

Только однажды видел Несмех, как один из малышей, потеряв равновесие, упал в воду. Несколько мгновений потребовалась его друзьям, чтобы вытащить упавшего обратно. И все же Несмех успел заметить длинную светлую тень, скользнувшую рядом с камнем там, где только что был ребенок. Когда он рассказал об этом случае Эйрис, та осталась совершенно равнодушной. Заметила лишь, что маленькие обитатели реки опаснее больших.

– Только им нужно немного подумать, чтобы разобраться в твоей съедобности. Нападают они не сразу: и рыбки-серебрянки, и точильщики, и жгучие черви – все они сначала попробуют твою воду, потом – твою кожу, а уж после этого займутся тобой всерьез. И уж тогда обглодают твои кости меньше, чем за минуту. Быстрая смерть, но недостойная! – добавила она.

Несмех смотрел воду. То есть он лежал ничком на камнях и вглядывался в зеленые текущие струи, в завихрения крохотных частичек ила. Это было неправильно.

– Ты должен смотреть только воду! – настаивала Эйрис. – Не на рыб, не на камни, не на рачков или пауков-водолазов! Даже не на ил – только воду! Ты научился быть камнем. Теперь ты должен стать водой, рекой: от истоков ее в горах до устья, там, где ее вода смешивается с соленым морем!

Несмех старался, но у него не получалось. Он мог ощутить себя потоком воды, когда лежал в одном из маленьких бассейнов лабиринта. Но ему нужно было прикосновение теплых струй, делающее тело невесомым.

– Я не чувствую ее! – пожаловался он, когда тень Эйрис упала на камень рядом с его головой. – Я должен окунуться в нее! От пристального взгляда у меня только слезятся глаза!

– Ну так окунись! – тут же сказала Эйрис.

– Чтобы меня съели?

– Я натру тебя соком дерева Ман. Он отпугнет и мелюзгу, и больших охотников. Ты сможешь пробыть под водой не меньше минуты!

Эйрис принесла губку и с ног до головы натерла его густой, коричневой, щиплющей губы массой. Несмех ухватился за веревку, которую держала Эйрис, и осторожно сполз в воду. Теплые струи сразу же подхватили его. Веревка натянулась. Коричневый дымок смываемого сока потянулся по течению. Несмех опустил в воду с головой и увидел стаи рыбешек, выходящих в зеленоватой воде, как медовницы кружатся возле распустившегося цветка. Сзади, куда относилось смытый сок, их не было совсем, но со стороны течения они подплывали к самой коже Несмеха, трогали ее тупыми мордочками, отплывали назад, снова приближались... Появились и другие, тоненькие, похожие на красные иглы с черными выпуклыми глазками. И третьи, и четвертые... Самые большие – длиной с палец Несмеха. Но их так много! Юноше стало не по себе. Он подумал о том, надолго ли хватит отпугивающего действия сока. И будет ли он надежной защитой от более крупных обитателей реки. Вроде тех, которые лезли на палубу «Победителя»... Нет, его опыт определенно не удался!

Он вынырнул и поспешно вскарабкался на берег.

Эйрис поглядела на него, покрытого коричневыми разводами, испуганного и немного обиженного. Темная лужица натекла на камень вокруг его ступней.

В глазах девушки мелькнула тень сочувствия.

– Тот, кто чувствует воду, – заметила она, – не боится ее обитателей. Он сам – вода!

Несмех вспомнил маленькую рыбку. Он растопырил пальцы, и рыбка тотчас подплыла, потыкалась широким ротиком в его ладонь. Юноша сжал руку. Рыбка затрепыхалась, пытаясь освободиться. Но Несмех крепко держал скользкое туловище. Рыбка разинула ротик – и Несмех увидел, что челюсти ее усеяны маленькими острыми зубками. В три ряда: сверху и снизу. Несмех сжал руку сильнее – он испугался, что рыбка может укусить, – и кроха перестала трепыхаться. Тогда он отпустил ее. Рыбешка стала медленно опускаться вниз. Но опускалась недолго. Несколько серебряных стрелок метнулись к ней. Короткая возня – и только маленькое облачко осталось от той, кого Несмех только что держал в ладони.

– Да, – возразил он, вспомнив, – ты – вода! Но знают ли об этом крохотные твари с остренькими зубками?

Эйрис встала на цыпочки и постучала его по лбу твердым указательным пальцем.

– Ты слишком умный! – констатировала она.

Оттолкнувшись ногами, она перевернулась в воздухе и, как нож, без всплеска вошла в воду.

Не менее ста ударов сердца она не показывалась на поверхности, а потом всплыла локтях в ста двадцати, повернулась и быстро заскользила к берегу. Подплыв, она взялась руками за камень. Струя подняла ее тело к поверхности.

Несмех видел шнырявшую в реке хищную мелочь. На Эйрис они не обращали внимания.

– Ты слишком умный! – повторила девушка и рывком выбросилась из воды.

Встав перед ним, она принялась отжимать волосы. При этом глядела на него насмешливыми синими глазами, и то, что юноша прочитал в них, заставило его решиться.

Он сделал шаг к краю террасы и прыгнул в воду.

Рука Эйрис поймала его в воздухе и отбросила к стене.

Несмех и представить себе не мог, что девушка так сильна!

Он врезался спиной в каменный выступ и охнул от боли. Эйрис схватила его за плечи и сжала так, что Несмех едва не взвыл.

– Ты дурак! – прошипела она прямо ему в лицо, как рассерженная ящерица. – Если я захочу тебя убить – я убью тебя собственноручно!

Несмех глядел на нее, словно схваченный кугурром щенок. Он уже осознал, что готов был сделать. Больше того, представил, как его заживо пожирают крохотные рыбки. Несмеха едва не стошнило.

Эйрис словно читала его мысли:

– Вижу, ты понял! – и отпустила с трудом переводившего дух юношу. – Посиди-ка здесь, я кое-что принесу!

Вернулась она быстро. И принесла с собой предмет, похожий на серебряное зеркало с ручкой, изогнутой под углом к плоскости полированного листа.

– Сядь на край террасы, – велела она, – и смотри сюда!

Девушка опустила зеркало в воду, держа его чуть ниже поверхности. Солнце уже скрылось за краем западных гор и поверхность реки потеряла блеск. Несмех увидел в зеркале собственное лицо, контуры которого слегка искажались в бегущей воде.

– Смотри не на себя! – приказала Эйрис. – Ни в коем случае не смотри на себя! Только на воду! Только на воду, ту, что между тобой и отражением!

Несмеху было очень трудно смотреть на воду, потому что его собственное, колеблющееся лицо притягивало, казалось необычайно интересным, загадочным, таинственным.

«Только чуть-чуть...» – подумал Несмех и перестал сопротивляться этому очарованию.

И сразу же голос Эйрис растаял, окружающий мир растворился, Несмех даже дышать

перестал. Игра Отражения полностью поглотила его. Вот он увидел, как Отражение стало подниматься из воды ему навстречу, приблизилось... Вот-вот оно сольется с ним!.. На какое-то время Несмех ощутил страх, потом испытал сильную боль и потерял сознание.

Очнулся он уже на своей собственной жесткой постели.

Эйрис сидела рядом и на сей раз у изголовья горел не волшебный огонь, а обыкновенный масляный светильник.

– Сегодня для тебя был опасный день! – сказала она устало. – Мне не следовало давать тебе этот урок! Отец сказал: счастье, что ты остался живым. И самим собой. Я вовремя треснула тебя по затылку! Единственный толковый поступок за весь вечер!

– И все же ты не отпустила меня в Нижний Мир!

Несмеху захотелось приласкать ее, но он не решился. Протянув руку, он погладил ножку светильника.

– Да, – сказала Эйрис с горечью. – У меня совсем не осталось сил. Даже на золотой чи⁸.

– Что случилось с зеркалом? – спросил Несмех, чтобы отвлечь ее.

– Ты увидел свою воду, Большой!

– Это так опасно?

– Я учу тебя власти над Четырьмя! Чтобы обрести ее, ты познаешь каждую из основ. Или вступаешь с ней в поединок. Если Основа окажется сильнее – она возьмет тебя. Для тебя, чья плоть – камень, вода – самая большая опасность. День был плохой для тебя. И все же я не думала, что ты так быстро поддашься! Я едва не потеряла тебя, Большой!

– Я сам виноват, со своим дурацким прыжком! – с сожалением проговорил Несмех. – Уж не знаю, что на меня нашло!

– Я знаю! – Голос Эйрис на мгновение обрел свою обычную интонацию. – И я ожидала этого! Ты должен был рассердиться! И ты рассердился... Но оказался слишком быстр. Для камня.

– Я ходила к отцу и просила его дать тебе другого наставника! – призналась девушка, помолчав.

Несмех испугался:

– Ты не должна! Я не хочу никого, кроме тебя! Никого другого!

– То же сказал и Натро! – кончиками пальцев Эйрис коснулась губ Несмеха. – Не волнуйся! У меня немалый опыт. Но ты – не сын Народа! Мне тоже трудно, Большой!

И Несмех увидел вместо непреклонной дочери Берегового Народа совсем юную девушку.

– Когда ты родилась, Эйрис?

– Двадцать девять лет назад!

– О! – Глядя на нее, Несмех не мог бы дать девушке больше двадцати двух. И не только из-за ее сложения.

Эйрис улыбнулась почти нежно.

– Я – огонь! – сказала она. – Но я еще не горела по-настоящему! Когда это случится – я обрету свой возраст. Но мы, Народ, храним силу Жизни много дольше живущих в вашем мире. У нас власть над Вечным Лоном – и над самой жизнью. Если я смогу довести тебя до начала твоей судьбы, ты поймешь, о чем я говорю!

– Ты сумеешь! – сказал Несмех. – Я уверен!

– Этого довольно! – улыбнулась девушка. – Теперь я уйду. Да хранит тебя Ночь!

И оставила его прежде, чем юноша успел что-либо сказать.

Несмех здорово устал, но долго не мог заснуть. Ему нужно было время, чтобы управиться со своими чувствами. Впервые Эйрис чуть-чуть приоткрылась ему.

⁸ Золотой чи – светящийся волшебный шарик. Многие в Мире обладают так называемым «малым волшебством». Создание золотых чи относится именно к этому виду чар.

«Нет,— подумал он,— день был не совсем уж плох!»

* * *

Разноцветные и разноголосые джунгли неслись навстречу. Вопреки словам Эйрис, прошло совсем не много времени — и Несмех вновь оказался на плоской лиловой спине краурха. Тяжелый панцирь краба подминал под себя поросль, как подминает траву катящийся с горы камень. Если же попадалось дерево потолще, щелкала огромная клешня — и движение продолжалось.

Краурх нес две девятки всадников. Трое управляли бегом краба, четверо расположились в центре, остальные — вокруг, в постоянной готовности отсечь летящую навстречу ветку или встретить клинком атакующего хищника.

В центре — Несмех с Эйрис, седовласый Натро и еще один мужчина, Слушающий. Несмеху, узнавшему цену жизни в недрах Вечного Лона, было дико видеть отца Эйрис и Слушающего, облаченных лишь в набедренные повязки. Конечно, Эйрис плавала в реке. Да и сам он сидел в воде, обмазанный отпугивающим составом. Но никакой состав не обеспечивал безопасности в Лоне. На самой Эйрис такой же защитный костюм, как на конгае и остальных охотниках.

Нынче утром Несмех узнал от Эйрис, что Натро решил собственноручно помочь молодому фарангцу обрести власть над основой Воды.

Сейчас они ехали в то особое место, где это должно осуществиться. Несмеху оставалось лишь гадать, что его ожидает.

Слушающий, тощий, маленький, темнокожий, внешностью напомнил юноше фарангских нищих-попрошак. Но конгай достаточно хорошо знал Хозяев Реки, чтобы не сомневаться: этот выглядящий заморышем человек в считанные мгновения может отправить в Нижний Мир дюжину воинов.

Тысячи вопросов вертелись на языке юноши, но он робел в присутствии Натро и Слушающего. Особенно — Слушающего, потому что Натро, похоже, относился к конгаю с симпатией. Слушающий же поглядел на фарангца всего лишь раз — так человек смотрит на лягушку необычного окраса — и больше не удостоивал вниманием.

— Натро! — решился Несмех. — Вы так ловко управляетесь с животными! — Он похлопал по лиловому панцирю. — Почему у вас нет ни пардов, ни собак?

Это был не тот вопрос, который Несмеху хотелось задать в первую очередь, но спрашивать о серьезном...

Седовласый обратил к юноше сосредоточенное лицо.

— У нас есть парды,— сказал он.— По воле Благородного, некоторые из нас умеют ездить на них. Но здесь, в Вечном Лоне, парды бесполезны. Даже кугурру, выросшему в тени Пурпурного Стрелка, я не доверил бы свою жизнь. А парда убьет первый же ядовитый шип.

— Но охотничьи псы?..

— Вечное Лоно — не для них. Из вскармливающих молоком только охотники Народа, Рожденные-в-Тумане (Слушающий сморщился и сделал пальцами отвергающий магический знак) и убийцы-кугурры не обречены здесь на быструю смерть.

— А крысы? Я видел их в избытке! Да они и здесь повсюду! — возразил Несмех.

— Но ты не видел, как пестроголовый ящер пожирает крыс! Или как глотает их сетчатая змея. Эти зверьки подобны плодам: живут, пока не созреют!

Краурх остановился, чтобы клешнями расчистить путь, и Несмех, потеряв равновесие, вцепился в шершавый панцирь.

Когда они снова двинулись, юноша спросил:

— Если это не тайна, расскажи, как они управляют краурхом! — и показал на трех, сидевших впереди.

— Рассказать — не тайна! — усмехнулся Натро.— Кто бы ни выслушал меня, стать глазами краурха он не сможет. Только знающий способен заставить краба увидеть то же, что и

человек. И хотеть того, чего хочет человек. Стержни, которые ты видишь – лишь нить, по которой чувство уходит внутрь. И еще: они не дают собственным ощущениям краурха ожить.

– А почему управляющих трое?

– У краурха два ума, у человека – больше, но они собраны его духом. У краурха духа нет. Потому управляют им двое. Но и им нужно отдыхать, чтобы восстановить силы. Для того – третий.

– А как они, трое, договариваются о том, кто отдыхает?

– Не договариваются, чувствуют. Через краурха. И знают, кто из них больше нуждается в отдыхе.

– А другие звери?.. Есть другие, которыми вы повелеваете?

– Есть. Но тебе об этом знать ни к чему. Такое знание не на твоём пути. Ты спросил из любопытства.

– А спросить из любопытства – плохо?

– Для тебя – да! – И замолчал.

Намек был понятен, и Несмех прекратил расспросы.

Откуда-то из-под крон вылетела стая ургов и, петляя между ветвями и лианами, закружилась над бегущим крабом. Они были не черными, как в Северном Конге, а пятнистыми, с желтыми кляксами на грязно-бурой коже, и крупнее, чем их северные родственники. Охотники приготовили луки, и Несмех догадался: здешние урги не ограничивают свой рацион падалью.

Стая отвратительных тварей поднялась повыше, но продолжала кружить над людьми. Так продолжалось, пока из гущи ветвей наверху вдруг не выбросилась алая стремительная молния, «слизнув» одного из падальщиков.

Остальные бросились врассыпную, но алый «язык» успел прыгнуть еще раз, сцапав вторую тварь.

– Что это? – спросил не столько испуганный, сколько удивленный Несмех.

– Угисс! – ответила Эйрис. – Он не опасен. Мы слишком велики для него.

Тропа стала подниматься вверх, но неутомимый краурх не сбавлял скорости. Они уже по меньшей мере на двадцать миль удалились от Берегового Города. Краурх перепрыгивал через неширокие овраги и, спускаясь, пересекал вброд мелкие речушки, бегущие по дну ущелий. Гигант сбегал и поднимался по заросшим кустарником склонам не хуже своих маленьких братьев. Только вот кустарник в рост человека был для него не более чем мох. Куда труднее было Несмеху удержаться на плоской спине, когда лиловая поверхность вдруг наклонялась под острым углом. Несмех с восхищением глядел на охотников, стоявших в полный рост и чувствовавших себя свободно и уверенно, что бы ни делал краурх.

Спустя полчаса юноша уловил какой-то необычный звук. Он шел оттуда, куда вела тропа. Звук этот нарастал и постепенно превратился в оглушительный рев. Несмех представил себе существо, способное издавать подобный звук, и ему стало не по себе. Здесь, в Лоне, он готов был увидеть кого угодно, даже демона.

Но Хозяева Реки не проявляли беспокойства. Краб продолжал бег, охотники высматривали лишь ближнюю опасность.

Несмех увидел источник шума, когда краурх вдруг выскочил на край пропасти и остановился как вкопанный.

Внизу текла река. Настоящая река, не меньше ста шагов шириной. Выше по течению русло ее образовывало уступ, с которого рушились с грохотом сверкающие на солнце потоки воды. А у подножия этой великолепной стены кипела, рвалась, рычала обезумевшая стихия. И тем восхитительней было небольшое озерцо, идеально прозрачное, гладкое – в десятке локтей от кипящих бурунов. На противоположной оконечности озера широкой, спокойной, небесно-голубой лентой переливалась вода. Серебряные нити вплетались в нее там, где подступали к поверхности верхушки подводных камней.

Вода перетекала-перекатывалась через край каменной чаши и вновь вскипала, падая,

вихрясь, пенясь в узком глубоком русле.

Юноша был потрясен неистовством, уподобившим целую реку горному потоку. И еще больше – единением зеркальной глади озера с ревущей стеной водопада.

– Мы зовем ее – Беглянка! – произнес Натро. – Но есть и другие имена!

– Кормилица! – Это было первое слово, которое произнес Слушающий. Несмех оглянулся: маленький человек сидел с невозмутимым видом.

– Один из тех, кто знает прошлое, – продолжал Натро, – называл ее Рекой Мага. Он говорил: некогда великий маг остановил ее, чтобы вложить в поток часть своей мощи. У прекрасного всегда много имен!

– Она пугает меня! – признался Несмех.

– Вода гневается, когда теряет опору, – заметил Натро.

– И берет жизни тех, кто ее боится! – вставила Эйрис.

– Такова природа воды, – подтвердил Натро. – Любой воды.

Краурх опустился на брюхо, и охотники один за другим спрыгнули наземь.

– Идем, Несмех! – Натро взял юношу за руку.

Эйрис собиралась последовать за ними, но отец знаком приказал: останься!

Вдоль края пропасти, вверх, вела тропинка. Она петляла между каменными зубьями и ребрами склона, огибала выпирающие лбы, иногда приближаясь вплотную к самому обрыву.

Натро поднимался вверх не слишком быстро, но не замедлял шага ни на крутых осыпях, ни там, где приходилось прыгать с одного валуна на другой. Казалось, ему безразлично, что под его ногами: относительно ровный отрезок, поросший густой желтой травой, или осыпающаяся круча. При этом он с неутомимой силой тянул Несмеха, без видимого труда вздергивая того на валуны в три локтя высотой. Несмех подумал: перестань он двигать ногами, Натро этого просто не заметит. И поразительно было то, что кишася живностью тропа в пяти-шести шагах перед ними была совершенно пуста. Чуть дальше на ней повсюду суетились крабы и пауки, шныряли ящерицы. Но перед Натро словно кто-то невидимый сметал их прочь.

Они поднялись на сотню локтей и оказались перед затянутой красными лианами вертикальной стеной. Несмех приостановился, но его проводник одним движением руки отбросил в сторону лианы, обнажив серую с желтизной поверхность скалы и черную дыру пещеры.

Наклонясь, Натро вошел внутрь, ведя за собой юношу.

Однако, идти пригнувшись им пришлось совсем недолго. Шагов через десять свод поднялся. Вокруг было абсолютно темно и пахло почему-то болотом.

Рука Натро все так же крепко сжимала руку конгая. Несмех не мог бы сказать, как долго они шли: под землей трудно определять время.

Впереди забрезжил голубоватый свет. Выход?

Не совсем. На расстоянии вытянутой руки от места, где кончался камень, стремительно неслась вниз сплошная стена воды.

Удивительно, но рев водопада был здесь значительно слабее, чем снаружи. Приложив ладонь к камню, Несмех ощутил легкое подрагивание. Они стояли перед бело-голубой светящейся стеной, пронизанной солнечными лучами. Натро, казалось, к чему-то прислушивался, Несмех же просто восхищался игрой света в летящем потоке.

Отец Эйрис отпустил руку Несмеха. Положив обе ладони ему на плечи, он заглянул в глаза юноши, и тот понял, что нужно сделать. Ни единого слова не было сказано.

Полностью раздевшись, Несмех прошел по холодному камню к арке, за которой начиналась пропасть в сотню локтей. Маленькие холодные брызги покалывали кожу. Ноги заоченели: Несмех стоял в скопившейся у входа лужице. Он протянул руки и почти коснулся летящей воды. Тело само качнулось вперед, но он усилием воли удержал равновесие, противясь той силе, что скрывается в падающей воде. Он не видел Натро, но знал: тот тоже стоит, едва не касаясь кончиками пальцев сверкающего занавеса. Стоит и ждет. Несмех ждал вместе с ним. Холодные струйки текли по рукам.

Натро шевельнулся, тихо пропел одну-единственную ноту: высокий серебряный стон, уместный на устах юной девушки и удивительный – у сильного мужчины с седеющими волосами.

Но Несмех знал: вот тот, единственный звук, единственный и необходимый... Несмех поймал его губами, втянул вместе с воздухом и ответил таким же высоким и чистым стоном.

Когда воздух в груди его почти иссяк, юноша согнул ноги, глотнул свежего влажного воздуха и с ликующим воплем ринулся вперед.

Тело его врезалось в водяную толщу, тотчас сомкнувшуюся вокруг. Юноша даже не почувствовал удара. Он ощутил только, как его обняла, подхватила, закружила пронизанная светом стихия. Он не падал – летел. Он дышал водой, впитывал ее телом, опьянялся ею, восхищаясь, любя... Только бесконечное ликование наполняло его сердце. Не мгновения длился его полет – вечность!

Целую жизнь, полную неистовых чувств.

Смотревшие с берега увидели крохотную человеческую фигурку, вдруг возникшую вверху ревущей, рушащейся стены, вспарываемой торчащими изнутри скальными клыками. Фигурку, мелькнувшую в чудовищном танце перехлестывающихся потоков и канувшую в безумном котле, где между хаотическими каменными нагромождениями выдыхалась ярость лишенной русла реки.

* * *

Река подмывает берег.
И падает берег в реку.
И, вспенившись, глохнут струи
Под комьями вязкой глины.

Уходит вода на запад.
И там отражает небо.
А здесь только корка ила,
Растрескавшегося от зноя.

Конечно, река бессмертна.
И берег бессмертен тоже.
И скоро, довольно скоро
Сойдутся они, как прежде.
Как прежде. Когда-то. Ныне ж
Утративший веру путник
Уткнется в сухое русло
И тихо умрет от жажды,–

было написано на кувшине.

– Эйрис! Откуда у вас такая посуда? Это же чаши старинной тайской работы! У нас они стоили бы очень дорого!

– Да. Они красивые. Откуда? Сотню лет назад к нашему берегу приходили большие корабли. Такие же большие, как тот, на котором приплыл ты. Они привозили вещи, иногда – людей. Потом перестали приходить.

– Почему?

– Я не знаю. Теперь, если нам нужно что-нибудь, чего не дает Вечное Лоно, мы покупаем или обмениваем это на побережье моря Зур.

– И никто никогда не приходит из нашего мира к вам?

– Теперь – нет. Впрочем, я сказала неправду. К нам иногда прилетает один маг.

Прилетает на драконе.

– Кто он, Эйрис?

– Я не знаю. Он разговаривает только с отцом и Слушающим. У него на лбу обруч с большим черным камнем. Ты знаешь его?

– Нет. В Конге хватает магов. Даже у нас, в Фаранге, я знаю четырех. Одному я перестраивал дом. Он хорошо заплатил – избавил всю артель от плохих зубов. Верней, сделал их хорошими.

– Как это – плохие зубы?

– Эйрис! Тебя никогда не мучила зубная боль?

– Никогда! Разве зубы могут болеть? Они же такие твердые – как их поранить? Правда, бывает, в поединке или на охоте кому-то выбьют зуб. Тогда нужно время, чтобы вырос новый. Но это не так уж больно...

Несмех улыбнулся.

– Забыл, кто вы! – проговорил он. – Слушай, а драконами вы умеете повелевать?

– Зачем? – Эйрис удивилась. – Мы живем в Лоне, а не на небе.

– На драконе можно облететь весь мир!

– Бо-ольшой! Наш мир – Вечное Лоно! И мы не хотим другого. Может быть, когда ты станешь одним из нас...

– Я?!

– Оу! Почти одним из нас, ты поймешь, что Лоно – это все. То, что вне его, – лишь тень жизни...

– ...конечно, большой лук или арбалет стреляют дальше, но кому нужно далеко стрелять – в Лесу? Все, что дальше пятидесяти шагов, не представляет настоящей опасности. Даже от хорахша или стаи сиргибров можно спрятаться на таком расстоянии.

– Сиргибры – это кто? – спросил Несмех.

О хорахше, самом крупном ящере Гибельного леса, он разумеется, слышал.

– Самые опасные хищники Лона, – сказала Эйрис.

– Больше хорахша?

– Поменьше. Но раз в тридцать умнее. И охотятся стаями. Хотя на нас с тобой довольно и одного. Но нас они выслеживать не станут.

– Почему?

– У них – очень тонкий нюх. Есть трава, запах которой они не любят. Ее отваром смазывают подошвы сапог.

– И что же, их шкуру тоже не пробить стрелой, как шкуру хорахша?

– Не пробить.

– А арбалетным болтом?

– Нет.

– А из метательной машины?

– С метательной машиной – в Вечном Лоне? – засмеялась Эйрис. – Ты сначала попади в сиргибра хотя бы из этого лука.

– Из арбалета я бы попал! – возразил Несмех.

Эйрис снова рассмеялась:

– То, из чего стреляют, – не имеет значения. Важно – кто стреляет! Отдавай стрелу воздуху, сосредоточь в ней всю свою силу – и она достигнет цели! Пустая стрела расщепляется о камень. Стрела, полная силы, расщепляет камень сама!

Несмех покачал головой.

– Может быть, – проговорил он, не решаясь спорить со своей наставницей. – Скажи, правильно ли я стою?

– Передвинь ногу правее и подними подбородок! Теперь – стреляй!

Несмех спустил тетиву и, к своему удивлению, попал в красную часть круга на установленной в сорока шагах мишени. Для него выстрел был просто великолепный. Но

Эйрис была разочарована.

– Ты совсем не понял меня! Просто спустил тетиву и ждал!

– А что еще я мог сделать? – удивился Несмех.

– Только что я сказала тебе о пустой стреле. Твоя стрела была самой пустой из всех пустых стрел, Большой! Я трижды повторила тебе, что ты должен сделать!

– У тебя такой красивый голос! – признался Несмех. – Это меня отвлекает!

– Я не могу изменить свой голос...

– Он все равно останется красивым! – вставил Несмех.

– ...И я не могу бить постигшего две стихии! – Эйрис сердито отобрала у него лук. – А как еще обострить твоё внимание?

– Ты – учитель, – пожал плечами Несмех. – Других же ты как-то учила.

– Других? Большой! Никого еще не учили так, как учат тебя! Пойдем!

Поплутав несколько минут по лабиринту, они оказались на просторной площадке, где занимались несколько ребятишек разного возраста под присмотром невысокой большеглазой девушки.

Эйрис подтолкнула конгая вперед:

– Стой и смотри!

Несмех встал поближе к девушке. Он никогда прежде не видел так близко женщин Берегового Народа. Кроме Эйрис, разумеется. Поэтому сначала он смотрел только на большеглазую.

Телосложением, осанкой, даже выражением лица девушка почти не отличалась от наставницы Несмеха: такое же худощавое крепкое тело с развитыми мышцами, неширокими бедрами и еле заметной грудью. Но кожа была намного темнее – цвета кофе с молоком, а лицо – типично конгайское.

Голова девушки была обернута повязкой из красной ткани, бедра охватывала полоска того же цвета. Маленькая грудь открыта. Завершив осмотр, Несмех решил, что девушка привлекательна, но до Эйрис ей далеко. Возможно, он был пристрастен. Сама же дочь Народа если и обратила внимание на изучающий взгляд фарангца, вида не подала. Она не спускала глаз с ребятишек, и Несмех, в свою очередь посмотрев на них, сообразил, для чего его сюда привели. Здесь дети Берегового Народа овладевали основой тверди Земли. Под ногами его был не камень, а, как он определил с помощью недавно обретенного чутья, по меньшей мере четыре локтя грунта. Двое ребятишек постарше, с сосредоточенными лицами, без усталости втыкали в рыхлую землю растопыренные пальцы. Еще один парнишка, стоя на голове в небольшой выемке, совершал руками и ногами плавные, довольно красивые движения. Этаким танец вниз головой.

Четверо, совсем малыши, лет двух от роду, попросту катались по земле, рыли ее ручками, ползали, кувыркались. Словом, делали то же, что и их предоставленные самим себе сверстники в Фаранге. Последнего ребенка Несмех заметил не сразу. Тот был закопан в землю. Снаружи оставалось лишь запрокинутое лицо.

За все это время наставница сделала лишь одно движение: наклонившись, она потрогала лоб закопанного. Несмеха восхищало умение туземцев замирать в неподвижности, почти не дыша, не шелохнувшись. Девушка была – как вырезанная из темного дерева статуя. Только собранные на затылке волосы слегка шевелил ветер.

Несмех почувствовал подошедшую сзади Эйрис.

– Этот путь лучше моего! – тихо сказал он, не оборачиваясь.

– Ты видишь! – согласилась его наставница. – Почему?

– Основа Тверди растет вместе с ними. Я понимаю и чувствую землю. Они ею живут!

– Ты прав и не прав. В главном вы равны. Как я и она! – Эйрис сделала шаг вперед, чтобы Несмех ее видел, и указала на девушку. – Мы обе владеем Основами, хотя ей никогда не устоять рядом со мной на Пути!

– Я не звала тебя, Эйрис! – не поворачивая головы, отчеканила девушка. Сказано было на конгаэне, а не на том, смешанном с мимикой и жестами диалекте, которым пользовались

туземцы. Несмех сообразил, что сказано – для него.

Неуловимая гримаса прошла по лицу Эйрис.

– Что мне твой зов, Арин? – почти пренебрежительно отозвалась она.

Арин обернулась быстрее, чем Несмех мигнул.

– Я слышала тебя, Эйрис, – совсем тихо сказала она.

Наставница Несмеха щелкнула языком. Лицо ее стало холодным, но юноша мог бы поклясться, что она довольна.

Арин выдохнула, издав тоненький свист. Колени ее подогнулись, руки с собранными в пучок пальцами выбросились вперед, а тело закачалось, как качается туловище змеи, когда та поднимает голову, чтобы ужалить.

Эйрис еще раз щелкнула языком. Мышцы ее напряглись и расслабились. Держась неестественно прямо, отклонив назад голову, она маленькими шажками двинулась навстречу Арин.

Тело ее соперницы раскачивалось все сильнее, описывая расширяющиеся круги. При этом она будто вцепилась в землю босыми ногами. Жилы на ее икрах вздулись, острые коленки мелко дрожали.

Дети, собравшись вместе, глядели на девушек блестящими круглыми коричневыми глазами. Они не были испуганы – только возбуждены.

Движения Арин стали еще более быстрыми и еще более плавными. Эйрис подняла руки. Ее ладони отогнулись назад под прямым углом к предплечьям. Казалось, она отталкивала от себя девушку. Когда между Эйрис и Арин оставалось лишь несколько шагов, темнокожая девушка метнулась вперед. Руки ее двигались так быстро, что Несмех видел лишь из размытые очертания. Столь же стремительно двигались руки Эйрис. При этом тела обеих оставались почти неподвижными.

Арин отпрянула назад. Она была невредима. Так же, как Эйрис. Обе часто дышали. Ладони Эйрис посередине стали алыми, будто обожженными. Невольно Несмех поймал ритм дыхания своей наставницы и задыхался так же, как она, все больше возбуждаясь. Он видел ее напрягшуюся, отведенную назад шею, острые лопатки, почти соединившиеся, натянувшие кожу на спине...

Размах качаний Арин уменьшился настолько, что теперь она отклонялась не больше чем на ладонь. Сжатые в пучки пальцы рисовали в горячем воздухе фантастические кривые. По втянутому животу пробегали быстрые волны. Эйрис приближалась к ней.

Движения обеих выглядели как часть некоего ритуала, но выражения лиц ужасали. Несмех все еще дышал с ними в одном ритме. Сердце его билось с неимоверной быстротой, хотя он не двигался.

Арин дернулась, присела, широко разведя колени. Эйрис тоже резко опустилась, но ее колени были плотно соединены. Она была похожа на надломленный цветок.

Руки Арин замелькали...

С Несмехом что-то произошло. Он вдруг совсем перестал слышать. Оглух. Зато стремительный вихрь превратился в замедленный, плавный танец четырех гибких рук. Он увидел, что Арин пытается соединенными пальцами коснуться тела Эйрис. Он даже ощущал, куда направлены ее удары. Видел места, к которым она тянулась, словно от пальцев ее к коже Эйрис шли лучи света. Но лучи эти обрывались, когда раскрытые, натянутые отогнутыми назад пальцами ладони Эйрис встречали руки Арин.

А потом колени Эйрис медленно распрямились. И одновременно она медленно-медленно начала поднимать ногу, подтягивая колено к груди. И Арин, словно соблюдая условия ритуала, тоже распрямила колени. Нога ее оторвалась от земли, делая шаг назад, а ступня Эйрис, с поджатыми пальцами, подтянутая под острым углом к голени, – потянулась к ней.

Несмех увидел, как нога Арин опускается прямо на голову, на лицо вкопанного в землю ребенка и тот зажимуривает глаза. Но в последний момент, когда до запрокинутого лица остается совсем немного, нога уходит в сторону, касается земли, вминается в нее всей

тяжестью тела, поднимая облачко рыжей пыли. И вторая нога Арин отрывается от земли, неторопливо уходит назад.

Но плавное движение ступни Эйрис быстрее медленного отступления Арин. Колено светловолосой полностью распрямляется, стопа вытягивается, составив прямую линию с голенью и вторая, опорная, нога тоже распрямляется, пятка ее, поворачиваясь, скользит по земле... Покрытые налетом пыли пальцы поднятой, вытянутой, перевитой вздувшимися мышцами, неестественно длинной ноги медленно-медленно догоняют уходящее назад тело Арин и легким, кажущимся нежным, прикосновением дотрагиваются до выступающей косточки между маленьких грудей Арин. И, дотронувшись, словно отталкиваются. Нога Эйрис столь же плавно начинает движение назад, а ее противница медленно опускает голову; колено ноги, на которой она стоит, сгибается, тело, продолжающее движение назад, запрокидывается, и всей спиной, неторопливо, будто поддерживаемая невидимыми руками, Арин ложится на землю, а потом и темноволосая голова ее опускается на землю, затылком, разбрасывая пряди волос...

Слух вернулся к Несмеху так же внезапно, как и пропал. Звуки окружающего мира показались ему болезненно громкими.

Эйрис, опустившись рядом с Арин, положила ее голову на свое бедро и принялась осторожно растирать маленькие уши темнокожей девушки. Спустя минуту веки Арин дрогнули, и она, слабо застонав, вдохнула воздух.

Эйрис помогла ей сесть.

Повернув голову, Арин отыскала глазами Несмеха.

– Я виновата, полубрат! – проговорила она и закашлялась. И, справившись с кашлем, добавила: – Дух Огня овладел мною!

Несмех заметил, как шевельнулись уголки рта Эйрис.

– Ему следовало бы поблагодарить тебя! – заметила наставница Несмеха. И, юноше: – Ты сумел обратить этот огонь, верно?

– Если это означает – замедлить время, то – да! – ответил конгай.

Тень обиды легла на лицо Арин, но светловолосая не обратила на это внимания.

– Оу! Так даже? – сказала она, глядя на Несмеха с удовольствием и любопытством одновременно.

– Ты должна была предупредить меня, сестра! – недовольно проговорила Арин.

– Да? – В голосе Эйрис была ирония. – Разве не сказал Благородный Учитель: используй движение чужой жизни, чтобы укрепить свою!

– Но мы... – попыталась возразить побежденная.

– Арин! – властно сказала наставница юноши. – В моей крови – его кровь! Ты тверда на Пути. Но я – Харрок!

– Да... – шепнула Арин.

Взгляд Эйрис остановил Несмеха, собравшегося задать вопрос.

– Ты в порядке? – спросила она соплеменницу.

– Да! – Арин легко поднялась на ноги.

– Идем. Большой! – сказала Эйрис. – Ты увидел то, что необходимо! И сверх необходимого!

Харрок

«Следующей ночью я начала рассказывать ему Предание.

...Шел двадцать первый год после восшествия на трон императора Ферроса. Двадцать один год назад закончилось Время Смуты, когда от Империи, раздираемой усобицами, отпали Тайдуан, Конг и Хурида, а Гурам перестал отправлять на север корабли с данью. Империя потеряла две трети своих земель, а по оставшимся бродили озверевшие от голода солдаты. Все, в ком текла хотя бы капля доблестной крови Вэрда Смелого, были вырезаны подчистую. Кроме одного

**ЮГ. ГИБЕЛЬНЫЙ ЛЕС. ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД
ПО ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЮ ИМПЕРИИ.
ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ДО ПРИХОДА ОСВОБОДИТЕЛЯ.**

«Первый шел по жестким травам.
Влево, прямо или вправо.
Шел легко, как ходят звери.
Шел.

Шел Второй за Первым следом.
Думал, что идет он к Свету.
Шел, не зная, только веря
В Путь.

За Вторым прошедший Третий
Полагал, что шел к победе.
Он толпу калек с собою
Вел.

А Четвертый рысью тряской,
Вожделея, но – с опаской,
Крался следом, тихо воя.
Жуть!

Пятый шел, вокруг не глядя.
Шел без цели, скуки ради,
Так, перебирал ногами,
Спал.
А Шестой шагал сурово.
В Путь его, как и Второго,
Веры беспощадный пламень
Гнал.

Лишь Седьмой, ступавший тихо,
Знал, когда приходит Лихо.
И к кому оно приходит,
Знал.

Первый шел по жестким травам...»

*Стихотворение, написанное Благородным Учителем, светлейшим Ролфом, сыном
Асхенны, за день до ухода в Нижний Мир*

– Твои пятки не должны касаться края! – крикнула Эйрис. – Только – носки!
– Но я могу упасть! – резонно возразил Несмех.

⁹ История о том, как светлейший Ролф, сын Асхенны, оказался в Конге и был избран, чтобы основать Город-на-берегу, рассказана в предыдущей книге летописи «Разбуженный дракон».

– Значит, ты упадешь! – твердо сказала девушка. – Но, владея основой Тверди, как ты можешь упасть? Следи за клинком, болтун!

Меч девушки замер в четверти ладони от кожи Несмеха.

– Угу! – Несмех с опозданием отбил клинок.

Тело его балансировало на краю обрыва. Причем стоял он только на половине ступней. Пятки должны были висеть в воздухе, вернее, «искать в нем опору»... Вспомнив о своей власти над Твердью, Несмех дал этой власти выход – и словно прирос к камню. Ему даже показалось: откинись он назад, его «прилипшие» подошвы, не дадут ему упасть. Так ли это, или он попросту полетел бы в пропасть?

– Ты должен чувствовать оружие! – Клинок Эйрис опять остановился у лица Несмеха.

– Дай мне прямой меч! Такой, как у тебя! – попросил Несмех.

– Глупости, Большой! – Она легонько уколола его в грудь. – Прямой меч – ленивый ручей! А тот, что ты держишь в руках – морская волна! Подними ее, взбушуй, позволь взойти пеной – и она поглотит целую реку, целый город, весь мир! – Металл звенел о металл. – Основа Воздуха, Большой! Дай клинку ветер! Дай! – И обрушила на Несмеха шквал ударов. Если бы Эйрис не удерживала свой меч, Несмех был бы уже мертв.

Он обливался потом, грудь вздымалась, как кузнечный мех.

– Ты говоришь как поэт! – задыхаясь, проговорил юноша. – И все-таки я тебя не понимаю!

– Дай-ка, – девушка отобрала у него меч. – А теперь гляди, Большой! – и тотчас окуталась сверкающим туманом.

Тело ее оставалось совершенно неподвижным, но рука с оружием порхала, словно крыло медовницы. А уж сам клинок попросту исчез, превратившись в прозрачное сверкающее марево.

– Смотри на меня, Большой! – В голосе девушки не было и намека на физическое напряжение. – Почувствуй, что делаю я!

Она целую минуту раскручивала клинок, пока Несмех с помощью своего обострившегося чутья старался понять ее.

– Довольно! – наконец произнес он, и Эйрис, остановив движение, сразу же протянула ему рукоять, шершавая кожа которой хранила тепло ее ладони.

Несмех расслабил руку. Только кисть его, сжимающая меч, была напряжена. Он качнул рукой, ощущая тяжесть оружия, качнул сильнее, позволив этой тяжести стать чем-то вроде груза маятника – и продолжением его руки, его тела.

– Хорошо, Большой! Хорошо! – подбодрила его Эйрис, поняв, чего он хочет. В ее руке снова был меч, но она не атаковала. Не хотела мешать Несмеху.

И юноша перестал обращать внимание на то, открыт он или нет. Он как бы разгонял клинок, а тяжесть расширяющегося к концу лезвия увлекала руку за собой. Меч описывал в воздухе расширяющиеся круги. Он «тянул» Несмеха и дважды едва не увлек в пропасть. Но, поймав некий ритм, Несмех позволил телу раскачиваться вместе с рукой, держащей оружие, и почувствовал себя деревом, вросшим в землю и гнущимся на ветру. Одна лишь кисть да связки мышц напряжены, чтобы удержать сверкающий вихрь, со свистом прорезающий воздух. Не рука его раскручивала меч. Рука только лишала металл свободы. Сила, которой повиновался клинок, шла откуда-то из живота, и это она разгоняла меч все быстрее и быстрее...

Эйрис сделала выпад.

Несмех даже не ощутил соприкоснувшихся лезвий. Звон – и прямой меч девушки отбросило в сторону.

– Хорошо, Большой! Хорошо! – воскликнула она.

Несмех вращал меч, наслаждаясь властью над ним, наслаждаясь пением стали... Он и сам готов был петь от радости!

Еще один выпад – и снова конгай даже не ощутил удара.

Он упивался собственной силой!

...и даже не понял, что произошло. Меч вдруг вырвался из руки, а сам юноша, откатнувшись назад, полетел в пропасть.

Эйрис успела поймать его запястье и удержала от падения. Обескураженный, Несмех увидел, что она хохочет.

– Оу! Большой! Мне наконец-то понравилось обучать тебя!

– Ты обезоружила меня! – воскликнул юноша, возмущенный ее весельем.

– Оу! Ты просто забыл, что ты не один! Не огорчайся! – Она похлопала юношу по вздувшимся мышцам предплечья. – Ты сделал все, как надо! Оу! – Она снова засмеялась, и Несмех понял, что она очень довольна.

– Ты, несмышлениш-чужак, за какой-то час сделал то, на что мне, дочери Народа, понадобилось два года! Большой! Когда ты станешь Властвующим, возьмешь меня в ученицы?

Несмех смутился, но потом, заразившись ее радостью, улыбнулся:

– Возьму! Если ты не будешь вышибать у меня меч! Кстати, как это тебе удалось? – После похвалы наставницы его самомнение подросло.

– Я нашла твой исток и спустилась вниз по реке! – ответила Эйрис.

– Очень красиво! – пробурчал Несмех. – А теперь скажи, как говорят для несмышленишей-чужаков! Чтобы было понятно!

Глаза Эйрис заискрились. Она была изумительно красива в этот момент.

– Когда ты играешь мечом, Большой, вы – вдвоем! Ты и он. Когда ты сражаешься – вы тоже вдвоем. Ты и твой противник. Там, где двое хотят быть вдвоем (как ты и твой меч), третьему места нет. Вы, вдвоем, отталкиваете его. Но я играю в эту игру дольше вас! – Она снова засмеялась. – Потому я стала третьей и ваш союз распался! Я поймала твой меч – и он стал моим! Если бы ты умел играть по-настоящему, ты принял бы меня и мой клинок! Потому что в этой игре нет ограничений! Оу! Большой! Поединок – самая интересная игра, какую я знаю!

– Видел я! – буркнул Несмех, глядя на разгоряченное лицо и восторженные глаза расшалившегося ребенка. – Кровью пахнет!

– Бо-ольшой! – Эйрис несколько не обиделась. И ни капельки не огорчилась.

– Ты – камень, Большой! Большой, грузный, серый валун! Выигрыш, проигрыш, чем они больше, тем интересней игра! Это – как Вечное Лоно! Что больше жизни? Только смерть! И потому мы побеждаем Лоно, а не оно нас! Потому что Лес – это Жизнь! Сначала Жизнь, а потом Смерть. А мы – сначала Смерть, а потом – Жизнь!

– Мне это совсем не нравится! – проворчал Несмех. – И не нравится, что это нравится тебе!

– Глупости! Пойдем. Я хочу, чтобы ты показал кое-кому Поющий Шатер. Видишь, я уже начинаю тобой хвастаться!

– Поющий Шатер – это защита, которую я только что делал? – спросил Несмех.

– Не защита, – поправила Эйрис. – Поющий Шатер – не для того, чтобы защищаться, а для того, чтобы чувствовать. Понимаешь?

– Вроде бы, да, – задумчиво произнес конгай.

А прилично стрелять из лука он так и не научился.

* * *

Прошло девять месяцев с тех пор, как Тилод, которого теперь звали Несмехом, попал в Гибельный лес. Молодой фарангец очень изменился. Тело его, опаленное южным солнцем, обрело тот же цвет, что и у большинства Хозяев Реки. Он потерял четверть веса, и сила его увеличилась вдвое, а мышцы обрели твердость дерева и прочность шелковой бечевы.

Он научился многому. И многое из того, что он теперь умел, пришло будто само по себе.

Навыки и умения, за которые Береговой Народ платил годами изнурительной работы, начинавшейся с самого рождения и не кончавшейся никогда, давались Несмеху за считанные месяцы.

Несколько раз бывший фарангский зодчий ощущал, что некто живет у него внутри и словно подталкивает, подсказывает, дает ощутить нужное. В глазах Берегового Народа он уже давно перестал читать доброжелательное превосходство. Успехи Несмех принимал как должное, потому что всегда – и в прежней своей жизни – быстро добивался того, чего хотел. Он не понимал разницы. Но ее понимали Хозяева Реки. Сделанное им за девять месяцев было невозможно без высшей магии или помощи богов. Жившие в тени Вечного Лона знали это так же твердо, как знали они, откуда течет Зеленая Река. А поскольку магом Несмех не был, значит ему покровительствовали боги. Для Черных Охотников Лона это было Чудом.

Лишь два человека в Береговом Городе знали, а точнее, догадывались о предназначении Несмеха. О том, что его ожидает. И они выполняли волю...– Нет, не волю: никто не приказывает Хозяевам Реки! – желание тех, кого искренне почитали.

* * *

– Одевайся! – Эйрис положила костюм на край ложа.

Несмех, который только-только задремал, недовольно посмотрел на нее:

– Ты сказала: на сегодня – все! – проворчал он. – Я поел! – Он похлопал себя по животу. – Давай отложим на завтра!

– Пошевеливайся! – Эйрис не обратила никакого внимания на ворчание ученика. – Мы идем в Лону! Слушающий сказал: благоприятное время! Но – только до восхода первой звезды!

– Ого! – воскликнул Несмех, сразу оказавшись на ногах. – Ты хочешь сказать, что мы встретим закат в джунглях?

– В Вечном Лоне! – поправила его девушка.

– Ночь в Вечном Лоне! – мечтательно произнес Несмех, натягивая шелковые шаровары. – Однако сердце мое чувствует: мне еще не время умирать!

– Для овладевшего Основами Земли, Потока и Ветра ты очень скромн! – фыркнула Эйрис.

– А ты сама не хочешь одеться? – поинтересовался Несмех. – Или ты отправишь в ночные джунгли меня одного?

– Стоило бы! – Эйрис щелкнула его по носу и выскользнула из пещеры.

Несмех успел привыкнуть к костюму Черного Охотника. В нем конгай чувствовал себя в безопасности – как моллюск в раковине. Привык и к оружию, к тому, что меч висит за спиной, а не у бедра.

Эйрис, как всегда, оделась быстрее, чем он. Девушка ждала его на верхней террасе. Рука ее в черной перчатке нервно теребила перевязь с кармашками, где лежали отравленные стрелки к духовой трубке. Несмех впервые заметил, что ее мучит беспокойство.

– Ты не боишься уколаться? – спросил он.

– Нет! Идем!

У края лабиринта их поджидали шестеро Охотников.

Клапаны закрывали лица, но Несмех узнал двоих из тех, что управляли краурхом.

– Сегодня – пешком? – спросил он.

Никто не потрудились ему ответить.

Как только они пересекли Полосу, Охотники окружили их кольцом и отряд почти бегом двинулся вперед, предоставив конгаю поломать голову над причинами такой спешки.

Несмех был в джунглях шестой раз и уже не чувствовал себя новичком. Иногда он даже замечал опасность прежде, чем ее отражал клинок одного из Хозяев Реки. Впрочем, нападали на Черных Охотников только растения и совершенно безмозглые гады. Глядя вниз,

Несмех часто замечал следы огромных лап, вооруженных очень солидными когтями, но не видел тех, кому они принадлежали.

– Большие хищники предпочитают ночь! – заметила как-то Эйрис.

Отряд вошел в узкую расщелину между скалами, и Несмех подумал, что, кажется, понимает, почему они идут пешком.

Склоны ущелья были совершенно лишены почвы и отвесно уходили вверх на два десятка локтей.

Как всегда бывало на относительно открытом месте, над ними тут же закружилась стая пятнистых ургов.

Одна из тварей даже решилась атаковать, но тут же шлепнулась в десяти шагах от замыкающего Охотника. Тот даже не остановился, чтобы вырезать стрелу. Оставив в покое людей, урги накинудись на раненого сородича.

Огненный шар пульсировал в белесом небе. Раскаленные стены дышали жаром. Ноги Несмеха искали опору меж осыпавшихся камней, все чувства его были обострены, но ум совершенно свободен. Сейчас ничто не могло отвлечь конгая от разгадывания загадки: какой сюрприз готовит ему Эйрис.

За эти месяцы отношение Несмеха к девушке переменялось. Да и сам он изменился настолько, что с трудом мог вспомнить себя прежнего. Теперь молодой человек не мог даже представить, что когда-то Эйрис не было в его жизни. Он доверил ей себя и знал: она верит в него. Вправе ли Несмех желать большего? Вот разве отдать за нее жизнь. Иногда Несмех мечтал об этом. Но понимал, впрочем: умереть в Вечном Лоне – штука нехитрая. Иное дело – выжить. И Несмех очень хотел научиться выживать в Гибельном Лесу. Может быть, тогда он рискнет сказать Эйрис, кто она для него?

Стены ущелья раздвинулись, и их снова обступил Лес.

Высоченные, в четыре-пять обхватов, стволы могучими колоннами уходили вверх, вознося к небу тяжкие многоярусные кроны. Подрост под ними слабенький, едва достающий человеку до пояса. В нем проложена утоптанная тропа, огибавшая более густые участки. Несмех не знал, кто прокладывает тропы в джунглях. Рисунок их постоянно менялся, но Охотники ради безопасности предпочитали идти по тропам, а не напрямик. Вот только куда? Несмех уже знал, что Хозяева Реки чувствуют направление, как пард чувствует дорогу домой.

Эйрис окликнула шедшего впереди, и тот свернул влево.

Несмех удивился. Прежде передовой Охотник сам выбирал путь.

Лес изменился, поредел. Вокруг мощных морщинистых стволов царил полумрак. Молодая поросль чахла без света, и можно было идти, не расчищая дорогу мечами. Полумрак, темные колонны стволов... И тишина. Самое непривычное после неумолчного звона, гула, писка молодых джунглей.

Стайка пасущихся травоядных ящеров со смешными полосатыми мордочками проводила людей настороженными взглядами. А шагов через двести из кустов с треском выбрался черный тяжеломордый зверь, отдаленно напоминающий хуруга, присел на толстые когтистые лапы, разинул пасть и свирепо заперхал. Один из воинов снял со спины лук, но не выстрелил.

Эйрис показала знаком: обойдем! И шепотом, Несмеху:

– Она не нападет! Просто сторожит яйца.

Прямо посреди тропы рос желтый пористый гриб размером с голову ребенка. Охотники аккуратно перешагнули через него.

– Не задень! – предупредила Эйрис. – Он выдыхает яд, лишаящий сил.

Несмех с опаской посмотрел на растение.

В десяти шагах впереди тропа обрывалась. Судя по цвету растительности, синему с коричневым, там был овраг. Или ущелье.

Эйрис сделала знак шедшему впереди: остановись!

Девушка отстегнула клапан и понюхала воздух.

– Здесь, – сказала она.

И, к удивлению Несмеха, сопровождавшие их Охотники, кивнув поочередно девушке и конгаю, разомкнули кольцо. Построившись цепочкой, они развернулись и двинулись обратно.

Минута – и они исчезли, растворившись в буйстве красок Вечного Лона.

Охотники ушли. Несмех посмотрел на Эйрис. У девушки был вид ищущего след пса. Наконец она удовлетворенно щелкнула языком и застегнула клапан капюшона.

– Дальше мы пойдем одни! – Голос Эйрис приглушала шелковая ткань.

Несмех напряженно озирался вокруг. Ему чудились тысячи опасностей.

Но Эйрис уже нырнула под длиннющую, в моховой бороде ветку лесного исполина, и Несмеху осталось только последовать за ней.

Шли напрямик. Никакой тропы, никакого следа, по которому конгай мог бы угадать направление. Но Эйрис явно знала, куда идет. Они двигались быстро. Молодая поросль и кустарник исчезли совсем, а трава была невысока: ей приходилось пробиваться сквозь слой постоянно опадающей листвы. Кое-где ветви исполинских крон деревьев одного вида срастались, образуя живые арки. Никогда лучу солнца не удавалось достигнуть здешней земли. Разве что рухнет один из великанов, открыв изрядный кусок раскаленного неба. Ненадолго. Могучие жизненные силы Вечного Лона быстро закроют брешь.

Несмех перепрыгивал через ползучие лианы, уворачивался от свисающих сверху ростков-щупалец, на всякий случай старался держаться подальше от многочисленных грибов. Когда он прошел слишком близко от куста-ползуна, растение попыталось воткнуть ему в спину ядовитый шип. Но острое лишь скользнуло по плотной ткани куртки.

Иногда Несмеху казалось: он видит какие-то большие тела, бесшумно скользящие между черных стволов. Но, присмотревшись, юноша каждый раз убеждался: то лишь игра света или шевеление какого-нибудь растения.

Рассказывая о Лоне, его наставница сказала, что черное одеяние Охотника внушает почтение небольшим хищникам, а больших в джунглях не так уж много. Из тех, что охотятся днем.

– Вряд ли на тебя не будут нападать чаще, чем раза два в час! – уверила его девушка.

– Спасибо, мне довольно и этого! – отозвался конгай.

Но Эйрис была права: не животные, а растения представляли бо́льшую опасность.

«Если ты не пахнешь страхом, ни один зверь меньше тебя размером не решится напасть! Если боишься – десятка крыс довольно, чтобы взять твою жизнь!»

Несмех не боялся, но был весьма далек от того, чтобы ощущать себя уверенно. Да, он неплохо владел широким мечом Охотника и даже мог послать стрелу в голову бегущей крысы в надежде, что не промахнется больше, чем на ладонь. Но Пурпурный Стрелок бросает семена-стрелы с не меньшей точностью, а клюв бегающей на двух ногах ящерицы манк одним ударом раскалывает череп кугурра.

Трехцветная медовница опустилась на край огромного, лилово-желтого цветка. Летающее создание было так грациозно, что юноша невольно замер. Лазурное, как морская волна, горлышко летунии пульсировало, пока алый язычок плясал, собирая нектар. Несмех не мог оторвать от нее глаз. А когда наконец, взбежав на изящных пальчиках, медовница оттолкнулась от края цветка и вспорхнула, Несмех обнаружил, что больше не видит Эйрис. Поначалу это не слишком обеспокоило юношу. Ускорив шаг, он направился туда, где в последний раз видел ее черный силуэт. Он шел очень быстро, но девушки не было. Когда же он решил позвать ее, то сообразил, что она, может быть, слишком далеко и не слышит.

Оставшись один, Несмех не испугался. Он был уверен: как только Эйрис заметит его отсутствие, она тотчас вернется. Поэтому лучше всего ему остаться на месте и ждать. Так Несмех и поступил. Прислонившись спиной к стволу толстого дерева, он огляделся. Ему в диковинку было даже просто стоять здесь, в джунглях. Обычно Охотники все время двигались. У них всегда была какая-то цель.

Как только юноша остановился, мелкая живность совершенно перестала обращать на

него внимание. Нахальные крабы бегали по сапогам. Толстая оранжевая жаба плюхнулась сверху прямо на голову и, не удержавшись, свалилась вниз, на спину пробежавшей крысы. Та шарахнулась, а потом, мгновенно сориентировавшись, вцепилась в тощую оранжевую ногу неожиданной жертвы. Жаба была вдвое больше, но полосатая хищница в полминуты прикончила ее и принялась пировать. Впрочем, не успела она проглотить и пары кусочков, как три ее сородича и два больших черных краба явились потребовать свою долю.

– Тилод!

В первый раз Несмех даже не обратил внимания на зов. Он уже позабыл имя, которое дала ему мать. Да и кто, кроме Эйрис, мог позвать его? А Эйрис позвала бы иначе. Но справа от него вновь отчетливо раздалось:

– Тилод!

Женский голос. Юноша огляделся. Потом обогнул дерево.

– Тилод!

Определенно женский голос. Нежный. Лукавый. Он доносился из зарослей высокой красной травы. Несмех смутно помнил – такие места считаются опасными. Не из-за самой травы, но из-за того, что могло в ней скрываться. Сейчас поверхность ее волновалась.

Угроза? Несмех колебался. И нежный женский голосок опять окликнул его:

– Тилод!

В Лоне так: если ты не знаешь – избегай! Несмех помнил это, но голос был так слаб и так нежен. И так похож на голос Эйрис, такой, каким он хотел бы...

«Вдруг она там, в траве?» – подумал юноша. Отчасти он осознавал, что пытается обмануть сам себя, но: «Вдруг она попала в беду, не может выйти, не может даже подняться...»

Несмех приблизился к краю травяного круга. Красные тонкие стебли поднимались до подбородка юноши.

«Я буду осторожен!» – попытался он успокоить себя. И, вынув из ножен меч, принялся прорубать путь.

Стебли были мягкими. Каждый взмах освобождал полукруг в три локтя шириной. Взмах – шаг, взмах – шаг. Несмех без труда пересек травяное пятно, оставив в нем широкий проход. И лишь в тот миг, когда меч подсек последние стебли, юноша увидел ее.

Она стояла в каких-нибудь десяти шагах. У нее были пушистые волосы цвета заходящего солнца. И кожа желтая, как у жителей Тайдуана. И глаза тоже по-тайски немного раскосые. Опустив меч, Несмех, уставился на изящную фигурку. Чудесная девушка, со смущенной полуулыбкой, вновь произнесла-пропела:

– Тилод!

Голос ее был голосом любимой, которая встречает тебя после долгой разлуки:

– Тилод!

У юноши перехватило дыхание от восхищения и нежности.

Бедра ее обнимала юбка, сплетенная из цветов. Маленькие босые ступни стояли прямо на траве. (Несмех с ужасом подумал о тысяче смертей, готовых разорвать нежную золотистую кожу.) Он невольно сделал шаг вперед, а девушка – назад, отчего ее круглые груди вздрогнули и соприкоснулись.

– Ты пойдешь со мной? – Такая несбыточная надежда, такой зов и такая нежность были в ее голосе, что Несмех, забыв обо всем, судорожно кивнул и сделал еще один шаг.

Девушка протянула ему маленькую ручку. Она уже наполовину повернулась, но все еще смотрела сияющими темными глазами в глаза юноши, когда твердые, как когти, пальцы вонзились в плечо Несмеха.

Рот девушки приоткрылся, показав белые блестящие зубки с чуть выступающими остренькими клыками. Она опять повернулась к юноше. Ее маленькая ножка оторвалась от земли, чтобы сделать шаг к Несмеху...

Юноша ничего не успел сообразить. И не успел ничего предпринять. Слава богам! Он собирался ударить схватившего мечом, но не успел, а потом из-за его спины вынырнула рука

в черной перчатке, и рука эта сжимала тяжелый изогнутый меч Берегового Народа:

– Не шевелись! – тихо произнес за спиной Несмеха голос Эйрис. И громче, той, золотокожей: – Только подойди – и я убью его!

Золотоволосая еще раз позвала:

– Тилод!

Пальцы Эйрис больно сдавили его плечо. Он не шевельнулся. Он и сам уже начал ощущать опасность, исходившую от маленькой красавицы.

И, поняв, что нет, он не пойдет, девушка вскинула маленькую головку, повернулась и, покачивая круглыми ягодицами, скрылась между деревьев.

Несмех заметил, что лесная живность освобождает ей путь так же, как уступала дорогу Натро при подъеме на вершину водопада.

Эйрис разжала пальцы. Юноша услышал ее облегченный вздох.

– Один из них все время шел за мной! – сказала она. – Я думала – это ты, а когда заметила разницу – была уже далеко.

В отличие от Эйрис, Несмеха неожиданное приключение только развлекло.

– Кто она? Из какого народа? – поинтересовался он. – Вот не думал, что в Гибельном лесу живут такие прелестные...

Глаза Эйрис сузились, и Несмех осекся – наставница не на шутку рассердилась.

– Ты – глупец! – В ее голосе была такая ярость, что Несмех невольно поднял руку: ему показалось – сейчас она его ударит!

– Она – из Рожденных-в-Тумане! Тех, кто приходит к слабым и уводит их навсегда. Мы не трогаем ее народ, не хотим их мести! Но Слушающий говорит: наши пути пересекутся. Они живут в Лоне и не боятся Лона! Лона боится их! Даже глупые ползуны стараются убраться с их пути!

– Но она выглядела совсем как женщина! – воскликнул Несмех. – И очень красивая женщина!

Эйрис передернула плечами:

– Они могут принимать любой облик! Тот, кто однажды позвал меня, был похож на моего отца! – и – уже другим тоном – поинтересовалась: – Она показалась тебе красивей, чем я?

– Чем ты? – Несмех искренне удивился. – Нет, – и уверенно: – Нет! Конечно, нет! – Он улыбнулся, забыв, что под клапаном не видно его лица, только глаза.

Но девушка догадалась, что он улыбается.

– Я рассердилась на тебя, Большой! Но ты виноват не больше, чем я сама! Прости меня! – Она приблизилась к нему вплотную и провела ладонью по груди Несмеха. – Ты ничего не знаешь о них! Я не должна была оставлять тебя одного. Будь мы вдвоем, Рожденная-в-Тумане не позвала бы тебя!

– Откуда она знает мое имя?

– Они умеют заглядывать в мысли!

– Эйрис! Скажи, ты действительно убила бы меня, если бы она подошла?

– Не знаю... Должна была убить... Но она не подошла! – Эйрис отодвинулась от него.

– Кстати, – заметил Несмех. – Ты не забыла, где мы?

Из-под клапана раздался приглушенный смех:

– Не бойся! Я начеку!

Они снова двигались сквозь джунгли. К цели, неведомой молодому конгаю. Почти час шли без особых приключений. Если не считать мгновения, когда с пересекающей тропку ветви свесилась широкая плоская голова на длинной пятнистой шее. Несмех едва успел различить в листе массивное туловище, как Эйрис уже вскинула руку: маленький серпик, вертясь, просвистел в воздухе и вонзился в выпученный желтый глаз. Чудовище сердито заурчало, и голова тут же исчезла в листе.

Несмех почти привык к Вечному Лону, перестал ждать от него подвоха. Гибельный лес

оказался не таким уж страшным. Конгай наслаждался, любуясь причудливостью форм и бешенством красок. Ему, зодчему, каждый неожиданный изгиб древесного ствола казался чудесным.

Он так увлекся, что едва не толкнул в спину резко остановившуюся Эйрис.

Девушка подняла вверх указательный палец: молчи!

Нижние, в два обхвата, покрытые черной шероховатой корой ветви простирались у них над головами параллельно земле. Вертикальные побеги с венчиками голубой листвы вырастали из них, тянулись к невидимому солнцу.

Несмех застыл на месте, вглядываясь в полумрак, но не увидел ровно ничего. Рука Эйрис заставила его пригнуться к земле.

Они перебрались на десять шагов левее, к стволу ближайшего исполина.

– Что? – шепнул Несмех на ухо девушке.

– Там, – прошептала Эйрис, указав направление кивком головы.

Вначале Несмех по-прежнему ничего не видел, кроме чередования цветных пятен. Потом на расстоянии примерно сорока шагов разглядел нечто, показавшееся ему древесным стволом причудливой формы, темно-коричневым стволом с зелеными пятнами, беспорядочно разбросанными по гладкой коре. Юноша перевел взгляд выше и вдруг заметил блестящий желто-зеленый глаз с черным пятном зрачка. И тут, словно по волшебству, из массы цветных теней возникла круглая, похожая на обтесанный валун, голова, зеленая, глянцевая, с ярко-алыми розеткоподобными пятнами, издали выглядевшими как раскрывшиеся цветы. Голова была в десяти локтях над землей. На складках толстой шеи цвет зелени переходил в темно-коричневый. Верхние конечности, принятые Несмехом за расходящиеся ветви, были в обхват толщиной.

Огромный глаз, казалось, смотрел прямо на Несмеха.

Хорахш!

– Он видит нас? – шепотом спросил юноша.

– Надеюсь, нет!

– Как он огромен...

– Что ты! Совсем маленький. Это плохо. Будь он большим и старым, вряд ли обратил бы на нас внимание.

Маленький? Несмех чувствовал себя чем-то вроде крысы, ненароком сунувшейся в логово леопарда.

– У него хороший слух?

– Так себе. Но шуметь не стоит. Не шевелись. Может, он нас не заметит. Сейчас день, днем хорахш охотится редко. Если не учует...

– Я едва не принял его за дерево..

– Еще бы! Не будь он так похож на дерево, ему нелегко было бы охотиться.

– Да уж. Такой туше нужно много мяса. Он, вероятно, не слишком поворотлив?

Эйрис беззвучно рассмеялась.

– Быстрее кугурра, – прошептала она. – Самый отважный из нашего народа не станет сражаться с ним. Хорахш – это смерть!

Ящер застыл, будто высеченный из камня. Массивная голова сливалась с кронами деревьев. Широко расставленные, чудовищно толстые задние лапы вросли в землю черными изогнутыми когтями. Могучий хвост обернулся вокруг ствола. Закругленный кончик его, повисший в воздухе, как побег зеленой лианы, не шевелился.

– Долго нам ждать? – спросил Несмех.

– Не знаю, может быть, несколько часов. Если мы попробуем уйти, он наверняка нас заметит.

– Несколько часов? Выждать, пока стемнеет...

– Большой! Когда стемнеет, он сразу увидит нас! В темноте он намного лучше видит живое! Свет ему мешает.

– Как так может быть?

– Не знаю! Нам надо уйти отсюда до темноты!
– Может, взобраться на дерево?
– Ты не успеешь! Сорок шагов для хорахша – один прыжок. Шевельнись – и ты у него в зубах! Подожди! Время еще есть. Может, появится кто-то, кем он заинтересуется... Или заснет. Мы увидим, если он закроет глаз. Пока остается только ждать.

И они ждали. Прижавшись к толстым, выступающим из земли корням лесного великана, Несмех позавидовал крабам: тем было наплевать на огромного хищника.

Хорахш качнул тяжелой головой. Пасть его приоткрылась, из нее выскользнул толстый мокрый черный язык и смахнул крупную древесную лягушку, ползшую по стволу. Пасть захлопнулась, белая пленка задернула желто-зеленый глаз.

– Попробуем! – Эйрис осторожно приподнялась.

И тут переменился ветер.

Несмех увидел, как ноздря ящера превратилась из узкой щели в круглую дыру. Огромная голова резко дернулась. Теперь оба глаза смотрели на них. Эйрис застыла, но сейчас это уже не имело значения.

Хорахш их увидел!

– Бежим, пока он не напал! – взволнованно прошептал конгай.

– Бесполезно! – Эйрис сказала это в полный голос. Больше не имело смысла прятаться.

– Чего он ждет? – нервничая, спросил Несмех.

– Ждет, когда мы побежим! Но если мы не сдвинемся с места, он все равно нападет! – Голос девушки был абсолютно спокоен и лишен эмоций. Несмех знал: когда она говорит так, то предельно сосредоточена.

– Мы будем драться?

– Ни тебе, ни мне с ним не справиться!

– А на дерево? – спросил Несмех. – Ты успеешь взобраться на дерево?

– Я отвлеку его! – очень медленно Эйрис принялась поднимать лук. – А ты попробуй...

Щелкнула тетива, и огромная голова чудовища шевельнулась. Стрела, направленная в круглый глаз, попала в алое пятно рядом с ним. И застряла в глянцевої коже, войдя не больше чем на глубину наконечника. Стрела, с пятидесяти шагов прошибающая доску в четыре пальца толщиной.

Туловище ящера упало вперед, огромная пасть распахнулась. Из пульсирующей черной глотки вырвалось оглушительное шипение. Хвост взвился вверх, ударив содрогнувшуюся ветвь.

Эйрис толкнула Несмеха, отбросив его вправо:

– Лежи!

А сама метнулась в другую сторону. Выхваченный меч полыхнул в ее руке.

Несмех не успел коснуться руками земли, а клыки ящера уже ободрали кору там, где он только что стоял.

Конгай обдало горячим вихрем. Он вжался в почву. Он был так близко к чудовищу, что хорахш мог слизнуть его, как только что слизнул лягушку.

Но с другой стороны была Эйрис.

Хорахш не был обескуражен «исчезновением» добычи, как случилось бы со змеей или ящерицей. Нет, ящер отлично видел их обоих. Хвост, огромный противовес, метнулся вправо, едва не задев Несмеха. Ящер молниеносно развернулся и бросился на девушку. Но Эйрис опередила его. Она высоко подпрыгнула, ухватилась руками за ветку в трех локтях над ее головой, подтянулась, перевернулась, походя рубанула привязанным к кисти мечом и оказалась на другой ветви, в двенадцати локтях над землей.

Балансируя руками, она помчалась к более тонкому концу, собираясь перепрыгнуть на другое дерево. Но успела пробежать лишь несколько шагов.

Голова хорахша ударила по основанию ветви и толчок сбросил Эйрис вниз. Все же она сумела, ухватившись рукой за побег, замедлить падение. И ящер щелкнул зубами чуть раньше, чем Эйрис оказалась в его пасти.

Девушка плашмя упала на широкую морду с двумя раздувшимися ноздрями. Голова хорахша дернулась, стряхивая, вернее, подбрасывая ее вверх, как пес подбрасывает пойманную крысу, чтобы ухватить поудобней.

Но мигом раньше Эйрис изо всех сил вогнала меч в ноздрю ящера!

Рев хорахша был ужасен. Несмех обхватил голову руками, заткнул уши: ему показалось – он навсегда оглох.

Меч застрял в ноздре! Эйрис все же успела отстегнуть ремешок и спрыгнуть на землю прежде, чем ее достали передние лапы хорахша.

Ящер зацепил когтем рукоять меча и выдернул его из ноздри. Даже у человека это не получилось бы быстрее!

Эйрис, со вздымающейся грудью, застыла в пяти шагах от лежащего на земле Несмеха.

– Не вставай! – крикнула она юноше. И метнулась прочь, когда лапа ящера отбросила казавшийся совсем крохотным меч.

Несмех ничем не мог ей помочь. Хорахш убил бы его прежде, чем юноше удалось бы сделать шаг. Конгай догадался: не будь его – Эйрис сумела бы укрыться в ветвях. Значит...

Несмеху потребовалось несколько мгновений, чтобы набраться мужества. Он остро ощущал каждое движение Эйрис. Пока она стояла рядом, Несмех невольно «включился» в ее дыхание – так, как это уже случилось с ним однажды. Он принял решение, и одновременно с этим восприятие его обрело иной ритм.

Он увидел, как Эйрис, сильно отталкиваясь от земли, бежит от него, увидел, как медленно поворачивается круглая массивная голова хорахша, как приходит в движение темно-коричневое туловище, как огромные крючья когтей вспарывают почву, сгибаются толстые задние лапы... А потом распрямляются – и невероятная масса поднимается в воздух (удивительное зрелище: как будто взлетает дерево!). Эйрис бежит – длинные плавные прыжки, все медленнее и медленнее – сгибает колени, отталкивается от земли, вытянувшись струной, взлетает вверх – веревка с крюком – над головой. Двойной крюк скользит по толстой ветке, цепляется за сук, веревка натягивается, Эйрис повисает на ней, раскачиваясь маятником...

Растопыренные лапы ящера ударяют в землю – почва вздрагивает...

Эйрис, раскачиваясь, перехватывает веревку руками, карабкается вверх...

Туловище ящера продолжает двигаться, голова тянется к Эйрис. Рядом с этой головой тело девушки кажется совсем тоненьким, как у медовницы...

Она поднимается выше, но ящер вытягивает шею, которая все удлиняется, удлиняется... Толстые ноги еще раз толкают почву, гигантское тело повисает в воздухе, а шея – становится длиннее, длиннее... Громадная пасть распаивается и смыкается под самыми ногами девушки. Эйрис уже касается ветки. А чудовищная масса начинает падать вниз...

И вслед за ней падает Эйрис! Паутинный трос оказался в зубах чудовища, и оно мгновенно сорвало зацепившийся крюк.

Почва опять вздрагивает – лапы хорахша обрушиваются на нее. И еще раз – когда падает на землю толстенный, как ствол дерева, хвост.

И мигом позже всего в нескольких шагах от коричневой огромной лапы, сброшенная с высоты пятнадцати локтей, падает Эйрис.

Глыбоподобная голова поворачивается влево и вниз, туловище наклоняется, передняя лапа растопыривает сжатые в «кулак» пальцы с черными, в локоть длиной, загнутыми когтями. Кажется, сейчас накроет...

Но Эйрис в сознании. Она откатывается в сторону – и страшные когти лишь вырывают пласт дерна. А хорахш уже навис сверху. Несмех видит, как медленно вытягиваются его передние конечности и он ловит ими уворачивающуюся Эйрис. При этом пасть ящера приоткрыта в чудовищном подобии ухмылки. Несмех видит все очень четко: как скользят по паутинной ткани острые концы когтей, видит искаженное лицо Эйрис под полуоторванным клапаном капюшона...

Все происходит совершенно беззвучно и так медленно, что кажется неестественным. Только умом, не чувствами, юноша осознает происходящее. И откуда-то снаружи, словно кто-то подсказывает, приходит мысль: ты можешь вмешаться!

Чувства конгая противятся: все так похоже на иллюзию!

Кривой острый коготь цепляется за поясной ремень Эйрис, поднимает ее, несет вверх, навстречу медленно раскрывающейся пасти... Белые, тусклые клыки и влажный поток слюны на скошенной челюсти...

Эйрис неторопливо изгибается, руки и ноги ее описывают плавные круги – так красиво!

Ум говорит Несмеху, что она бьется сейчас, как рыба, подцепленная копьем, но – такие грациозные движения!

Если бы не слюна, повисшая на красно-зеленой морде...

И ей все-таки удастся сорваться! Эйрис медленно спускается вниз, раскинув руки. Как бы летит...

А державшая ее лапа все еще движется вверх, к раскрывающейся пасти. Пока хорахш не замечает, что добыча сорвалась. Замечает он это прежде, чем Эйрис касается земли. «Игра» возобновляется.

«Так медленно! – думает Несмех. – Я мог бы... Что?.. Сначала ее, потом – меня», – мысли путаются. – «Сначала – ее!» Тело само приходит в движение. Трудно! Чтобы просто поднять руку – нужно преодолеть чудовищное сопротивление. Сама рука становится непослушной. Несмех – будто в густой вязкой жидкости. Тяжело, но он встает, он уже на ногах.

«Нужно его отвлечь!»

У Несмеха много времени, очень много. Он бежит, и бег его похож на бег по горло в воде. У него сколько угодно времени, чтобы думать!

Он поднимает руку, забрасывает ее за спину и выхватывает меч. (Выволакивает – вот верное слово!) Меч кажется игрушечным в сравнении с чудовищем.

«Им не прорубить такую шкуру!» Несмех вспоминает об «увязшей» стреле. Она, должно быть, все еще торчит рядом с глазом хорахша?

Несмех успевает передумать о множестве вещей, пока, преодолевая сопротивление воздуха и собственного тела, пробегает-проплывает сорок шесть длинных шагов...

И не успевает! Морщинистая цепкая лапа все-таки смыкается на теле девушки, сдавливает ее и уносит вверх...

Несмех совсем близко от середины толстого, по пояс юноше, медленно отодвигающегося хвоста. Скорее от беспомощности, чем по разумному решению, он поднимает упрямо сопротивляющийся меч и опускает его вниз, на живой, обтянутый чешуйчатой кожей могучий «ствол».

Меч рвется из рук, но Несмех удерживает его, тянет к себе и вниз изо всех сил. Лезвие, описывая полукруг, касается темно-коричневой гладкой кожи. Несмех (он словно во сне) какое-то время не верит, что лезвие может повредить эту отливающую металлом плоть. Но клинок входит в нее без всякого сопротивления, беззвучно – ладони Несмеха не чувствуют удара, только – вырывающийся из рук эфес.

Несмех продолжает тянуть его к себе, и лезвие, как раскаленный нож в куске жира, прорезает в теле ящера щель в локоть глубиной. Прорезает и выскакивает. Несмеху требуются все силы, чтобы удержать рукоять.

Сквозь ватную пелену, забившую уши, доносится какой-то звук. Несмех догадывается, что это за звук. Ревет хорахш.

Идеально ровный разрез: темная кожа в ладонь толщиной и розово-серое мясо – заполняется густой бурой массой, бугром поднимающейся над раной. Кровь ящера.

Несмех оборачивается и видит – голова хорахша уже движется к нему. Чудовище все еще держит девушку в коричневой лапе, но забыло о ней. Распахнутая пасть опускается на конгая сверху. Да так быстро, что ему приходится напрячь все силы, чтобы, преодолев

сопротивление среды, вовремя отодвинуться. Желтые клыки смыкаются в локте от Несмеха. Конгай видит окровавленную ноздрю, в которую при желании можно свободно просунуть руку. И выпуклый внимательный глаз размером с блюдо. Несмех медленно поднимает меч.

Пасть еще раз распахивается и закрывается, словно хорахш не может понять, куда делся человек.

Утяжеленное острие клинка – над головой Несмеха. Морда ящера – на расстоянии вытянутой руки. Глянцевая кожа разделена на правильные многоугольники чешуй. Блестящий желтый с прозеленью глаз. Клинок опускается вниз и проводит белую черту на влажной склере.

На сей раз Несмех слышит довольно громкий звук. Голова-валун уходит вверх. А две когтистые лапы тянутся к юноше.

«Он выпустил Эйрис!» – радуется Несмех.

Уцелевшим глазом хорахш смотрит на него. Растопыренная лапа приближается, и Несмех ударяет по ней мечом, разрубая сморщенную кожу и заставляя хищника отдернуть лапу.

«Как это, оказывается, просто!» – думает он.

Рядом с ним – могучая нога с узловатым толстым противостоящим пальцем. Коготь не касается земли. Несмех видит толстые жилы, натянувшиеся под испачканной грязью кожей. Меч опускается и отскакивает, едва не вырвавшись из рук. Но кожа рассечена. Под ней, в быстро расширяющемся разрезе, – розовые сухожилия. Словно переплетенные канаты.

Несмех видит (мельком) лежащее в стороне скорчившееся тело Эйрис. Конгай еще раз поднимает неповоротливый меч, двумя руками рвет его вниз, на себя, почти повисает на нем... Клинок едва не проходит мимо, но все же широкое окончание цепляет сухожилие и надрезает его. Волокна, похожие на скрученную, в палец толщиной, паутину, лопаются. Разрубленная жила начинает уползать вверх, под кожу. Лопается вторая жила, третья...

Что-то касается головы Несмеха. Что-то горячее. Юноша поднимает голову и видит прямо над собой надвигающуюся, накрывающую его пасть с мечеподобными зубами, пульсирующей глоткой, толстым языком, по которому струятся ручейки слюны. Он ничего не успевает сделать: пасть хорахша опускается, зубы верхней челюсти уже давят на спину... Смердная пещера смыкается вокруг. Несмех поднимает непослушный меч, упирается в черный просвет между зубами нижней челюсти. Он задыхается, он очень устал. Пытается вырваться, но тело не хочет подчиняться. Ему не успеть! Зубы скребут по спине, почему-то вверх. Несмех выворачивается, рвется... Все его тело – как в липкой массе. По капюшону, по пленке, закрывающей глаза, ползет слюна ящера. Несмех напрягается изо всех оставшихся сил. Острие нижнего клыка у самого лица... Верхний клык упирается в затылок Несмеха, нажимает, проминает его... Несмеху кажется: клык уже входит в его мозг...

Дикая боль...

Конец...

* * *

Темнота. Вязкая, текучая, липкая и – пустая. Ничего нет. Никого нет. Есть – тьма. Безразличная и бесплотная. И всепоглощающая... Не всё: тусклый, крохотный, бесцветный огонек. Ничего не освещает, никого не зовет. Мёртв. И мрак вращается вокруг него. Почему? Он не должен двигаться! Он должен быть ничем, никем. Неподвижным и бесплотным. Но он вращается. Потому, что в нем движется голос. Бесцветный, бессветный, бесплотный голос.

Дом, доу, вау...

Нездешний, голос, не от нее, не от тьмы. Но он – из нее. Потому что тьма здесь – единственное существо. И он – из нее. Но – извне. Как и розовый огонек, крошечный прокол в обволакивающей угольной ткани.

Дом, доу, вау...

Звук толкает, прикасается, движет... Значит, есть нечто, некто... И оно, он – не из мрака. Потому у огонька появился цвет. Потому что есть – он!

*Дом, доу, вау,
По реке поплыву...*

Да? Да! Слова! Они – не отсюда. Но они входят в оставленную звуками щель. И она ползет, расширяясь, раскрываясь, растягиваясь...

*Дом, доу, вау!
По реке поплыву,
По Зеленой Реке
Со свирелью в руке
Золотые цветы собираю...*

*Дом, доу, вау.
Цветы собираю
На венок золотой
Со живою звездой,
Звездой, что угаснет к утру.*

*Дом, доу, вау!
Венок золотой
Со живою звездой,
Со мною самой
Тебе подарю —
И умру.*

*Дом, доу, вау,
Дом, доу, вау,
По Зеленой Реке поплыву...*

«Я умер! – думает он. И она тоже умерла. Нижний Мир! Вот он какой! Как легко! А умирать не страшно. Только больно. У меня больше нет тела (думает он). И у нее нет тела. Огонек! И – Дом, доу, вау...» Вот он какой, Нижний Мир...»

Голос стихает.

«Не умолкай – думает он. – Ты нужен мне!»

Но голос прячется. Только розовый тусклый огонь, который ничего не освещает...

Слабый свет пробивается через опущенные веки. Он пробует открыть глаза – но не может. Он чувствует что-то на лице. Хочет шевельнуть рукой – руки нет.

– Не двигайся! – ласковый голос.

– Эйрис?

– Молчи! Тебе нельзя говорить, двигаться, смотреть! Еще долго, Несмех! Еще долго...

– Это ты пела? – спрашивает он. Думает, что спрашивает.

– Спи, Несмех! Спи! – Он чувствует ее руку на лбу. – Спи!

Снова тусклый свет и ее голос:

– Что? – сколько он спал? Долго! Зато появилось лицо. Его лицо: нос, рот, глаза,

губы...

- Ты можешь говорить.
- Что со мной?
- Ты едва не ушел, Несмех!
- Ушел? Что было со мной, Эйрис?
- Потом, Несмех! Ты устанешь!
- Это ты пела?
- Я, Несмех! Звала тебя, чтобы ты... Спи, Несмех, спи...

– Доброе утро, Большой!

Как славно лежать не двигаясь! Как славно быть собой, чувствовать свое тело, руки Эйрис, касающиеся кожи. Не хочется шевелиться, но хочется открыть глаза. Он открывает их и видит над собой легкую желто-зеленую крышу из переплетенных стеблей тростника. Таковую же, как в доме, где он родился... Он не в пещере!

– Где я? – спрашивает и удивляется слабости своего голоса.

– Не тревожься! – Лицо Эйрис. Золотисто-коричневое. Гладкая кожа покрыта светлым пушком, чуть более густым в уголках рта и в ямке под нижней, немного оттопыренной губой.

– Эйрис! – с нежностью произносит он и улыбается.

Рука девушки приподнимает его голову, подносит к губам чашу с прохладным, розовым, кисло-сладким напитком. Край чаши изнутри покрыт орнаментом неведомого Несмеху письма. Крохотные капельки влаги задержались в штрихах резьбы. Рука Эйрис крепко и бережно сжимает его затылок до тех пор, пока чаша не пустеет.

Откинувшись на мягкую(!) подушку, он вдруг замечает: стоит подольше посмотреть на что-нибудь: письма на чаше, тростниковые стебли на потолке, маленькую грудь Эйрис, сиреневого краба, бегущего по стене, – и то, на чем останавливается взгляд, приближается, увеличивается в размерах.

«Это мне знакомо», – думает Несмех. – Откуда?»

Ему снились сны. Удивительные сны, в которых было его прошлое и его будущее. Живые видения. Что-то очень важное... Но нет, он не помнит ничего!

– Тебе лучше? – говорит Эйрис.

– Мне – очень хорошо! – Он радуется, но счастье его омрачено: он забыл что-то важное.

– Я расскажу тебе о том, что было.

– Ты – знаешь? – Нет, он не произносит вслух, просто думает. Надо смириться с тем, что он – забыл!

Эйрис откидывает край одеяла и ложится рядом, обнимает, придвигает его большую голову к своему плечу. По тому, как она это делает, Несмех догадывается: и ложе его, и соприкосновения их тел привычны девушке.

– Ты прогнал его! – говорит она.

«Нет, она не знает!» – разочарованно думает Несмех.

– Ты прогнал его! Ты был стремительней демона! Даже я видела лишь тень твою и то, что оставлял твой меч!

«О чем она? – удивляется Несмех. – Ах да!» Но это было так давно. Сколько жизней назад?

– Ты напугал его, Большой! До смерти напугал!

– А я думал – он убил меня! – вспоминает Несмех. – Он схватил меня...

– Я видела! Но ты ускользнул! Ускользнул, а он убежал! На трех лапах! Как крыса! – Ее жаркий восторженный шепот обжигает ухо.

– А что было потом? – спрашивает он.

– Ты отдал всю свою силу! – сокрушенно произносит Эйрис. – Жизнь оставила тебя, и ты стал беспомощней новорожденного щенка. А я... Я взяла меч и села рядом с тобой. Но

прежде послала зов. Хотя не надеялась, что меня услышат: я... мне тоже досталось.

Эйрис тихо засмеялась, хотя Несмех не находил в сказанном ничего смешного.

– Я сидела рядом с тобой и ждала: кто придет? Кого Вечное Лоно пошлет взять наши жизни?

Никто не приходил. Но солнце уже коснулось гор, я чувствовала это. И сумерки сгущались. И тишина была вокруг такая, какая бывает в Лоне лишь перед приходом темноты.

Сумерки сгущались, и я услышала треск ломающихся ветвей. Подумала: кто-то из детей Лона идет на запах крови!

А это был краурх. Наш краурх! И девять Охотников. Слушающий послал их за нами. До него дошел мой зов, благодарение богам! А потом мой зов дошел до тебя – и ты вернулся!

– Я привык приходить на твой зов! – сказал Несмех. – Я ведь твой ученик!

– Да! Но уже ненадолго! – Девушка погладила его по щеке.

– Эйрис? – спросил Несмех. – А куда мы шли?

– Позже, Большой! Ты узнаешь об этом позже! И скоро! Потому что мы пойдем еще раз!

– Разве этот хорахш был последним в джунглях?

– В Лоне, Большой! В Вечном Лоне! Нет! Но разве это важно?

– Когда же мы отправимся?

– Как только сила вернется к тебе! У нас не много времени: благоприятный срок кончается!

– Ты любишь загадки! Спой мне песню, которой ты позвала меня из Нижнего мира!

– Нельзя, Большой! Ее поют только один раз в жизни, и услышать ее можно лишь один раз.

– Да? А мне кажется, я ее уже слышал прежде!

– Не ее, другую. Хочешь, я спою тебе балладу о Солнечном Вестнике?

– Пой что хочешь! Мне важно, что поешь – ты!

* * *

И вновь они шли вдвоем по сумеречному Лесу. Они миновали место, где Несмех выиграл битву с хорахшем. Битву, едва не стоившую ему жизни. Они углублялись все дальше и дальше в мрачную глубину. И с каждой пройденной милей стволы деревьев становились все толще, а полумрак – гуще. Там, наверху, солнце не прошло и двух третей дневного пути, но даже отблеск луча его не прорывался сквозь тысячелиственные крыши. Влажный, теплый, удушливый воздух отдавал Топью, хотя почва под ногами была суха. Суха и упруга от множества павших, слежавшихся, спрессованных собственной тяжестью листьев. Здесь была особая часть Вечного Лона. Недра его. Ни подвижных лиан, ни вездесущих медовниц. Даже суетливая мелочь под ногами куда-то пропала. Зато повсюду попадались огромные слизи, оставляющие влажные полосы в гуще синих и фиолетовых мхов. И косматые бороды, свешивающиеся с нижних ветвей, здесь росли гуще и длиннее. А сами ветви были полностью лишены листвы. И звуки были здесь другие. Булькающие. Словно внутри огромного теплого брюха.

Эйрис уверенно шла впереди. Время от времени она быстро оглядывалась: убедиться, что именно Несмех идет за ней.

Молодому конгаю расхотелось смотреть по сторонам. Ярчайшие краски джунглей стали серыми, тусклыми. Никто больше не нападал на людей, никто ими не интересовался. Некому. Одни лишь вялые слизи да пучеглазые застывшие лягушки. И усиливающийся запах гнилой Топи. Толстенные черные петли лиан спирально уходили вверх по необъятным гладким колоннам стволов.

Несмех смотрит на аккуратно ступающие ноги Эйрис, на прогибающуюся под ее весом старую слипшуюся листву. Потом на свои ноги, так же аккуратно ступающие, в узких прочных сапогах. Он оглядывается и видит вмятины – свои собственные следы.

Эйрис замедляет шаг. Она отстегивает клапан капюшона и втягивает носом воздух. Несмех делает то же, и его ноздри улавливают слабый, но очень заманчивый аромат.

Эйрис оборачивается.

– Уже близко! – говорит она. И снова быстрым скользящим шагом идет впереди Несмеха.

Запах становится сильнее. Но юноша не в состоянии определить его. То он похож на запах вянущих цветов, то на аромат дорогого вина, то в нем ощущается дым благовоний...

И вот Несмех видит источник запаха. Юноша невольно замедляет шаг. Цветок! Он заметен издали. И не только потому, что деревья растут здесь очень редко. Цветок огромен: два размаха рук. И он светится!

Несмех замедляет шаг, но Эйрис – прибавляет. И конгаю приходится бежать, чтобы догнать девушку. Теперь он видит еще один цветок, такой же, с лепестками, наполненными изнутри нежным зеленым свечением. А потом третий, четвертый. Они уже в двадцати шагах от первого цветка...

Эйрис останавливается и поднимает руку: стой! В ее правой руке – меч. Несмех, еще не зная опасности, тоже вынимает оружие. Цветы буквально завораживают его, безумно хочется подойти, коснуться нежных лепестков...

– Ни шагу дальше! – говорит Эйрис. – Смотри! – и показывает на тоненькие, белесые усики паутиной толщины.

– Смотри!

Подхватив клинком жирного слизня, она швыряет его на белесые паутинки.

Несмех невольно отшатывается: поверхность слежавшейся листвы вскипает. Черное толстое щупальце с множеством извивающихся отростков подбрасывает слизня вверх, ловит, оплетая змеями побегов, и несет к светящемуся цветку. А в центре зеленой чаши уже появляется щель – быстро расширяющаяся щель с розовой пульсирующей мякотью.

Щупальце опускает облитого желтой пеной слизня на эту мякоть, и нежно-зеленые лепестки один за другим смыкаются, накрывая добычу. А щупальце возвращается обратно и зарывается в листву. Да так ловко, что минуту спустя только белесые паутинки-усики выдают его присутствие.

– Королева Грез! – восторженно произносит Эйрис.

– Это? – Несмех имеет в виду зеленый цветок, но клинок Эйрис указывает вперед, туда, где за темным древесным стволом медленно разгорается настоящее чудо!

Королева огромна! И сияние у нее не такое, как у меньших цветков, – желтое золото! Свет ее – частица солнца, затерянная в джунглях.

– Идем! – шепчет Эйрис. – Но будь осторожен! Если щупальце схватит тебя...

– Не схватит! – уверенно говорит Несмех. – Я уже чувствую, где они!

Действительно, он чувствует и хищные щупальца, и мощные, бурлящие соками стебли, соединяющие зеленые цветы с их прародительницей, Королевой.

Несмех уверенно движется к ней, и на сей раз Эйрис следует за ним, проходя на расстоянии вытянутой руки от зеленого цветка, Несмех не может удержаться и прикасается рукой к сияющему лепестку.

Великолепная чаша вздрагивает, приоткрывается розовая щель. Но щупальца неподвижны.

– Идем же! – торопит Эйрис.

И вот они – пред Королевой Грез. Могучий стебель-ствол в два обхвата поднимает Цветок выше человеческого роста. Золотые лепестки, обвисшие книзу, так широки, что четверо людей улеглись бы на каждом, не теснясь. Несмех видит – сияние, которое испускает Цветок, состоит из тысяч блуждающих огоньков, словно бы плавающих на поверхности огромного, как крыло дракона, лепестка. Сияние и чудеснейший аромат так

пленительны, что юноша замирает, забыв обо всем...

Шорох ткани выводит его из оцепенения.

Верхний костюм из паутины уже лежит у ног Эйрис. Рядом – лук и меч. Девушка распускает завязки шелковой рубашки. Кажется, руки Эйрис движутся сами по себе. Взгляд ее обращен вверх, к Цветку. Руки, еще более смуглые в сиянии Королевы, освобождают собранную на затылке косу, и, пока пальцы расплетают ее, бедра несколькими круговыми движениями роняют вниз панталоны из серого дымчатого шелка. Эйрис поочередно поднимает ступни, и скользкая ткань опадает на траву. И одновременно волной рассыпаются по узкой спине пушистые светлые волосы. Загибающиеся кончики их касаются круглых ягодич, более светлых, чем стройные, напряженные ноги. Эйрис приподнимается на носки и подносит губы к краю золотого лепестка. Веки ее сомкнуты.

Несмех напрягается и делает шаг вперед: он в замешательстве. Видеть обнаженное тело девушки здесь, под сенью Гибельного леса, рядом с растением-хищником, ему невыносимо...

Эйрис, услышав, оборачивается с обычной стремительностью. Зеленые глаза Несмеха встречаются с ее глазами, черными от расширившихся зрачков, обрамленных узкой голубой полоской радужки... И к Несмеху нисходит Понимание...

Он сбрасывает одежду, освобождается от нее с такой поспешностью, словно тонкий шелк жжет кожу. Он весь дрожит, и он видит: такая же дрожь сотрясает тело Эйрис.

Девушка поднимает руку, наклоняет солнечный лепесток. Легко, грациозно, так, будто тело ее невесомо, Эйрис вспрыгивает наверх и распрямляется, балансируя на опустившемся лепестке. Огоньки на поверхности шаткой опоры становятся еще ярче, озаряя снизу блуждающим светом замершую с раскинутыми руками девушку. Распущенные волосы Эйрис, будто поднятые ветром, окутывают мерцающим золотым облаком ее голову и плечи. Кожа кажется перламутровой в золотом сиянии Королевы.

Несмех глядит на Эйрис снизу, и она представляется ему фьэль. Фьэль в Волшебном Лесу.

Девушка слегка выгибается назад, и взгляд Несмеха падает на золотистый треугольник внизу втянутого живота.

«Нет, не фьэль! – думает он. – Прекрасней!»

И в следующее мгновение Несмех, сам не осознав как, тоже оказывается на раскачивающемся лепестке. Он чувствует подошвами гладкую, как шелк, упругую поверхность. Теплую, как человеческая кожа. Он протягивает руки, но Эйрис со смехом поворачивается и бежит по сияющему лепестку. Несмех видит, как темная щель разрезает огромную, в два десятка локтей шириной, сияющую чашу. Видит, как щель эта стремительно расширяется, обнажая волнующуюся багровую мякоть. Волна ошеломляющего аромата окутывает юношу с осязаемой плотностью. Он перестает дышать, а Эйрис, оттолкнувшись, взмывает вверх и, подогнув ноги, падает прямо в центр гигантского Цветка. Падает и исчезает в нем.

Несмех вскрикивает. Сбросив с себя оцепенение, он бросается вперед, но огненные лепестки Цветка начинают загибаться, поверхность под его ногами внезапно наклоняется, и, поскользнувшись, юноша падает на спину, переворачивается, катится вниз и ударяет лицом влажную, багрово-блестящую, вздрагивающую плоть Королевы. Плоть эта подается под ним, охватывает голову, Несмех задыхается... И знакомые руки, обняв, вытягивают его из жаркой ловушки. Руки переворачивают его, и юноша видит над собой сияющее лицо Эйрис, а выше – сияющий солнечный купол Королевы Грез.

Губы, розовые, влажные, открывают ровную линию зубов, прикусивших кончик языка. Эйрис наклоняется, опускается грудью на грудь Несмеха (плоть Цветка, мягко и нежно охватывающая его спину, уходит вниз под увеличившейся тяжестью), соединяет полуоткрытый рот с его устами, и в то же мгновение Несмех понимает, чей запах исходит Королева Грез – запах Эйрис!

– Эйрис! – выдыхает он, когда после тысячи мгновений губы их размыкаются.

– Не зови меня – Эйрис! – Уста девушки почти прижаты к его уху; шепот оглушителен, как удар грома: – Зови меня – Харрок! Возжигающая Пламя!

Несмех вскрикивает: зубы девушки вдруг вонзаются в его кожу, прокусывают до крови.

– Харрок!

Несмех прижимает ее к себе с силой, от которой хрустят даже ребра дочери Берегового Народа.

– Харрок!

Прижимает, переворачивает, вминает собственной тяжестью в податливую, как вода, поверхность Цветка. Он распластывает ее, замыкает внутри себя и Королевы.

Эйрис пытается освободиться. Она обороняется почти всерьез. Но Несмех намного тяжелее, и плоть Королевы, его союзник, не дает настоящей опоры той, кто внизу.

Зубы Харрок звонко щелкают, но Несмех ловит ртом ее рот, вдавливая голову в теплую мякоть Чаши, накрывает руками ее бедра, приподнимается на коленях...

Девушка замирает. Несмех видит шевелящиеся губы, но не слышит слов. Ему кажется: время опять замедлилось, но нет, сердце Эйрис колотится еще быстрее, чем его собственный сумасшедший пульс. А может, время замедлилось для них двоих, потому следующее движение чувствуется таким тягучим... Несмех не чувствует сопротивления, не осязает почти ничего. Но тело под ним напрягается, мгновенно каменеет, огромные глаза становятся еще больше, и зрачки вновь затопляют синеву. Бедра под ладонями твердеют, сдавливают его. Несмех отталкивает, отодвигает их, продолжает двигаться, медленно, бережно, и тело Эйрис теряет деревянную твердость, становится упругим. Несмех чувствует затопляющую нежность...

– Любимый! – запинаясь, произносит Харрок.

И тут капелька крови касается красной плоти Цветка.

И поверхность Чаши под ними взрывается!

Обхватив друг друга руками, не разделяясь, они взлетают, падают, переворачиваются, перекатываются, подбрасываемые судорожными сокращениями разбушевавшейся Королевы. Ноги Харрок обвивают Несмеха. Их ритм еще быстрее сотрясений Чаши. Дурманный аромат плещется вокруг. Харрок пронзительно кричит. Несмех кричит вместе с ней. Он сдерживает себя из последних сил, чудовищным напряжением воли, самым этим криком.

Но Харрок сдавливает его с еще более неистовой яростной силой и...

Буря Королевы обрывается так же внезапно, как началась.

Зарождающаяся Жизнь толчками вливается внутрь тела Эйрис. Но тела у нее больше нет. Так же, как и у Несмеха. Души их замирают, как замирает все вокруг Королевы Грез. Замирает потому, что внутри нее, заполняя собой весь солнечный шатер, изливаясь наружу, проникая в каждую частицу Жизни, на сотни шагов вокруг звучит ПЕСНЬ ФЬЁЛЬНОВ.

ЮГ. ГИБЕЛЬНЫЙ ЛЕС. ГОД ТЫСЯЧА ОДИННАДЦАТЫЙ.

Несмех возвращался.

Почти двадцать лет миновало с тех пор, как, повинаясь воле Натро, а вернее – более высокой воле, привезли его на спине краурха к восточной границе Гибельного Леса. А с ним – недавно рожденного сына. Только его и младенца, чья мать оставалась здесь, в Вечном Лоне, в Городе-на-Берегу. Так было решено. Эйрис останется, а отец с сыном – уйдут. Так надо, сказал Натро. Спрашивать – не принято. Все, что необходимо, было сказано. Утешением Эйрис и Тилоду-Несмеху было пророчество Слушающего: они встретятся. А сына Эйрис-Харрок увидит уже взрослым. Так надо. И умерили их боль разлуки. Умерили магией. И магией же была взята у конгая бо́льшая часть обретенной им силы. Большая, но не вся; а главное, осталось ему чудесное искусство, дарующее Слышавшему Пение власть над прекрасным. Всё, к чему с сердцем прикладывал он руку, становилось тенью Чудесного. И память оставили Тилоду. Потому сейчас, в преддверии возвращения, трепетало его сердце.

Жестоко было отнять у него данное на столь долгое время. Жестоко было отнять у них с Эйрис эти долгие годы. Но те, кто дают, владеют правом отнять. Потому что редко бывает так: смертный управляет своей судьбой. Чаще – Судьба управляет смертным.

Крепко связанный плот неторопливо нес Тилода-Несмеха по Зеленой Реке. Человек смотрел в мутную воду. Быстрые тени скользили под ее поверхность. Иногда мелкая рыбешка стрелкой выбрасывалась из воды, спасаясь от хищника. Несмех смотрел в реку. А на него сверху смотрели хищные пятнистые урги Гибельного Леса. Летающие твари кружились над ним, но напасть не решались. Инстинкт подсказывал им, что от человека лучше держаться подальше.

Почти месяц прошел с тех пор, как бежал Тилод из лагеря ссыльных, от берега другой реки, тоже впадающей в море Зур. Десяти дней хватило бы судну, чтоб, отойдя от лагерного причала, спуститься вниз, проплыть вдоль изрезанного бухтами побережья, подняться вверх по Зеленой, известной среди обитателей Юга как Проклятая, – и достичь Города-на-Берегу.

Несмех не плыл на корабле. Он был беглец. Но добрался до цели немногим медленнее.

Тилод Зодчий из Фаранга улыбнулся. Он с удовольствием подумал о том, как удивил своих тюремщиков. Да, те, кто решил сослать Черного Охотника (Хотя откуда они знали?) в страшные джунгли Юга, здорово просчитались. И он заставит их пожалеть о содеянном. Нынешний Тилод Зодчий – это не тот двадцатипятилетний парень, которого можно вот так запросто умыкнуть – и никто не вспомнит. Нынешнего Тилода – вспомнят! Достаточно одного лишь Начальника Фарангской Гавани Шинона, Шинона Отважного, чтобы у тех, кто затеял эту игру, затряслись поджилки, когда похищенный Зодчий объявится в Фаранге. Потому что Тилод точно знал: схватили его отнюдь не по распоряжению Великого Ангана. Или Исполняющих Волю (уж Шинон бы об этом знал). И даже не по приказу Блустителя помыслов Дага. Даг – отъявленный негодяй, но и он не станет ссылать на Юг того, кому намеревался поручить строительство (со скидкой, разумеется) нового дома.

Придя в себя в трюме плывущего на юг корабля, Тилод Зодчий не спеша обдумал происходящее (он никогда не спешил прежде, чем принять решение) и понял, что кто-то попросту решил от него избавиться. Тех, кого ссылают по повелению Великого Ангана, не оглушают втихомолку пылью дурманного гриба. Тилод понял, но действовать не спешил. Торопиться ему некуда. Раз он не сослан официально, значит там, в Фаранге, его права не затронуты, имущество не конфисковано, и сыну ничего не угрожает. Санти – достаточно взрослый парень, чтобы о себе позаботиться. Тилод совсем успокоился, когда узнал от других (настоящих) ссыльных, что они плывут на Юг. Разумеется, он не разделял их панического страха перед Гибельным лесом. Более того, он даже обрадовался. Восемнадцать лет назад ему было сказано: ты не должен возвращаться по своей воле. Когда наступит срок, Судьба сама приведет тебя обратно. Значит, пришел срок. Тилод был спокоен. Судьба вновь ведет его в Вечное Лоно. Сейчас он должен просто ждать. И действовать, когда наступит время действовать. И время пришло.

* * *

Лагерь ссыльных, тот, в который доставили Тилода, был совсем не похож на вольное поселение двухвековой давности, куда привезли третьего сына Асхенны Ролфа. Больше не было маленьких «крепостей», в которых ссыльные как могли боролись за свою жизнь. Теперь обширное пространство на берегу реки, очищенное от леса, напоминало небольшой город. К причалам речного порта трижды в месяц, а иногда и чаще подходили купеческие суда. И отходили – доверху груженные добытым ссыльными: древесиной, мехами, кожами, снадобьями и пряностями, семенами и целыми деревьями, которые задорого покупали для своих парков соххоггои: лишь здесь, в южном Конге, растения-хищники столь разнообразны и кровожадны.

Ссыльных стерегли опытные воины. Немалые деньги платили здешним стражникам. За два столетия не раз пытались сосланные на Юг поднять восстание. В первое столетие бывало

– успешно. Благодаря помощи, приходившей ниоткуда. Но в последнее время лишь отдельные смельчаки да небольшие группы решались на побег.

Для тех, кто работал в Лесу, бежать было несложно: охрана больше смотрела по сторонам, чем на подопечных, а огромные вышколенные псы были приучены следить, чтоб на самих воинов не напал какой-нибудь зверь или обезумевший ссыльный. Бежать легко. Но никто никогда не решался бежать в сторону Леса. Старались украсть или захватить лодку, чтобы по реке спуститься к морю. Но на побережье тоже была стража. Куда более бдительная. И все же у беглецов оставалась надежда: человек может обмануть человека. Гибельный Лес обмануть невозможно. В нем – только смерть.

Тилод ушел в Гибельный лес. Впервые. И одолел две мили прежде, чем отсутствие его было замечено и собаки-сыскари помчались по следу. Может быть, они и догнали бы Несмеха, но змея-шипоглавка напала на одного из псов. Ценное животное околело меньше чем за минуту. Погоня была прекращена. Обученные собаки дороже беглеца. Пусть его ловит Гибельный Лес.

На это и рассчитывал Тилод Зодчий. Нет, уже не Тилод. Здесь, в Гибельном лесу он был уже не Тилодом – Несмехом. Черным Охотником Вечного Лона. Чутьем Несмех выбрал направление и бежал ровной охотничьей побегой, сменяя одну тропу на другую. И сумрачные своды Вечного Лона пели над ним Песню Жизни. Сейчас не охотником был Несмех. Но пока еще и не жертвой. Одежда на нем была такая, как подобает. Иначе разве могли бы ссыльные работать в Гибельном Лесу? Конечно, до костюма Черных Охотников далеко, но стрекала и шипы ему не угрожали. Нужно лишь успеть засветло пробежать десять миль, расстояние, отделявшее берег реки от края Великой Топи. Топь – не Лес. Там много безопасней. Хотя к Несмеху и вернулось его чутье, едва он оказался в Лесу, но ночью Вечное Лono наверняка взяло бы его жизнь.

Надежда придавала силы конгаю. И еще он нашел меч. Старый, заржавленный, но вполне пригодный для боя. На половину клинка врос он в древесный ствол, и синие хлопья мха свисали с рукояти. Несмеху потребовалось полчаса, чтобы освободить оружие.

Ему повезло вдвойне. Он нашел меч уже у самой границы Топи, где густая трава срослась в сплошной зеленый ковер, чавкающий под ногами. Найди Несмех оружие раньше – бег его замедлился бы и он не смог бы вовремя достичь границы Топи. А меч – дар Судьбы. Оставлять его нельзя.

Несмех успел. Когда солнце скрылось за кромкой гор, он уже лежал на плавучем островке посреди зеленой душной протоки, и сырое мясо пойманной лягушки наполняло его желудок. Не лучшая пища, но достаточная, чтобы остаться в живых. Здесь безопасно. У Великой Топи свои чудовища, но большинству из них Несмех не интересен.

Двадцать шесть дней плыл он на крохотном, шесть шагов в ширину и восемь – в длину, плавучем островке. Пищей Несмеху служили лягушки, грибы и редкие в болоте съедобные плоды. Путь его был извилист, как полет медовницы над цветочной поляной. Часто не вперед, а назад вели тинистые протоки. Каждое утро смывал он затхлой водой с кожи нежную зеленую плесень. В конце первого десятидневья чуть не умер от неведомой болезни. Но – справился. И, как дар, вернулось к нему утраченное чувство потока, влажной стихии Воды. Великая Топь покорила его, хотя пути ее не стали намного прямее. Может быть, и нужны были эти двадцать шесть дней, чтобы освободить окончательно Охотника Несмеха от Зодчего Тилода. И тот, кто плыл сейчас по Зеленой Реке, был совсем не тем, кого схватили фарангские стражники, одурманив пыльцой сонного гриба. С этим им было бы не совладать!

Неспешно течет Зеленая Река, называемая глупцами Проклятой. Ненадолго быстрее сонной ленивой Фуа. Неподвижно сидит Несмех на связанных лианами полых стволах розового болотного тростника. Сидит, смотрит в подвижную воду. Ненужное, лежит рядом весло. Власть над водой – снова с ним, и несет его Зеленая вниз, не приближая ни к одному из берегов. И огибают плот быстрые светлые смертоносные тени. Несет его Зеленая туда, где изгибается ее широкое русло, отекая невысокую гору из мягкого камня. Там ждет его Город-на-Берегу, тот самый, из-за которого называют на Побережье Черных Охотников Лона

Береговым Народом.

Несмех возвращался туда, где ждала (знал, что она ждет) его жена. Эйрис. Он был спокоен, потому что знал: вскоре они встретятся и больше не разлучатся. До самой смерти.

И они встретились...

Конец шестой книги.

Книга седьмая БЕЛЫЙ КЛИНОК

I

*«Тень облаков
Раздвинулась внезапно,
И в мир сошла прекрасная Маат,
Богиня Правды.
Сошла и потерялась...»*
Линг Зеркало Снов, склад из Тунга

Была весна тысяча двенадцатого года по летоисчислению Империи. Года, который позже объявят годом Освободителя.

Забавно, но отец того, кого здесь, на севере Конга, уже не звали иначе как Освободителем, даже представить не мог, кем всего лишь за один год стал его сын. Забавно, но сходя по трапу корабля на раскаленный пирс фарангского порта, он был абсолютно уверен, что дома встретит своего Санти. Такого же, каким тот был год назад. Ну, быть может, чуть-чуть повзрослевшего.

«Должно быть, самостоятельность пошла ему на пользу»,— думал Тилод Зодчий, предвкушая эту встречу и то, как он наконец представит сына той, на кого он так похож...

— Мой Фаранг! — сказал Тилод своей спутнице, с нежностью оглядывая вознесшийся над морем город.

Корабль, полчаса назад вошедший в устье залива, скользил сейчас по сверкающей тысячами зеркал синеве к просторной Фарангской Гавани.

Двухмильная линия порта, разделенная на две неравные части впадающей в залив Фуа, пестрела флагами и цветными парусами. А за ней полого поднимался вверх сам Страж Севера, гордый Фаранг.

— Он не меньше Сарбура! — Эйрис с интересом разглядывала разбросанные по склонам, утопающие в садах дома.

— Вот тот дворец наверняка строил ты! — Она указала на светло-желтое здание, увенчанное тремя белыми башенками.

— Это не дворец — просто вилла. Да, ее строил я. Как ты догадалась?

— Похожа на тебя! — Женщина рассмеялась.

Купцы, стоявшие у борта неподалеку от них, обернулись и тоже засмеялись, воздев вверх руки. Они ведь тоже возвращались домой!

Засуетились, убирая паруса, матросы. Кормчий правил к особому пирсу. Суда, пришедшие с Юга, швартовались отдельно от других торговцев. Их товары не облагались пошлиной — только особой податью Великого Ангана.

Когда трап коснулся причала, Тилод первым сбежал вниз.

На пирсе, как всегда, толпился народ. Носильщики, встречающие, воришки, просто любопытные. Раздвигая толпу, Тилод двинулся наверх, ведя за собой женщину. Его крупная темноволосая голова возвышалась над разноцветными головными повязками портового народа. Эйрис несильно шлепнула по руке, попытавшейся забраться в ее переброшенную через плечо суму. Она привыкла к подобному еще в Сарбуре. Хозяин руки тут же испарился.

Фаранг – не Сарбур: суровые законы Конга здесь карают без жалости.

Они выбрались из толпы и по каменной лестнице поднялись наверх, оказавшись на просторной площади.

– Поедем или пойдем? – спросил Тилод, остановившись у ворот загона для пардов.

– Как хочешь! – Эйрис, как девочка, вертела головой, впитывая окружающее.

– Здесь пахнет совсем не так, как на юге! – заметила она.

– Тебе тут понравится! – убежденно сказал Тилод. – Пошли-ка пешком! Что-то я соскучился по этому городишке!

– Как скажешь, – Эйрис на миг коснулась щекой плеча зодчего и легонько подтолкнула его вперед. – Тебя никто не встречает? – спросила она. – Ты же кого-то предупреждал о своем возвращении!..

– Да! Я послал гелиографом весть Шинону, Начальнику Фарангской Гавани. И еще просил оповестить моего сына. Но, может, это и к лучшему, что нас не встречают. Значит, никто лишний не узнал о том, что я вернулся. Мне ведь и по сей день неведомо, кто и почему отправил меня на Юг!

– Думаешь, этот кто-то захочет повторить?

Несмех потрогал обтянутую кожей рукоять широкого меча Черных Охотников:

– Не так это просто! – сказал он, улыбаясь. – Да ведь и ты теперь со мной! Кто в Конге справится с нами?

Он шутил, но Эйрис кивнула совершенно серьезно.

– Я очень хочу увидеть нашего сына! – призналась она. – Ты полагаешь, с ним все в порядке?

– Немного свободы Санти на пользу, – сказал зодчий. – Боюсь, я здорово мешал ему расти. Но ты сделаешь из него Черного Охотника, верно? Тем более, у тебя есть опыт! – и стукнул кулаком по своей мощной груди.

– У него могут быть свои собственные пути! – возразила Эйрис. – Но давай, пойдем. Ты же не хочешь, чтобы о твоём приезде узнали, а на нас уже смотрят.

Быстрым шагом они двинулись по широкой аллее, стараясь держаться посередине, чтобы кроны деревьев не затеняли солнца. Дважды им пришлось уступить дорогу всадникам. Один раз по камням прогрохотала красная карета. Тилод быстро отвернулся, но его осторожность оказалась напрасной: шторы кареты даже не шелохнулись. Впрочем, они привлекали к себе не много внимания. В Фаранге незнакомец – не редкость. А они еще в Сарбуре купили себе обычную одежду, какую носят на севере Конга. Светлые волосы Эйрис были убраны под головную повязку, а на лбу нарисован такой же значок, что и у Тилода: вестник. Оружие ее было уложено в суму мужа, хотя у самого зодчего меч висел на виду. Большинство встречаемых мужчин также были вооружены: они шли по «богатой» части Фаранга.

И без того смуглое лицо Тилода загорело дочерна под небом Юга. Но не загар изменил его внешность, а то, что черты его лица как будто осветились изнутри. В холодных глазах засияла юношеская удаль, губы, прежде плотно сжатые, то и дело растягивались в белозубой улыбке, а сам он щурился, как сытый пард.

Свернув на улицу, что вела к храму Морской богини, но не дойдя до храма шагов двести, Тилод остановился:

– Вот мой дом! – сказал он Эйрис.

Женщина окинула взглядом изящное двухэтажное строение с садом на крыше; с выгнутыми наружу, как шпангоуты корабля, резными колонками, что поддерживали навес над террасой второго этажа.

– Сад совсем запущен! – недовольно сказал Тилод. – Я сделаю Сантану выговор!

– Только попробуй! – Эйрис ткнула кулаком в широкую спину зодчего. – Если ты посмеешь испортить нам встречу...

– Молчу! – улыбнулся Тилод и, наклонившись, поцеловал ее в щеку. – Никаких замечаний! Клянусь! Тебе нравится мой... наш дом?

– Да! – и, еще раз посмотрев на широкие окна: – По-моему, внутри никого нет!

– Может быть! – согласился Тилод. – Уже не так рано...

Его подруга решительно распахнула ворота и направилась к дверям.

– Сантан! – крикнул зодчий. – Сантан!

Эйрис вошла в дом, и Тилод, быстрым шагом пройдя по дорожке, последовал за ней.

– Сантан! – еще раз позвал он, оказавшись внутри.

Никто ему не ответил.

Эйрис присела, провела пальцем по мозаичному полу прихожей. Потом посмотрела на затянутые паутиной сеткой окна.

– Здесь никого не было месяц или больше! – заметила она.

– Разберемся! – уверенно сказал Тилод – Пошли наверх! Сейчас ты примешь ванну, мы поедем и отправимся к Шинону. Он наверняка знает, что к чему!

Его оптимизм успокоил женщину.

Пока Эйрис нежилась в маленьком бассейне на втором этаже, Тилод обошел дом и убедился, что он и впрямь пустует не меньше месяца. Земля в цветочных горшках пересохла, и часть растений погибла. Кое-где углы комнат затянуло паутиной.

Ничего не пропало, разумеется. В Конге закон может посмотреть сквозь пальцы на воришку, стянувшего на базаре кошелек: по первому разу ему всыпят десяток-другой плетей и отпустят. Войти же в чужой дом – иное. За это могут лишить обеих рук. А если ограблен дом в «богатом» квартале, стража не успокоится, пока силой или подкупом не выяснит имя вора. Порядок этот возник еще в доимперские времена, оберегая жилища соххогоев. В эпоху империи закон стал немного мягче, но после отделения от Империи вошел в прежнюю силу и распространился на любой дом в пределах благословенного Конга; хотя в Сарбуре от закона можно было откупиться золотом, а в большинстве хижин Междуречья и вовсе было нечего брать, кроме съестного. Но воровать еду в Конге никто бы не стал. Если голоден, попроси. Не хочешь просить – приди на базар за час до захода и бери, что осталось – не зря же называют Конг благословенным!

Тилод вышел наружу, обогнул дом, заглянул в стойло и не нашел там своего парда. Сад вокруг был порядочно запущен, хотя из маленького фонтана в форме прыгающей ящерицы по-прежнему взлетала, рассыпаясь искрящимися веерами, струя родниковой воды.

Тилод вернулся в дом и распаковал суму с провизией.

«Не послать ли в харчевню за горячим?» – подумал он и вспомнил, что посылать некого. Ладно! Обойдемся тем, что есть! А пообедать можно и у Шинона: его повар-гурамец – настоящий мастер!

Тилод вынул из шкафа серебряную посуду и выложил остатки дорожной еды. Насыпав на поддон жаровни лопатку древесного угля, он плеснул немного масла, чтобы сразу разгорелось. Подогрев вылитое из фляги вино, Тилод добавил в него три ложки белого меда и щепотку пряностей.

Циновка за его спиной скрипнула. Тилод обернулся. Эйрис, мягко ступая босыми ногами по голубому паутиному шелку, шла к нему. Пушистое белое полотенце она набросила на плечи, а поверх него рассыпались потемневшие от воды пряди длинных волос. Такая же стройная и грациозная, как в тот день, когда Тилод впервые увидел ее в Лабиринте Города на Берегу, она лишь стала более женственной, мягкой. Стальные мускулы уже не просвечивали сквозь тонкую кожу, а переливались под ней при каждом движении, как морские волны. Бедра стали немного шире, но грудь осталась такой же маленькой. Совершенно исчезла порывистость, резкость жестов, свойственная ей два десятка лет назад, но зодчий знал, что при необходимости она может двигаться еще быстрее, чем прежде.

Сейчас она шла к Тилоду, улыбалась ему, протягивая тонкие руки, и зодчий физически ощущал исходящую от нее силу, уверенность в собственной мощи, почти всемогуществе, сходную с тем чувством, что испытывал он сам после того, как обретенное двадцать лет назад искусство полностью вернулось к нему.

Положив руки на плечи Тилода, Эйрис заглянула снизу в его зеленые глаза:

– Иди, смой с себя запах моря,– сказала она.– Я оставила в бассейне с в о ю воду!

Тилод наклонился к ней, вставшей на пальчики ног, и поцеловал в уголок рта:

– Иду! – сказал он.– Начинай есть, не жди меня!

– Нет уж! Я подожду! – Эйрис бросила полотенце на одно из широких кресел и уселась в него, подобрав под себя ноги.– Вечером я уберу здесь! – пообещала она.– Даже в наших пещерах меньше пыли, чем на твоих шелках!

– Оставь! – крикнул сверху уже поднявшийся по лестнице зодчий.– За маленький серебряный грош я найму женщину, которая вполне справится с этим!

– Я хочу сама убирать свой дом! – крикнула Эйрис, но Тилод ее уже не слышал.

Зодчий снял с окон кисеи, и теперь маленькие медовницы уже порхали в комнате. Стремительно выбросив руку вперед, Эйрис поймала одну, зелено-алую малышку, издавшую возмущенный писк. Женщина погладила ее по блестящей спинке и подбросила вверх. Крылатая ящерка часто-часто затрепыхала полупрозрачными крылышками и опустилась на голубую розетку комнатного цветка. Воздух в комнате нагрелся от тлеющих в жаровне углей. И все же Эйрис, привыкшей к южному зною, Фаранг в конце третьего месяца зимы, казался холодным. Впрочем, к холоду она относилась так же равнодушно, как и к жаре.

Тилоду же после купания захотелось надеть что-нибудь теплое, и он накинул на себя длинный халат из тончайшего тайского розового мохера, за который когда-то заплатил целый золотой «дракон». Сам халат весил немногим больше уплаченной за него монеты.

Золотистое солнце, столь приятное в этот сезон, заглянуло в высокое окно, заблестав на полированных стенных панелях и синем шелке, устилающем половые циновки.

– Эйрис! – позвал он.– Как там наше вино? Еще не остыло?

– Пора идти! – сказал Тилод, делая последний глоток.– Хотел бы я знать, куда делся Санти!

– Жив! – сказала Эйрис.– Это-то я чувствую! А не могли ли его выслать вместе с тобой?

– Дети не отвечают за вину отцов! – возразил зодчий.– Да я и своей-то вины не знаю! Нет, милая, выслать его не могли! И в лагере его не было, а дом, как видишь,– не продан. А по закону, если у исчезнувшего нет наследника, имущество его распродают не позже, чем через два-три месяца! Нет, он, скорее всего,– в городе! Якшается с простонародьем!

– Тебе это неприятно?

– Да нет! Я ведь и сам – не из благородных. Но предпочел бы, чтобы мой сын лучше следил за домом и меньше возился с девками на фарангских пляжах!

Эйрис пожала плечами и отправилась наверх, где осталась ее сумка: переодеться.

Тилод сбросил халат, отодвинул стенную панель, вынул шелковую рубаху с короткими рукавами, шитую по вороту серебром, и «зимние» штаны, просторные, доходящие до середины икр. Открыв вторую панель, зодчий достал кольчугу, дорогую, двухслойную, собранную из крохотных колец. Тилод, колеблясь, подержал ее в руке, а потом положил обратно.

Сверху спустилась Эйрис. Одета она была по-прежнему в конгайскую юбку с косым краем и блузу, оставлявшую открытым правое плечо. Длинные волосы собраны на голове в подобие башни, под черной шелковой сеткой, скрепленной серебряными булавками в три четверти локтя длиной. Прическа эта прибавляла Эйрис роста и придавала величественный вид. Но Тилод оценил и то, что под черной сеткой светлый цвет волос не бросался в глаза, а острые длинные булавки были неплохим оружием в умелых руках. Не единственным оружием Эйрис. Золоченные вырезанные из толстой кожи леопарды, с внешней стороны украшающие сандалии женщины, поднимались почти до колен, а их головы с прижатыми ушами были круглыми рукоятками кинжалов. И не зная Тилод об этом заранее, он никогда не догадался бы.

– Потрясающе! – признал Тилод.– Я боюсь вести тебя в город!

– Я плохо выгляжу?

– Тебя похитят! Наверняка! Я бы ни за что не устоял! Хотя,– он показал взглядом на

сандалии,— обнимать кугурра, пожалуй, безопасней, чем тебя!

— Разве? — прошептала женщина, обвивая руками талию зодчего.

— Если ты хочешь, чтобы мы вышли сейчас, а не через два часа,— отпусти меня! — быстро произнес Тилод.— Или ты...

— Нет, пойдем! — возразила Эйрис.— Мы так долго ждали друг друга, что можем подождать еще немного! И не бойся, меня не похитят, раз ты со мной, ты, победивший хорахша!

— Кстати, о хорахшах! — сказал Тилод, когда они оказались на улице.— Натро сказал, что вы взялись приручать эту тварь?

— Хорахша? — Эйрис расхохоталась.— Хорахш слишком глуп, чтобы его приручать! Натро говорил о сиргибрах!

— И того не легче! — Тилод вспомнил хищного ящера, о котором говорила Эйрис. Уступая хорахшу в размерах (длинной сиргибр не превосходил двадцати локтей, а ростом — тринадцати) он, фактически, был куда более страшным противником: такой же быстрый, с длинными и ловкими передними лапами, с коротким острым рогом на конце морды, круглоголовый и хитрый. Его шкура была так же упруга, как у хорахша, а клыки, хотя и меньшие по размеру, могли мигом перекусить человека пополам. Вдобавок эти ящеры имели скверную привычку охотиться стаей. Правда, Черных Охотников они обычно не трогали. Днем.

— Сиргибры! — повторил Тилод с недоверием.— А как насчет акул?

— Ты и представить себе не можешь,— сказала Эйрис,— какие это очаровательные зверушки!

— Угу,— сказал Тилод.— Я вполне могу представить, как такая зверушка очаровательно отхватит тебе голову!

— Ну что ты! — возразила Эйрис.— Они же совсем маленькие, когда вылупляются из яиц. Не больше гурамского следопыта¹⁰! Впрочем,— добавила она рассудительно,— растут очень быстро! Старшим, тем, что уже по пятнадцать-шестнадцать лет, надо довольно много мяса. И они такие сообразительные! Дирг говорит, что и без магии с ними можно управиться, имей лишь терпение! Правда, яйца их без магии не добудешь. Самка, высиживающая кладку, ни за что не даст ее потревожить.

— Надо же! — усмехнулся Тилод.— А я думал: ящеры сами приносят вам яйца!

— Нет, к сожалению,— совершенно серьезно ответила Эйрис.— Это очень непростое дело. Но Дирг сказал: Народу понадобятся прирученные сиргибры, а значит, так и получилось. Но они очень славные. Представь, отвадили от лагеря всех хищников! А как с ними приятно играть! Они такие быстрые, Несмех! Просто чудо!

— Знаю я, какие они быстрые! — буркнул Тилод.— Сколько лет прошло, а я еще помню, какие они быстрые, ваши ящеры!

— Ты должен благодарить Судьбу за того хорахша! — серьезно сказала Эйрис.— С его помощью ты прошел большую часть Пути!

— Да! В Нижний Мир! — согласился Тилод. Но он уже шутил.— Мне жаль, что я не успел взглянуть на ваших новых воспитанников! Вот демон! Здесь, в Фаранге, трудно чувствовать себя Охотником — слишком спокойно вокруг!

— Охотником? А дичью тебе не трудно себя чувствовать? — поинтересовалась Эйрис.

— Ты о чем? — голос Тилода отвердел.

— За нами идут два человека! Порознь идут, от самого дома!

— Сучьи дети! Когда я заходил в дом, поблизости никого не было!

— Хочешь взглянуть? — Эйрис вложила ему в руку серебряное зеркальце.

— Обойдусь! Шинон избавит меня от соглядатаев! А вот, кстати, и его дом!

— Тоже ты строил?

¹⁰ Гурамский следопыт — порода собак с великолепным чутьем размером с лису.

– Разумеется!

Они подошли к черной кованой решетке. Ворота оказались запертыми. Прежде такого не было.

Тилод дернул шнур бронзового колокола. Чистый звон прокатился над садом. И, словно отвечая ему, ударил колокол в храме Морской богини: полдень!

Полминуты минуло, и на аллее, ведущей от дома к воротам, появился человек.

– Я желаю видеть Начальника Гавани Шинона! – решительно сказал зодчий.

– Это невозможно! – ответил подошедший.

– Не шути! – предупредил Тилод. – Будешь наказан!

Взглянув на суровое лицо зодчего, человек больше ничего не сказал, лишь поклонился, отпер ворота и пропустил Тилода и Эйрис внутрь. А потом снова запер ворота. Зодчему это не понравилось. Так же, как и отсутствие стражи. Но он смолчал.

По пустынной аллее гости прошли к дому. И вновь Тилод удивился: не только стражи нет, но – даже боевых псов, которых у Шинона всегда полон парк.

Зато сам дом не изменился, и зодчий вновь с удовольствием обозрел собственное творение. Одно из лучших!

По широкой лестнице к ним спускался человек. Заметив на нем форму моряка-воина, Тилод вздохнул с облегчением.

– Я велел тебе никого не пропускать, Саит! – сердито крикнул моряк.

– Кто ты такой? – резко спросил он.

– Я – друг Шинона Отважного, – уклончиво представился Тилод. – И я... – он заколебался.

Человек в форме моряка-воина хмуро смотрел на него. В чертах его лица зодчему чудилось что-то знакомое.

– ...И я тот, кто построил этот дом! – решил он. – Могу я видеть моего друга?

– Нет, – сказал моряк. – Он умер. Я – Лэн, брат Шинона! Прошу вас войти в дом, тебя и твою спутницу, зодчий Тилод! Саит! Я сам провожу гостей, принеси нам вина и фруктов!

Большой дом Начальника Гавани был пуст. С каменных лестниц исчезли ковры, и высокие своды эхом отзывались шагам.

– Отчего нет ковров? – спросил Тилод.

Его ум еще не воспринял печальную весть, и смерть друга казалась ему нереальной.

– Они испорчены! – ответил Лэн. – А у меня нет денег, чтобы приобрести новые. Да это и не важно! – заключил он.

Они вошли в зал рядом с восточной террасой. Зал, в котором Тилод так часто сиживал прежде.

– Садитесь, прошу вас! – сказал Лэн, указывая на кресла. – Сейчас раб принесет вино! – глядя на лицо воина-моряка, можно было вообразить, что у него очень болят зубы, но он всеми силами старается этого не показать.

– Раб? – удивился Тилод.

– Я взял его на пиратской шекке! – равнодушно пояснил моряк. – Если я дам ему свободу – уедет на родину! А он хорошо готовит.

– Ты сказал – Шинон умер? – проговорил зодчий. – Отчего?

– Убит!

– Убит? – Несмех был поражен. – Кем убит?

– Его убил некий Эрд, светлорожденный из империи, – Лэн смотрел не на зодчего, а куда-то вбок. – Трудно поверить, но это так! Он – хороший боец, этот светлорожденный. Говорят, они дрались честно: клинок на клинок. Хотя никто не видел: свидетелей не осталось. Так мне рассказал Ганг, тысяцкий. Еще он сказал, что у северянина был какой-то особенный меч, но сам Ганг в это не верит.

– Я знаю Ганга, – сказал Тилод. – И сам расспрошу его.

– Не выйдет. Он отбыл. По велению Великого Ангана..

Саит принес вино и фрукты.

– Вино неважное! – предупредил Лэн. – Я нынче небогат! Все истратил, чтобы похоронить брата. На жертвы тоже... – Голос его был бесцветен, как осенние сумерки.

– Сочту за честь помочь тебе! – предложил Тилод. – Мои деньги...

– Нет, не нужно. Благодарю. Скоро я получу сезонное жалованье. Брат высоко ценил тебя, зодчий Тилод! Спасибо тебе за этот дом: он теперь мой!

– Я строил его для Шинона! – с горечью проговорил Несмех. – Но боги рассудили иначе! Пусть Судьба будет милостива к тебе, Лэн!

– Все мы умрем, – ответил моряк. – Пей, господин зодчий! И ты, госпожа, пей! Шинон был лучшим в нашей семье. И он не оставил наследника!

– Он – странный! – сказал Тилод, когда он и Эйрис снова оказались на улице.

– Ему плохо, – ответила женщина. – Ты понимаешь его боль! – она обняла Тилода, прижалась к нему. – Но тебе – легче! У тебя есть я! И есть наш сын! Куда мы теперь пойдем?

– К Наместнику! – решительно сказал Тилод. – Даже если он причастен к моему исчезновению, все равно: лучше к нему, чем к Дагу! В этом городе заправляют они! И еще Ганг. Но Ганга, к сожалению, нет!

Стража у дворца скрестила перед ними копья, хотя шедший за ними гонец вошел беспрепятственно.

– Я – зодчий Тилод! – заявил отец Санти. – Наместник Алан знает меня!

Один из стражников свистнул, и из домика слева от ворот вразвалочку вышел десятник.

– Я – Тилод! Ты знаешь меня, «сдвоенный меч».

– Зодчий Тилод? – на бронзовом лице десятника выразился ленивый интерес. – Тот, что... пропал? Прости, господин зодчий! Не узнал тебя сразу! – щербатая улыбка десятника была угодливой и наглой одновременно. – Ты сильно изменился, господин зодчий! Конечно, Наместник примет тебя! – однако он не подал знака, чтоб солдаты пропустили Тилода, а продолжал разглядывать его и Эйрис.

Зодчий сдвинул брови.

– Прости, что заставляю тебя ждать! – пробубнил десятник. – Но приказ, господин... Если ты соизволишь обождать вон в той харчевне, хорошей харчевне, господин зодчий, я лично доложу о тебе Наместнику!

– Хорошо! – отрывисто бросил Тилод. – Я подожду в харчевне!

– Видно, что э т о строил не ты! – сказала Эйрис, кивнув в сторону дворца.

– Разумеется! Не мог же я построить весь Фаранг!

– Ты построил лучшее в нем! – женщина улыбнулась. – Думаешь, этот владыка знает, где Сантан? Может, нам поискать самим? Как ты полагаешь, где он?

– Сейчас меня больше интересует не Сантан, а то, ради какого демона меня отправили на Юг! – проговорил Тилод, опускаясь на шестиногий табурет за самый чистый из столов в харчевне. – Будь я просто зодчим, так бы и сгнил в Гибельном лесу во благо Великого Ангана.

Подскочил слуга.

– Что желают господа? – осведомился он.

– Хорошего вина, – сказал зодчий. – Х о р о ш е г о, ты понял? И что-нибудь горячее!

– О! – медовым голосом пропел слуга. – Есть запеченное в тесте мясо желтой лягушки! Отличное! Нежное! Восхитительный вкус!

Глаза Тилода начали медленно наливаться кровью. Лягушатины он на всю жизнь наелся, пока плыл по Великой Топи.

– Что ты сказал?!

– Мясо лягушки... – пролепетал перепуганный слуга. – Нежный, восхитительный...

– Господин не любит лягушатины! – сказала Эйрис, кладя руку на колено Тилода. – Господин хочет самое лучшее!

– Есть еще телячьи котлетки, запеченные в листьях, с грибной подливкой! – несмело предложил слуга и покосился в сторону Тилода так, словно на табурете сидел не человек, а хуруг.

– Хорошо, мой друг! – нежно улыбнулась Эйрис. – Неси!

– Мигом, госпожа! – с облегчением воскликнул слуга и исчез, как осенний лист, подхваченный ветром.

Трактир был почти пуст. Лишь две женщины пили сок в противоположном углу зала, да какой-то бродяга тянул из деревянной кружки вино. Лицо у бродяги было покрыто струпьями, и на левой руке, которой он постукивал по столу, не хватало двух пальцев.

– Я начинаю тревожиться! – тихо сказала Эйрис. – Что-то здесь не так, в твоём городе! Я чувствую запах грозы!

Тилод втянул носом воздух:

– Вряд ли! – сказал он. – День будет ясным!

– Запах грозы! – повторила Эйрис. – Тихо так, все будто застыло... Словно все ждут чего-то... недоброго!

Бродяга за соседним столом вдруг отчаянно застучал по столешнице и запел неожиданно сильным, глубоким голосом:

– Он идет по тропинке слов,

Рассекающей дымный кряж!

Позади него – мираж!

А плечо у него – светло!

На плече у него мешок:

Черный демон внутри зашит!

Строчкой рун, как змеей, обвит

Ярко-красный атласный шелк!

Он восходит на край скалы!

И идет, потому что слеп!

А глаза его так светлы!..

Что не жить ему на земле!

Бродяга грохнул кружкой по столу.

– Вот! – воскликнул он. – Баллада об Освободителе! Ликуй, благословенный Конг!

И присосался к кружке, хлюпая и проливая кислое вино на грудь.

Слуга принес мясо и вино, и Тилод принялся за еду. Эйрис к своей порции даже не притронулась.

Десятник, как и обещал, самолично появился в харчевне.

– Наместник примет тебя и... госпожу! – сообщил он. – Не торопись! Если желаешь доесть – доешь!

Но Тилод поднялся:

– Пойдем! – сказал он Эйрис, положив на стол серебряную монету.

Эйрис тоже встала, но, прежде, чем последовать за ним, взяла свое нетронутое блюдо и кувшинчик с вином и поставила их на стол бродяги.

– Поешь! – сказала она ласково.

Мужчина поднял лицо. Глаза его смотрели над ее головой: незрячие глаза.

– Пусть берегут тебя боги, дочь! – произнес он звучным красивым голосом, так не вязавшимся с его внешностью.

Эйрис ничего не ответила ему, просто повернулась и вышла следом за мужем.

Дворцовый парк тянулся почти на полмили. Пламя солнца искрилось в бесчисленных фонтанах, сверкало на ажурных крышах беседок и павильонов. Между мощными стволами платанов, затеняющих аллею, росли кусты с алой мелкой листвой, подстриженные так, чтобы формой они походили на сидящих пардов. Люди в парке встречались редко. Эта часть его была закрыта для служащих Канцелярии Наместника. Здесь бывали лишь личные гости Наместника Алана.

Тилод, Эйрис и десятник подошли к белой каменной арке справа от парадной лестницы. Два воина в сверкающих бронзовых доспехах шагнули им навстречу. Один прикоснулся к груди Тилода, останавливая пришельца, второй дотронулся рукой в перчатке

до эфеса меча зодчего.

Тилод оглянулся на десятника.

– Придется оставить! – сказал тот, будто извиняясь. – Это не новый обычай, так было и прежде, верно, господин зодчий?

Тилод кивнул и, отстегнув меч, протянул стражнику. Затем поднял руки, чтобы тот мог убедиться: другого оружия у зодчего нет.

Эйрис никто обыскивать не стал.

Едва они вошли в тень арки, рядом возник слуга, босоногий, в белой набедренной повязке. Он молча поклонился Тилоду и провел их во внутренний дворик с фонтаном и широкими мраморными скамьями, застеленными коврами.

– Можете подождать здесь! – сказал десятник. – Наместник сейчас выйдет к вам!

Застывший как изваяние слуга не произнес ни звука.

Спустя некоторое время из дверей, выходивших во двор, отталкивая друг друга, выскочили два огромных боевых пса. Постукивая когтями по камню, они подбежали к гостям и уселись рядом, не сводя с них карих умных глаз. Головы псов были вровень с головой сидящего на скамье Тилода. С брыластых черных морд свешивались нити слюны.

Наместник появился через пару минут. Он быстрыми шажками направился к поднявшемуся Тилоду, закивал лысой головой. Рыбьи глаза утонули в морщинах слащавой улыбки.

– Рад видеть тебя, зодчий! – воскликнул он в ответ на сдержанный поклон. – Слышал, вновь потянуло тебя на Юг? – Наместник хрюкнул. – А мы-то так тревожились! Особенно отважный Шинон, да будет добра к нему Кала! Отчего ж не поставил нас в известность, зодчий Тилод? Ты – не последний человек в моем городе! Ты нам нужен!

– Меня похитили! – коротко ответил зодчий.

– Кто же осмелился? – нахмурившись, воскликнул Наместник.

Но в рыбьем глазу его Тилод уловил беспокойство.

– Не знаю! – зодчий покачал головой. – Меня, не указав вины, присоединили к тем... к тем, кто отправляется на Юг не по собственной воле!

Он вовремя вспомнил, что и упоминание об «исчезнувших» является преступлением.

– Тебе не назвали твоей вины? – удивился Наместник. – Но это – преступление против закона!

– Это так.

– Как же тебе удалось вернуться? Тебя... отпустили?

– Вроде того, – солгал Тилод.

– Хорошо, что ты пришел сюда! – воскликнул Наместник с необычайным энтузиазмом. – Представь же мне свою прекрасную спутницу!

– Моя жена, почтенный Алан! Ее имя – Эйрис!

– Не конгайское имя! Да? – Наместник прищелкнул языком. – Она – не конгайка, верно? Но ты же обязан был испросить разрешения! Разве нет? – и впился взглядом в зодчего.

– Она рождена на Юге! – Тилод с трудом сдержал раздражение. – А ведь Юг – земля Великого Ангана! Разве нет?

– Ну да, ну, да, разумеется! – скороговоркой согласился Наместник. – А даже будь она и не из Конга... Разве я отказал бы в разрешении на брак такому уважаемому человеку, как зодчий Тилод! И такой восхитительной женщине... Эйрис, верно?

– Да, почтенный Наместник, – подтвердила женщина.

– Можешь звать меня – Алан, очаровательная Эйрис! Какое дивное имя! – Рыбьи глазки обшарили женщину с головы до ног.

– Вечером хочу видеть вас – двоих – у себя! Приглашаю! – но прозвучало скорее, как приказ. – А пока... Чем я могу помочь тебе, зодчий Тилод?

«Будь осторожен!» – знаком предупредила Эйрис.

Тилод удержался от вертевшегося на языке вопроса.

– Расскажи мне о печальной участи Шинона! – попросил он.

– О да! – лицо Наместника изобразило скорбь. – Он был убит! Предательски убит!
– Разве? – удивился Тилод. – А мне сказали: он погиб в поединке.
– Кто сказал? – быстро спросил Наместник.
– Кто? – Тилод не стал выдавать Лэна. – Мне сказал так один из людей достойного Ганга!

Наместник не сумел скрыть недовольства.

– Может, и так, – согласился он. – Только история эта во многом еще не ясна! Убил его некий шпион из Империи! Отважный Шинон раскусил его и решил сам схватить северянина! Он не знал страха, Шинон! И я ничего не успел сделать! – воскликнул Алан трагическим голосом. А потом добавил, уже с меньшим пафосом:

– Почтеннейший Даг слег за день до трагедии! Ходили слухи, – он прищурил один глаз, – что и тут не обошлось без того имперского шпиона!

– Что он сказал перед казнью? – спросил Тилод. – Ведь его казнили, верно?

– Кого?

– Шпиона!

– Увы! – произнес Наместник. – Негодяю удалось скрыться!

Тилод удивленно поднял брови.

– Но справедливость Великого Ангана настигнет убийцу! – напыщенно заявил Алан. – По моим сведениям, он все еще в Конге!

Тилод кивнул.

– А кто назначен Начальником Гавани? – поинтересовался зодчий.

– Пока никто! – ответил Наместник, и брови зодчего поднялись еще выше.

– Столько времени без Начальника Гавани? – воскликнул он в изумлении.

– Ну, у нас есть начальники фортов, начальник таможи... Командующий эскадрой... Мною предложен начальник Кимонской крепости, но Великий Анган... не одобрил! В общем... пока я сам присматриваю за Гаванью! – заключил он. – А почему ты спросил, зодчий Тилод?

– Из любопытства!

– Может, ты хотел бы еще что-то услышать? – Наместник явно чего-то ждал от него. Но именно поэтому зодчий ничего больше спрашивать не стал. Ему нужно было кое-что узнать самому.

– Нет! Благодарю, почтенный Алан!

– Тогда вы свободны! Приятно увидеть тебя, госпожа Эйрис! Жду вечером! И помни, зодчий, мое внимание всегда обращено к тебе! – Это было предупреждением.

Тилод еще раз поклонился. Наместник подмигнул и, кликнув собак, удалился.

– Мы придем к нему вечером? – спросила Эйрис, когда они оказались за пределами дворца.

– У меня было огромное желание свернуть старикашке шею! – пробормотал Тилод.

– Что же тебя остановило? – удивилась Эйрис. – Неужели пара неповоротливых псов и еще более неповоротливых солдат?

Тилод погладил возвращенный ему клинок:

– Нет! – Зодчий улыбнулся. – Наверное, я еще не привык так просто относиться к своим желаниям!

– При чем тут желания? Поверь, этот лысый коротышка опасней кугурра! Он же ненавидит людей!

– А мне показалось, что на тебя он смотрел отнюдь не с ненавистью! – заметил Тилод.

– То же самое! – возразила Эйрис. – Любовь лианы-ползуна к тому, кого она душит!

– Мы придем к нему вечером! – твердо сказал Тилод. – Нужно выжать из него все, что он знает! Даже – если придется – силой!

Эйрис покачала головой, но спорить не стала:

– Куда мы сейчас? – спросила она.

– На рынок! Купим нам пардов. А потом – к моей сестре. Хочу вас познакомить! И она,

может быть, знает, куда подевался Сантан!

Разнообразием фарангский звериный рынок уступал сарбурскому. Здесь не торговали экзотическими животными джунглей Юга, да и тех диких зверей, что водились в лесах Междуречья, тоже было немного. Зато в том, что касается домашних животных, Фаранг явно превосходил своего южного соперника.

Горбатые быки, могучие, длиннорogie, ревели, привязанные накоротко к вкопанным в землю столбам. Рыжие, черные, пятнистые коровы с сонными влажными глазами, неторопливо пережевывали траву. Их круглые бока лоснились, а рядом с каждой пенилось в кувшинах густое молоко: на пробу.

Поодаль волновалось живое море: овцы, белые, желтые, голубые, розовые, не только конгайские, но и завезенные с Белого и Красного материков. Надменные бараны, гордо вздымающие тяжелые закрученные рога.

На другом конце рынка хрипло рычали друг на друга огромные боевые псы; вертелись, не в силах устоять на месте, длинноногие охотничьи; выпуклогрудые упряжные с небольшими головами и пушистыми метлами хвостов, белые, черные, желтые тянулись добродушными мордами к покупателям, норовя лизнуть в лицо.

На крытых рядах спали, привязанные к кольцам, пушистые гурамские следопыты. Иногда из мехового комка выглядывал черный нос и раздавалось звонкое отрывистое тьяканье. Кое-кого хозяева даже держали на руках: настоящий породистый, хорошо обученный следопыт стоит почти столько же, сколько сильный пард.

На руках держали и подросших котят, пушистых и гладких, одноцветных и расписанных природой причудливыми узорами четырех цветов.

Отдельно продавались коротконогие и короткохвостые охотницы на крыс из Хуриды, совершенно черные, остроухие, недоверчивые. Их покупали, в основном, приезжие; в самом Фаранге крыс не водилось.

Глаза у Эйрис загорелись: в Городе-на-Берегу никогда не было домашних кошек. Но Тилод увлек ее к пардам.

Выбор и здесь был велик. От маленьких, двух с половиной локтей в холке, «детских» пардов до огромных мощных широколапых «боевых тяжелых», с могучими шеями и хвостами толщиной в руку взрослого мужчины. Большинство – из двух конгских пород, горной и равнинной; последние, большей частью черные, иногда – с подпалинами. С конгскими соперничали гурамские хомети, такие же огромные, с гривами жестких волос вокруг широкой головы, гривами, которые спускались до груди, закрывая всё горло. Крепкие ноги их обросли густой жесткой щетиной, но туловище покрыто обычной короткой шерстью. Менее подвижные, чем «конгаи», хомети, тем не менее, ценились дорого: жесткая шерсть в бою отлично защищала от стали и клыков. В неуязвимости они почти равнялись «хольдцам», сплошь заросшим шерстью. Но для «хольдцев» Конг слишком жарок. Здесь же продавались и аркисские «беговые», «боевые легкие» из Междуречья, неугомонные гурамские хуши и великолепные эдамские хасцы, самые стремительные из всех.

Тилод выбрал себе черную конгскую парду боевой породы, молодую и злобную, с мощными задними лапами и широким крупом. А Эйрис купила (втрое дороже) легконогого желтого хасца, послушного и выносливого, четырех лет от роду. Хасец сразу же признал Эйрис, а вот черная парда встретила нового хозяина оскаленной пастью. Тилод дал продавцу купленную тут же упряжь, и тот надел ее на рычащего зверя, не забыв потуже затянуть намордник.

– Сними! – приказал Тилод. – А ее отпусти: я справлюсь!

Продавец пожал плечами: парду звали Тьмой, и свое имя она оправдывала: тут же попыталась цапнуть Тилода за плечо. Зодчий, не церемонясь, треснул парду кулаком по лбу и, схватив за мохнатые уши, резко пригнул ее голову к земле, выворачивая и толкая назад. Парда попыталась достать зодчего лапой, но, получив коленом по носу, жалобно замыкала. Тилод тут же отпустил уши и, схватив за длинную шерсть под нижней челюстью, вложил в пасть кусок вяленого мяса. Челюсти захлопнулись с лязгом скрестившихся мечей. Тилод

поскреб парде шею и, не коснувшись стремян, прыгнул в высокое седло. Парда покосилась на него желтым глазом, но даже не рывкнула: колено Тилода хорошо запомнилось ей. Зодчий бросил еще один кусочек мяса, пойманный и тут же проглоченный.

– Ловко! – восхитился прежний хозяин. – Знал бы – больше запросил! А то ведь сбросил за норов треть цены!

Тилод только усмехнулся.

Хасец Эйрис уже скреб землю тонкими передними лапами. Тилод ударил пятками по животу Тьмы. Та мигом выскочила из загородки. И тут же решила укусить ближайшего конгая. Хлыст Тилода огрел ее по носу и остался тут же, перед глазами, чтобы парда не вздумала повторить попытку. Зато, когда они выбрались на площадь, Тилод дал парде свободу, и Тьма огромными прыжками устремилась по поднимающейся мостовой. Легконогий хасец тут же обошел ее и, взмахивая хвостом, помчался впереди. Парда сердито рыкнула, попыталась догнать, но не преуспела.

Эйрис, приподнявшись на стременах, оглянулась и помахала Тилоду рукой.

– Шестой проулок слева! – крикнул зодчий.

Дом, в котором жила сестра Тилода, был не бедным и не богатым. Обычный дом рыбака, у которого есть двое взрослых сыновей и нет пагубных привычек. Тилод много раз предлагал сестре выстроить для нее что-нибудь получше, но та отказывалась, не желая обижать мужа. Тот, хотя и гордился высоко поднявшимся зятем, никакой помощи от него принимать не хотел. В его роду такое было не принято.

Привязав пардов к столбу ворот, Тилод крикнул:

– Селани! Рон!

Никто не откликнулся.

Тилод позвал еще раз. Снова – молчание.

Из-за деревянной оградки, отделявшей один двор от другого, выглянуло смуглое личико девочки лет шести.

– Их никого нету! – сообщила она. – Зря кричишь!

– А где же они?

– Тетя Селани уехала! – поведала девочка, явно гордясь своей осведомленностью. – А остальные – в море!

– А почему уехала тетя? – мягко спросила Эйрис.

– Ее племянника и брата сца-па-ли, и дядя Рон сказал: ей надо убраться, пока цела! Вот! Я не подслушивала! – тут же заявила она. – Они просто так громко кричали!

– Спасибо, малышка! – сказал зодчий. – Когда мы встретимся еще раз, я подарю тебе бусы!

– Ой, правда? – обрадовалась его собеседница.

Но зодчий был уже в седле. Эйрис поехала за ним. Она встревожилась меньше Тилода, потому что знала: сын ее жив. А значит, они найдут его. Никто и никогда не мог удержать Эйрис-Харрок, когда она устремлялась к цели.

Покосившуюся хижину, прилепившуюся к стене склада на южной окраине порта, трудно было назвать жилищем. Но там, определенно, кто-то обитал.

– Постой снаружи! – Тилод, протянул Эйрис повод своего парда и решительно толкнул скособочившуюся дверь.

Внутри висела застоялая вонь. К запахам немывтого тела примешивался кислый аромат скверного вина и дурманной «травки». Трое мужчин играли в кости. На скрип дверных петель они обернулись. Тусклый свет пыльной масляной лампы косо падал на лица игроков. Это был единственный свет в хижине, не считая того, что пробивался сквозь щели между плохо пригнанными досками. Одна из игральные костей, упав, с сухим перестуком покатила под ноги Тилоду. Зодчий не двигался. Трое за столом сипло дышали.

Наконец один из них прохрипел:

– Что нужно?

Тилод шагнул вперед и неожиданно пнул ногой стол, за которым сидели игроки. Стол с

грохотом опрокинулся, придавив одного из мужчин, взвизгнувшего, как крыса.

Двое других одновременно прыгнули на Тилода, но тот даже не удосужился вынуть из ножен меч. Его правый кулак с треском врезался в лоб одного, а левая рука сдавила запястье другого. Нож выпал из разжавшихся пальцев, и Тилод отпустил запястье.

Третий выбрался из-под стола. Но не напал, а, напротив, покряхтывая, согнулся в поклоне.

– Наша вина, господин! – прохрипел он. – Не признали! Кланяйтесь, черви! – рявкнул он. – Это ж сам господин Тилод, славный наш зодчий!

– Ну ты рубишь, хозяин! – пробормотал тот, кого кулак Тилода отшвырнул на кучу тряпья.

– Виноваты, господин! – буркнул второй, подбирая нож. – Не признали!

Тилод развязал кошель и бросил на пол монету.

– Ваше! – сказал он. И, заметив, как алчно блеснули три пары глаз: – А это – мое! – и встряхнул кошель.

– Но, может, и вам кое-что перепадет, если ты, Краб, ответишь на мои вопросы!

– Спрашивай! – заявил обладатель хриплого голоса. – Или не спрашивай! Все твои вопросы я уже знаю! Знаю и кое-какие ответы! Я видел в твоём мешочке что-то желтое!

– Пока ты не наговорил и на медяк! – заметил Тилод.

– погоди, хозяин! Ну, знаю, ты не обидишь! А больше, чем я, тебе никто не скажет! Клянусь гузном Тура!

– Так говори, разорви тебя демон! – начиная сердиться, потребовал зодчий.

– Когда достойного господина зодчего и его славного сына сцапали какие-то ублюдки, наш добрый начальник Шинон, чья щедрость была равна доблести, призвал меня к себе! Он знал, что на меня можно положиться! – хитрый зырк в сторону зодчего. – «Краб! – сказал мне Шинон. – Какие-то гнусные ублюдки схватили моего друга и его любимого сына! Только ты, Краб, можешь выяснить, кто это сделал! На тебе, Краб, два, нет, обещаю тебе четыре золотых "дракона"»...

– Если ты не перестанешь врать, – предупредил Тилод, – вместо денег получишь это!

И показал кулак.

– Я вру? – фальшиво обиделся Краорх.

Кулак приблизился вплотную к его носу.

– Говорю, говорю, господин! – поспешно затараторил соглядатай. – Я узнал, узнал! Шинон думал о Даге, но разве мог столь достойный господин, как ты, совершить преступление против нашего Великого Ангана? Нет, ты не мог! Но тебя похитили! И я узнал, кто это сделал, клянусь теми четырьмя золотыми, что обещал мне Шинон! Это очень опасный враг, господин! Но я был чуток, как гурамский следопыт, и отважен, как леопард! И я узнал, кто похитил твоего сына, господин! Его зовут Хуран! Хуран, старший чиновник самого Наместника! Я рисковал, господин! Он похитил твоего сына, чтобы продать соххоггою! Я узнал это, когда Хуран велел схватить девушку твоего сына, сладкую Нини! Я узнал все это, но так и не успел получить свои четыре «дракона»! – Краб попытался изобразить печаль. – Умер отважный Шинон! Беловолосый северянин приплыл на военном корабле и убил моего доброго господина Шинона! Убил волшебным клинком из бивня хармшарка! А потом скрылся! Я знаю, куда он уплыл, но никому не сказал: ждал тебя, господин! Ждал тебя, чтобы рассказать! Ведь ты наверняка захочешь отомстить убийце Шинона Отважного? Его увез Хихарра, купец, увез вверх по реке! Жаль Шинона, что говорить! Да и мои четыре золотых дракона тоже пропали...

– Хуран, ты сказал? – произнес зодчий, пытаясь вспомнить, знаком ли ему этот человек.

– Хуран! – Краорх подобрался поближе и заглянул снизу в глаза Тилода.

– Я много тебе рассказал! – напомнил он.

– Да, – зодчий развязал кошель и вынул оттуда золотой.

Краорх принял монету с достоинством.

– Этот Хихарра, где он теперь?
– Ушел в Гурам в прошлом месяце! И, боюсь, вернется не скоро, господин!
– Ладно! Что еще о моем сыне ты знаешь?
– Его увез Сарк, господин! У Сарка – речная баржа! Где он, я не могу тебе сказать. Его не видно уже три сезона, с тех пор, как он увез твоего Санти!

– Санти?
– Так звали... зовут твоего сына у нас! Его хорошо знают в Фаранге, господин! Ты можешь гордиться!

– Пока я хотел бы его найти! – проворчал Тилод. – Что еще тебе известно?
– Это все, господин, но я...
Тилод повернулся, и, не прощаясь, вышел из хижины.
– Если что нужно, господин зодчий, я – здесь! – крикнул вдогонку соглядатай.
– Не такие уж плохие сведения! – сказал зодчий своей подруге. – О соххогтое подлец наверняка соврал, а вот что схватили нас не по воле Великого Ангана, – уверен: правда! Раз так – похититель сам становится преступником! Вечером мы пойдем к Наместнику и потребуем расследования!

– А вдруг он сам замешан? – предположила Эйрис.
– Вряд ли! Зачем ему? Но, если он станет укрывать своего чиновника, я обращусь к Дагу, как ни противен мне этот блюститель помыслов!

– Сейчас мы едем к твоему дому?
– Да! До захода солнца дел у нас нет!
Когда они подъехали к дому, старый слуга зодчего уже окапывал плодовые деревья в саду. Еще утром Тилод послал мальчишку-бегуна за ним и за женщиной, что прежде убирала в доме.

– Покорми их! – Зодчий передал слуге пардов.
За время отсутствия Тилода дом обрел жилой вид. С мебели и шелка была стерта мелкая желтая пыль, проникавшая даже сквозь паутинную кисею. Комнатные цветы, спрыснутые свежей водой, задышали нежным ароматом. Посуда вымыта, в подвале – две корзины свежих продуктов. Служанка купила их на собственные деньги, зная, что хозяин возместит вдвое.

Они поели и поднялись в сад на крыше. Здесь, под сенью широких листьев, улегшись на шелковые подушки, Эйрис и зодчий предались тому, о чем мечтали с самого утра, а потом погрузились в полдневную дрему, необязательную на севере, но необходимую на Юге, где на это время приходилось слишком много солнечного огня.

Разбудил Тилода раздавшийся снизу удар бронзового гонга. Зодчий сел, мгновенно сбросив с себя сонную расслабленность. Эйрис приподнялась на подушках:

– Кто? – шепотом спросила она.
Тилод приблизился к самому краю крыши и заглянул вниз. У дверей стоял человек. Сверху видны только черная макушка и бронзовые плечи. Человек был один и, ударив в гонг, терпеливо ждал.

Знаком показав Эйрис, что опасности нет, зодчий по деревянной лестнице сбежал вниз, на ходу наматывая набедренник. Оружия он брать не стал.

За дверью стоял юноша года на два моложе Сантана. Увидев зодчего, он искательно улыбнулся и только тогда Тилод его узнал.

– Соан! Как ты вырос! Входи же, мой мальчик!
Юноша, поклонился, поднялся по ступеням и, обтерев о придверный коврик босые ноги, все еще смущенный, вошел в гостиную.

– Ты стал совсем мужчиной! – одобрительно произнес зодчий. – Когда я видел тебя в последний раз, ты не доставал макушкой до моего плеча! А сейчас у тебя самого плечи – не уеже моих!

Это было преувеличением. Юноша был на треть локтя ниже Тилода и по меньшей мере в полтора раза легче. Но перемена и впрямь разительная. Из тщедушного подростка он

превратился в высокого, хотя и худого парня с треугольным торсом, обещавшим в будущем обрести крепкими мышцами.

– Мне помогли! – сказал Соан.

– Налей себе вина, возьми фрукты! Угощайся! Как ты узнал, что я вернулся?

– У меня есть глаза, – улыбнулся юноша. – Когда я увидел в саду твоего слугу...

Сверху спустилась Эйрис. На ней была косая конгайская юбка из синего шелка и короткая безрукавка мехом внутрь, сколотая на груди серебряной брошью.

Глаза Соана округлились. Он вскочил и поклонился с такой поспешностью, что едва не перевернул столик.

– Моя жена, госпожа Эйрис! – сказал Тилод. – Эйрис, это Соан! Мой ученик! Он – неплохой художник и прекрасно режет по дереву. Если будет упорен, то имя «Соан» еще прозвучит в Конге!

Юноша покраснел от похвалы, но по-прежнему не сводил глаз с Эйрис. А потом у него возникла новая мысль, и он, не задумавшись о приличиях, спросил:

– Где я мог видеть тебя, госпожа?

Эйрис покачала головой.

– Ты видел ее сына! – улыбнулся Тилод. – Это мать Сантана, ученик. Соан и наш сын – большие приятели, – пояснил зодчий Эйрис.

Женщина кивнула.

– Что я могу сделать для тебя?

На языке народа Вечного Лона это выражение означало просто приязнь, но Соан этого не знал.

– Я... Я хотел бы нарисовать твой портрет, госпожа... – волнуясь, проговорил юноша.

– Не сейчас! – возразил Тилод. – Эйрис, милая! Ты не хочешь взглянуть на мой сад? Мне надо поговорить с этим парнем, а пока ты здесь, говорить с ним невозможно! – он улыбнулся.

– Но... – пробормотал Соан.

– Конечно, милый, – Эйрис вышла из гостиной.

– Сантан! – произнес Тилод. – Что ты о нем знаешь?

– Не много, господин зодчий. Как я рад, что ты вернулся! – воскликнул он с энтузиазмом. – Теперь я верю, что увижу Санти! Даже если у северян ничего не вышло!

– У каких северян? – насторожился Тилод.

– Я расскажу, мой господин! Вскоре после того, как вы, как вас... забрали, в Фаранг приехали четверо из империи. Разве ты не слышал о них?

– Немного. Мы в Фаранге лишь с сегодняшнего утра. Не один ли из этих северян убил Шинона Отважного?

– Да, один из них, – с огорчением согласился Соан. – Но Шинон, говорят, сам хотел поединка. Тот аристократ жил у него в доме. А в день, когда Шинон погиб, северянин выехал оттуда поутру в сопровождении людей Начальника Гавани. Выехал с эскортом, а вернулся один! Мне говорили: на них напали в Камаровой Теснине! Непонятная история, господин зодчий! Светлорожденный прискакал назад на чужом парде, весь в крови, порубил стражу, убил Шинона, девушку-служанку и покалечил Морона, управителя! Только про девушку и Морона – это вранье! Так сказал сам Морон, а слуги говорили: Шинон не велел никому входить! Что бы ни случилось. Тот северянин прямо на парде влетел в дом и они дрались наверху, а потом все стихло. Тогда туда и пошел Морон, а следом за ним – Дайна, девушка, которую убили. Она была очень смелая, эта Дайна. И оба были там, когда пришел Нил!

– Кто такой Нил?

– Он вроде телохранителя у того аристократа! Сильнее его я в жизни не видел человека! Даже ты, господин, не можешь сравниться с ним! И он добрый! Для воина, конечно. И он не мог убить Дайну! – с жаром воскликнул Соан. – И этот аристократ не мог! Нил вынес его на руках, как мертвого! А, может, он и впрямь умер! Этот Нил, он умеет

оживить и мертвого.

– Да ну?

– Верь мне, мой господин! – Соан прижал руки к груди. – Он сказал: «Болезнь уйдет от тебя, Соан, и ты вырастешь сильным!» Правда, господин! Ты ведь помнишь, каким я был? А сейчас я на ладонь выше своего отца и совсем здоров! Все, как он сказал! И еще, – проговорил юноша очень быстро, боясь, что его перебьют. – В порту говорили: Нил схватился с Тороном, телохранителем Дага...

– Ого! – удивился зодчий.

– Да! Он убил Торуна! А потом оживил! – с гордостью заявил Суон. – Колдунья Герема говорила: ему нельзя убивать! Такое бывает, если боги дают человеку особую силу! Об этом даже сказка есть!

– Может быть. Но я бы Торуна оживлять не стал! – сказал зодчий. – Нет таких богов, что сочли бы злом смерть Торуна! Хотя история и впрямь запутанная! Кстати, спросил я тебя о Сантане! Ты не забыл?

– Нет, мой господин! Так вышло, что я пел его песни. Сам для себя, мой господин! Я тогда принес продавать фигурки в «Добрый Приют», гостиницу. Раскладывал их и пел песню Санти. А меня услышал воин-северянин, тот самый, благородный! И захотел узнать, чью песню я пою! Собственно, он думал, что это моя песня, но я сказал ему: нет. И он заявил, что найдет твоего сына, потому что таково его желание. А потом у них начались неприятности после... после гибели Шинона. Но не из-за Шинона, я думаю! Тут такое было, мой господин! В порту моряки устроили настоящее сражение со стражей! Один дурак-сотник ворвался со стражниками Наместника на подворье храма Тура! Народ едва не разорвал их в клочья. А другие солдаты, те, что поклоняются Туру, стали рубить тех, кто не поклоняется. К счастью, прискакал Ганг и самолично убил сотника! А стражникам велел убираться прочь! И те ушли, хотя были людьми не его, а Наместника! И он был так зол, ты знаешь Ганга, господин, он самый яростный почитатель Тура в Фаранге! Ганг отовсюду отозвал своих воинов, и моряки так всыпали страже, что на следующий день наместниковы командиры объявили новый набор!

– Северяне! – напомнил Тилод.

– В тот день они уехали, мой господин! Жаль! Они очень сильны и очень отважны! – Парнишка говорил очень быстро, словно боялся, что его перебьют. – А светлорожденный так богат, что за перстень, который он мне подарил, можно было бы купить небольшое судно! Только я не стану продавать этот перстень!

– А ты ничего не слышал о том, куда увезли Сантана? – спросил Тилод.

– Я – нет! Но узнала Мара, его подруга! И сказала женщине, что была с северянами! Только ей! А та женщина отправила Мару на Белый материк, потому что здесь ее оставить было нельзя! Она уже раз попала в лапы Имха, наместникова палача! Тогда третий из северян вызволил ее. Третий, тот, которого я не видел! И Мару я тоже не видел с тех пор. Это Хихарра, кормчий, рассказал все моему отцу. А отец – братьям и мне!

– Хихарра? А куда он увез этих северян, твой отец не сказал?

– Выходит, я зря рассказываю тебе, господин? – удивился юноша. – Тебе уже все известно?

– Далеко не все! Продолжай, мой мальчик!

– Хихарра оставил их у ворот соххоггойского Владения! Они сами так попросили!

Тилод кивнул. Нити понемногу сплетались в ткань.

– Что ты еще знаешь?

– Это почти все, господин! Если я забыл что-то, так не слишком важное!

– Я благодарен, ученик! – очень серьезно произнес Тилод. – Ты останешься с нами поужинать?

– Если можно...

– Конечно! Побудь немного один! Я пошлю слугу в харчевню!

– Я мог бы...

– Не надо! – Тилод похлопал юношу по плечу и вышел в сад.
Эйрис раскачивалась на качелях, привязанных толстой горизонтальной ветви старого боука. Увидев Тилода, она спрыгнула на траву и подошла к зодчему.
Тот вкратце передал услышанное от Соана.
– Думаю,– заключил он,– слова о соххоггое могут оказаться правдой! И это очень плохо!
– Он жив! – уверила его Эйрис.– И ему не так уж тяжело! Остальное мы узнаем у Наместника, так?
– Попробуем! – куда менее уверенно, чем утром, сказал зодчий.

II

«Воину не следует иметь любимое оружие. Привязанность к одному – ошибочна. И стоит жизни».

Мангхэл Сёрк. Правило восемнадцатое

Фаранг. Весна тысяча двенадцатого года по исчислению Империи.

Тилод ждал, что на вечернем приеме у Наместника будет множество гостей. Не было никого.
Безмолвные слуги со светильниками проводили зодчего и его подругу через темные анфилады залов в небольшую пиршественную на втором этаже дворца. Там встретил их скромно одетый человек с коротким мечом на поясе. Тилод, у которого, как и прежде, отобрали оружие при входе во дворец, понял, что перед ним – не гость.
Человек поклонился и предложил им занять места за небольшим, под стать самой пиршественной, столом.
– Наместник скоро будет! – любезным голосом сообщил человек с мечом.– Прошу вас, пейте и ешьте без стеснения! – и, еще раз поклонившись, вышел.
Молчаливые слуги, двигавшиеся бесшумно и грациозно, поставили блюда с яствами и наполнили бокалы подходящим первой перемене вином.
Но ни Тилод, ни Эйрис к еде не притронулись. Из вежливости и из осторожности одновременно. Небольшие дозы ядов не могли причинить им вреда. Но только – небольшие.
Вскоре раздался цокот собачьих когтей, возвестивший приход Наместника Алана.
Растянув рот в любезнейшей из улыбок, хозяин сделал рукой знак: «Не вставать!» – и сам опустился в кресло напротив Эйрис.
Слуга тотчас поставил перед ним еду, а другой слуга полил ее горячим,пряно пахнущим соусом.
– Прошу отведать! – добродушно предложил Наместник и без лишних слов набросился на свою порцию.
Тилод подхватил вилкой ломтик нежного мяса, окунул его во фруктовое желе. Положив на язык, подержал некоторое время во рту, наслаждаясь вкусом и заодно проверяя, нет ли в пище нежелательной начинки. Похоже – нет. Но полной уверенности у него быть не могло: чиновники Конга, перенявшие у соххоггоев некоторые из их «искусств», весьма наловчились в отравительстве. Даже не опасное для жизни снотворное, действующее через час после приема пищи, после дополнения, примешанного, скажем, к вину, могло оказать гостям скверную услугу...
Тилод попробовал и вино. Это оказалось очень старое орэлейское, красное, удивительного букета. Зодчий покачал согретый в руке конический бокал из розового хрусталя и улыбнулся Наместнику, дав понять, что оценил и вкус хозяина, и его щедрость. Наместник улыбнулся в ответ и точно таким же движением покачав собственный бокал, пригубил драгоценное вино.

«Безопасно!» – знаком показал Тилод своей спутнице. Нужно быть варваром-омбамту, чтобы подмешать что-либо в т а к о е вино. Не говоря уж о том, что любая добавка, самая ничтожная, тотчас разрушит музыкальное единство вкуса и аромата. Зодчий Тилод не спеша пил орэлейское, каждый глоток которого был дороже, чем земля и имущество его покойных родителей, и пытался угадать, замешан Наместник в похищении или нет?

Ужин, как принято в Конге, протекал в молчании. В соседнем зале негромко играл оркестр.

Наместник отодвинул от себя третье блюдо и, откинувшись на спинку обитого зеленым шелком кресла, показал слугам: десерт!

Со стола было мгновенно убрано все, вплоть до скатерти, а стол с молниеносной быстротой сервировали вновь.

Слуга с поклоном продемонстрировал сначала Тилоду, потом Эйрис покрытый пылью и паутиной кувшин. Зодчий взглянул на печать: тоже орэлейское, но на пятьдесят лет старше. Кроме года сбора, на печати значилось время, когда был отжат сок, имя давно умершего винодела и родословная винограда. Крохотные буквы с каллиграфическим мастерством вырезаны на черной поверхности отвердевшей смолы.

– Не желают ли гости певца? – спросил Наместник.

– Милость почтенного Алана безгранична! – отказался Тилод.

Но Эйрис, улыбнувшись, сказала:

– Пожалуй! Я не знакома с песнями Фаранга!

И, будто кто-то уже отдал распоряжение, музыканты гурьбой вошли в трапезную, а следом появился певец, стройный, немолодой уже человек в серебристо-сером одеянии. На лбу его синей краской был нарисован знак профессии.

Откинув назад длинные, иссиня-черные волосы, он взял несколько нот и вопросительно взглянул на Наместника.

Тот еле заметно кивнул.

Певец сделал знак музыкантам, и тут нечто в лице Эйрис заставило певца переменить выбранную песню. Он быстро наклонился к музыкантам и что-то прошептал. Тилод был удивлен: этого певца он никогда прежде не видел. А Наместник ничего не заметил: прикрыв глаза и расслабившись, он постукивал ладонью в такт рокоту маленького барабана.

Певец качнул головой. Две ситры присоединились к воркотне барабанчика, размеренной, как голос прибоя. Потом вступила винна¹¹ и только после нее – певец, сразу наполнивший пиршественную силой низкого проникновенного голоса:

– Останься сегодня со мной!
В стране, где не знают о лишних!
Где полночь сиренево дышит
В раскрытое настежь окно.

Останься сегодня со мной!
Здесь тени бегучие рыжи!
А сколько мерцает над крышей
Сквозящих в небесное дно!

В страну опьяняющих снов
Кораблик – лимонная долька,
Умчит нас по небу, ты только
Останься сегодня со мной!

¹¹ Винна – двухрезонаторный музыкальный инструмент.

Певец умолк. Трижды вскрикнула флейта, и постепенно стихли остальные инструменты. Только барабан продолжал рокотать еще целую длинную минуту.

– Хорошо! – произнес Наместник, когда барабан смолк.

Взмахом руки он отпустил артистов и после паузы, другим тоном сказал:

– Мне донесли, ты пытаешься что-то разузнать, зодчий Тилод.

– Так это твои... наблюдатели, почтенный, сопровождали нас сегодня?

– Мои. Я же сказал, что не оставлю тебя своим вниманием! – и добродушно рассмеялся. – Я ценю тебя, зодчий, и понимаю, какие могут быть неприятности у... беглого ссыльного!

Тилод не торопился с ответом. Некоторое время только музыка и шорохи за окном нарушали тишину.

– Да, – сказал наконец зодчий. – Я кое-что разузнавал.

– И что же?

– Мне известно теперь, что не волей Великого Ангана, а преступным умыслом оказался я на Юге!

Теперь настало время подумать Наместнику. Но он быстро нашел ответ:

– Мне неведомы все деяния Дага! Если человек исчезает, это означает вещь вполне определенную!

– Мне трудно поверить, – возразил Тилод, – что почтенный Алан, столь внимательный ко мне, не поинтересовался у блюстителя помыслов, в чем моя вина!

– Тем не менее это так! – заявил Наместник.

– Мой сын тоже пропал! – заметил Тилод.

– Мне это известно. Именно поэтому я... – Наместник поднес к губам бокал, продолжая исподлобья наблюдать за зодчим... – ...решил, что гнев Великого Ангана коснулся тебя! Ты-то чист перед Властью, но твой сын, он иногда позволял себе лишнее. А раз сын...

– Мне сказали, что Даг непричастен к похищению моего сына! – заметил Тилод. – Завтра я намереваюсь посетить Дага и узнать все наверняка!

– Если твой сын не погрешил против Власти, ты можешь твердо рассчитывать на мою помощь! – с важностью произнес Наместник. – Соблюдение закона – мой долг!

– Да, – сказал зодчий. – Это именно так!

Наместник впился в него взглядом:

– Удалось ли тебе узнать еще что-то? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Да, удалось! И тут я рассчитываю на твою помощь!

– Слушаю тебя, зодчий!

– Служит ли у тебя человек по имени Хуран?

Наместник окинул Тилода долгим неприязненным взглядом. Но если он рассчитывал испугать зодчего, то ошибся.

– Да, – сказал он. – У меня служит такой человек!

– Мне сообщили, что он приложил руку к похищению моего сына!

– Ложь! – быстро возразил Наместник. И, поняв, что поторопился, сделал шаг назад:

– Хуран – весьма достойный человек! – веско произнес он. – Я уверен: он не мог совершить подобное!

– Не проще ли спросить у него самого? – предложил Тилод.

– Ты указываешь мне?

– Ты сам обещал мне помощь, почтенный Алан!

– И я сам определю, какая помощь тебе нужна!

– Тогда мне придется через уважаемого Дага испросить помощи Великого Ангана! – заявил Тилод.

– Ты мне угрожаешь, – с сожалением произнес Наместник. – Так ты рискуешь потерять мое расположение!

Тилод промолчал.

– И ты, прекрасная Эйрис, тоже считаешь, что чиновник Великого Ангана может быть

замешан в преступлении? – спросил Наместник.

– Она плохо знает чиновников, почтенный Алан! – произнес Тилод.

– Хорошо! – произнес Наместник, глядя на плечо и правую грудь Эйрис, открытые сшитым в конгайской манере платьем. – Я велю Хурану поговорить с тобой! Хотя мне не хочется оскорблять подозрением человека, столь безукоризненно служащего Великому Ангану!

– Я буду вежлив, – заверил Тилод. – Когда мы с ним встретимся?

– Хоть сейчас, если вы не желаете чего-нибудь еще.

– Нет, почтенный Алан, мы благодарим! – Тилода так удивило предложение Наместника, что он почти уверился: чиновник Хуран – ни при чем. Но увидеть его необходимо. Несколько вопросов – и острый глаз Эйрис увидит правду.

– Благодарю еще раз! Лучше уж узнать все сегодня, чтобы завтра я не принес Дагу лживых слов!

Наместник опустил взгляд:

«Ты не принесешь Дагу никаких слов! – подумал он с яростью. – Ни лживых, ни правдивых!»

Он встал и изобразив радушную улыбку, повернулся к зодчему.

– Тогда пойдем! – предложил он Тилоду. – Здесь не так уж далеко: почтенный Хуран живет во дворце!

Наместник шел впереди. Справа от него, неся на шесте светильник, спешил слуга. Эйрис и Тилод двигались следом, а оба пса, громко дыша, бежали по бокам. Второй слуга нес лампу, более яркую, чем первая, раскачивающуюся на цепи у них над головами. Шли недолго. Минут через пять трусивший рядом с зодчим пес зарычал. Тилод с удивлением покосился на него.

Слуга распахнул створки высоких резных дверей.

Существо, встретившее их за дверьми, выглядело так, что рука Тилода невольно потянулась к тому месту, где прежде висел его меч. Одновременно он сделал шаг вперед, закрывая Эйрис.

Существо сидело на корточках. Похоже, оно только что онанировало, когда же открылась дверь, чудовище, хотя и прекратило свое занятие, но по-прежнему держало в огромном чешуйчатом кулаке свой странной формы половой орган. Воздух с шумом входил и выходил через красные влажные дырки посередине жуткой морды. Верхняя губа, длинная, шевелящаяся, была разрублена пополам или раздвоена от природы. Если, конечно, природа ответственна за это порождение Зла. Четыре длинных серо-желтых резца торчали из пасти магхара, придавая ему сходство с крысой, только зубы эти – в четверть локтя длиной. Один глаз чудовища, по-видимому, был слеп, второй уставился на вошедших.

Наместник прикрикнул на магхара, тот отпустил свой напоминающий бычий рог фаллос и медленно распрямил согнутые ноги. Ростом он на четверть локтя превосходил Тилода. Огромное, покрытое лишайными пятнами брюхо, колыхнулось, словно чудовищный бурдюк. Кривые когти беспалых стоп скребнули по паркету, когда чудовище, пропуская хозяина, отпрянуло назад.

– Молчать! – приказал Наместник рычащим псам. – Назад! Ждать!

Обернувшись к гостям, он сообщил:

– Совершенно его не выносят! А ведь Равахш предан мне так же крепко, как они!

И подойдя к магхару, похлопал чудовище по свинцово поблескивающей груди.

– Верите ли? – сказал он с гордостью. – Меч не может разрубить эту чешую!

Магхар наклонился и, издав утробный звук, лизнул лысую голову Наместника, не доходявшую ему даже до плеча.

Тилод обратил внимание, что слуги с фонарями стараются держаться от твари подальше. Кожистый нарост, пересекающий поперек плоскую голову магхара, из малинового стал фиолетовым.

– Он довольно послушен! – Наместник растянул в улыбке тонкие губы. – Идемте же! – и похлопал чудовище по брюху.

Раздался такой звук, словно он ударил по дереву.

Похлопал и пошел дальше. Магхар стоял, открыв слюнявую пасть. Фаллос его подрагивал, карий глаз с обожанием уставился на спину Наместника.

Тилод двинулся следом за хозяином. Эйрис шла рядом, с любопытством разглядывая чудовище. В Гибельном Лесу довольно отвратительных тварей, но подобной не было.

Тилод счел для себя унизительным обходить чудовище, как это сделал слуга. Он прошел в двух шагах от него. С другой стороны Тилода шла Эйрис.

Магхар стремительно выбросил чешуйчатую лапу, намереваясь схватить женщину. Тилод с наименьшей быстротой ударил ребром ладони по конечности чудовища, отбив ее вверх. И едва не расшиб руку: чешуя магхара обладала твердостью железа.

Тварь взревела. Наверняка не от боли, а лишь от того, что ей помешали. Эйрис остановилась и спокойно ждала, что будет дальше. Слуги шарахнулись. Тилод, куда менее уверенный в себе, чем его подруга, приготовился к драке, прикидывая, как выхватить у одного из слуг шест со светильником.

Гневный окрик Наместника заставил магхара отступить и сгорбиться.

– Идите, не бойтесь! – сказал он, одобрительно посмотрев на Эйрис. – Он немного возбудим! Вернее, он всегда возбужден! – Наместник хохотнул. – Раз в три дня ему приводят овцу. Но он предпочитает женщин! – Наместник щелкнул пальцами. – Как-то я скормил Равахшу пару провинившихся рабынь! Так перед тем как сожрать их, он поразвлекся с обеими! И представьте, друзья, обе умерли не сразу. А я, признаться, считал, что такой меч убивает с первого удара!

– Твои развлечения достойны соххогоя! – с гневом воскликнул Тилод.

– О да! – Наместник не только не обиделся, но принял замечание Тилода как одобрение. – Говорят, во мне есть капля их крови! Но я в это, как вы сами понимаете, не очень верю! – и наградил Тилода двусмысленной улыбкой.

Магхар остался позади. Они миновали еще один темный зал.

– Скоро ли мы придем? – спросил зодчий.

Как ни странно, теперь, после магхара, он чувствовал себя увереннее. Или это от того, что боевые псы больше не дышали в затылок? Наместник оставил их за резными дверями перед залом, в котором обитал магхар.

– Здесь! – ответил Наместник, позволив слуге открыть очередные двери.

– Приветствую тебя, уважаемый! Мы пришли! – громко сказал он.

Тилод и Эйрис вступили в просторную комнату, скудно освещенную тремя светильниками. В комнате было несколько кресел и широкое застеленное покрывалом ложе на четырех выгнутых ножках. Еще они увидели ряд запертых шкафов и у дальней стены – бассейн с фонтаном.

Подле бассейна стоял человек в меховом плаще. Длинные прямые волосы жидкими прядями падали на его плечи.

Тилод и Эйрис одновременно почувствовали недоброе. Но прежде чем они успели что-то предпринять, человек повернулся.

Разглядеть в полумраке черты лица было невозможно, однако глаза незнакомца, вобравшие, казалось, огонь всех трех светильников, мрачно пылали в провалах глазниц.

– Стоять! – негромко сказал человек и прочертил ладонью в воздухе косую линию.

И зодчий застыл, не в силах шевельнуть даже глазными яблоками. Застыла и Эйрис. И слуги. И сам Наместник. Только тени от закрепленных на столбах ламп продолжали двигаться.

Маг повернулся к Наместнику и вытянул руку. Голубая молния выметнулась из-под его ногтей, и почтенный Алан со стоном зашевелился.

– Можно бы обойтись и без этого! – недовольно буркнул он.

– Время! – сказал маг. – Они опасны!

Голос его был бесцветен и неприятен, как скрип трущихся друг о друга кусков дерева.

– Мне надо, чтобы ты сделал их покорными! – проговорил Наместник. – Сделай их покорными, Срезающий Плоды!

Наместника трясло: сказывалось действие заклинания.

– Это возможно! – проскрипел маг и приблизился к Тилоду. – Это возможно! – повторил он.

Около Эйрис чародей задержался. Женщина видела его морщинистое, как кожа старого ореха, лицо, но не чувствовала прикосновений. Зато она чувствовала, как маг пытается пробраться в ее сознание, однако это она могла пресечь.

– Я сделаю их покорными! – негромко произнес маг. – Хотя с женщиной придется повозиться! Что взамен?

– Все, что пожелаешь! – поспешно ответил Наместник. Он нервничал: так всегда бывало с ним в присутствии мага.

– Я возьму женщину!

– Об этом не может быть и речи! – воскликнул Алан.

– Ты же сказал: все, что пожелаешь! – холодно произнес маг. – Я желаю ее!

– Я тоже желаю ее! – запальчиво выкрикнул Наместник.

Он боялся мага, но терпеть не мог, когда ему препятствовали.

– Ты обещал! – снова напомнил маг.

– А ты служишь мне! – заявил Алан.

– Это можно изменить! – спокойно произнес Срезающий Плоды.

– Хорошо! – согласился Наместник. – Ты ее получишь!

Он весь взмок, хотя в комнате было довольно прохладно.

– Ты ее получишь! – он вытер потные ладони о куртку. – Через два дня! Но два дня она будет у меня!

– Она не будет покорной! – заметил маг. – Я могу только сделать ее слабой! Но через два дня ты отдашь ее мне!

– Устраивает! – торопливо согласился Наместник.

Он не ожидал, что маг так легко уступит.

– А чего ты хочешь от мужчины?

– Его надо обезвредить! Хочешь, возьми себе!

– Мне он не нужен! – отрезал маг. – Он опасен и бесполезен. Кроме того, на нем – знаки Братства Света. Я лишу его воли, а ты можешь использовать как раба. Он силен.

– А он не забудет то, что умеет? – спросил Наместник.

Ему пришло в голову, что совсем неплохо иметь рабом такого зодчего.

– Нет! Он только потеряет собственные желания!

Маг подошел к бассейну, наклонился, погрузил руки в воду, а потом поднял их над головой. От его кистей повалил пар.

Согнутым пальцем Срезающий Плоды поманил Эйрис.

Женщина почувствовала, как оцепенение «вытекло» из нижней части тела, сменившись жгучей болью. Оцепенение ушло, но невидимые пути тянули ее к магу, и она пошла, против собственной воли делая шаг за шагом. И каждое ее движение отдавалось взрывом боли. Но – только до пояса. Все, что выше, по-прежнему не ощущалось.

Палец мага притягивал Эйрис, но сам Срезающий Плоды даже не смотрел на женщину. Прикрыв веки, он о чем-то размышлял. Когда лишь два шага осталось между ним и Эйрис, маг описал согнутым пальцем круг. Невидимая сила развернула женщину спиной к нему. Маг подошел к ней вплотную и протянул руку к макушке Эйрис. В меховом плаще с широкими рукавами Срезающий Плоды возвышался над ней, как вставший на задние лапы хуруг. Руки мага казались неестественно длинными.

Ноги Эйрис были свободны, хотя требовалось вся ее воля, чтобы заставить их повиноваться.

Незаметно она нажала задником одного сапога на другой. Две стальные шпоры

освободились с еле слышным щелчком.

В Гибельном Лесу есть небольшой травоядный ящер онхиур, бегающий на двух лапах. И на обеих, сзади, на ладонь выше противостоящего пальца – острые, загнутые вверх шпоры. Если на онхиура нападают, он мгновенно поворачивается спиной, наклоняется, вскидывает хвост и быстро бьет ногами назад и вверх. Эйрис сама видела, как шпора онхиура вспорола живот молодого хорахша.

Именно так она и ударила, наклонясь вперед, со всей резкостью, на которую была способна ее наполовину онемевшая нога – назад и вверх!

Быстрота реакции мага намного превышает человеческую. Его реакция не уступит даже быстроте Черного Охотника. Особенно, если Черный Охотник еще не освободился от сковывающего заклинания. Но когда сам маг налагает заклятие, это требует от него всех сил и предельной сосредоточенности. В такой момент ничто не должно мешать магу, и потому...

Мощный толчок швырнул Эйрис на пол. В последний момент она извернулась, чтобы стукнуться плечом, а не лицом. И, упав, по резкой боли, пронзившей левую руку, поняла: тело ее освободилось от волшебных пут.

Тилод, тоже освободившийся, бросился к Эйрис, хотя каждое движение причиняло ему острую боль. Зодчий поднял женщину на ноги. Эйрис посмотрела туда, где стоял маг, и увидела пульсирующую стену зеленого холодного пламени, отделившую от них Срезающего Плоды и Наместника Алана.

– Уходим! – с трудом произнес Тилод. Язык плохо подчинялся ему.

Эйрис потрогала плечо: кость цела! Кивнув, женщина двинулась к выходу. Они миновали слугу, также – освобожденного, но боявшегося шевельнуться, и покинули покои мага.

Оба отлично помнили путь, по которому шли сюда. Эйрис знала, что удар достиг цели, но даже раненый маг опасен! И тем опасней, чем ближе к нему находишься!

Тилод двигался первым. Эйрис – в двух шагах за его спиной. Чувства Тилода восстановились не полностью, но глаза отлично видели в темноте. И он помнил о магхаре, до которого оставалось три комнаты. Без оружия зодчий не собирался вступать с ним в драку. Поэтому сейчас он высматривал боковые двери, чтобы обойти опасное место. Пока обходных путей не было.

Они вошли в следующий, длиной почти в сотню локтей, пустой зал с высоким сводом. Тилод, крадучись, двигался в темноте, оглядывая задрапированные порттьерами стены. Ему пришло в голову, что за одной из таких порттьер может быть запасной выход. Но проверить свою идею зодчий не успел.

За его спиной раздался сдавленный вскрик. Он мгновенно обернулся и увидел чешуйчатую спину схватившего Эйрис магхара. Чудовище мгновенно повалило женщину на пол, придавив огромной тушей и лишив возможности защищаться.

Тилод прыгнул. Сдвоенный удар его ног обрушился на спину магхара, там, где предположительно, был позвоночник.

Магхар слегка покачнулся, издал что-то вроде глухого рыка, но даже не повернул головы.

Не обращая внимания на Тилода, он пытался овладеть Эйрис. Женщина, оглушенная, полураздавленная чудовищной массой, все еще пыталась сопротивляться.

Тилод снова ударил магхара: по голове, ниже кожистого гребня, в то место, где должно было находиться ухо. Голова магхара дернулась, но зодчий с ужасом понял, что его силы недостаточно. Магхар попросту не обращал на них внимания.

Ужас и отчаяние овладели Тилодом.

Впав в неистовство, он осыпал чудовище ударами, но то лишь изредка негромко взрывалось – не от боли, а от предвкушения удовольствия.

Равахш уже разорвал юбку Эйрис, но никак не мог справиться с набедренной повязкой. До сих пор ему не приходилось сталкиваться с подобным. Он с удовольствием ощущал под собой трепыхающееся гладкое тело женщины – куда более нежное и приятное, чем покрытое

шерстью тело овцы. А мясо у нее такое сладкое! Как у тех, двух, что подарил ему Хозяин. И какая сильная! Как она упирается коленями и локтями! И даже немного приподнимает его, Равахша! А как приятно она трет его фаллос, когда вертит задом, стараясь выползти из-под него! Но как она может выползти? Приятная женщина! Неприятный мужчина! Зачем он шлепает Равахша по спине?

Когда Равахш выпутает женщину из ее «мертвой кожи» и погрузит в горячее и мягкое источник своей радости, глубоко-глубоко; когда он сделает себе приятно много раз, когда сильное желание угаснет, чтобы дать место голоду, тогда он встанет, убьет мужчину и съест его! Хорошо, если Хозяин не станет мешать. Он съест его и снова погрузится в женщину, даже если она уже не будет такой теплой, как прежде. А потом он съест женщину и ему опять будет хорошо-хорошо...

Тилод застыл, тяжело дыша. Бесполезно! Эйрис еще боролась, но он ничем не мог ей помочь! Разве что убить? Он даже не хотел представлять себе, что сделает с Эйрис магхар!

Тилод увидел светлый локон, прижатый локтем чудовища. А рядом...

А рядом – стальную шпильку! Умница Эйрис! Тилод мгновенно схватил эту острую иглу в три четверти локтя длиной. Умница Эйрис!

И, не раздумывая, ударил шпилькой в толстую короткую шею магхара!

Но длинная стальная игла лишь скользнула по чешуе. Тилод шагнул в сторону и попытался воткнуть шпильку в поясницу чудовища – то же самое. Даже там, где не было чешуи, шпилька лишь чуть-чуть погружалась в кожу, а потом изгибалась – и Тилод даже не мог повернуть ее между пальцев.

Магхар приподнялся на коленях. Его толстые короткие пальцы с плоскими тупыми когтями проехали по бедрам Эйрис, оставляя на ее коже рваные царапины. Шелк затрещал. Магхар приподнялся еще немного, крепко сжимая женщину лапами, пристраивая ее поудобнее...

Тилод застыл на месте, но глаза его обшаривали каждый клочок тела чудовища. Время опять начало замедляться. Может быть, слишком поздно! Рот, нос, глаза магхара недоступны. Уши? – Но на гладкой коже не было отверстий. Мошонки у магхара тоже не оказалось... Несмех продолжал искать... И нашел!

Вскрикнув, Тилод метнулся вперед, ударил иглой-шпилькой, и она на всю длину погрузилась в плоть магхара!

Чудовище буквально взлетело. От громоподобного рева задрожали паутинные кисеи на окнах. Грубыми пальцами магхар пытался вытащить шпильку, но только загнал ее глубже. От ужасной боли он совсем обезумел! Равахш был готов растерзать все! Все, что увидит! И он заметил Тилода!

Выставив перед собой скрюченные пальцы, чудовище с непостижимой для его размеров легкостью прыгнуло на зодчего.

Тилод ускользнул лишь благодаря своему особому состоянию. Магхар в ярости ударил в стену руками, кроша дорогие панели. Потом развернулся и увидел пытавшуюся подняться Эйрис. Оттолкнувшись двумя ногами, магхар прыгнул к ней, однако перед ним опять возник Тилод!

Магхар схватил было зодчего, но тому удалось вырваться, пожертвовав клоком волос.

«Увести его отсюда!» – мелькнула мысль.

Тилод бросился к двери, распахнул ее... И удар в грудь швырнул его на пол. Огромный пес стоял над ним, расставив передние лапы и роняя на зодчего липкую слюну. Пасть зверя оскалена, глаза пылают. Второй пес свирепо рычал рядом. Тилод приготовился к последнему бою, но страшный оскал был адресован не ему!

С громовым рычанием зверь прыгнул, обдав Тилода порывом воздуха. Зодчий быстро перевернулся на живот и увидел, как пес пытается вонзить клыки в морду магхара. Вставший на задние лапы пес был выше чудовища, и рычание его было мощнее, чем визгливый рев магхара. И все-таки пес отлетел прочь, с грохотом врезавшись в стену. Тотчас на магхара напал второй пес. Тварь еще в воздухе поймала зверя, вскинула над головой и грохнула об

пол. А первый пес уже скрежетал зубами по заливку чудовища!

Магхар крутнулся на месте, но пес успел отскочить. Он тоже был очень быстрым – настоящим боевым псом, лучшим из лучших. Однако брат его уже издыхал на полу со сломанным позвоночником, а не боящийся клыков магхар, расставив руки, наступал на зверя, тесня в угол.

Пес попятился. А потом великолепным прыжком перемахнул через голову монстра и опять попытался схватить его за бронированную шею. Но клыки не могли прокусить чешую – и пес отпрянул назад.

Эйрис ползком, стараясь держаться подальше от дерущихся, двигалась к выходу.

Вдали Тилод услышал топот ног: дворцовая стража спешила на шум.

Магхар наконец схватил пса! Тот пронзительно взвыл. Клыки проскрежетали по плечу чудовища, потом раздался хруст – и пес обвис. Страшно рыча, магхар вонзил длинные резцы в мохнатое брюхо зверя.

Тилод, подхватив Эйрис, втолкнул ее в оконную нишу.

Десяток стражников, лязгая железом, топая и размахивая оружием, ворвались в зал.

Магхар яростно заревел и швырнул в них труп пса с разорванным брюхом. А потом ринулся сам.

Стражники, опытные воины, перестроились и приняли бой. Ни зодчего, ни Эйрис они в первый момент не заметили, а второго момента магхар им не дал!

Конечно, стража Наместника знала Равахша. Но сейчас магхар явно взбесился! Клинки весело зазвенели, ударяя по чешуе. Кое-где пластинки ее треснули, и все же исход был предрешен.

Магхар схватил замешкавшегося воина, ударом о стену сбил с него шлем, а вторым ударом разможил череп. Потом оторвал руку второму...

– Бежим! – прошептал Тилод и, подхватив Эйрис, помчался по темным залам. Время не настолько замедлилось для него, как в пору той давней битвы с хорахшем, но двигался он сейчас в два раза быстрее, чем обычно. Впереди раздался топот: еще один отряд спешил на выручку!

Не раздумывая, Тилод обнял Эйрис крепче и вместе с ней выпрыгнул в окно.

Они упали с высоты десяти локтей на цветочную клумбу. Отсюда до дворцовых ворот было не больше четверти мили.

Во дворце уже начался переполох. Рык магхара мощно разносился над парком, и часовые, забыв о своих обязанностях, раскрыв рты, глазели на пляшущие в окнах второго этажа огни.

Тилод разбросал стражников и, прежде чем они смогли что-то сообразить, оказался за воротами. Это произошло так быстро, что те, кого он оттолкнул, успели только охнуть.

– Вы что? – удивленно спросил начальник караула, отведя глаза от дворца.

– А? – только и смог произнести один из стражников.

Дорога перед воротами была свободна.

Суматоха во дворце усиливалась.

Парды проскакали уже восемь миль, когда Тилод покачнулся в седле. Стояла ночь. Путь от Фаранга к крепости Кимон был пустынен. Слева лежал залив, справа доносились вопли ночных обитателей джунглей. Тилод покачнулся, но Эйрис, ехавшая рядом, успела поддержать его. Подталкивая своего парда, она заставила Тьму свернуть с дороги в заросли орешника. Там Эйрис бережно сняла зодчего со спины животного, завернула в шерстяной плащ и уложила на желтую вялую траву.

Она знала, что произошло с ее мужем, и знала, что на сей раз ей не придется звать его из Нижнего Мира. И все-таки не меньше суток пройдет прежде, чем зодчий Тилод снова сядет в седло.

Парды, фыркая, срывали с ветвей спелые орехи и с хрустом разгрызали их крепкими зубами.

Взошла луна. В полусотне шагов от них, внизу, ворчал прибой.
Закончился семнадцатый день третьего месяца весны.

III

«Ищешь Богатства – иди к Полуночи!
Ищешь Славы – ступай к Полудню!
Ищешь Любви – остановись!
Ты пришел!»

Тайская пословица

Два всадника ехали по широкой, хорошо утоптанной тропе идущей вдоль побережья моря Зур. Дважды их останавливали военные патрули, и оба раза мужчина предъявлял им личную печать, после чего воины беспрепятственно пропускали их.

– Они задержали бы меня, если б я ехала одна? – спросила Эйрис.

– Может быть. А может быть – нет. Ты ведь женщина! А вот меня без печати наверняка отвезли бы в крепость Сонг.– Тилод потрогал рукой меч. Не широкий клинок Черного Охотника, а свой старый меч доброй фарангской работы. Тот меч, что Тилод привез с юга, так и остался у стражи Наместника.

В ту ночь они лишь на несколько минут заглянули в дом Тилода. Забрать деньги и все необходимое. Потом зодчий съездил к Соану, оставил юноше несколько монет и попросил приглядывать за домом.

– Мы скоро вернемся! – пообещал он. «Мы» прозвучало угрожающе.

Соан, еще не до конца проснувшийся, принял деньги и не успел задать ни одного вопроса. Тилод исчез во тьме так же внезапно, как и появился. Двигался зодчий стремительно, а говорил странным высоким голосом, проглатывая окончания слов. Пришел и ушел. А Соан еще долго стоял у ворот, вздрагивая от ночной прохлады и задумчиво глядя в темноту.

Добраться до берегов моря Зноя проще всего на попутном торговом судне. Но в ту ночь ни один торговец не уходил в сторону Сарбура, и Тилод не стал рисковать. К утру Наместник мог блокировать порт и закрыть все пути из города. Ночью же они беспрепятственно миновали заставу. Сонный десятник тупо поглядел на личную печать зодчего, а потом махнул рукой, чтобы подняли заграждение. Тилод мог бы поклясться, что через минуту десятник уже не вспомнит его лица. Вышли они через восточные ворота. Тилод предпочел долгий путь вдоль побережья короткому, который вел напрямик. Вдоль побережья от крепости Сонг до самого Тунга нет ни одного города – только рыбацьи поселки, а значит нет и застав – одни охранные разъезды. Этим довольно и того, что Тилод – конгай. Поселяне же, шедшие из одной деревни в другую, и вовсе не обращали внимания на всадников. Что ж, это в пользу репутации страны – если простой человек не прячется в кусты, слышав топот пардов.

Вот уже пять дней ехали они вдоль побережья, ночуя в плодовых рощах, около источников. Ночами холодало, но у Тилода был запас шерстяных одеял. Да и бока пардов неплохо согревали. В селениях зодчий предпочитал не останавливаться, чтобы не оставлять следов.

– Может, сделать печать и для меня? – спросила Эйрис.

Вместо ответа зодчий протянул ей собственный перстень.

Женщина увидела тончайшую вязь букв, выгравированную на тонком золотом слое, нанесенном на серебряную основу. Здесь имелись все сведения о Тилоде, а кроме того – замысловатый трехцветный орнамент, скопировать который было бы нелегко. К тому же золото, серебро и чернь создавали дополнительный рисунок.

– Серьезная работа! – сказала Эйрис, возвращая перстень.

Тилод надел его на средний палец левой руки:

– У меня их было два! – сказал он.– Первый отняли, когда схватили, а второй хранился

дома!

– Это разрешено?

– Это не запрещено. Каждый свободный конгай, когда ему исполняется восемнадцать лет, получает такой перстень как дар Великого Ангана. Если совершит преступление или станет рабом – перстень будет уничтожен судьями. А когда конгай умирает – перстень помещают на Доску Предков. Украсть печать – преступление. Здесь, кстати, есть значки, описывающие мои приметы! Так что чужим перстнем воспользоваться трудно! Но делают печати конгайские ювелиры! – он усмехнулся. – Поэтому я смог сделать второй. Хотя обошлось недешево. Но куда дороже обойдется, если я захочу сделать поддельный перстень для тебя! Тогда изготовитель рискует потерять кожу! Так что мы обойдемся! На женщин обращают мало внимания! Дешевле заплатить напрямую!

– Не понимаю!

– Если бы у меня не было печати, я дал бы десятнику сторожевого разъезда «золотой дракон»! Вот и все!

– И он взял бы?

– Будь я омбамту или гурамцем – нет! А так – и без печати видно, что я конгай, да и золотой – немалые деньги. Он бы еще и извинился! Мало ли по какой причине богатый господин не желает распространяться о своем имени! Береговой патруль охраняет Конг от пиратов! В первую очередь – от пиратов!

– А что, их действительно много?

– Пиратов? Нет, не очень. Но только потому, – он похлопал парду по крупу, – что есть разъезды на берегу и эскадры на море! Если ничего не случится, завтра мы будем в Тунге. А еще через пару дней – в Сарбуре!

– А там нас не будут искать? – спросила Эйрис.

– В Сарбуре? – зодчий засмеялся. – Может быть! Только Сарбур – не Фаранг! У закона там большие, липкие к золоту ладони, и совсем маленькие подслеповатые глазки..

– А потом?

– Потом? Если Сантан у кого-то из соххоггоев, нам вдвоем вызволить его будет нелегко. А теперь я уверен, что Краб сказал правду! Я попрошу помощи у Натро, чтобы заставить говорить эту лысую крысу Алана! Если с нами будет сотня Черных Охотников, мы достанем его из-под любой стражи. И мерзавец выложит все! А тогда уж я собственными руками сверну ему шею!

– Не буду тебя отговаривать! – кивнула Эйрис. – Я, Несмех, в этом дворце впервые испытала страх! Первый раз – когда маг сковал меня; второй – под брюхом у магхара! Два страха за одну ночь – слишком много для Дочери Народа! – она с усилием засмеялась. – Он был – как каменная глыба! Я била его шпорами, а шпоры даже не оцарапали его! Я не боюсь смерти, но такая смерть мне не по душе! – Женщина поежилась.

– А все-таки это ты спасла нас! – Их парды ехали рядом, и Тилод опустил руку на плечо подруги. – Ты прикончила мага!

– Вряд ли прикончила!.. – с сомнением произнесла Эйрис. – Чтобы убить мага, надо сжечь его, а пепел развеять над морем! Так говорят у нас! Но я вспорола его не хуже, чем онхиур! А вот как ты сумел допечь магхара? Мои шпоры скользили по нему, как по стали! Я уже чувствовала е г о ш п о р у, протыкающую меня, когда он подскочил...

– Я воткнул ему в задницу твою шпильку! – сказал Тилод. – Это было единственное место, куда ее можно было воткнуть! А что он подпрыгнул – не удивительно: шпилька довольно длинная!

– Он быстр и хитер, как сиргибр! – Эйрис покачала головой. – И так же свиреп, как хороаш!

– И наверняка перебил кучу народа, прежде чем подох! Кстати, о сиргибрах: ты говорила...

– Погоди, скоро увидишь их сам! – Эйрис погладила зодчего по руке. – Они тебе понравятся!

IV

«А было так: жил на земле Конга свободный и сильный народ, чье имя потерялось в веках. И правил народом тем великий и сильный повелитель-дракон. И был он так велик и грозен, что сила его встревожила богов. И объединились боги. И сошли на землю Конга. И губили беспощадно землю его и народ его. И вскричала земля Конга великим криком. И крови было пролито столько, что земля превратилась в грязь. И пал в битве великий и сильный повелитель-дракон. Пал, но не умер. Ибо такова была его сила, что ни боги, ни древнее Зло не смогли свести его в Нижний Мир. И был тогда погружен в сон повелитель... И упрятано его тело в месте Гибели так, чтобы никто из живущих не смог отыскать и разбудить его. И даровали тогда боги тем из людей, кто выжил, новых повелителей – соххоггоев. И заповедали пить чашу страданий и повиноваться им до тех пор, пока не восстанет из небытия Спящий. И память о том запечатлеть на гербе Конга и всех знаках власти. Но сказано было еще: настанет день, когда чаша переполнится и страдания конгаев прольются на землю благословенного Конга. И смешаются с древней пролитой кровью, и вскипит эта кровь, и содрогнется твердь, и падут горы. И восстанет от сна повелитель-дракон. И грядет он, разбуженный, и повергнет он в страх людей, и побегут они в ужасе, хотя и не в облике дракона придет он, а родится вновь в месте Гибели. И отцом его будет Повелитель Камня, а матерью – Повелительница пламени. И обликом будет он юн и прекрасен, но не добр, а гневен, и гнев его – праведен. И сойдет он на землю Конга, и опрокинет чашу страданий, и вернется в Благословенный Конг счастливое время. Только недолго оно продлится, потому что придет вместе со Спящим древнее Зло, сотворенное богами, чтобы там, в древности, повергнуть повелителя-дракона. И освободится Зло, и обрушится на Мир. И начнется битва, финал которой неведом, но ведомо, что не одну лишь Черную Твердь затронет она, а все земли Мира. И время повернет вспять...»

Легенда о Спящем драконе

Юг. Гибельный лес. Тысяча двенадцатый год по летоисчислению Империи.

Черный глаз, блестящий, круглый, с любопытством глядел на бегущую по ветке крысу. Второй глаз следил за руками Тилода, и именно этот глаз был главным. Крошка-сиргибр пошевелил ноздрями и распахнул пасть, выпрашивая еду. Тилод взял из корзины очередной кусок мяса и бросил его в эту пасть, похожую на вместительный пенал, оснащенный двумя рядами острых зубов. Челюсти сомкнулись, с хрустом переломив попавшуюся кость.

Ящер был совсем молоденький, лишь пару месяцев назад выбравшийся из яйца. Мясо он заглатывал, судорожно дергая гладкой зеленой головой, на которой только-только начали проступать коричневые отметины – те, что заалеют, когда сиргибр войдет в силу. Глядя, как он ест, Тилод почувствовал комок в горле. Казалось, ящер подавится и задохнется. Но сиргибр так глотал с самого рождения, когда крохотный, размером чуть больше пса-следопыта, мокрый и жалкий, вывалился из кожистой скорлупы в руки Тилода. Теперь же крошка-сиргибр ростом догнал «приемную мать», но вел себя по-прежнему подобострастно: ходил по пятам, заглядывал в глаза, приседал, поводя из стороны в сторону толстым хвостом. А когда Тилод наконец обращал внимание на своего питомца, широко открывал рот. Прожорлив оказался ужасно. Зато набив брюхо так, что оно, раздувшись,

напоминало винный бочонок, становился ласковым и сонным. Бережно обнимал зодчего передними лапами,— когти даже у такого малыша могли вспороть человека не хуже кинжала,— трогал черным влажным языком.

Эйрис была права: детеныши страшных хищников Лона были очаровательны. Взрослые же ящеры, те, что старше двенадцати лет — поумнее пардов и не менее послушны. Беспокоиться прирученные сиргибры начинали лишь проголодавшись, но и тогда ни за что не тронули бы ни одного из Охотников. Однако это распространялось только на Народ. Выпущенные в джунгли, они тут же превращались в стремительных и беспощадных убийц. Пара десятков сиргибров рыскала вокруг лагеря по ночам, пожирая все живое крупнее крысы. Даже хорахш, который вдвое превосходил размерами сиргибра, предпочитал не связываться со свирепой стаей. Разумеется, характер ящеров, выросших в лагере, отличался от характера диких сиргибров. Те, кстати, тоже редко нападали на Черных Охотников. Хватало ума поискать добычу менее опасную. Приручаемые же, едва вылупившись из яиц, приобретали «родителя» из Охотников, а сами яйца «обрабатывались» Натро, Диргом и двумя другими колдунами Народа.

Хорошо различая людей, причем больше по запаху, чем с помощью зрения, сиргибры, даже взрослые ящеры, не стеснялись кланяться еду не только у «матери», но и у любого знакомого человека. Зато со своим малышом Тилод мог запросто бродить по Вечному Лону, зная, что крошка-сиргибр станет защищать его от любой опасности.

Конечно, с хорахшем ему не справиться, но зато кугурра, если тот не взберется на дерево, прикончит мигом. Малыш был так же стремителен, как и взрослый и, хотя арбалетная стрела еще могла пробить его шкуру, серьезно ранить его можно было разве что из баллисты или катапульты. Правда, так же, как хорахш, сиргибр с трудом различал в дневном свете неподвижные предметы, поэтому охотился в основном по ночам.

Ящеренок снова открыл пасть, и зодчий бросил туда последний кусок мяса. Мгновение — и пасть снова распахнулась.

— Ты лопнешь,— нежно сказал ему Тилод.— Все! — и показал пустую корзину.

Ящер, переваливаясь, подбежал к нему и быстро облизал испачканную кровью ладонь. Потом свистнул и затрусил к ближнему из деревьев: облегчиться.

Тилод посмотрел вверх, прикинул положение солнца над лиственной крышей, решил, что у него есть время поразмять руки,— и взялся за меч.

Ящер вернулся и, застыв поодаль, наблюдал за человеком. Ему нравилось сверкание клинка, но хватать его он больше не пытался, знал, чем это чревато.

Мимо протопал один из взрослых сиргибров. Малыш побежал за ним, но отстал и опять вернулся к хозяину. Взрослый сиргибр принадлежал Охотнику Крату. Тилод легко различал ящеров: у каждого был свой, неповторимый рисунок пятен на голове. Зодчий запоминал их с первого взгляда.

Клинок мелькал, словно крыло медовницы. Тилод мог бы работать мечом еще быстрее, приведя себя в состояние, которое Натро называл «сдвигом равновесия». Правда, за каждую выигранную минуту приходится расплачиваться десятью, выпавшими из жизни. Но, бывает, и мгновение стоит всех оставшихся лет.

— Несмех! — молодой Охотник с откиннутым на спину капюшоном подошел к зодчему.

— Эйрис прислала меня: тебя ждут в Городе!

Тилод не стал спрашивать, о каком городе шла речь. У Народа Город один.

— Натро прислал краурха! — сказал Охотник.— Прошу тебя, поторопись!

— Я буду у ворот через несколько минут! — ответил Несмех.— Мне надо переодеться!

Зодчий был взволнован. Он чувствовал: правители Народа наконец приняли решение. Пора бы уж: три недели прошло с тех пор, как Тилод и Эйрис, купив в Сарбуре парусную лодку, приплыли в Город-на-Берегу. И все это время Тилод бездействовал. Игры с молодыми сиргибрами вряд ли назовешь серьезным делом. А время шло...

Будто чувствуя нетерпение Тилода, управляющие гнали панцирного гиганта, не жалея его ног. На тропе между городом и лагерем не встречалось больших деревьев, а молодая

поросль была срезана, когда краурх бежал из Города. Сейчас гигантский краб неся по склону вниз немногим медленнее парда. Стены Лона по обе стороны тропы слились в сплошную завесу переливающихся цветных полос. Весь путь занял не больше пятнадцати минут.

У Лабиринта, который теперь занимал всю возвышенность, если не считать обращенного к реке склона, Тилод прыгнул со спины краурха, не дожидаясь, пока краб остановится.

– Натро – на Радужной площади! – крикнули ему сверху.

Тилод перемахнул через защитную полосу, пожелал теплого солнца работавшим с камнем юношам и уверенно вступил в Лабиринт. Здесь, в Вечном Лоне, ему достаточно было только пожелать – и ноги сами несли к нужному месту кратчайшей из дорог.

Радужной площадь называли из-за странного перламутрового цвета камня, который открылся при сооружении этой части лабиринта. И сам цвет стал причиной, по которой, волей отца Натро, здесь была сделана площадь: не слишком правильный круг пятидесяти шагов в поперечнике, огражденный стенами в восемь-девять локтей.

Натро был не один. Вместе с ним – Слушающий Дирг, Старший из Черных Охотников Сёум и Эйрис, еще утром уехавшая из лагеря сиргибров.

– Новости, Несмех! – сказал Натро, когда зодчий и остальные обменялись приветствиями.

– Некто спустился с гор! – монотонно проговорил Дирг. – Некто, владеющий силой, некто, рождающий Мощь! Некто, в ком Власть от Начала над Четырьмя! – глаза Слушающего вспыхнули, а голос обрел энергию.

– Дыхание его подобно смерчу, клинок его Желанья бурю порождает, и он витки Судьбы сметает Древней Тьмой, и Тьму сметает – только пустота пребудет там, где прежде был огонь! Но Власть его заключена внутри, она сама Огонь. А Путь его – во тьме, нечаян и неведом, но знак его рождения – наш!

Дирг умолк, тяжело дыша.

Тилод мало что понял, но сильно обеспокоился.

– Дирг! – сказал он. – Имей снисхождение! Мне незнаком язык твоей песни!

Колдун кивнул:

– Прости, полубрат, – сказал он. – Ты сияешь так, что я каждый раз забываю о твоей слепоте!

Только Дирг мог назвать Постигшего полубратом. Здесь не было обиды для Тилода – только горечь.

– Мы узнали, – вмешался Натро, – что некая неведомая армия спустилась с Черных Гор на северо-западе Конга! Неведомая армия с неведомым предводителем. То, что сказал Слушающий Дирг, относится именно к вождю этой армии.

– Так откуда она пришла? Кто они? – спросил зодчий.

– Из Урнгура! – ответил Натро. – Мне сообщили, что они громят Владения ваших соххоггов...

Тилод взглянул на Эйрис и понял, что мысли у них – одинаковы.

– ...и даже напали на Далаанг, правда, без успеха. Мой человек в Сарбуре сказал также, что всякий, кто услышит пришедшего с Черных Гор, становится его сторонником. И доподлинно известно, что Великий Анган повелел войскам Междуречья идти на запад. И войска эти вышли, но часть их присоединилась к вторгшимся, а другие возвратились в Сарбур с Исполняющим Волю Керанраоном. Керанраон, вероятно, попытается изгнать чужеземцев. Дирг спросил Высших и познал, что соххоггои, заблудшие потомки древних воителей, уйдут с лица Мира. И изгонит их тот, в ком знак Лона и в ком заключена Власть, большая, чем сила всего Народа! И только Владыка Судеб знает, что из этого выйдет! Некто привел армию из Урнгура! А у Урнгура и Лона связь столь древняя, что корни ее глубже корней Закатных гор, а ветви выше их серебряных вершин! В самом же Урнгуре недавно произошло нечто, затронувшее Сокровенное!..

– Бог! Бог пал! – перебил Дирг. – Пал, окутанный багровой пеной, пал Великий из Прежних, брат Зла, что под этой землей! – Слушающий топнул ногой. – Пал, чтобы подняться! И содрогнулась Твердь! И поднялась Волна! И идет!.. Тьфу! – Дирг сплюнул на камень и замер.

– Надо полагать, тот, кто пришел в Конг, как-то связан с падением бога! – спокойно сказал Натро. – Как сказал Слушающий – твердь содрогнулась. И пришла пора узнать, не ради ли этой бури Благородный Учитель привел наших предков в Вечное Лоно.

– Что ты говоришь отец? – воскликнула Эйрис. – Мы – Народ! Что нам за дело остального Мира!

– Разве не там твой сын и мой внук? – мягко спросил Натро. – Разве не ты просила меня вмешаться в дела «остального» Мира?

Эйрис смутилась, просительно посмотрела на Тилода: помоги.

– Плохо! – мрачно проговорил Тилод. – И боюсь, что твой отец прав. Если верить вашему Преданию, лет двести назад некий маг загнал – иначе не назовешь – вашего Благородного Учителя сюда, в Вечное Лоно. А там, где маги, там всегда неприятности. И они ничего не делают просто так. Мне трудно представить, какая может быть связь между Урнгуром и Вечным Лоном, но раз вы говорите, что она есть, значит она есть. Если я тебя правильно понял, Натро, то ты полагаешь: раз Урнгур пришел в Конг, Охотники должны выйти ему навстречу? Ты уверен? Нас ведь совсем мало. Какими бы безупречными воинами ни были Черные Охотники, им не справиться. В самом крохотном городке Конга больше мужчин, чем Черных Охотников в Вечном Лоне.

– Это так, – кивнул Натро. – Но у нас есть сиргибры.

Тилод некоторое время молча смотрел на предводителя Народа.

– Ты знал, – наконец произнес он.

– Не знал – догадывался, – ответил отец Эйрис. – Когда боги привели тебя к нам, я почувствовал: приближается наше время. Сейчас это время пришло. И возвестил об этом тот, кто пришел из Урнгура. Мне тоже страшно, Несмех. Да, у нас есть сиргибры, но что могут сиргибры против того, кто поверг бога? Мне страшно, Несмех, и я – в сомнении...

«Настанет день, когда чаша переполнится и страдания прольются на землю благословенного Конга. И смешаются они с древней пролитой кровью, и вскипит эта кровь, и содрогнется твердь, и падут горы. И восстанет от сна повелитель-дракон. И грядет он, разбуженный, и повергнет он в страх людей, и побегут они в ужасе...» – медленно, негромким речитативом произнес Тилод. И добавил мрачно: – Не знаю, действительно ли этот урнгурский маг – тот самый повелитель дракон, о котором говорит легенда, но сдается мне, принесет стране моей большое зло...

– Нет! – Пронзительный голос Дирга прервал речь зодчего. – Тот, кто идет – не зол! – Дирг сцепил пальцы рук, чтобы легче справляться со внутренним жаром. – Пламя его – во тьме, но не единственно тьма! Он не подвластен Тьме! Он окружает Тьму! И сокрушит то, что желает! Знак его – наш!

– Что это значит? – спросил Тилод.

– Высшие рекли: пришел из Лона!

– Все мы пришли из Лона! – пробормотал зодчий.

– Нет! – пояснил Натро. – Он имеет в виду: предводитель урнгурцев родился здесь.

– Такое возможно, – в первый раз подал голос Сёум, Старший из Охотников. – Маг, обретая вторую жизнь, сам выбирает место возрождения. А Вечное Лоно – не худшая родина для мага! – слово «маг» Сёум произносил с почтением, медленно.

– Значит, выходит так: маг, которого сопровождают воины из Урнгура, маг, который поверг бога и которому никто и ничто не может противостоять, пришел на мою родину, – ровным голосом произнес Тилод.

– Нет в мире того, кому никто и ничто не может противостоять, – заметил Натро. – Но он силен. Думаю, много сильнее всех нас. И в том, что сказала моя дочь, есть доля Истины. Мы – Народ. И я – правитель Народа. И по- тому мои родичи дороже мне, чем все племена

Мира. Я не хочу вести их на смерть.

– Я тебя понимаю,— кивнул зодчий.— У тебя есть долг. Но долг есть и у меня.— Он поочередно посмотрел в глаза каждому.— Я люблю вас всех, но Конг — моя родина, и потому в час беды я должен быть там! И если я уйду в Нижний Мир, то со спокойным сердцем: в час беды я поступил как должно!

Натро и Сёум кивнули в знак понимания. Эйрис просто подошла и встала рядом с зодчим.

– Даже высшие не знают, чем это кончится! — пробормотал Дирг.— Знак его — наш...

– Натро! — сказал зодчий.— Ты обещал мне помочь! Сделаешь ли ты это, если я скажу, что не намерен более искать своего сына Сантана, а хочу поглядеть, так ли силен этот урнгурский маг!

Сёум звонко ударил кулаком в ладонь и засмеялся.

Натро тоже улыбнулся.

– Благодарю! Ты решил за меня! Дирг?

Но Слушающий остался мрачен:

– Знак его — наш...— вновь пробормотал он.

– Ты получишь все, что мы сможем дать, Несмех! — говоря это, Натро неотрывно смотрел на Дирга. Слушающий глядел себе под ноги.

– Ты получишь пятнадцать краурхов и всех сиргибров, которых выберет Сёум,— продолжал Натро.— Ты получишь девять десятков Охотников, и поведет их Сёум!

– Да,— подтвердил тот.— Я поведу их за тобой!

– С ними пойду я,— мрачно сказал Дирг.— Слышишь меня, Натро?

– Иди,— неохотно кивнул Натро.— Он очень опасен.

– Не могу понять, чего вы боитесь! — сердито сказала Эйрис.— Я спросила себя о том, кто пришел в Конг, и не нашла в нем ничего ужасающего!

– Ты говоришь, Харрок! — воскликнул Дирг, и лицо его посветлело.

– Я говорю! — черты Эйрис обрели некую жесткость, даже жестокость.

– То, что не страшит Харрок, может быть опасным для Эйрис! — заметил Натро.

– Не думайте о нем плохо! Мое сердце плачет, когда я ощущаю ваш гнев!

– Я не враг ему, сестра! — сказал Дирг.

– Как тебя понимать, Эйрис? — ревниво воскликнул Тилод.

Женщина умоляюще взглянула на зодчего, но ничего не ответила.

– Пламя его — во тьме! — в третий раз сказал Дирг.— Но мы его увидим! Час Вопрошения наступит, и я услышу о наших путях...

– Верь мне, Несмех! — прошептала Эйрис.— Никто и никогда не встанет между нами!

– Как я могу не верить тебе? — так же тихо ответил Тилод.— Прости меня!

Женщина нежно коснулась щеки зодчего и отошла.

– Когда ты хочешь выйти? — спросил Натро.

– Тотчас! — решительно ответил Тилод.— Много ли времени нужно Охотникам, чтобы выйти в Лоно? А Конг не так требователен, как Гибельный Лес!

V

«И свершилось сказанное в пророчестве: поднялось Зло, и Страх Гибельного Леса, кровожадные твари его пришли в благословенный Конг. Чтобы ушли в Нижний Мир проклятые, а с ними души многих, невинных, отцов, сыновей и братьев наших. И не было в страшный час Освободителя на земле Конга...»

Готар Глорианский. История земель. Глава Благословенный Конг

Юг. Городок ссыльных на окраине Гибельного Леса.

Лето тысяча двенадцатого года по летоисчислению Империи.

– К тебе человек, достойный! – доложил дежурный десятник Носителю Дракона, единоличному господину военного городка и поселений подтысяцкому Агану.

– Купец? – недовольно произнес Носитель Дракона и забарабанил пальцами по столу.

– Не похоже! Скорее – воин. Повадкой – точно воин. Но одет не по-военному! Примешь его, достойный?

– Может, гонец? Откуда прибыл?

Десятник замялся:

– Не знаю, достойный...

– Говори! – велел Аган.

– Со вчерашнего дня кораблей не было, а среди прежних... его не замечали!

– Откуда знаешь?

– Послал за начальником порта!

– Да ну? За самим начальником порта? И что же, он пришел?

– Нет! – смутился десятник. – Гонца прислал. Из чиновников. А тот уж посмотрел и сказал: такого через их расположение не пропускали!

– Ну не из Леса же он явился! – хмыкнул подтысяцкий. – А что это ты так озаботился? Да ты говори, не темни!

– Помнишь, господин, – неуверенно проговорил десятник, – пару сезонов назад сбежал один из ссыльных?

– Который? – раздраженно спросил Аган. – Их только за прошлый сезон трое удрать пытались!

– Тот, что удрал в Лес!

– А-а-а! Тот придурок! Ну и что?

– Сдается мне, это он и есть!

– Ну-ка подойди! – потребовал Аган.

Десятник приблизился к столу.

Носитель Дракона схватил его за край кирасы и подтянул к себе: принялся к дыханию, пощупал лоб, оттянул веко...

Десятник покорно сносил все эти манипуляции, не пытаясь протестовать.

Наконец Аган отпустил его.

– Может, тебе отдых нужен? – спросил подтысяцкий.

– Я не устал, достойный, – терпеливо ответил десятник. – И не спятил. Желаешь – посмотри сам. Хотя, откуда тебе знать каждого ссыльного? Вызови Мама! Мам должен его помнить!

– Если тот самый, – заявил Аган, – то я и сам его вспомню!

Носитель Дракона задумался. Десятник ждал.

– Ладно! – решил Аган, поразмыслив. – Впусти его! Только собери своих парней и будьте наготове! Тот ссыльный, как я помню, крепкий парень?

– Здоровенный, как шкаф! – подтвердил десятник. – Оттого-то я его сразу и признал!

– Вооружен?

– Не похоже.

– Обыщи! Если он и впрямь два сезона в джунглях провел... Вот что! Пошли кого-нибудь к разведчикам! Пусть приведет пару ребят пошустрей! А то твои – что воли! Пока стрелу выпустят – пообедать успеешь! – и, поглядев наверх. – Не двоих – четверых! Двоих туда посадишь! – он ткнул пальцем в потолок. – Два сезона в Лесу! – пробормотал Носитель Дракона и нахмурился.

К обыску Тилод отнесся спокойно. Он и не рассчитывал остаться неузнанным. Напротив, зодчему важно было, чтобы в нем признали человека, несколько месяцев проведенного в Лоне.

Отметил он и пару вошедших, солдат, отличавшихся от остальных стражников

сосредоточенными лицами и аккуратными движениями.

«Бойтся начальник», – без осуждения подумал он об Агане.

Убедившись, что оружия у Тилода нет, десятник распахнул дверь и чуть подтолкнул его вперед. Зодчий вошел, и десятник последовал за ним, причем дверь оставил открытой. Тилод оценил это и сразу заметил узкие прорезы в потолке. Что ж, другого приема он не ожидал, но считал своим долгом предупредить Носителя Дракона Агана. Зодчему совсем не хотелось, чтобы пролилась кровь конгаев.

Аган узнал его сразу. Не так уж много было у него ссыльных, присланных не с приказом от Блюстителя Помыслов, а с одним лишь сопроводительным письмом. Тогда Аган не стал придирается. Рабочих рук всегда не хватает, а письмо – не от кого-нибудь, а от Наместника Алана, двоюродного брата. Для Алана же подтысяцкий готов был сделать многое, потому что именно он, Наместник Алан, добыл Агану этот, весьма ответственный пост. Прежде Аган был всего лишь сотником в гарнизоне крепости Сонг.

Брат подробно излагал все, что знал о зодчем Тилоде. Как выяснялось теперь, знал он недостаточно.

Подтысяцкий Аган был осторожным человеком. Осторожным, но любопытным. Два сезона в Гибельном Лесу! Такое под силу не всякому магу. А стоявший перед ним – явно не маг. Значит, кто-то ему помог! Тем более интересно...

– Удивлен! – сказал Носитель Дракона, разглядывая зодчего. – Для того, кто столько месяцев провел в джунглях, ты выглядишь неплохо, ссыльный!

– Не только в джунглях! – Тилод без приглашения уселся на стул. По правде сказать, Аган и не предложил бы ему сесть.

– И где ж ты был, ссыльный Тилод? – осведомился Аган.

Он сделал вид, что не заметил вольного поведения зодчего, зато показал, что помнит его имя.

– В разных местах. Например – в Фаранге. Кстати, ты можешь звать меня – «почтенный господин зодчий», поскольку преступления против Великого Ангана за мной не числятся!

– Великого Ангана? Да... – Носитель Дракона в задумчивости повертел перстень на пальце. – Может быть! Только не тебе судить об этом. Раз уж ты – на Юге, то лишь одному человеку решать: ссыльный ты – или нет!

– Да? – с интересом спросил Тилод.

– Я – этот человек! – твердо сказал Носитель Дракона. – Если ты чист, почему же ты не остался в Фаранге? Имей в виду, ссыльный, у меня есть средства справиться со строптивыми! – Он выразительно посмотрел наверх, туда, где в прорезях поблескивали стальные головки арбалетных стрел.

– У тебя большая власть! – с усмешкой произнес Тилод.

– Вот именно! – и подумал:

«Может, дать знак, чтобы стреляли? Парень, определенно, опасен!»

– Если хочешь меня убить – не стоит, – угадал его мысли зодчий. – Ошибка будет стоить тебе жизни. По меньшей мере.

– А ты наглец! – произнес Аган чуть ли не с уважением. – Я ведь и впрямь могу отправить тебя в Нижний Мир одним движением пальца! Ты не боишься?

Зодчий покачал головой.

– Прежде чем сделать глупость, – посоветовал он, – выслушай! Ты ведь не дурак, достойный. И должен понимать, что я пришел сюда не для того, чтобы стать рабом. Или выслушивать твои угрозы.

– Пока что я выслушиваю твои угрозы! – раздраженно произнес подтысяцкий. – И мне это уже наскучило! Лучшее, на что ты можешь рассчитывать – вернуться на свое место в барак! И не надейся, что опять улизнешь! Смотри, ссыльный! Я приму меры, чтобы ты не удрал.

Тилод молча улыбался.

– Ну, что молчишь?

– Мне показалось, ты еще не закончил.

– Смелчак! – с издевкой бросил Носитель Дракона. – У тебя есть минута, чтобы рассказать, где ты болтался! Торопись! Через минуту ты или умрешь, или отправишься в барак!

– У тебя есть час, нет, уже полчаса, чтобы приказать своим людям сложить оружие и открыть ворота, – спокойно произнес Тилод. – Если ты не успеешь, то те, кто пришел со мной, возьмут их жизни. И твою жизнь тоже.

Аган открыл было рот, но Тилод не дал себя перебить:

– Может, ты и успеешь меня убить, – продолжил он. – Но тебе это только навредит. Те, кто пришел со мной, не ценят крови конгаев так, как ценю ее я. Вы умрете все.

– И кто же пришел с тобой? – уверенный тон зодчего заставил Носителя Дракона усомниться в собственном абсолютном превосходстве.

«Или он безумец? – промелькнуло в голове Агана. – Ладно, прикончить его я всегда успею!»

– Кто же пришел с тобой, зодчий? – спросил он, сделав упор на последнем слове.

– Слышал ли ты о Черных Охотниках? – в свою очередь спросил Тилод.

– А... – подтысяцкий вздохнул с облегчением. – «Безумец, хвала богам!» – Я слышал эти истории, – Аган расслабился.

– Вероятно, ты читал отчеты своих предшественников и знаешь...

– Да. Я все знаю! – и сделал знак десятнику: убери его.

В глазах старого солдата мелькнул ужас: он, в отличие от своего начальника, не считал Черных Охотников вымыслом. Среди солдат память о таких вещах живет дольше, чем в архивах. Он понял знак подтысяцкого и... не подчинился.

Аган был взбешен. Он начал медленно подниматься из-за стола.

– Посиди, воин! – произнес зодчий. – Послушай меня! Слышал ли ты о сотнике Бентане? О корабле Великого Ангана, что поднялся вверх по Проклятой двадцать лет назад и бесследно исчез?

– Послушай его, командир! – взмолился десятник. – Он правду говорит!

Но терпение подтысяцкого Агана лопнуло.

– Взять его, собачий сын! – зарычал он на десятника.

И, повернувшись, к зодчему:

– Полчаса, ты сказал? Отлично! Через четверть часа я велю посадить тебя на кол на площади перед бараками! И мы вместе посмотрим на твоих Черных Охотников! Сверху тебе будет отлично видно!

«Так! – сказал себе Аган. – Он не безумец, а лжец! Или он сдохнет – или выложит все!»

Тилод покачал головой и встал. Вбежавшие солдаты окружили его.

– Их кровь – на тебе! – сказал зодчий и повернулся к десятнику. – Тебе не повезло, солдат! Не повезло с командиром! Но все в руках Судьбы: может, ты и спасешься.

Аган подскочил и ударил Тилода в лицо. Точнее, попытался ударить... Зодчий поймал его руку и сжал с такой силой, что щеки подтысяцкого стали серыми.

Острые клинка уперлось в поясицу Тилода, и он разжал руку.

– Не убивать! – велел подтысяцкий, растирая запястье. Голос его был пропитан злобой, но Носитель Дракона держал себя в руках. – Не спускать с него глаз! Если солгал – он умрет! Если он не солгал – тоже умрет! А пока поднимите всех! Если он действительно пришел не один, его дружки тоже получат свое!

Подтысяцкий вновь повернулся к Тилоду:

– Ну, господин зодчий, хочешь спасти свою жалкую жизнь? Признайся во всем сейчас – получишь тридцать плетей и отправишься в барак! Помни мою доброту!

– Ты дурак, – спокойно сказал Тилод, руки которого уже были связаны за спиной. – Дурак. А жаль! – и отвернулся.

– В таком случае ты сдохнешь! – рявкнул Носитель Дракона. – Уведи его, солдат!

– Пошел! – десятник слегка подтолкнул зодчего мечом.

Когда они вышли на раскаленный солнцем двор, подтысяцкий позвал слугу: помочь облачиться в доспехи. Что бы там ни наболтал этот ублюдок, а осторожность не повредит.

– Они взяли его! – сказала Эйрис. – Поднимай краурхов, Сёум: мы начинаем!

– Не время! – Старший из Охотников любовно полировал клинок своего меча кусочком кожи. – Еще восемь минут, сестра!

– Они собираются его убить! – Эйрис повысила голос. – Я чувствую их мысли!

– Сестра! – проговорил стоявший рядом Дирг. – Наш брат Несмех – Владыка Четырех, он двадцать лет назад хороша заставил отступить! И железноголовым не совладать...

– Но он провел эти годы вдали от Лона! – заявила женщина. – Начинай, Сёум! Или я начну сама!

– Сестра! – с прежней мягкостью напомнил Старший из Черных Охотников. – Несмех сам сказал, когда начинать! И я не отступлю от его слова и на долю минуты! Это всё!

– Тогда ты умрешь! – быстро сказала Эйрис и острое отравленной иглы коснулось кожи Сёума.

– Харрок! – проворчал Старший из Охотников, продолжая полировать меч. – Ты и впрямь меня убьешь!

– Начинай же, Сёум! – проговорила Эйрис.

– Да! – сказал Старший из Охотников. И молниеносным движением ушел от контакта. – Я начну! Потому что ты любишь меня, сестра!

– О да! – ответила Эйрис без улыбки.

Старший из Охотников высвистел три ноты.

Лежавший поблизости краурх, хрустнув суставами, распрямил фиолетовые шипастые лапы. А вслед за ним, по воле Направляющих, поднялись и остальные крабы.

С костяным лязгом сомкнулись и разомкнулись чудовищные клешни. Сёум одним прыжком взлетел на спину краурха. Эйрис тотчас оказалась с ним рядом. Сидевшие на спине краба воины встали. С высоты семи локтей Эйрис смотрела, как Дирг и еще трое Охотников скрылись в чаще. Они должны были проследить, чтобы молодые сиргибры не устремились за своими хозяевами.

Один за другим все пятнадцать краурхов, подминая подлесок, выбрались на открытое пространство вырубки.

В ста шагах от них возвышался частокол, окружавший возделанные земли. Прямо за ними располагались военный городок, речной порт, а четвертью мили правее – бараки ссыльных, сразу же за которыми лежали огороженные поля вольных поселенцев.

Сёум свистнул еще раз, и гигантские крабы двинулись вперед, постепенно набирая скорость. Их мощные черно-фиолетовые лапы вспахивали землю, отбрасывая назад комья дерна. Охотники черными изваяниями застыли на плоских спинах. Широкие лезвия мечей поблескивали в лучах солнца. Огромные крабы все быстрее и быстрее неслись вперед.

Все пятнадцать краурхов одновременно ударили в бревна частокола твердыми заостренными боковыми краями панцирей. Таким ударом гигантский краб перешибает ствол в локоть толщиной. Частокол развалился, нет – разлетелся с оглушительным треском, а панцирные гиганты помчались дальше, подминая плодовые деревья, как бегущий человек подминает траву.

Тилод, связанный и охраняемый десятником, сидел под навесом в углу площади, лежащей перед бараками ссыльных. Деревянный кол в четыре локтя высотой, черный, но со светлым, зачищенным топором острием, тот самый кол, что посулил ему подтысяцкий Аган, был единственным украшением площади.

Тилод подумал: не стоило приходить в городок. Нет, он не боялся осуществления угрозы. Досадно другое: предупрежденный подтысяцкий поставит у стен дополнительную стражу, что повлечет дополнительные жертвы.

Руки зодчему связали за спиной. Качественно. Потребуется минут пять, чтобы освободиться. Прислонившись спиной к столбу, на котором держалась крыша навеса, он принялся методично натягивать веревки. Силы у него хватало. Узлы затянутся туго, но сами

веревки или лопнут или удлинятся настолько, чтобы высвободить руки. Путы врезались в кожу, но Тилод не обращал внимания на боль.

– Ты что там возишься? – подозрительно спросил десятник.

– Отлить бы! – попросил Тилод.

– Валяй! – согласился десятник.

– Руки мне развяжи!

– Еще чего!

Тилод на это и не рассчитывал:

– Ну хоть штаны помоги снять! – попросил он, прикинув, что, оглушив десятника, управится с двумя солдатами, дремавшими поодаль, и со связанными руками.

– Ага! – сказал десятник. – Я буду тебе штаны снимать! Отойди в сторонку и отливай прямо так! Все равно обгадишься, когда палач возьмет тебя в оборот!

Тилод поднялся. Лениво, будто тоже разморенный жарой, он подошел к краю навеса...

И увидел: на западном краю площади появился Аган с четырьмя стражниками.

«Я немного опоздал!» – подумал Тилод.

И тут со стороны Леса раздался гром.

Охранники зодчего подскочили на месте. Десятник тупо поглядел на белесое небо. Один лишь Тилод догадался: краурхи разбили частокол.

Руки зодчего были связаны, но ноги свободны. Отступив на несколько шагов, он разбежался, и мысленно помянув Тура, прыгнул вверх, на крышу навеса.

Он упал грудью на покатый край, изогнулся, оттолкнувшись плечом, и перебросил тело на деревянный настил. Его отвлекшиеся сторожа даже не заметили, куда он делся.

Зато Аган видел прыжок и восхищенно прищелкнул языком: акробат! А мгновением позже сообразил: стащить пленника вниз будет не так легко. Впрочем, сейчас его больше беспокоило, что это за грохот.

Тилод лежал на прочных, плотно пригнанных досках. Руки по-прежнему были связаны, но теперь это его не волновало.

Воины, сторожившие пленника, недоуменно озирались.

– Он там, на крыше, болваны! – рявкнул Аган. – Демон с ним, пусть сидит. Пока. – И уставился на север, где вдалеке, над крышами бараков виднелся Лес.

– Равахшевы штучки! – пробормотал он.

Пронзительный свист вывел его из задумчивости: наблюдатель на башенке внутреннего ограждения заметил краурхов. Свист повторился, а потом тревожно и жутко загудела труба.

– Следить за этим! Нет, лучше пристрелить! – приказал Аган десятнику. И бросив охране:

– За мной! – придерживая меч, побежал к воротам.

Как это ни удивительно, воины на стенах поначалу не заметили Черных Охотников. Видимо, они показались конгаям частью самих гигантских крабов. Внутреннее ограждение городка было таким же частоколом, что и внешнее, только новым и из более толстых бревен. Ограждение предназначалось для защиты от Гибельного Леса. Четыре баллисты на башенках готовы были поразить любого зверя. К организованной атаке городок не готовился, но встретил краурхов, как подобает. Четыре баллисты выстрелили. Три стрелы пролетели мимо, но одна угодила в бок, вернее в заднюю часть крайнего краурха, локтем ниже верхней пластины панциря. Не пробив «брони», стрела отбросила краба в сторону. Черные Охотники посыпались на землю. Только один из направляющих сумел удержаться и удержать краурха в повиновении, но краба пришлось остановить.

Залп орудий был первым и последним. Краурхи дружно ударили в частокол. Раздался такой грохот, словно столкнулись два боевых корабля. Частокол вздрогнул, кое-кто из солдат свалился со стены. Но глубоко вкопанные, стоявшие в три ряда столбы выдержали, а те, кто усидел на своих местах, осыпали Охотников градом стрел. Двое из Берегового Народа

были ранены, остальные ответили метким залпом из суффов¹². Крохотные отравленные стрелки вонзались в лица солдат. Яд убивал мгновенно.

Краурхи отступили от стены на полсотни шагов. Второй залп не причинил Охотникам вреда. На этом участке стены защищавшиеся потеряли треть людей.

Гигантские крабы вновь ринулись вперед. Еще один громоподобный удар – и частокол не выдержал. Стена накренилась, огромный краурх взбежал по ней, цепляясь когтистыми лапами, и спрыгнул вниз. Ближайшие к месту прорыва солдаты были убиты раньше, чем осознали происшедшее. Те, кто стоял вне досягаемости суффов, выпустили вслед краурху дюжину стрел. Безрезультатно. Огромный краб, вздымая пыль, ринулся по широкой улице в сторону порта. Второй краб соскочил с наклонившихся бревен и с невероятной быстротой побежал вдоль частокола. Солдаты, не успевая даже прицелиться, десятками гибли от ядовитых стрелок. Третий краурх помчался вдоль ограждения в другую сторону. Остальные рассыпались по городку. Следуя приказу Несмеха, Черные Охотники стреляли лишь в тех, у кого в руках было оружие. Только – в руках. Поэтому, когда огромный черно-лилово-фиолетовый краб пронесся мимо спешивших к стене Агана и его телохранителей, все пятеро остались невредимы. Мечи их были в ножнах, а арбалеты – за спиной.

Аган тупо посмотрел на удаляющийся столб пыли, потом на цепь ям, оставленных в почве когтями краба.

– Что за чудовище? – воскликнул он. – Это и есть Черные Охотники?

– Не-е, вряд ли! – растерянно пробормотал один из солдат. – Те, вроде бы, люди...

Краурх появился и исчез так быстро, что никто из пятерых не разглядел всадников.

Крики, доносившиеся со стороны ограждения, смолкли. Кричать стало некому. Раненых не было. Уцелели немногие, выронившие оружие, забившиеся в щели...

Один из краурхов вынесся на площадь перед бараками.

– Бросить оружие! – рявкнул, вскочив на ноги, Тилод на мгновение раньше, чем краб выскочил из-за угла двухэтажного склада.

Десятник и солдаты уронили мечи, инстинктивно, повинаясь мощи голоса зодчего, а не собственному рассудку. Так или иначе, но они спасли свои жизни.

Тилод, расставив ноги, стоял на крыше. Руки его все еще были связаны.

Покрытый желтой пылью краурх, сбавляя скорость, подбежал к навесу, и Тилод перемахнул на его спину, бывшую на два локтя выше деревянного настила крыши. Один из Охотников взмахнул мечом. Лезвие рассекло веревки с идеальной точностью, даже не оцарапав кожи.

– Туда! – крикнул зодчий, указывая путь Направляющему.

Аган все еще пытался сообразить, что предпринять, когда сзади раздался топот и хруст дерева, когда краурх при резком развороте задел и развалил стену дома.

Чудовище возвратилось! И несло прямо на них!

Аган успел выхватить меч, солдаты – нет. Они уцелели и тупо смотрели, как оседает Носитель Дракона, в щеку которого впились две крохотные, в палец длиной, стрелки. Когда подтысяцкий упал на пыльную землю, сердце его уже остановилось. Солдаты попятились. Краурх затормозил в пяти шагах от них, и стражники заметили Черных Охотников. Без звука они подняли над головой пустые руки.

Несмех спрыгнул на землю, сорвал с пояса мертвого Носителя Дракона рожок и поднес к губам. Он был уверен, что каждый солдат в городе знает его голос. Рожок четырежды прогудел, возвещая сдачу.

Не обращая внимания на солдат, застывших с поднятыми руками, Тилод подпрыгнул вверх. Руки Охотников поймали его кисти и подняли зодчего наверх. Вспарывая когтями

¹² Суфф – три соединенные вместе духовые тростниковые трубки, укрепленные так, чтобы пользоваться ими можно было без помощи рук.

сухую землю, краурх помчался к центральной площади перед гаванью. Вскоре оттуда вновь прокричал рожок: все ко мне!

И четверо солдат, бросив прощальный взгляд на труп Агана, побрели на зов, хотя и знали, кто протрубил.

VI

«Из земель, принадлежавших некогда Махд-Шагош, лишь Черную Твердь пощадили океанские воды, пожравшие саму Махд-Шагош и половину Красной Тверди. "Пощадили" – мы говорим о земле. Но для нас с вами юг Черной Тверди – все равно что морское дно».

Сигвар Гурский. Описание Земель.

Глава Благословенный Конг

Конг. Сарбур. Лето тысяча двенадцатого года.

В день, когда Черные Охотники Вечного Лона вышли из Гибельного Леса, в самом большом богатом городе Конга, Сарбуре, тоже свершалось нечто значительное. Бывший Исполняющий Волю Керанраон провозгласил себя Владыкой Юга.

Восемь ритуальных рогов ревели над головами. И рык их достигал самых отдаленных предместий.

– Когда они соберутся? – спросил Керанраон, в прошлом – Исполняющий Волю, а ныне – самозванный Владыка Юга: Сарбура, Тунга, Йенкаяна, Килана и еще дюжины городов помельче, от Пути Великого Ангана до северного подножия Межевых гор.

– Последние придут часа через полтора, но тебе, достойный, ни к чему ждать последних. Довольно, если соберется тысяч тридцать! – густым басом отвечал Турарбур, верховный Жрец Быкоглавого в Сарбуре, и один из самых сильных магов Конга.

Керанраон и Турарбур стояли на балконе над воротами главного храма Тура, как раз между рогами гигантской бычьей головы.

Турарбур, не поворачиваясь, внутренним зрением, осмотрел нового Владыку Юга и остался доволен: Керанраон – искренний приверженец Тура Сильного. И не потому, что совсем недавно внес в храмовую сокровищницу столько, сколько не накапливалось в ней и за сотню лет. Керанраон мог себе позволить и большую щедрость: воины его прошли по крупным Владениям Юга куда более тщательно, чем это было сделано на севере. Правда, в отличие от армии Санти, не оставлявшей в живых ни одного из соххоггоев, кроме сущих младенцев, и не пропускавшей даже самого захудалого замка, Керанраон ограничился лишь теми Владениями, где было довольно земель и богатств. Он преследовал свою собственную цель и не гонялся за крохами. Керанраону нужны были не столько жизни соххоггоев, сколько их богатства. И богатства эти Владыка Юга взял. И сокровища, и земли. Но в отличие от Санти, раздававшего освобожденные земли окрестному населению, Керанраон взял их себе, но пообещал каждому воину, вставшему под его знамя, собственный надел, а Наместникам городов и начальникам гарнизонов – целые поместья. Да не просто посулил, а определил с точностью: кому, где и сколько. Так что сторонников у бывшего Исполняющего Волю сразу прибыло. К концу первого месяца лета у Керанраона уже была пятнадцатитысячная армия, отлично вооруженная и обученная. И сотни тысяч сторонников из народа. Часть из них он тоже вооружил и поставил под начало опытных командиров. Эти стоили немного, но их всегда можно было выпустить вперед, сохранив настоящих солдат. Ну а после нескольких сражений из уцелевших ополченцев выйдет неплохое войско. Керанраону нужно много приверженцев, чтобы стать не только Владыкой Юга, но и повелителем всего благословенного Конга. Впрочем, пожертвования в храм Тура он сделал без задней мысли: Тур был его покровителем! Тур дал ему силу! Керанраон любил

Быкоголового бога и не сомневался, что тот тоже любит Керанраона!

Турарбур знал об этой любви и именно из-за нее так явно поддерживал бывшего Исполняющего Волю. Приношения – это неплохо. Богатство угодно Туру Изобильному. Но только настоящая вера – превыше всего. Верховный Жрец видел Керанраона насквозь: все его достоинства, и все слабости, но среди людей он не знал никого другого, кому с такой же охотой помог бы стать правителем Конга. Если он не прав, пусть Тур укажет своему жрецу на ошибку!

Турарбур почувствовал за своей спиной громадное тело Храма, и сила его утроилась.

Керанраон с удовольствием глядел сверху на собственных воинов – в блестящих доспехах, в сверкающих на солнце шлемах. Три тысячи пеших. Отборная гвардия. Ядро его войска. Он любил их так же, как любил «синих», латных всадников Сарбура. Ишь, замерли, как металлические статуи! И не шевельнутся, пока он не прикажет! Внушительное зрелище для простолюдинов. Особенно для почитающих силу приверженцев Быкоголового.

Через ворота храмовой ограды внутрь потекли ручейки прихожан. Они с любопытством поглядывали на воинов, выстроенных шпалерами вдоль широкой Аллеи Паломников. Постепенно у врат храма накопилась изрядная толпа. А люди все прибывали и прибывали. Керанраон смотрел, как заполняется площадь перед храмом. Здесь были не только сарбурцы, но и пришлые, которых немало появилось в городе в последнее время. Особенно много было почитающих Тура земледельцев. Керанраон знал, что может на них положиться. Договорился он и с чиновниками, пообещав им сохранение мест и привилегий и заверив, что Канцелярия Великого Ангана – с Великим Анганом или без – останется в неприкосновенности.

В Сарбуре только сословие воров могло сетовать на новую власть. Керанраон взялся за ночных братьев всерьез: отчасти для того, чтобы пресечь вспышку разбоя, неизбежную при смене правителя, отчасти – чтобы заставить наиболее способных к оружию головорезов примкнуть к его армии. Бывший Исполняющий Волю преуспел в своих намерениях. Первой ощутила твердость его руки златолюбивая и недисциплинированная здесь, в безалаберном и пестром Сарбуре, стража порядка. А когда Владыка Юга втрое увеличил ее за счет своих солдат, все изменилось настолько, что даже на территории порта можно было пройти с полным кошельком денег, сохранив и кошель, и жизнь.

Теперь, когда самозванный Владыка Юга задумал повелевать всем Конгом, ему следовало убедить народ, а в первую очередь – жителей Сарбура в неизбежности грядущей войны. Довод у него был сильный: урнгурцы. Урнгурцы, которые заправляют на севере и силой заставили примкнуть к себе конгаев. Так это или нет, но в Сарбуре, где к северянам относятся свысока, подобное никого не удивит.

Керанраон не сомневался, что убедит их в чем угодно, потому что знает южан как облупленных и всегда добьется от них того, чего хочет!

Толпа полностью запрудила храмовый двор, напряжение нарастало. Турарбур, мгновенно определявший нужную минуту, тронул плечо Керанраона:

– Начинай, достойный!

Владыка Юга посмотрел вниз, на волнующуюся людскую массу, и кивнул.

– Народ благословенного Конга! – воскликнул он. – Ныне возвращается к нам счастливое время!

Керанраон был уверен в успехе, потому что полагал: с северянами он управится. О том, что происходит южнее Сарбура, новый Владыка Юга понятия не имел. Те земли были для него – словно морское дно. Знаешь, что оно есть. Знаешь, что там кто-то живет и что-то происходит. Но кто из обитателей суши всерьез принимает в расчет то, что происходит на морском дне?

То было утро двадцать третьего дня первого месяца лета.

* * *

Нанятые подручным Натро корабли прибыли к устью Южанки в первый день второго месяца лета. Четырнадцать больших кораблей. Слишком больших, чтобы подняться вверх по реке, поэтому к их приходу три с половиной тысячи ссыльных и около двух сотен стражников уже стояли лагерем на морском побережье. Это было далеко не все население городка. Около сотни ссыльных, восемь десятков солдат и все поселенцы решили остаться на Юге. Тилод никого не заставлял идти вместе с ним. Но те, кто пошел, признали его власть и поклялись следовать за ним до конца.

Однако прежде зодчему пришлось силой доказать свое право: через два дня после того, как Черные Охотники захватили городок, среди ссыльных вспыхнул бунт.

Отчасти сам зодчий был тому виной. Зная, что ни краурхов, ни сиргибров на кораблях перевезти не удастся, он на следующий день отправил Черных Охотников напрямик, через горы – к началу Медного Тракта, с тем, чтобы позднее соединиться с ними уже на земле Конга. Слушающий Дирг, оставшийся с Тилодом, поддерживал с ними связь. Охотники ушли, а Тилоду предстояло командовать четырьмя тысячами ссыльных, полусотней поселенцев и тремя сотнями солдат стражи.

С солдатами Тилод договорился легко. Узнав о смерти Великого Ангана, те из них, кто хотел вернуться в Конг, с готовностью подчинились Тилоду. Поселенцы зодчего не интересовали, а ссыльных он полагал своими естественными союзниками. Зодчий изложил им свои планы, набрал добровольцев для постройки плотов и предоставил их самим себе. Тилод совсем недолго прожил в бараках. Его могучая фигура и лицо, на котором ясно читалось: тронешь – умрешь! – позволили зодчему держаться особняком. Потому Тилод не знал, что далеко не все сосланные на Юг попали сюда за преступления против Великого Ангана. Довольно было и бывших разбойников, и членов воровских шаяк, которым «милосердный» Великий Анган предоставил возможность умереть не на эшафоте, а в южных джунглях. Большинство ссыльных провело на Юге не один год: под постоянной угрозой гибели, без женщин, без самого необходимого. И в повиновении их удерживали даже не стражники, а сам Гибельный Лес. Бежать некуда. Стражу можно перебить, но через день-два поднимутся вверх по Южанке уллы¹³ с воинами и сотрут в порошок бунтовщиков. Конечно, кое-кому мысль о восстании приходила в голову, но стоило бедняге об этом заговорить – и ему наступал конец. Слухачи из самих же ссыльных мигом доносили страже, и вместо свободы приходила мучительная смерть.

При захвате городка погибла примерно треть гарнизона. Остальные, в отличие от Тилода, очень хорошо знали, что представляют из себя обитатели бараков. Как только Тилод отправил Черных Охотников (останься они в городе – никто не посмел бы и пальцем шевельнуть против воли Тилода: охотников боялись панически, больше, чем демонов) солдаты приняли собственные меры безопасности. Они укрепили казармы и покидали их группами не меньше, чем по десять человек. Пусть на каждого из них приходилось по десятку ссыльных, но стражники были вооружены и организованы. Задирать их не смели. Мечи воинов и клыки обученных псов отбивали задор даже у самых буйных. И все же напряжение нарастало. Тем более, что все запасы вина и большую часть продуктов по распоряжению Тилода свезли в казармы. Первая ночь прошла спокойно. День тоже миновал без происшествий. Хотя, будь Тилод в городке, он мог бы заметить, что ссыльные что-то затевают. Но Тилод был с теми, кто вязал плоты. И Эйрис с ним. А Дирг, которому не по душе было спать под крышей, в первый же день ушел в Лоно.

Уже час как стемнело, когда чуткие ноздри Эйрис уловили запах дыма.

Выскачив из дому, зодчий увидел отсвет пожара – на востоке, там, где располагались земли поселенцев. Несколько минут понадобилось ему, чтобы оседлать двух пардов и вскочить в седло. К этому времени сам поселенец и двое его сыновей были мертвы, жена и три дочери изнасилованы и тоже мертвы. Спаслась только младшая, шести лет от роду,

¹³ Улла – парусно-гребное военное судно.

которую мать спрятала под яслями в хлеву.

Чуть раньше Тилода огонь заметили в бараках. Для тех, кто только и ждал повода, чтобы взяться за колья, пожар стал сигналом. Хорошая тысяча ссыльных ринулась грабить поселенцев. Женщины, вино, оружие!

В казармах тоже увидели ответ пожара, но никто не тронулся с места. У солдат с поселенцами неплохие отношения, но не настолько близкие, чтобы проливать за них кровь. Посему солдаты толпились на площади, глазели на алые блики и обменивались репликами, гадая о том, что будет дальше.

Тилод врезался в толпу стражников, расшвыряв их грудью взбешенной парды.

– Следующие – вы! – крикнул он и умчался в сторону поселений.

За ним, желтой, как лунный свет, тенью мелькнул хасец Эйрис.

Сбитые с ног солдаты поднимались, потирая ушибленные места и посылая ему вслед ругательства.

Так продолжалось минут пять, пока до одного из разведчиков, десятника Ликона, прозванного «Глаз Урга», не дошел смысл слов Тилода.

– Ну-ка, парни, заткнитесь! – рявкнул он и протолкался к скамье у стены казармы. Вспрыгнув на нее, он сверху поглядел на толпу стражников и щелкнул пальцами.

– Клянусь Туром! – гаркнул он. – Пока мы тут трясем яйцами, эти засранцы порешат поселенцев и примутся за нас!

– Голыми жопами? – спросил один из сотников, и все вокруг весело заржали.

– Точняк! – согласился Глаз Урги, когда хохот стих. – А к голым жопам – хорошие конгские клинки! Не будь пнем, начальник! У каждого поселенца оружия – на полный десяток!

На площади воцарилась тишина, нарушаемая только рычанием пардов в загоне..

Сотник первым нарушил молчание.

– Верно сказал, Глаз! Признаю! – потом, поглядев вокруг, на сразу ставшие серьезными лица солдат, добавил:

– Вторая сотня – в седла! Драть вашу задницу!..

Вторая сотня, не потерявшая в позавчерашнем избиении ни одного человека (ее не было в городке) в полном составе ринулась к стойлам пардов. Минутой позже туда же устремились и остальные, а спустя десять минут три сотни всадников помчались в сторону пожара.

Тилод в это время уже стоял рядом с полыхающим домом. Спрашивать, что произошло, было не у кого, но мертвые тела были достаточно красноречивы. Выкрикнув проклятие в сторону огражденных частоклом, неразличимых во тьме бараков, Тилод погнал парду по хорошо заметному следу, оставленному убийцами на рыхлой земле.

Дом южного поселенца – не изящное строение северного Конга. У него крепкие стены, высокое крыльцо, а стоит он на прочных сваях, на два локтя поднимаясь над землей: для защиты от ядовитой дряни.

Первую семью застали врасплох, но вторая успела проснуться. Хотя забаррикадировать дверь и затворить окна обитатели дома не смогли. Два меча и два арбалета – не слишком много против трех десятков мародеров.

Когда Тилод подскакал к дому, оружие осталось в руках только у хозяина дома, бывшего десятника Южной Стражи. Пять мечей держали его у стены сарая, не давая прорваться туда, где несколько бандитов, поочередно, насиловали его дочь. Даже отчаянно рискуя, бывший десятник и на шаг не мог отойти от стены. Бандиты не торопились его прикончить. Они развлекались.

Увидев перемахнувшего через ограду всадника, десятник закричал и рванулся вперед. Одновременно с ним завопил один из бандитов, предупреждая остальных. Парда Тилода единым махом оказалась рядом с четверьмя насильниками и вонзила клыки в шею одного из них раньше, чем меч Тилода прикончил второго. Когти разъяренной Тьмы рванули спину того, что лежал на девушке. Бандит дико взвизгнул, но тут же умолк: меч Тилода перерубил

ему позвоночник. Четвертый попытался удрать, но парда оказалась проворнее.

Те пятеро, что прижали хозяина дома к стене, позабыв о нем, глазели на Тилода. Поселенец воспользовался моментом, и двое его врагов повалились на землю.

Из дома выскочили несколько бандитов с арбалетами в руках. Зодчий развернул парду и приготовился отразить стрелы. Не потребовалось. Из-за угла дома выплыл хасец Эйрис, негромко хлопнул суфф, три бандита повалились с крыльца, остальные поспешно нырнули обратно в дом. Десятник успел прикончить еще одного прежде, чем ему на помощь пришел Тилод. Клинок упал дважды, но один раз – впустую: бандит ухитрился нырнуть между свай. Поселенец, свирепо сопя, полез за ним.

Эйрис мгновенно зарядила суфф и прямо с седла прыгнула в окно дома. Только один из бандитов выскочил наружу. Прямо под меч Тилода.

Поселенец прикончил последнего.

Рукав его холщовой рубахи пропитался кровью, но десятник не замечал раны. Он бросился к дочери.

Девушка тоже была вся в крови, своей и чужой, но – жива.

Эйрис показала в дверях. Свистом она подозвала хасца и вскочила в седло. Тилод подъехал к ней.

– Послушай!

Эйрис застыла на мгновение, а потом сообщила:

– Люди. Много людей. Идут к нам.

– Да, – кивнул Тилод. – Нас им не миновать, и мы их остановим!

– Их неинтересно убивать! – пожаловалась его подруга. – Они – как снулые лягушки! Стоит ли вести их на север?

– Зачем они это сделали? – с болью пробормотал Тилод.

– Зачем?

Подошел хозяин дома, остановился, тяжело опершись на меч.

– Твой должник, господин! – сказал он.

Эйрис соскочила наземь и с обычной быстротой забинтовала рану десятника полосой ткани, оторванной от его рубахи. Конгай благодарно наклонил голову.

– Там, в доме, еще одна женщина, – сказала ему Эйрис. – Она жива.

– Не знаю, чем я отплачу тебе, господин? – пробормотал десятник.

– Не спеши благодарить, – проговорил Тилод. – Взгляни туда!

Со стороны бараков к ним приближалось множество желтых прыгающих точек. Это были факелы.

– Иди в дом, – не глядя на десятника, велел зодчий. – Помоги той, что жива! Твой меч дела не решит!

Но бывший стражник остался на месте.

– Это приказ! – жестко бросил Тилод. – Ты будешь мне мешать!

Эйрис в пятый раз вставила в суфф ядовитые иглы.

Десятник воткнул меч в деревянную колоду, поднял на руки дочь и понес ее в дом. Мимоходом он злобно пнул ногой труп одного из бандитов.

Огни приближались. Уже различался шум голосов, похожий на отдаленное гудение ветра, или на шум волн, разбивающихся о берег.

Тилод сжал колени, парда в два прыжка пересекла двор и легко перемахнула через ограду. Зодчий остановился, ожидая. Толпа приближалась. Ветер переменился. Теперь он нес с собой горячий и влажный выдох Вечного Лона и примешавшийся к нему горьковатый факельный дым. Тилод уже различал отдельные голоса, острые, возбужденные. До толпы оставалось шагов триста. Факелы из желтых точек превратились в оранжевые пятна с яркой пляшущей сердцевинкой, среди моря смутно видневшихся голов. Издали тело толпы напомнило Тилоду огненного слизня, огромную полыхающую во тьме тушу, неторопливо ползущую по черной затхлой топи.

Зодчий поехал вперед. Эйрис тенью следовала за ним.

Свет факелов – длинных, в человеческий рост, палиц, с концами, обмотанными пропитанным маслом тряпьем,— упал на него. Шедшие впереди остановились. Натолкнувшись на их спины, остановились и шагавшие позади. Неровная линия толпы выгнулась, обтекая зодчего.

Тилод немного приподнялся на стременах:

– Знаете, кто я? – его сильный голос прорезал рокот толпы, как раздвигает траву грудь парда.

– Да! Да! – отозвались первые ряды.

– Кто? Кто? – закричали те, кому не было видно.

– Возвращайтесь назад! – повелительно крикнул зодчий.— Те, кто стал на путь зла, убийцы,— они мертвы! И вы тоже умрете, если не повернете назад! Я, Несмех, говорю вам это!

Тилод был один. Но в голосе его чувствовалась Власть и, когда зодчий тронул парда вперед, ближайшие попятились. Но сбоку протолкалось несколько человек. Один из них вскочил на плечи товарища и выкрикнул пронзительно:

– Ты! Кто ты, чтобы отнимать то, что нам нужно?

Тилод повернулся к кричавшему. Он ничего не говорил, только смотрел.

– Ты! Почему ты спрятал наше вино? Почему ты стал между нами и женщинами, которых мы можем взять? Ты!

– Если пойдешь за мной, чтобы сражаться с врагом, получишь и вино, и женщин! В свое время! – спокойно произнес Тилод.

– Ха! Пойти с тобой? А если я не хочу идти с тобой?

Тот, кто сидел на чужих плечах, расхохотался:

– Ты много хочешь! Я помню тебя! Ты гнил со мной в одном бараке! Ты – такой же, как и они! – крикун махнул рукой назад.— Пришли лесные демоны, убили «Дракона» Агана и посадили на его место тебя! А теперь демоны ушли! Теперь ты – никто! Ты слаб, как червяк! Прочь с нашей дороги!

– Убей его! – посоветовала Эйрис.— Или позволь мне убить?

– Нет! – негромко возразил зодчий.— Может быть...

– Прочь с нашей дороги! – надрывался сидевший на плечах. Тилод не мог разглядеть его лицо, а голос был незнаком зодчему. Он чуть двинул парду вперед, и крикун проворно соскочил наземь.

– Мочи его, парни! – завопил он.

Толпа подступила к Тилоду. Державших факелы оттеснили. Их место заняли дюжины две крепких парней, вооруженных дубинами. Они действовали слаженно, как воины одной сотни. Только повадка у них была не воинская.

Вожак, тот, что кричал, выхватил из-за пазухи камень и метко швырнул его в зодчего. Камень ударил в налобник шлема. Тилод даже не шевельнулся.

– Дурачье! – сказал он.— Возвращайтесь в бараки. Я обещаю вам: у вас будет возможность подраться!

Его спокойствие было почти магическим. Ропот стал понемногу стихать. Но возвращение в бараки устраивало далеко не всех.

– Бей! Бей! – завопил вождь.

– Бей! Бей! – откликнулись с разных сторон.

Тилод был окружен. Но нападать на него не торопились. Наброситься с дубиной на вооруженного всадника – тут нужно немалое мужество.

Еще один камень полетел в зодчего. Он пригнулся, и камень угодил в кого-то позади. Раздался болезненный вскрик.

Третий камень швырнули в Эйрис. Женщина поймала его и метнула в бросившего. Треск, с которым камень врезался в лоб, был слышен даже сквозь вопли толпы.

Тяжелая дубина хряснула по крупу хасца. Пард взревел, крутнулся на месте. Еще один удар метил в колено Эйрис. Женщина казалась более легкой добычей. Ее оттесняли от

Тилода. Суфф пропел трижды, и в дело вступил меч. Хасец свирепо рычал. Но противники напирали. Желтый пард – зверь бега, а не битвы. Большой камень ударил в спину Эйрис, едва не выбив ее из седла. Тилод наконец понял, что придется драться.

– Жри их! – крикнул он в ухо Тьме и, завертев мечом, ринулся на выручку.

Парда присела на задние лапы, передними мигом расчистила пространство перед собой. Держась за луку, Тилод откинулся назад и зарубил одного из подбиравшихся с тыла. Остальные отпрянули. Парда взвилась в воздух и сверху упала на головы врагов. Ее лапы опрокинули двоих, а клыки сокрушили череп третьего.

Оказавшись рядом с хасцем, она обошла его, опрокидывая людей, как столбики в детской игре. Тилоду удалось лишь дважды взмахнуть мечом. Снова запел суфф: Эйрис оказалось не так легко выбить из седла. Миг – и вокруг нее и Тилода образовалось пустое пространство, заваленное трупами. Раненые пытались уползти, но натыкались на ноги стоящих товарищей. Время от времени Тьма ударяла черной лапой по нагроможденным перед ней телам. Она свирепо рычала и рвалась в бой. Ее черной, оскаленной морды боялись больше, чем клинка Тилода. Толпа безмолвствовала. Вожак, тот, что сидел на плечах, был убит первой же стрелкой Эйрис. Возникло шаткое равновесие. Передних удерживал страх.

Но ссыльных были сотни, а противостояли им лишь двое. Толпа снова зашевелилась, потекла мимо Тилода, огибая, как река огибает остров.

Эйрис спокойно заряжала суфф.

Несмех некоторое время пребывал в замешательстве. Потом с криком «Прочь!» – ринулся сквозь толпу. Люди шарахнулись в стороны и он вырвался наружу. Эйрис, как обычно, двигалась за ним. Несмех не убивал, не убивала и она.

Ссылные широким потоком текли вперед. Тилод метался между ними. Те, кому он преграждал путь, останавливались. Но двигались другие. Зодчий больше не убивал, и его перестали бояться. Тилод был подобен ткацкому челноку, сновавшему от края к краю полотна, а толпа – холсту, наползающему на него.

Бунтовщики достигли первой ограды и, навалившись, разом опрокинули ее.

– Убей несколько десятков, если ты хочешь их остановить! – сказала Эйрис. – Все равно сейчас прольется кровь!

Зодчий задумался, но последовать ее совету не успел: пришла помощь.

Три сотни стражников расшвыряли пардами толпу, окружили Тилода, тут же перестроились в три линии, обратив на ссыльных острия мечей. Звери их перебирали лапами и возбужденно рычали, предчувствуя драку.

– Мы вовремя, командир? – крикнул зодчему сотник. – Погоди, сейчас мы погоним этих крыс в их норы! Хей-хей! Парни! Клинки – к бою! Руби!!!

– Стоять!!! – взревел Тилод. – Мечи в ножны!

Толпа, отхлынувшая в ужасе, застыла.

Солдаты, по-прежнему сжимавшие оружие в руках, придержали пардов. Но мечей не спрятали.

Хасец Эйрис боком подступил к сотнику, и клинок женщины лег на холку его парда.

– Люди! – воскликнул Тилод, обращаясь к толпе. – Вернитесь по своей воле! Хватит крови!

– Равахш! – тихо выругался сотник. – Надо преподать им урок! Я знаю этих ублюдков! Это же твари! Преступники!

– Несмех сказал, что делать, – бесстрастно произнесла Эйрис. – И ты сделаешь.

– Да уж! – буркнул сотник и с раздражением швырнул клинок в ножны.

Ссылные, сначала медленно, потом все быстрее и, наконец, бегом, устремились к баракам. Всадники следовали за ними, объезжая упавших, но готовые в любую минуту вмешаться, если настроение толпы переменится. Однако дело было сделано.

В эту ночь в бараках убили еще нескольких человек. Зачинщиков бунта, коих миновали меч Тилода и суфф Эйрис.

Больше мятежей не было. Может быть, потому что Тилод всех занял работой.

Спустя два дня вереница плотов отчалила от берега. Не спеша плыли они вниз по мутной желтой воде Южанки между пестрыми стенами Гибельного леса. Зодчий смотрел на Лес с палубы небольшого судна. Для него это хаотическое смешение цветов не было Врагом. Вечное Лоно. То, что щедро дарит жизнь и так же легко отнимает ее, чтобы подарить вновь. Вечное Лоно заставит тех, кто остался в городке, позабыть свои распри. У них достаточно припасов, чтобы выжить, и достаточно судов, чтобы не остаться отрезанными от мира. Остальное сделает Лоно: убьет вражду.

Плоты достигли побережья на несколько дней раньше, чем с севера пришли нанятые корабли. Но у берегов моря Зур джунгли далеко не так агрессивны, как вдали от него.

Собственно, сам Гибельный Лес кончается за десяток миль от побережья. Для его растений тут слишком сухо, плоть Лона здесь так же редка, как брызги, вылетающие из кипящего котла.

Еще засветло ссыльные разбили лагерь, оградившись засекой и частоколом. Мяса и рыбы было вдоволь. Тилод разрешил взять из общих запасов дюжину бочонков вина. Повсюду весело пылали костры.

Тилод, Эйрис и приставшие к ним два десятка разведчиков из бывших стражников устроились вокруг могучего дерева с такими широкими листьями, что ими можно было бы накрыться, как одеялом. Необычайно приятно просто так сидеть на траве, не опасаясь, что в ягодицу вопьется отравленный шип или в глаза брызнет ядом свесившаяся сверху пятнистая тварь. И знать, что толстые синие лианы, оплетающие ствол, так и останутся на стволе. Одним словом: хорошо! Яркие лучи звезд Юга пронзали бархат неба. Голубая ранняя луна, встав из моря, неторопливо поднималась вверх. Пахло сладким нектаром и жареным мясом.

Обняв Эйрис левой рукой, Тилод шевелил угли костра длинной сухой веткой, глядя, как взлетают вверх снопы искр. Но мысли его были далеко.

Через шесть дней воинство Тилода на четырнадцати больших кораблях обогнуло мыс Жертвы и двинулось дальше по зеленым водам пенного моря Зур к большому поселению Митан, от которого, как было известно зодчему, шла дорога к Медному Тракту. Там Тилод предполагал дожидаться Черных Охотников, а потом, всем вместе, идти к Сарбуру.

За полтора часа до захода армия Тилода высадилась на берег. Гостиница и постоялый двор Митана не могли вместить и десятой доли такого количества людей. Потому зодчий расположил их лагерь на одном из пустующих полей за северной окраиной Митана. Утром он собирался навестить здешнего старейшину, выяснить, что происходит в Конге, а заодно купить оружие для своих людей.

Но все сложилось иначе.

VII

«Внезапность».

Шестидесятое, самое короткое правило Мангхэл-Сёрк

Южный Конг. Лето тысяча двенадцатого года.

Власти Митана, когда им доложили, что в порту высадилась целая армия, впали в панику. Немедленно послали гонцов в Йенкаян, город, расположенный тридцатью милями севернее. С вестниками отправили пленника из числа ссыльных, которого удалось захватить расторопной Береговой Страже, пока войско Несмеха проходило через Митан.

Гарнизон в Йенкаяне командовал тысяцкий Гог, человек крайне решительный. Допросив пленника, он тотчас велел поднимать солдат. То, что армия Тилода превосходила его силы втрое, Гога не смутило. Он догадывался, что это за армия!

Собрав среди жителей Йенкаяна необходимое количество пардов, тысяцкий посадил на них свои пешие сотни и еще до восхода достиг Митана. Там его воины оставили пардов и с

первыми лучами дневного светила оказались в сотне шагов от лагеря Тилода.

Зодчему уже доложили о них. Несмех ждал, что уступающий числом противник пришлет людей для переговоров. Но Гог не стал тратить время на болтовню.

Войско Тилода было разбито наголову. Ни его личная храбрость, ни усилия тех стражников, что остались на стороне зодчего (половина бывших солдат Агана сдалась Гогу), ни мужество, выказанное большинством ссыльных, ничего не значили против отлично вооруженных, обученных, спаянных в одно целое десятками схваток воинов Береговой Стражи. Тем более, что сами ссыльные были вооружены кое-как. Тилоду еще повезло, что рядом оказался лес.

В джунглях ссыльные сумели оторваться, потеряв около четверти ранеными, убитыми и взятыми в плен.

Гог не стал преследовать превосходящего числом противника в джунглях. Лесной массив был невелик, и Гог, оцепив его, послал за подкреплением в Сарбур. Он был уверен, что войско Тилода никуда не денется.

Лес, в котором укрылась армия зодчего, принадлежал соххоггою, чье Владение примыкало к джунглям с запада. Хозяину было доложено о том, что поблизости идет бой между конгаями. Властитель отреагировал в духе своего племени: послал людей поохотиться за пленниками.

В джунглях ссыльные почувствовали себя как дома, тем более что этому лесу по смертоносности было далеко до Вечного Лона. Пока воины Гога обкладывали лесной массив со всех сторон, люди Тилода с огромной скоростью рубили засеки вдоль лесных опушек. Топоры – их основное оружие, а навыков имелось предостаточно. Когда через несколько дней прибыли обученные псы и Гог направил несколько сотен солдат «пощупать» окруженных, разведывательный отряд напоролся на хаос поваленных деревьев в полтора десятка локтей высотой, с хищно заостренными ветвями и стрелками, затаившимися в тайниках.

Нескольким псам, ухитрившимся пробраться через засеку, не пропоров брюха, пришлось, поджав хвосты, убраться назад. Тилод захватил с Юга сотню собак, приученных не столько охотиться на людей, сколько защищать их от тварей Гибельного Леса. Они были в полтора раза крупнее и в два раза стремительнее северных сородичей.

Спустя шесть дней к осаждающим подошло подкрепление, которое возглавил лично Владыка Юга. Керанраон привел с собой пять тысяч солдат и две тысячи всадников. Несколько десятков телег было загружено огненным зельем. Владыка Юга не собирался драться с противником на его условиях. Гоняться за людьми, привыкшими к лесу намного лучше, чем его солдаты? Зачем? Огонь справится с задачей намного лучше. И, главное, быстрее.

Тилоду же только и оставалось, что отсиживаться в джунглях. С пищей трудностей не было, нескольких крупных хищников быстро уничтожили. В самой середине лесного массива была обнаружена деревушка в три десятка хижин. Обитателей ее, попрятавшихся в лесу, вскоре выловили воины Тилода. Эти почти одичавшие люди сами были дичью. Для соххоггоев. Тилод попытался уверить их, что не причинит вреда, но в ту же ночь лесные жители ушли из деревни и, как сообщили разведчики, осели на краю леса, не решаясь выйти из него. Возделанные земли пугали их так же, как джунгли пугают землепашца.

Ссыльные валили деревья, укладывая их в определенном порядке, освобождая от мелких ветвей, а крупные заостряя и опаляя для крепости огнем. Повсюду рыли ямы, подвешивали на лианах тяжелые бревна. Тилоду надо было занять людей делом. Сам-то он не обольщался. Зодчий знал: как только у врага накопится достаточно сил, чтобы основательно обложить лес, будет использован огонь. Лето сухое. Благоприятный ветер – и пожар помчится с быстротой парда.

Но и у Тилода была надежда. Дирг сказал: Черные Охотники уже миновали перевал и спускаются по северному склону. Главное для них – выйти на открытое пространство. Тогда и краурхи, и сиргибры смогут двигаться быстро.

Но Керанраон пришел раньше. Пока его люди разгружали у северной опушки огненное зелье, бывший Исполняющий Волю решил объехать лес. И наткнулся на серую стену Владения.

Между этой стеной и лесом стояли усиленные посты: не по трое, как в других местах, а по полному десятку. Отвечающий за участок сотник пояснил, что минувшей ночью на один из постов было совершено нападение – похищены три человека. Наверняка похищенных увезли во Владение. С сотником стражи соххогоя говорить не пожелали, а применить силу он не решился.

Керанраону хватило минуты, чтобы принять решение.

Спустя два часа его солдаты, три тысячи человек, в восьми местах проломили серую стену. Восемь отрядов одновременно двинулись ко дворцу. У солдат Керанраона уже накопился приличный опыт подобных действий.

Отряд стражей, числом в три сотни всадников, атаковал одну из групп Керанраона. Пешие, тут же перестроившись, ответили арбалетным залпом. Остальные семь групп продолжали двигаться вперед, и стражам пришлось отступить. Бой продолжался недолго – до тех пор, пока не были убиты сражавшиеся в первых рядах соххогои.

Началось разграбление Владения. Вернее, приготовление к вывозу всего ценного. Керанраон относился к имуществу Властителей очень серьезно – ведь теперь это его собственное имущество. Оченьгодились возы, на которых доставили зажигательную смесь.

Разведчики Тилода с вершин деревьев наблюдали за происходящим. Боги подарили ссыльным еще один день. Если их щедрость распространится и на ночь и хотя бы на часть следующего дня...

Ночь они получили. Но только ночь. Утром Керанраон приказал поджечь лес. С севера и востока. А с западной стороны, той, куда ветер понесет разгорающееся пламя, топча высокую южную пшеницу, выстраивались пешие сотни.

Тилод не стал ждать, пока пожар разгорится. Едва запахло дымом, его армия снялась с места, вышла из леса на южной опушке, прорвала оцепление и, перебравшись через оросительный канал, двинулась дальше на юг.

Керанраон, услышав соответствующий сигнал, послал тысячу всадников, чтобы те остановили уходящего противника. Что и было сделано с большим умением. Пешая армия Тилода вынуждена была принять оборону, то есть закрепиться и ждать, пока подойдут основные силы Дракона Юга. Исход будущей битвы был предрешен заранее.

Без лишней спешки Керанраон обложил поле с четырех сторон, а затем двинул навстречу друг другу свои пешие сотни. Тяжеловооруженные копейщики раздавят их так же легко, как клешня краба раскалывает лесной орех.

Встав на седло парда, Тилод смотрел на приближающиеся неторопливым шагом линии и понимал: его людям не устоять. Но отступить они тоже не могли, а значит, оставалось принять бой и погибнуть.

Зодчий посмотрел на юг, в сторону Межевых гор, но не увидел ничего, кроме бесконечных садов, покрывших уходящие вверх склоны.

Между окруженными и солдатами Керанраона оставалось не больше четверти мили. В Тилода никто не стрелял, и его собственные лучники тоже бездействовали: высокие колосья, разделенные узкими полосками кустарника, ограничивали видимость. Два отряда Керанраона сходились, будто были частями одного организма. Тяжелая пехота. Шесть тысяч солдат против двух тысяч кое-как вооруженных ссыльных...

Первая красно-зеленая голова появилась над деревьями за минуту до того, как соприкоснулись две армии. Сиргибр повертел мордой и открыл пасть. Казалось, он ухмыльнулся. Появился и исчез, опустившись на передние лапы. Но через мгновение неподалеку появилась еще одна голова и еще...

Затрубили рожки наблюдателей Керанраона. Владыка Юга, с высоты колесницы наблюдавший за сближением войск, выругался. По его приказу резервная полутысяча

двинулась навстречу ящерам. Керанраон не стал разбираться, откуда взялись хищники, а просто приказал отогнать их. Он впервые сталкивался с чудовищами из Гибельного Леса и полагал сиргибров чем-то вроде крупных хуругов.

Между пехотой Владыки Юга и ссыльными оставалось не больше пятидесяти шагов. По знаку Тилода лучники дали залп, не причинивший особого вреда. Пешие сотни Керанраона не ответили. Они предпочитали стрелять наверняка.

Боевые рожки сотников взревели одновременно. Сигнал: атаковать!

Рев двух десятков сиргибров ответил им, наполнив ужасом и сердца ссыльных, которые знали этот звук, и сердца солдат Керанраона, которые слышали его первый раз в жизни. Обе армии застыли. Таково свойство рева огромных ящеров: добыча цепенеет от страха. Когда отголоски рева умолкли, воцарилась абсолютная тишина.

– Мы спасены! – воскликнул Тилод.

Ближайшие к нему соратники посмотрели на зодчего как на сумасшедшего.

Керанраон с удовлетворением глядел, как резервная полутысяча идеально ровными шеренгами двинулась к плантациям персиковых деревьев, среди которых появились ящеры.

Сиргибры мелькали между низкорослыми деревьями, двигаясь в основном на четырех лапах и лишь изредка поднимаясь, чтобы оглядеться. Они были внушительных размеров, но не потрясали воображения, как харахи. Когда ящеры бежали на четырех лапах, широкие крестцы их были на пару локтей выше плеч. Яркие лобастые головы на длинных шеях плавно раскачивались.

Несмех посмотрел на Дирга. Высокий кустарник скрывал ящеров от глаз Слушающего, но судя по его сосредоточенному лицу с плотно сомкнутыми веками, он держал их в пределах собственной воли.

Эйрис сжала запястье Тилода. Она тоже стояла на седле своего хасца, положившего желтую голову на черный загривок Тьмы.

– Сейчас... – прошептала Эйрис.

Сиргибры разом поднялись на задние лапы. Воины Керанраона дали залп. Большая часть стрел попала в цель, но ни одна из них не смогла пробить кожу ящеров. Сиргибры вновь испустили ошеломляющий рев и ринулись на людей.

Солдаты успели выстрелить еще раз, а потом началась бойня. Ящеры были стремительны и неуязвимы. Самый сильный удар мог лишь слегка оцарапать их кожу. Копья, мечи, арбалеты – все оружие оказалось бесполезным. Стройные ряды воинов вмиг превратились в перемешавшуюся человеческую массу, стонущую, вопящую, истекающую кровью. Массу, над которой безумствовали огромные двуногие чудовища, чья яркая окраска потускнела от человеческой крови. Безостановочно ревя, сиргибры кромсали тела зубами, когтями, рогами. Их клыки вспарывали стальные кирасы так же легко, как и мягкую плоть под доспехами.

Керанраон на мгновение закрыл глаза. Его ум отказывался принять происходящее. Он не понимал, что это за чудища, зачем они здесь.

Пока он колебался, один из тысячников по собственному почину развернул своих людей и повел на помощь тем, кого могло спасти только бегство.

Керанраон заскрежетал зубами.

– Верни его назад! – закричал он одному из гонцов.

Тот во всю мочь погнал парда и, слава богам, успел перехватить тысячу до того, как она вмешалась в побоище. Вернее, смешалась с ним.

Тяжелые баллисты, может, и могли бы поразить ящеров. Хотя, каким должен быть стрелок, чтобы послать снаряд и не промахнуться – в сиргибра, чей бросок едва ли не быстрее самого снаряда...

Черные клубы дыма уже начали затягивать небо. На восточном краю леса бушевал пожар.

Огонь и тяжелые баллисты... У Керанраона не было ни того, ни другого. Закованные в сталь пехотинцы взлетали в воздух на высоту двух десятков локтей, подброшенные ударами

могучих лап. Как живые мячи! Вопли людей перекрывал вибрирующий парализующий рев ящеров.

Если Керанраон хотел спасти свою армию, ему следовало дать приказ к бегству и положиться на волю Повелителя Судеб. Но гордость противилась такому решению. Вместо того, чтобы приказать рассредоточиться, он велел трубить общий сбор. До ссыльных ему уже не было дела. Если окружавшие их солдаты и не могли видеть происходившего в полумиле от них, то слышали они всё.

Бросив на сиргибров еще одну полутысячу, Керанраон выиграл время, чтобы собрать свою армию воедино. Воины с длинными копьями, щит к щиту, выстроились в шеренги и застыли в ожидании. Но сиргибры уже наигрались. Вернее, те, кто направлял их, добились своего и позволили ящерам приступить к ужасному пиру. Воины Конга могли лишь с ненавистью смотреть на это. Вмешаться – значило стать еще одним куском окровавленного мяса.

«Кто устоит перед ними? – размышлял Керанраон. – Но, слава Туру, они унялись!»

А битва еще только начиналась.

Ровная линия краурхов, фиолетово-черных в облаках серой пыли, ужасающих в своем безмолвии не меньше, чем ревущие сиргибры... Они вынеслись из той же самой рощи, промчались мимо пирующих сиргибров (те лишь на мгновение оторвались от пиршества и проводили их взглядами) – мимолетная надежда Керанраона, что чудища схватятся между собой, рассеялась.

Топот лап, треск ломаемых деревьев...

«Какие боги наслали на нас этих тварей? – подумал Владыка Юга. – За что?»

Черных Охотников, распластавшихся на спинах крабов, он не заметил.

Но Владыка Юга видел, что краурхов всего полтора десятка, и надеялся, что упертые в землю копыа остановят бегущих чудовищ. Они могут разорвать первые три шеренги, и даже три вторые, но глубоко не проникнут.

Арбалетчики за спинами копейщиков не стали стрелять. Если уж ящерам стрелы не причиняют вреда, то этим бронированным гигантам – и подавно. Гигантские крабы встречаются и в лесах Междуречья, но самый огромный из них спокойно пройдет под брюхом южного сородича.

Краурхи бежали в сорока-пятидесяти шагах друг от друга: как раз так, чтобы растянуться вдоль всей линии солдат Керанраона. Копейщики, крепко сжав толстые древки, смотрели, как стремительно надвигаются выходцы из Гибельного Леса, и только в самый последний момент поняли, что чудища больше, чем казались издали, намного больше...

Вскинутые копыа переломились, словно тростинки. Краурхи промчались сквозь первые шеренги, как через пустое место. И так же легко рассекли все построение конгаев. Керанраон еще не успел выпустить из груди воздух, а гигантские крабы уже прорезали все двенадцать линий и обрушились на сплошную массу резерва. Тут пехота стояла такими плотными рядами, что передние были попросту отброшены на тех, кто стоял сзади, а краурхи пробежали по ним, круша когтистыми лапами шлемы, черепа. Тут на спинах их разом поднялись черные фигуры. Демоны – безликие, стремительные, несущие невидимую смерть...

Пятнадцать краурхов и две сотни Черных Охотников – горстка в многотысячном море солдат Керанраона. Но Страх сильнее любой армии. Началось паническое бегство. А тут еще Тилоду удалось воодушевить своих людей, и ссыльные ударили во фланг бегущим. Разгром был полный. Владыку Юга, бившегося до последнего, захватили в плен. Погибло около тысячи солдат. Пятая часть войска. Не такие уж большие потери, но о сопротивлении никто не помышлял. Уцелевшие бежали на север, неся на плечах собственный ужас.

В Сарбуре оставалось достаточно войск, огненного зелья и тяжелых орудий, но никто и не помышлял о сопротивлении. Как можно противиться полчищам демонов и гневу богов? Тут можно только молиться.

Жрецы многочисленных храмов молили своих Повелителей о милости. Службы не

прекращались ни днем, ни ночью. И боги сжалились.

Спустя четыре дня Тилод и Керанраон, рука об руку, вступили в Сарбур. Победитель и побежденный примирились. Керанраон принял старшинство зодчего, а Тилод принял цель Керанраона: силой оружия очистить Конг. Очистить от чужеземцев-урнгурцев и от соххоггоев. О том, кто станет у кормила Конга, когда все это свершится, разговора не было. Но Тилод дал понять: кто бы ни стал верховным правителем – за Керанраоном останется управление над всем югом Междуречья и землями, что лежат между Сарбой и Межевymi горами.

Шел пятый день третьего месяца лета.

VIII

*«Вот история мага, именовавшего себя – "Чудесный Источник".
Рожден женщиной из Орэлеи, от жреца Тура Быкоглавого,
Никала.*

*Отмечен Даром. Принят в Рунскую Школу, где обрел начала
Знания.*

*Странствовал. Бывал в Проклятых землях, где отыскал нечто,
названное им "Повелитель Бед".*

*На восьмидесятом году жизни обрел Высшее Посвящение
и вошел в Глорианское Братство Света.*

*На сто шестом году призван советником правящего императора
Гулдара.*

*На сто тридцать восьмом году жизни овластствовал Угкэра,
мага из Алчуиных,*

и, лишив плоти, заточил в браслет, что носил на левой руке.

Шестьдесят семь лет был Наставником в Рунской Школе.

*На двести девятом году жизни вышел из Братства Света
и, удалившись в горы Хох, что на востоке Красной Тверди,
взошел на пик, называемый Коричневое Копье.*

*Там, огражденный Невидимой Стеной, и пребывает поныне.
Как полагают».*

Готар Глорианский. Маги и судьбы

Север Конга. Лето тысяча двенадцатого года по исчислению Империи. Первый год Прихода Освободителя.

Санги проснулся перед самым рассветом и увидел над собой струящийся силуэт.

Светлая нежность обняла его сердце, потому что узнал он: «Тай!»

Санги выпростал руку из-под шелкового одеяла и коснулся мерцающей полупрозрачной ладони. Пальцы ощутили дуновение свежего прохладного ветра:

«Я знал, что ты придешь, Тай!»

«Да, Туон! По воле Жизни – не по своей – отдалилась я от тебя, мой Туон! Но изредка, ненадолго, буду открываться тебе. Как сейчас».

«Значит, ты опять уйдешь, Тай?»

Сияющее лицо фьель тронула дивная улыбка. Она протянула руку и провела узкой ладонью по лбу Санги. Вновь свежее дуновение коснулось кожи юноши.

«Да. Я уйду. И по-прежнему буду рядом, Туон! Не зови меня, потому что я – рядом! Я – твоя фьель, Туон! Помни!»

Струящийся силуэт задрожал и начал медленно угасать...

«Тай! Но ты придешь еще?»

«Я буду открываться, мой Туон! Пока ты не узнаешь себя, я буду открываться тебе!»

«Тай!»

«Помни обо мне, Туон! Но не зови! Мне больно! Не зови и бойся обнажить то, что внутри! Владей своим чувством, Туон! Я – твоя фьель!»

«Тай!»

Нежный свет рассеялся в сумраке.

Санги устремился за ним, но волшебный след фьель уже растворился, словно утренняя дымка.

Чистая печаль стеснила грудь юноши. И, вместе с тем, огромный сырой угнетавший душу камень – пропал.

Санги поднялся с ложа, набросил на плечи халат и вышел на террасу.

Предрассветные сумерки голубоватым пологом висели над Лигоном. Внутренним зрением Санги видел раскинувшийся на трех холмах южного берега дремлющий город. Видел воздушную арку моста, выгнувшуюся над Фуа. Видел северный берег реки: мили садов и виноградников, за которыми проглядывала казавшаяся черной стена Владения. Два столбика дыма, еле заметные, все еще поднимались вверх, хотя со времени захвата Владения прошло уже три дня.

Снизу раздавались шаги караульных. Звуки казались близкими, очень отчетливыми, будто и не было той полусотни локтей, на которые возносилась над землей дворцовая терраса. Слабый порыв ветра принес еще кое-что: рык парда, стук тележных колес по камням мостовой, медный звук колокола в соседнем храме, отдаленный рев выгоняемых на пастбище быков...

Восьмой день Санги жил здесь, в покоях дворца Наместника, и успел полюбить и сам город, и изящный дворец, и даже самого Наместника Лигона, добродушного, внимательного, совсем не похожего на надменного правителя Кесана, принимавшего Санги десять дней назад.

Взгляд молодого мага обратился на восток, к Фарангу, но даже внутренним зрением не мог он увидеть родной город. Почти пятьдесят миль от Лигона до Стража Севера.

И почти в десять раз дальше – до Банема, первого из городов, в который вступила армия Санги. А от Банема до Фаранга – и шестисот миль не наберется. За десять часов, сменяя на заставах пардов, доскачет гонец от Банема до Фаранга, но уже третий месяц движется на восток армия Санги. И медлительность ее продвижения оправдана. Куда спешить, если Великий Анган бездействует и будет бездействовать, по единодушному мнению военачальников Санги. Подменный Великий Анган. Старая знакомая, соххогоя Нассини. Не спеша движется армия Санги, прочесывая север Конга, не пропуская ни одного Владения, не оставляя в живых ни одного соххогоя. Как доносят разведчики, на юге Междуречья, за «Путем Великого Ангана» то же делает Керанраон, Исполняющий волю. Бывший Исполняющий Волю. Это хорошо. Значит, не единственно желание Санги, но воля Конга карает соххогоев. Несколько раз по его распоряжению Биорк пытался связаться с Керанраоном, но самозванный Владыка Юга не пожелал вступать в переговоры. Биорка это беспокоило, а Санги – нет. Главное – очистить страну от соххогоев. Конгай с конгаем найдут общий язык. Он был в этом убежден. Если бы молодой маг мог чувствовать иные силы, исподволь направляющие ход событий, он не был бы так самоуверен.

Рассвет понемногу растворял тьму над городом. Санги смотрел, как медленно проступают силуэты зданий, как проявляются и густеют краски...

Тусклая красная ракета взлетела в небо за одним из южных холмов. Взлетела и развалилась натрое, оповещая об опасности. Не успела она угаснуть, как тремя милями ближе вспыхнула еще одна, а за ней – третья, уже в окрестностях самого Лигона. С Юга пришла Недобрая Весть!

Санги бросился обратно в спальню и поспешно оделся. Спустя минуту, когда его телохранитель вызвал подъемник, Санги уже пристегивал к поясу Белый Меч.

Дворец просыпался.

Спустившись на первый этаж, Санги скорым шагом пересек просторный Зал Просителей и вошел в Зал Наместника. Стражники у входа салютовали ему обнаженными

мечами. Санти кивнул и улыбнулся. Он прибыл первым. Но Ганг и Биорк не заставили себя ждать. Они появились, когда телохранители Санти зажгли шаровые светильники на золоченых ножках и начали опускать жалюзи на окнах.

Не успели они обменяться приветствиями, как появился Эрд. Затем вошли сразу трое: Виг, Рех, сообщивший, что распорядился о завтраке, и начальник ополчения Ратсай. Рхонг и Хрор, два урнгурца, также входившие в совет военачальников – отсутствовали. Хрор уехал с разведчиками на юг, а Рхонг все реже принимал участие в делах Совета. В конце концов, он был всего лишь хограном, начальником тысячи урнгриа.

– Разведка? – спросил Санти, когда военачальники заняли свои места.

– Вести издалека! – ответил Биорк. – Большое войско движется по дороге из Тунга на север.

– Насколько большое?

Биорк пожал плечами:

– Существенное, если мои люди еще до рассвета передали сигнал опасности. Кое-что сейчас сообщили по гелиографу. Но дозорным у «Пути Великого Ангана» известно немного. Только то, что я сказал.

– Полагаешь, враг?

– Большое войско движется походным порядком, с боевым охранением и разведкой, – Биорк усмехнулся. – Эт мало похоже на дружественный визит.

– Сколько от них до Лигона? – поинтересовался Эрд.

– Около полутора сотен миль. – ответил Ганг. – Для пехоты – не меньше шести дней, даже если не жалеть ног!

– Вопрос, чье это войско? – подал голос Виг. – Керанраон?

– Кто же еще, – ответил Биорк. – Исполняющие Волю – под замком у Нассини. Сама Нассини определенно ни при чем! Ни при чем и соххоггои. Керанраон, без сомнения! Не зря же он игнорирует все наши попытки переговоров.

– Он опасен? – спросил Эрд.

Присутствующие посмотрели на Ганга. Тот, единственный из присутствующих, знал бывшего Исполняющего Волю лично. И знал неплохо.

– Как все, – военачальник пожал широкими плечами. – Из Исполняющих Волю он – самый молодой и... беспокойный! И несколько лет был Первым Лицом в Сарбуре.

– Наместником? – уточнил Биорк.

– Нет. Сначала – Командиром «синих», потом – начальником сарбурского гарнизона, а четыре года назад получил специальный титул высшего военачальника – Дракона Юга. Точно такой же был дарован мне три месяца назад.

– Ты ничего не говорил, – удивился Санти.

– Теперь это не имеет значения. Я получил титул Дракона Севера одновременно с приказом идти против урнгурцев.

– Ты многим пожертвовал ради нашего дела! – сказал Санти. – Не жалеешь?

– Нет! – Ганг покачал головой. – Дело прошлое!

– Выходит, этот Керанраон действительно авторитетен в южных землях Конга? – заметил Эрд.

– Сейчас под крылом Освободителя пять сотен всадников. И тысяча всадников Рхонга, – сказал Ганг. – Столько же – пеших, но половина из них – ополчение. – Юг может выставить намного больше! Только Сарбур – не меньше семи тысяч всадников!

– А чем еще располагает Север, кроме наших двенадцати тысяч? – спросил Эрд. – Или это все?

– Нет, – вмешался Биорк. – Просто у нас не было нужды в большем войске. Говори, Ганг.

– Еще две тысячи всадников остались в Кесане, – сказал военачальник. – Одну тысячу мы забрали, вернее, я забрал, когда шел на запад! В Кунге – двести солдат. За ними можно не посылать. Две сотни пеших не решат дела. В Сонге – десять сотен Береговой Стражи. Десять

верховых сотен,— уточнил он.— Но из них в данный момент в самом Сонге — не больше половины. Впрочем, собрать остальных нетрудно. В Тинге, Мане и Кимоне — шесть тысяч пеших, причем большинство — моряки-воины! Остается Фаранг. Думаю, Страж Севера даст нам не меньше двадцати сотен солдат, а сколько ополчения — даже не могу предположить. И это — не какие-нибудь замлепашцы! Фарангские купцы владеют мечом не хуже моряков-воинов. Полагаю, через шесть-семь дней мы сможем выставить десять дюжин верховых сотен и в полтора раза больше — пеших.

— Тридцать тысяч! — сказал Биорк.— Немалое войско для такой страны, как Конг!

— Ты думаешь, этого хватит? — спросил Санти.

— Я не знаю, какова численность противника! — ответил Биорк.— Рех! Ты сможешь обеспечить тридцатитысячное войско хотя бы месяц?

— Не беспокойся! Хоть пятидесятитысячное!

— Самое важное — это время! — задумчиво проговорил вагар.— Хотел бы я знать побольше о тех, кто идет на нас.

— Ты же отправил разведчиков! — сказал Эрд.

— Да. Но вести придут самое раннее через два-три дня.

— Я мог бы помочь? — предложил Санти.

— Ты воспользуешься магией? — заинтересовался Биорк.

— Не совсем. Драконом. Кстати, я мог бы взять и тебя!

— Великолепно! — вагар вскочил на ноги.— Когда?

Санти сосредоточился, застыл с закрытыми глазами, прямой, напряженный, как струна. Военачальники ждали.

Наконец Санти уловил отклик своего дракона.

«Ты нужен мне!» — передал он Серому.

«Приду!» — отозвался дракон и мысленно показал юноше положение солнца в момент, когда он, дракон, окажется в Лигоне.

Санти открыл глаза.

— Через четыре часа мы сможем вылететь. И...— он уловил и обдумал пришедшую мысль.— Ганг! Нам нужны все воины, которых удастся собрать!

— Может, сначала взглянем на противника? — усомнился вагар.

Санти покачал головой:

— Я не хочу битвы. Я не хочу, чтобы конгаи убивали конгаев. Если наше войско будет сильнее, возможно, удастся обойтись без кровополития. Поэтому нам нужны все, кого можно поставить в строй. Военачальник Севера Ганг! Ты понял?

Ганг чуть улыбнулся:

— Да, Освободитель! — сказал он спокойно.— Я сделаю!

— Начни с Кесана! Отправляйся немедленно, но учти, что в Фаранг мы поедем вместе!

Ганг коротко поклонился и повернулся, чтобы уйти.

— Завтрак! — напомнил Рех.— Через минуту!

— Да,— поддержал Санти.— Поешь с нами!

Это была просьба, а не приказ, поэтому воин отрицательно качнул головой.

— Я поем, вождь, когда парды пробегут первые семь миль! — сказал он.— Биорк! Я забираю с собой тысячу всадников!

— Как сочтешь нужным! Когда вас ждать?

— К четвертому... Нет, к шестому часу пополудни! Я пошлю гонца в Кесан, чтобы предупредить тысяцкого Семела! Ему приказано держать всадников в готовности!

Он еще раз поклонился Санти и вышел.

— Достойные! — сказал Рех.— Думаю, пора перейти в трапезную!

Серый неторопливо летел над тучными землями Междуречья. Возделанные поля чередовались садами и лугами. Иногда земля прорезалась оврагом или поднималась цепочкой пологих холмов, на склонах которых рос виноград. Аккуратная сеть каналов орошала щедрые земли Междуречья. На берегах кучками теснились хижины. Слева, милях в

сорока, до самого побережья расстился лес. С запада к нему примыкали Владения, в большинстве своем уже «обработанные» воинами Биорка.

– Хорошая страна! – проговорил вагар. – Жаль, если война опустошит ее.

– До сих пор не опустошила, – заметил Санти.

– До сих пор мы и не воевали по-настоящему, – сказал маленький воин. – Единственная серьезная стычка – та, что была у меня на «Пути Великого Ангана». А с тех пор мы вообще не сталкивались с настоящим войском. Потрошить Владения – это не война. Кстати, взгляни вниз: справа впереди – Владение. Что ты видишь?

Санти посмотрел в указанном направлении и увидел цепочку всадников – человек пятьдесят – и десятка два повозок, ползущих в сторону джунглей. Он соединился с сознанием Серого и посмотрел глазами дракона. Картина мгновенно изменилась. Стоило ему сосредоточиться на маленьком караване, и все увеличилось в сотню раз. Он увидел даже лицо человека, посмотревшего снизу на плывущего в небе дракона. Худощавое лицо с маленьким подбородком и выпуклым лбом. Кожа совершенно белая, белые прямые волосы, свешивающиеся на плечи из-под золоченого шлема.

– Отряд соххоггоев! – сказал Санти. – Целых два десятка соххоггоев! Ничего себе! А с ними – человек тридцать стражников! В повозках мешки и, кажется, оружие...

– Ты стал настоящим магом! – восхитился вагар. – Видишь лучше меня!

– Не я, дракон. Но что ты об этом скажешь?

– Скажу, что давно ожидал подобного. Мы еще попотеем, выкуривая красноглазых из джунглей! Удивлен, что им понадобился целый сезон, чтобы начать действовать.

– Говорят, они боятся друг друга больше, чем нас, – предположил Санти.

– Видно, кое-что изменилось! – возразил вагар. – Два десятка красноглазых вряд ли обитали в одном Владении.

Впереди показалась блестящая лента Унары, самой большой реки Междуречья, если не считать, конечно, самих Фуа и Сарбы. Судов на ней почти не было. С тех пор, как разрушили Ангтян, древнюю столицу, Унара опустела. В это время года ширина и глубина ее невелики: значительную часть воды забирают оросительные каналы. Вслед за ней показался «Путь Великого Ангана». Серый заскользил вниз, несколько миль леса промелькнули под крыльями, и слева показалось море: залив Донхен, на берегах которого некогда высилась древняя столица Конга.

– Вот они! – сказал вагар.

Полоса пыли в несколько миль длиной повисла над дорогой.

Санти вновь слился сознанием с драконом и увидел ровные ряды всадников в синих, как небо, латах, шеренга за шеренгой, на боевых пардах. Множество всадников. Перед каждой сотней развевался голубой флаг на длинном древке. На полотнище золотом был вышит фарангский герб: Спящий Дракон Конга в обрамлении восьми священных мечей остриями наружу. Пять десятков флагов, пять тысяч всадников. За «синими латниками» Сарбура неторопливо ехали другие. Тысячи и тысячи. За всадниками – пехота. За пехотой – ополчение.

– Да-а... – проговорил Биорк задумчиво. – Тысяч пятьдесят, не считая ополчения. Боюсь, что нам не выставить столько.

– Что ты предлагаешь?

– У вас в Конге нет укрепленных мест! Я хочу сказать: по-настоящему укрепленных. А если на одного воина приходится два...

– Я надеюсь на тебя, Биорк! – серьезно сказал Санти.

– В поле они нас сомнут, – продолжал размышлять вагар. – Но если поискать... твой дракон не устал?

– Мы будем летать, пока не отыщем то, что надо! – заверил Санти.

– Тогда вели ему повернуть назад!

Через час Биорк нашел то, что требовалось. Это был остров около двадцати миль длиной и мили полторы шириной, лежащий в русле Унары. Когда река разливалась, то

огибала его с обеих сторон. В этот же месяц, обмелев, река текла лишь с южной стороны, а с севера острова лежала старица, широкая и топкая. В основном русле Унары обнаружилось хорошо просматривавшееся сверху мелкое место. По просьбе Биорка Серый опустился на холм посреди острова, и вагар лично убедился, что брод не шире сотни локтей и не глубже четырех в самом мелком месте.

Несколько землепашцев на соседнем поле, сбившись тесной группкой, с благоговейным страхом издали глазели на дракона.

– Идеальное место, – сказал Биорк. – С Севера не подойти, с юга достаточно защищать брод: вряд ли их латники рискнут перебираться вплавь, а мощных баллист я у них не заметил! – вагар засмеялся. – Есть даже лесок, в котором можно укрыть резерв. И дорога на Кесан проходит всего в миле отсюда. Мост мы сожжем, на всякий случай. А река выше по течению слишком широка, чтобы ее можно было перегородить и осушить русло.

– Они могут просто спуститься вниз по течению, – заметил Санти. – Там тоже есть мост. Враги перейдут Унару и двинутся дальше на север!

– Этого не будет! – возразил вагар. – Керанраон не настолько глуп, чтобы оставить нас в тылу. Летим в Лигон! Я хочу, чтобы еще сегодня сюда двинулись первые отряды. И надо позаботиться о провизии. Может, нам придется провести здесь не один десяток дней.

– Может быть. Но завтра я намерен ехать в Фаранг.

– Да, – согласился Биорк. – Не медли.

Они взобрались на дракона. Серый неловко запрыгал вниз по склону, ловя крыльями ветер. Пологий холм – не из тех мест, на которые любят садиться драконы. Биорк сидел перед Санти, и юноша в который уже раз остановил взгляд на кожаном чехле, в котором лежал Огненный Хлыст Ди Гона. Хлыст притягивал. Санти кожей ладони чувствовал его теплоту. «Возьми меня...» – нашептывал голос изнутри. – Возьми – и сможешь остановить любое войско!» Санти испугался. Он помнил случившееся во время Летнего Праздника и не хотел убивать. Он уже понимал разницу между воином, который убивает мечом, и магом, который убивает силой собственного духа! Нет уж! Пусть сражаются воины!

В Фаранг они прибыли утром следующего дня. Они – это Санти, Биорк, Ганг и три сотни всадников.

Встречал их лично наместник Алан, хотя никто из прибывших не просил его об этом.

Санти наместник не узнал. Впрочем, он никогда и не видел юношу, чьей судьбой распорядился. Санти мог бы признать доверенный наместника Хуран, но чиновник физически не смог бы этого сделать. После того, как двое гостей посетили Алана зимой, чудом уцелевший наместник счел за лучшее отдать приказ тайно удавить верного слугу. Наместник не сомневался: Тилод вернется. Что же до нападения на самого зодчего, Алан свалит вину на мага, который, кстати, исчез, как только залечил рану. Он, наместник Алан, выкрутится из любого положения!

Пока же Алан радушно приветствовал Санти. Жаль, юноша прибыл так поздно. Он, Алан, давно уже ждет его! Уроженец Фаранга найдет в родном городе полную поддержку! Все, что пожелаете: деньги, люди! И доказательство щедрости Стража Севера – достойный Ганг, стоящий рядом с Освободителем!

Ганг удивленно поднял бровь, но промолчал.

Он, наместник Алан, полностью разделяет и приветствует цели Освободителя! Он, Наместник (да простит его вождь Сантан за не имеющий силы титул – другой он взять не решился!) настолько разделяет его взгляды, что даже пытался взять крупнейшее из прилегающих к Фарангу Владений! Но, увы, потерпел неудачу!

Ганг издал сухой смешок.

– Это не твое дело! – грубо оборвал Наместника Биорк. – Ганг, у тебя найдется человек, достаточно умелый, чтобы занять место этого улюбюдка?

– Найдется, – произнес Ганг, брезгливо глядя на Наместника. – Городом управляют чиновники Канцелярии. Эта дрянь только пакостит.

– Возьмите его! – велел вагар своим телохранителям.

И мускулистые унгриа мигом скрутили ошеломленного Наместника, отобрав оружие и стянув пленнику локти над головой.

– Заткните ему рот! – сказал Биорк, когда Наместник возмущенно завопил. – Если ты не уймешься, то вместо кляпа тебе в пасть вольют кипящее масло! – пообещал он.

И бывший повелитель Фаранга заткнулся.

Его собственные стражники и свита не осмелились вступить за своего господина. Или не пожелали.

Ганг поманил к себе начальника фарангской канцелярии, молча наблюдавшего за происходящим из-за голов стражи.

– Работай, как работал! – сказал он чиновнику. – Пока тебя не тронем! А поприжмешь своих златолюбцев-писак, не только не тронем, но и поддержим! Иди! Ты теперь – за Наместника!

И, наклонясь к Санти, сказал:

– Неплохой человек. И дело знает.

– Поступай, как считаешь нужным, – согласился юноша.

Начальник канцелярии сделал несколько шагов, а потом вернулся:

– Э-эаэ... Достойный?

– Говори! – разрешил Ганг.

– Почтенный... Прошу простить! – он смутился. – Освободитель желает расположиться во Дворце? Ему... э-э-э – подготовить покои?

– У меня есть дом в Фаранге, – сказал Санти не без гордости.

– В этом нет сомнений, но...

– Нет! – твердо сказал Санти. – Я не буду жить во Дворце!

– Разумно! – одобрительно отозвался Биорк, когда чиновник отошел. – Этот дворец – настоящий змеюшник, почище соххоггойского! Не один месяц потребуется, чтобы его... обезопасить.

– Наш Алан мнил себя родичем красноглазых, – заметил Ганг. – Может, и не без оснований, судя по его вкусам. Что будем с ним делать, вождь?

– Увезем с собой, а там посмотрим. – ответил Санти. – Ганг! Мне надо, чтобы за три часа до заката ты собрал народ. Скажем, на площади Умиротворения? Я буду говорить с ними сам.

– Сделаю, Освободитель.

– А я пока займусь Владением, что оказалось не по зубам Алану, – сказал Биорк. – Ганг! Как насчет гарнизонов Кимона, Мана и Сонга?

– Я еще вчера послал к ним гонцов. Думаю, сегодня к вечеру они будут здесь. Биорк, ты можешь взять всех наших всадников, и еще я пришлю две сотни воинов-моряков из порта. Хватит этого?

– Да. Уверен, стражи Владения не будут слишком упорствовать – слухи бегут быстро.

– Вождь?

– Поступайте, как считаете нужным. Я поеду домой. Ганг, ты знаешь, где меня найти?

– Да, Освободитель.

– Биорк?

– Разве я не говорил, что побывал у тебя в гостях?

– Удачи!

Санти кивнул четырем своим телохранителям и направил парда под тень деревьев, обступивших широкую аллею. Смешно, но он надеялся найти в доме отца.

При виде ухоженного сада сердце Санти радостно забилося. Потом он сообразил: дом мог быть куплен (раньше эта мысль почему-то не приходила ему в голову) – и радость испарилась. Санти соскочил с парда и собственноручно открыл ворота... Два телохранителя из бывших стражей спешили и не отставали от него ни на шаг, когда юноша прошел через сад и поднялся по лестнице к дверям.

– Хей! – крикнул он, входя в дом.

Тишина.

Санти осмотрелся. Внутри все в полном порядке. Вещи на своих, привычных, местах, пыль с панелей и шелка стерта, земля в горшках – влажная. Вместе с тем, Санти сразу ощутил – в доме никто не живет. В задумчивости он поднялся по винтовой деревянной лестнице наверх, прошелся по второму этажу, заглянул даже в ванную. Поверхность прозрачного камня, из которого была сделана ванна, слегка помутнела. Так бывало, если камень дольше десяти дней не соприкасался с водой.

Нет, дом не продан! И, безусловно, кто-то присматривает за ним. Но отца здесь нет.

Санти погладил рукой большое белое полотенце, висевшее слева на зажиме в форме головы пса. Бессознательный жест. Вернее, сверхсознательный. Санти сразу это понял. От полотенца исходило нечто необычное. Слабое «дуновение», «запах», очень знакомое, но не принадлежащее этому дому. Санти вспомнилась Этая, хотя ясно было, что не след фьель остался на белом мягком материале. А чей же?

Санти начал погружаться внутрь себя, чтобы поискать там ответ, но ему помешали.

Снаружи раздались голоса. Один из них принадлежал его старшему телохранителю, а второй... показался знакомым.

Санти вышел на террасу и увидел, что воин преграждает путь какому-то молодому человеку, высокому и тощему.

– Пропусти его, Джевар! – крикнул юноша.

Посетитель повернулся на голос, и Санти сразу узнал Соана.

– Джевар! – закричал молодой маг более повелительно. – Пропусти! Я знаю этого человека!

Воин повиновался, но без всякой охоты. На жизнь Санти уже несколько покушались, и потому стражник имел весьма жесткий приказ Эрда в отношении «незнакомцев».

Соан пошел к дому. Джевар – следом. Четвертый телохранитель остался у ворот.

Санти сбежал вниз и встретил старого приятеля в гостиной.

Они обнялись, потом, отстранившись, поглядели друг на друга.

– Ты вырос! – удовлетворенно произнес Санти.

Ученик Тилода был на полголовы выше бывшего певца.

– И ты! – Соан с восхищением глядел на друга.

За прошедший год Санти из мечтательного юноши с нежной кожей и ласковым взглядом превратился в молодого мужчину с волевым красивым лицом, лицом человека, гнев которого пугает, но за которым хочется следовать. Сила, живущая внутри, проступала в каждой черте. Но тут Санти улыбнулся, и Соан понял, что его друг – по-прежнему тот самый юноша, которого он так любил.

– Так ты и есть – Освободитель? – спросил ученик Тилода.

– Да. Так меня зовут. Джевар! Оставь нас!

Стражник заколебался.

– В чем дело? – с нетерпеливой нотой в голосе произнес Санти. – Вы же проверили дом и сад! Возьми своих людей и охраняй ворота! Если вы понадобится – я позову. Ну!

И телохранитель вынужден был подчиниться.

Друзья тоже вышли во двор.

– Так это ты ухаживаешь за моим домом? – сказал Санти.

– Я. Тилод попросил меня.

– Тилод? – Санти схватил юношу за руку. – Он здесь?!

– Нет. Они приезжали только на один день. – проговорил Соан, слегка ошеломленный пылом Санти. – Только на один день. Учитель и твоя мать!

– О! – Санти застыл на месте. Потом взгляд его упал на заросшую виноградом беседку в дальнем конце сада, между высокими кустами с оранжевой мелкой листвой.

– Пойдем туда! – воскликнул он, увлекая Соана за собой. – О! Я почти догадался об этом! – возбужденно воскликнул Санти. Он шел так быстро, что даже длинноногий Соан с трудом поспевал за ним.

– Как она выглядит? Я ведь никогда... Я не помню ее!

– Она прекрасна! – искренне ответил Соан.

– Входи сюда! – подтолкнул его Санти. – Сейчас ты расскажешь мне все!

Он был настолько возбужден, что начисто утратил восприимчивость и не ощутил угрозы, таившейся совсем рядом.

Беседка, вернее, небольшой круглый павильон, шагов пятнадцати в поперечнике, маленькое свидетельство архитектурного гения зодчего Тилода, была настолько же удобна, насколько красива. Вдоль стен располагались широкие, удобные скамьи, вернее – лежа, на которых в прежние времена лежали мягкие подушки, а теперь – только шелковые покрывала. Посередине возвышался крохотный дворец из белого камня, вокруг которого из фигурок-фонтанов разбрызгивались струи воды, а сам миниатюрный замок окружало «озеро» в два шага шириной. Водяная пыль висела в воздухе. Полуденная летняя жара осталась снаружи. Здесь, за оплетающими резные столбы лозами нежно-голубого винограда жила прохлада и свежесть.

Санти усадил друга рядом с собой и заставил дважды рассказать все, от начала до конца. Он настолько погрузился в воспоминания друга, что услышал шорох снаружи только тогда, когда следившие за ним подобрались к самой беседке.

Точнее, первым звук снаружи услышал Соан, и подумал: рядом – один из телохранителей Санти. Сам же Санти, впитывавший каждую мысль ученика Тилода, поймал и эту...

И мгновенно разорвал связь! Он-то знал: все четыре воина по-прежнему у ворот!

Соан ощутил, как напряглась лежавшая на его плече правая рука молодого мага. Скосив глаза, он увидел, как левая рука Санти легла на эфес меча. И почувствовал страх.

– Тихо! – прошептал Санти.

Двое ворвались в павильон бесшумно и быстро. У одного в руке был меч, у второго – крис.

Соан чуть не вскрикнул, но рука Санти зажала ему рот.

Двое убийц удивленно озирались. Их глаза обшаривали внутренность беседки, но, к удивлению Соана, на юношах не задержались. Убийцы не видели их!

– Ты сказал: они здесь! – злобным шепотом процедил тот, что держал меч.

– Они вошли! Клянусь Туром! – Второй упал на пол и заглянул под скамьи. Потом встал и удивленно помотал головой.

Первый тем временем оглядел виноградные лозы, облепившие беседку. Голубая завеса была нетронута.

– Ты наврал! – свирепо прошептал вооруженный мечом.

– Нет, Нагар! Нет! – возразил второй испуганным шепотом. – Я выследил их! Они уже минут пятнадцать здесь! Жизнью клянусь, Нагар!

– Здесь? – прошипел первый с издевкой. – Где – здесь? Там? – он ткнул острием меча себе под ноги. – Или испарились? Растаяли?

«Не конгай! – подумал Санти. – Хотя и похож на конгая!»

– Не могли они смыться! – не слишком уверенно прошептал тот, что с крисом.

– Ты упустил их, ублюдок!

Названный Нагаром стоял теперь спиной к Санти, и юноша начал медленно вытягивать из ножен меч. Сдвинься убийца на полшага – наткнулся бы на ноги Соана.

– Ты упустил их! Ублюдок! Что теперь сказать хозяину?

Санти не видел Нагара, но зато отлично видел, как посерело от страха лицо второго.

Белый Меч вышел из ножен. Теперь Санти мог бы убить того, кто стоял к нему спиной. Но он медлил.

– Можно сказать хозяину, что к нему было не подступиться? – предложил убийца с крисом.

– Скажи! И он вырвет тебе язык за вранье! Как они могли выйти, если ты не проспал их?

– Не знаю! – и вдруг рассвирепев. – Отстань от меня! Нету их! Улетели! В воздух превратились! Давай, помаши мечом – может, достанешь!

Санги осторожно поднялся. Меч Асенаров был у него в левой руке, а правая по-прежнему лежала на плече Соана. Острие Белого Клинка направлено в незащищенную шею убийцы. Санги представил, как жало из бивня хармшарка с легкостью прорезает мышцы и входит в позвонок на палец ниже коротко остриженных черных волос. Меч сам подсказывал, куда нанести удар.

– Ублюдок! – на скуле того, кого звали Нагар, вздулся и заходил желвак. – Разрубил бы тебе башку, да меч жалко пакостить! Марш в сад! Может, они еще там, поблизости!

– Ага! – теперь уже издевка звучала в шепоте второго. – Как же! Сидят и ждут, чтобы ты их порешил!

Санги не видел глаз Нагара, но ощутил его готовность убивать. Второй же прочитал эту готовность на его лице и попятился:

– Ну что ты, Нагар! Я пошутил! Ясное дело, мы бы услышали, как они удирают! Разве нет?

– Заткнись! – оборвал его первый. – Все! Уходим!

Миг – и словно их и не было!

Соан глядел на друга с восхищением и благоговейным страхом. Белый Меч в руке Санги словно испускал сияние.

Но сам молодой маг ощущал исходящую от меча неудовлетворенность. Меч предпочел бы битву.

Шаги убийц еще некоторое время слышались поблизости. Они обшаривали кусты, надеясь отыскать Санги. Потом все стихло.

– Ушли, – сказал юноша, вкладывая клинок в ножны. Он знал, что поступил правильно, не дав Мечу воли.

– Не говори никому! – велел он Соану.

– Не скажу! – с горячностью воскликнул юноша. – Ты отвел им глаза? Как настоящий маг! Санги!

– Я и есть маг, – без улыбки произнес его друг. – Идем! Эти уже не опасны, но могут прийти и другие! Джевар был прав, когда не хотел оставлять нас вдвоем!

Они вышли из беседки. Соан то и дело оглядывался, но Санги был спокоен. Он знал: в саду никого нет.

Знаком он подозвал Джевара.

– Мы будем в доме! – сказал юноша телохранителю. – Оставь одного человека у ворот, второго – на крышу, третьего к дверям дома, а сам будешь с нами!

Стражник внимательно посмотрел на Санги:

– Кое-что изменилось, Освободитель, верно?

– Да, – Санги не стал вдаваться в подробности. – Пойдем в дом, Соан!

Утром следующего дня войско выступило из Фаранга. Речь Санги произвела свое обычное действие: его военачальники полночи провели, отбирая из числа добровольцев тех, кого стоило взять с собой. В результате у молодого вождя появилось еще две тысячи всадников и втрое больше пеших.

Биорк и Санги вместе с верховыми отправились в Лигон, а Ганг с пехотой, добровольцами и воинами-моряками двинулся напрямик, к месту, выбранному вагаром для битвы. Им следовало за четыре дня пройти больше семидесяти миль, чтобы поспеть туда раньше, чем армия Юга.

Санги был доволен. Численность его армии удвоилась. Он узнал, что отец жив. И у него появилась надежда увидеть мать.

Санги был доволен, но Биорк – скорее озабочен, чем удовлетворен. Их по-прежнему вдвое меньше, чем южан.

– Мне еще раз понадобится твой дракон, – сказал он, подъехав к Санги.

– Запросто. Кстати, может, мне имеет смысл пообщаться с этим Керанраоном лично?

– Ты же знаешь, он не пожелал с нами разговаривать!
– Но... В конце концов Серый может принести меня к нему и без его желания! А войско...

– Я думаю: пока это слишком рискованно! – произнес Биорк. – Если мы сможем доказать, что достаточно сильны, ему придется пойти на переговоры. Но времени не много, брат! Я мыслю: так будет лучше.

IX

«Слепые воли, идущие по кругу – вот что есть люди в руках овладевшего Силой. И воля его – ось, вокруг которой движется мир. Он собирает муку, он готовит хлеб, но воли, чувствуя запах хлеба, не ведают о том, кто его печет. Они не знают хозяина, потому что двигаться их заставляет кнут раба».

Властелин Душ. Алчущий Силы из Эдзама. Правил на троне Бабра ¹⁴ до пришествия Великого Фахри Южный Конг. Лето тысяча двенадцатого года.

– Главное, чтобы они не встретились! – Мощный-как-Пламя оглядел своих братьев. Хвала Силе: все они здесь! Никто больше не ушел в Нижний Мир! Трижды хвала! Они нужны ему все!

– Ург-Хиал! Тебе предстоит вернуться в Сарбур и низвергнуть Турарбура, жреца!

Мощный-как-Пламя коснулся сознанием Ург-Хиала и уловил сомнение.

– Говори! – велел он.

– Турарбур силен! – негромко произнес Ург-Хиал, Чаша Тьмы.

– Я убью его! – перебил собрата Корабль Грома.

– Нет! – прогремел Мощный-как-Пламя. – Говори, Ург-Хиал!

– Он силен! – так же неторопливо продолжил тот. – И он был полезен нам все это время!

– Мы не можем влиять на его мысли! – твердо сказал Мощный-как-Пламя. – Он был полезен нам, пока его желания совпадали с нашими. Сейчас наша сеть слишком тонка, чтобы рисковать. Турарбур достаточно силен, чтобы оборвать любую из нитей. Ты убьешь его, Чаша Тьмы! Возьми с собой Разящего!

– Я мог бы управиться и сам! – снова вмешался Корабль Грома.

– Нет, я сказал! Тебе предстоит более важное дело! Поедешь в разрушенную башню, где хранится Саркофаг. Ты должен открыть его, Корабль! Я предчувствую, ты сделаешь!

– Да! – сказал маг. – Я тоже чувствую, что увижу, как он откроется! Пусть Чаша Тьмы сочтется с Турарбуром вместо меня!

– Уанх! – продолжал Мощный-как-Пламя. – Тебе – издали следить за Избранником и теми, кто с ним! Их желания направлены! Наблюдай! Будь осторожен! Вызови меня, если что-то пойдет не так! Ты, Повелитель Демонов, займешься воинами с юга! Будь втройне осторожен: с ними Дирг из Народа! Это всего лишь колдун, но он чуток! Вы оба! Когда армии сойдутся, не медля вызывайте меня! Будьте тверды, братья! Истинное Знание – близко! Ург-Хиал! Благоприятный день – завтра! Не упусти его! А сейчас позаботимся о тех, кто поддерживает нас! Ты приготовил жертву, Корабль?

* * *

Турарбур, Верховный Жрец Быкоглавого в Сарбуре, стоял посреди своей просторной кельи и глядел на тощее тело, распростертое на зеленом гурамском ковре.

¹⁴ Бабр – столица Эдзама.

Грудная клетка лежащего была вспорота, словно ударом бычьего рога. В проломе, между торчащих ребер виднелась развороченная каша легких и блестящий голубоватый край сердечной мышцы.

Плащ мертвеца пропитался кровью, и бурое пятно расползлось по ковру, дорогому ковру гурамской работы.

По мускулистому телу Турарбура струился пот. Могучая спина, грудь, мышцы которой вздулись, а кожа покраснела,— влажно блестели. Живот Верховного Жреца, казавшийся составленным из каменных плит, обтянутых кожей, ходил ходуном.

Турарбур провел по мокрому лицу рукой и оглянулся, поймал взгляд огромных черных глаз, наполненных животным ужасом. Свернувшаяся в комок в дальнем углу обширного, как площадь, ложа, девушка прижимала к груди смятое одеяло, глядя то на Турарбура, то на изуродованный труп у его ног. Верховный Жрец слышал, как лязгают ее зубы.

Тяжело ступая, Турарбур подошел к ложу и взялся за край одеяла. Девушка судорожно вцепилась в плотную ткань, но Верховный Жрец отобрал у нее одеяло и принялся отирать пот со своего лица.

Девушка прижалась к стене, подобрав ноги и обхватив себя руками. Ее была крупная дрожь.

Турарбур, широкий, огромно-могучий, возбужденный, стоял, расставив бугрящиеся мышцами ноги и неторопливо водил мягкой тканью одеяла по разгоряченной коже. Верховный Жрец любил свое тело. Он сам создал его таким. Под стать тому, кому служил. Таким, чтобы всякий взглянувший на обнаженного Турарбура сразу вспомнил о Быкоглавом.

Девушка глядела на Верховного Жреца и постепенно успокаивалась. Такова была мощь его кажущихся медлительными движений, что в присутствии Турарбура люди невольно забывали о страхе.

Казалось, когда он рядом — вокруг царит мир.

Девушка поймала его взгляд и неуверенно улыбнулась. Она больше не дрожала. Тем более, что в келье было довольно жарко.

Турарбур вытерся и бросил одеяло на ковер.

Опустившись на край ложа, он поманил девушку указательным пальцем. Та, проворно, на четвереньках подбежала к нему из своего дальнего угла и потерлась головой о мускулистый живот.

Верховный Жрец нежно опрокинул ее набок, положил головой на свое бедро и провел ладонью по изогнувшейся гладкой спине. Мягкие черные волосы девушки накрыли его колени и чресла, словно шелковый плед.

«Бедняжка! — подумал Верховный Жрец.— Испоганил девочке первую ночь! Экая тварь! Откуда он взялся?»

Турарбур посмотрел на круглый затылок девушки.

«Смотри-ка! Малютка уже оправилась!» — порадовался он, чувствуя, как она старательно, хотя и неумело водит языком по его коже.

Турарбур засмеялся. Басовитый смех Верховного Жреца эхом отразился от потолка.

Взяв девушку за плечи, Турарбур мягко перевернул ее навзничь, лег рядом, накрыл рукой ее груди. Ладонь Верховного Жреца была так широка, что под ней целиком спрятались перси его соложницы.

Девушка с готовностью раздвинула колени. Турарбур улыбнулся ее наивности.

Проведя рукой между ее ногами, он посмотрел на палец, покрывшийся пленкой бальзамического масла. Розового оттенка не было, значит, кровь остановилась, Турарбур показал палец девушке.

— Мне ни капельки... — начала она. Но Верховный Жрец поцелуем закрыл ей рот.

— Не говори ничего! — велел он через минуту, когда оторвался от ее уст.— Ничего...

Стальная удавка перехватила горло Турарбура.

Верховный Жрец захрипел, схватился руками за шею...

Глаза девушки, подскочившей на ложе, расширились от ужаса. Лицо Верховного жреца

страшно изменилось. Вздвигшиеся жилы, пальцы, скребущие по напрягшейся шее...

Но то были рефлексы тела. Сам Верховный Жрец был не так прост, чтобы уступить столь прямолинейному нападению. Турарбур сразу осознал, что не стальная цепь и не паутинный шнур душат его.

«Еще один! О мой Тур! Что за ночь ты мне сегодня устроил!»

А воля уже устремилась вдоль невидимой струны. Нападавший попытался укрыться, но мысль Турарбура была намного быстрее. Он «поймал» врага!

И едва успел накрыть защитным пологом себя и девушку!

Невероятный грохот, звук чудовищного взрыва потряс келью. Алебастровый колпак большого светильника разлетелся на дюжину кусков. Мебель затряслась, серебряные вазы с цветами загудели, как колокола.

Не защити Верховный Жрец себя и девушку, оба оглохли бы на всю жизнь. Если бы сам звук не убил их на месте.

Врага в келье не было. Его не было и в самом храме. Скорее всего, он прятался где-нибудь рядом с храмом Тура. Но для Турарбура теперь, когда он осознал врага, расстояние не имело значения.

Мир стал красным. Руки Жреца удлиннились и преобразились, ноги стали короче, гора мышц вздулась на загривке, чтобы удержать огромную черную голову. Он выпустил из ноздрей раскаленный воздух, скребнул широким раздвоенным копытом...

Новый удар грома раздался где-то в отдалении.

Бык ринулся на врага!

Маленькая хлипкая фигурка повернулась и бежит прочь. Полы длинного плаща развеваются, хлопают, цепляются за кусты, между которыми петляет беглец.

Бык, с топотом, с содроганием почвы — напрямик. Проламываясь через заросли, перемахивая через преграды. Красная земля бежит навстречу. Бык настигает.

Сопение и тяжкие удары копыт — за спиной. Близко. Жертва мчится изо всех сил, но чувствует затылком жаркое дыхание. Резко останавливается, поворачивается, вскидывает руку в последней попытке... Черный, грубый, широко изогнутый рог вспарывает мягкий живот, снизу вверх, цепляется за ребро... Ноги отрываются от земли, внизу мелькает мощная черная спина в колтунах свалявшейся шерсти. Земля стремительно надвигается... Боли нет. Снова топот. Он пытается уползти... Что-то мешает. Вывалившиеся внутренности цепляются за пучки травы...

Широкое копыто, обрушиваясь сверху, припечатывает к земле. Острый конец бычьего рога с хрустом входит в тело...

Длинное сухое тело Разящего содрогнулось в последний раз и обмякло, распростертое на земляном полу маленькой хижины. Рядом с ее хозяином, которого маг убил восемь часов назад. Тело старого конгая, такое же высохшее и длинное, было удивительно похоже на тело мага. Два старика, умерших от разрыва сердца. Через три дня городские стражники обнаружат их. По запаху. И похоронят в одной могиле: Алчущего Силы из Ши-ана и нищего собирателя водорослей из Сарбура.

А Турарбур во второй раз успокоил свою наложницу и был с ней всю ночь. Лишь перед самым рассветом он отослал девушку, чтобы поспать часок, до восхода: Верховный Жрец обязан быть сильным во время Утреннего Приношения. Слуги вынесли труп и заменили испорченный ковер.

Турарбур спал, когда замок в двери его кельи открылся без ключа. Высокая фигура в сером плаще проскользнула внутрь. Огонек стоявшего у края ложа маленького светильника скорее сгущал тьму, чем разгонял ее.

Турарбур спал, разбросав тяжелые руки: из открытого рта вырывалось сильное дыхание. Лицо Верховного Жреца было умиротворенным.

Проникший в келью остановился. Выпростав из-под плаща руку, он начертал в воздухе горизонтальный пульсирующий прямоугольник и пронзил его быстрым ударом сомкнутых пальцев. Потом отступил. Четырехугольник поплыл вперед и повис над спящим.

Турарбур проснулся. Проснулся и, почуяв опасность, спрыгнул с ложа на пол. Подошвы ног ощутили холодный камень, но глаза ничего не видели. Их застлала черная пелена. Жрец взмахнул рукой, выкрикнул заклинание и в образовавшемся просвете увидел высокую черную фигуру, творящую его смерть.

Турарбур с силой втянул пахнувший гарью воздух. Согнул колени, готовясь прыгнуть...

Сноп огня ударил ему в лицо.

Верховный Жрец отшатнулся, заслонился ладонью, на которой тут же вздулся и опал, почернев, пузырь ожога. Еще один сноп огня ударил сзади. Волосы Турарбура, затрепав, вспыхнули.

– О Тур! – вскрикнул Верховный Жрец.

Но вместо голоса испепеляющий огонь вырвался у него изо рта...

Мощный-как-Пламя смотрел, как, беззвучно разевая рот, горит Верховный Жрец Быкоглавого. Он не радовался победе, а ощущал ее как трудное дело, выполненное на совесть. И мести Тура Могучего он не боялся. Если сердце Избранника, вместившее мощь Великих и Сильных, ляжет на ладонь мага – что ему боги? А если нет – что ему жизнь?

Когда все свершилось, Мощный-как-Пламя велел огню уняться. Кучка золы – вот и все, что осталось от Турарбура. Кучка золы и опаленное ложе. Пусть служители гадают, куда подевался их Верховный Жрец.

«Корабль был прав, – размышлял Мощный-как-Пламя. – Не слишком силен. Странно, как удалось ему низвергнуть Ург-Хиала?»

Турарбур падал.

Вокруг клубился фиолетовый туман, сквозь который время от времени проглядывал вишневым круглым глаз. «Время от времени» – неверно. Времени здесь не было.

Но у Турарбура было тело. Не то тело, что испепелил маг, сотворенное собственной, Турарбура, властью. Обычное человеческое, доставшееся слуге Тура от отца с матерью. Тело это медленно вращалось. Или быстро?

«Тур! Мой Тур! – мысленно воззвал Верховный Жрец. – Откликнись!»

Некий звук прорвался сквозь туман. Был ли это ответ?

– Я-я-я-а-о! – приглушенный вой. Или рев?

– Я-я-я-о!

Да, рев! Рев Быка!

– Ты оставил меня? – прошептал Турарбур.

– Я-я-я-а! – раскатилось совсем рядом.

Тело Турарбура еще раз перевернулось, он выпал из клубящегося тумана в нежный голубой свет и увидел своего бога...

Конг. Междуречье. Тысяча двенадцатый год по летоисчислению Империи.

Войско Санти стояло на правом берегу Унары. Первые верховые сотни уже пересекли брод, и парды, возбужденно рыча, выпрыгивали на глинистый берег, отряхивались, вертели тяжелыми головами.

В лучах восходящего солнца остров напоминал спину нырнувшего в реку чудовища. «Шерсть» леса кудрявилась на западной его части, на восточной пламенели красной листвою пальмы, а самая вершина была голой, если не считать сухой травы, желтыми космами устилавшей каменистый, сточенный ветрами гребень.

Шагов на сто ниже по течению, по приказу Биорка, уже ладили паромную переправу. Напротив нее стояли повозки и громоздились разобранные орудия. Люди работали быстро, но без лишней поспешности. Биорк знал: даже если Керанраон, бросив пехоту, с одними верховыми тысячами помчится сюда, чтобы помешать переправиться северной армии, то будет на берегу Унары не раньше, чем через восемь-десять часов. Впрочем, вагар был абсолютно уверен, что Владыка Юга не станет разделять войско. Значит, у северян – самое меньшее два дня.

Первые верховые сотни Ганга рассредоточились по низменной части острова. За месяц, прошедший со времени, когда спала вода, трава на щедро удобренной речным илом почве вымахала – по брюхо пардам.

– Хорошее место! – одобрительно сказал Эрд, разглядывая остров с южного берега Унары.

– Лучшее из возможных! – без ложной скромности отозвался Биорк. – И мы удержим его, клянусь моим мечом!

– Все в воле богов! – привычно ответил светлорожденный. – Остается надеяться, что битва все же произойдет!

Санги, находившийся рядом, промолчал. Он рассчитывал на противоположное.

Высоко в небе, на такой высоте, что глаза людей не были способны различить его, парил дракон.

Х

«Если ты хочешь войны, но не можешь отыскать подходящий повод, чтобы начать ее – не ищи: самого желания вполне достаточно!»

Верховный вожь гатов Шигула. (Убит в поединке Вэрдом Смелым, то время Первым Конигом хольдцев, русов и норегов.)

Конг. Междуречье. Тысяча двенадцатый год по летоисчислению Империи.

Вестовой протянул Биорку свиток.

– Что это? – спросил вагар.

Воин пожал плечами:

– Гонец с желтым вымпелом! Пересек брод, передал часовому и уехал.

– Переговоры? – спросил Санги.

– Увидим!

Биорк взломал печать. Вагару она ничего не говорила, но любой конгай-чиновник мгновенно узнал бы личный герб Великого Ангана. Биорк развернул свиток.

– Старшему военачальнику! – прочел он и протянул письмо Санги. – Тебе, вожь!

– Я не военачальник! – возразил юноша. – Читай!

Биорк молча пробежал глазами написанное, и брови его поднялись.

– Это – тебе, светлейший, – вагар протянул свиток Эрду.

– Что это? – спросил Санги.

– Вызов. Прочти вслух, светлейший – здесь нет тайны!

Эрд развернул свиток:

– Красивый почерк, – заметил он. – «Я, Несмех, воин без герба, вызываю на поединок северянина, чье имя мне неизвестно, убившего в схватке без свидетелей Шинона, воина из Фаранга. Предлагаю встретиться один на один, пешими или верхом, в присутствии двух сопровождающих, дабы скрестить клинки. Выбор места, времени и оружия оставляю за северянином. Да сбудется воля богов!»

Эрд сунул свиток в карман камзола.

– Несмех? – произнес он. – Больше похоже на кличку, чем на имя! Что-то, впрочем, знакомое...

– Как мне доложили, Несмех – второй после Керанраона в противостоящей нам армии, – сказал Биорк.

– Отлично! – обрадовался Эрд. – А я уж боялся, что придется отказаться от поединка!

– Ты что же, всерьез принял эту бумагу? – воскликнул Санги.

– Ну конечно, брат! – в свою очередь удивился Эрд. – Вызов составлен не совсем правильно, но от воина без герба иного и не ожидаешь. А раз он – военачальник, значит и

мне не зазорно испытать его! В прежние времена бывало: поединок военачальников решал исход битвы! Верно, достойный Биорк?

– Так было давно! – подтвердил вагар. – Хотя обычай неплох!

– Я очень рад, брат! – Эрд коснулся руки юноши. – Вызов! Поединок – это благородное искусство!

– Если тебе удастся убить этого человека, будет неплохо! – молчавший до этого времени Виг. – Но могут возникнуть трудности! Перебежчик говорил: у Несмеха в телохранителях две сотни демонов верхом на харахшах!

– Значит, он – маг? – нахмурился Санти.

– На харахшах, говоришь? – произнес вагар. – Думаю, хороший лекарь мог бы помочь твоему перебежчику. Эрд! Если ты примешь вызов, я не стану тебя осуждать!

– Рад! – сказал светлорожденный. – Потому что именно тебя хочу видеть сопровождающим.

– Я готов!

– Вы оба... – Санти переводил взгляд с одного на другого. – Вы оба – одержимые!

– Пусть так! – засмеялся светлорожденный.

– А если это ловушка?

– Тебе и кости в руку! – сказал Биорк. – Из нас троих маг – ты!

Санти на минуту сосредоточился... но никакой опасности для Эрда в будущем не обнаружил. По крайней мере, подвоха. То, что было написано в свитке, не содержало в себе ловушки.

– Чисто! – признал он с огорчением.

– Пиши! – сказал Биорк, протягивая Эрду стило, чернила и лист бумаги.

«Несмеху, воину без герба! Принимаю. Оружие – меч. Место и время будет оговорено позднее. Светлорожденный Эрд Асенар, сын Дина, высочайший, Владыка Мориты, Эснора и Элека».

Биорк аккуратно свернул письмо, наклеил кусочек смолы. Эрд вдавил в него перстень.

– Отправь! – приказал Биорк Вигу. – Нет, погоди!

«Несмеху, военачальнику. Лично», – надписал он поверх свитка.

– Вот теперь – все! Отправляй!

Санти только качал головой в изумлении.

– Брат! – сказал ему Эрд. – У воина только одна жизнь! Почему бы не прожить ее весело?

Две армии третий день стояли друг напротив друга. Их разделяла только полоса реки в четверть мили шириной. Ни одна из сторон не спешила начать переговоры, или военные действия. Военачальники выдерживали характер, а заодно прощупывали противника. Позиция северян была безукоризненна. Зато южане превосходили числом. Солдаты Юга жаждали расправиться с чужеземцами. Воины Севера были не прочь проучить заносчивых южан. Но настоящего боевого духа не было ни у тех, ни у других. Военачальников это не смущало: битва подогреет кровь. Впрочем, кое-кто полагал, что сражения не будет. Многие так полагали. В том числе и вожди обеих армий: Сантан Фарангский Освободитель, и Несмех, воин без герба.

Прошло три дня, и время обмена письмами приблизилось. Время обмена письмами, а там – и встречи самих военачальников, на которой решился бы и исход переговоров.

Погода стояла сухая и жаркая – обычная для этого месяца. Уровень воды в реке упал на пол-ладони, но это не имело особого значения. Не желая тратить времени впустую, Керанраон отправил несколько отрядов в соседние Владения. Все они оказались пустыми. Владыка Юга не придавал этому значения. Он предположил, что его соперники успели раньше.

Между тем, на Севере, за двумя морями, Совет крупнейшего из государств Мира, Северной Империи, объединявшей Хольд, Аркис и Тайдуан, наконец пришел к единому мнению относительно своей бывшей провинции. И начал действовать.

Держась за загривки пардов, Биорк и Эрд переплыли реку. Теплый ветер быстро

высушил одежду всадников. Смеркалось. Биорк, как всегда отлично ориентирующийся, поскакал через небольшую рощу, напрямик, к подножию холма, у которого была назначена встреча. Он же первым заметил тех, с кем они должны были сойтись. Вагар указал Эрду на двух всадников, застывших, как изваяния, у подошвы холма.

Эрд ударил парда хлыстом по крупу, и зверь полетел вперед длинными легкими прыжками. Осадив парда в пяти шагах от противника, светлорожденный салютовал поднятым вверх мечом.

– Ты – светлейший Эрд Асенар? – приятным баритоном спросил предводитель южан. – Я – Несмех!

И спрыгнул наземь. Открытое мужественное лицо, дочерна загоревшее под южным солнцем. Если у Эрда и оставались какие-то сомнения по поводу чести противника – они исчезли.

Эрд тоже спешил. Спокойно встретил оценивающий взгляд зеленых глаз.

На светлорожденном был неполный легкий доспех: двойная кольчуга с верхним слоем из крохотных серебряных чешуй, на левой руке – боевой браслет. Шлем с плюмажем из выбеленной гривы горного быка, тоже открытый, с короткой золоченой стрелкой и полуовалами наланитников, доходящими до светлых усов Эрда, украшал медальон с гербом Асенаров. Наколенников Эрд не надел. Так же как и его противник.

Грудь Несмеха защищала черная вороненая кольчуга. Короткие штаны из легкой ткани закрывали до колен ноги конгая.

Сопровождающий предводителя южан легко соскочил со спины парда, и удивленный Эрд определил – женщина. Обнаружил по фигуре: лицо до самых глаз закрывал клапан капюшона. У женщины тоже был меч, но носила она его необычно: лишенная гарды рукоять выглядывала из-под левой подмышки.

Она остановилась шагах в десяти от друга. Так же поступил и Биорк.

– Не будем тратить времени на слова! – возбужденно воскликнул светлорожденный и выхватил меч.

Противник сделал то же.

«Пьющий Кровь» со свистом вспорол воздух. Эрд раскручивал его кистью, разминая руку. Одновременно он попробовал ногой траву: немного скользит! «Мое преимущество!» – подумал он с неудовольствием. На его противнике были обычные кожаные сандалии, которые сцеплялись с землей намного хуже, чем подошвы верховых сапог Эрда, сделанные из акульей шкуры.

Противник светлорожденного стоял неподвижно, опустив книзу острие меча. Он ждал.

Эрд решил, что предводитель южан оценил неудобство скользкой травы. И Эрд начал первым.

Короткими шажками светлорожденный двинулся к противнику. Жало Пьющего Кровь неустанно чертило в воздухе знаки «боевой песни». Клинок Несмеха по-прежнему оставался неподвижным. Пока между соперниками не осталось только четыре шага. А потом... Эрд даже приостановился: широкое лезвие растаяло в воздухе, окутав Несмеха серебряным пологом и треском «рвущейся ткани». То был самый совершенный «сдвоенный веер», какой когда-либо видел светлорожденный. Причем двигалась лишь рука, держащая меч, само же тело воина лишь чуть раскачивалось внутри поющего занавеса.

Эрд радостно улыбнулся: противник был достойным! О! Вполне достойным!

Светлорожденный коротко выдохнул через сжатые зубы. Пьющий Кровь прыгнул вперед, отпрянул и снова устремился в грудь врага. «Двойной удар змеи»!

«Полог» упал, но меч Несмеха не коснулся темного клинка. Воин знал, что светлорожденный не рассчитывает достать его, а лишь прощупывает. Улыбка Эрда стала еще шире. Ровные белые зубы сверкнули в сгущавшихся сумерках. Он снова атаковал. Сначала низкий «Коготь Кугурра», затем – «Пьяный Клинок» и наконец – любимое «Тройное вращение», с полным обходом.

Зайти со спины Эрду не удалось, зато он сумел сбоку поймать клинок соперника,

отбросить его на шип боевого браслета и послать жало «Пьющего Кровь» снизу в правую подмышку противника.

Не достал. Несмех отклонился назад на совершенно немыслимый угол. Причем не упал на спину, а, совершив туловищем полукруг, подсек ноги Эрда. Для светлорожденного это было неожиданностью, но он успел подпрыгнуть, пропуская клинок под собой, а заодно пытаясь атаковать сверху «Прыжком Ярости». Краем уха он услышал восхищенный возглас вагара. Это был последний внешний звук, на который он обратил внимание. И, кстати, последний прием, который он провел сознательно.

Предводитель южан никак не мог уклониться от удара Эрда. Собственный же его клинок был слишком низко. Несмех прыгнул головой вперед, нырнул под «Пьющего кровь» и толчком левой руки подбросил Эрда вверх. Сила противника изумила светлорожденного: толчок отшвырнул его на несколько шагов, хотя ноги Несмеха в этот момент не касались земли.

Отлетев назад, Эрд упал на спину, мгновенно перевернулся, и с колен прыгнул навстречу набегающему Несмеху. Тот не мог ожидать подобной атаки, но все же ухитрился отбить меч Эрда и даже ответить. Светлорожденный поймал клинок противника у самой рукояти, отвел вправо и с поворотом полоснул по груди противника. Светлорожденный мог бы направить удар и в незащищенное горло, но ему вовсе не хотелось убивать такого великолепного соперника в первую минуту поединка.

Однако Эрд мог не беспокоиться: Несмех отразил клинок голой ладонью! То был прием Мангхэл Сёрк, но выполненный в совершенно ином стиле!

– Славно! – вскричал Эрд, вновь ловя меч противника шипами браслета.

При таком захвате он вырвал бы меч из любой руки, но не из руки Несмеха. Тот ухитрился не только противостоять вращательному движению локтя Эрда, но сам едва не сломал светлорожденному руку. Эрд снова атаковал, отразил, отразил и ударил. Быстрее, еще быстрее! Воины стояли друг против друга, а их мечи обрели, казалось, собственную жизнь. Никогда Эрд, сын Дина, не фехтовал так. Светлорожденный был легче, подвижнее Несмеха и наверняка опытнее. Но не он навязывал бой. Именно меч Несмеха вынуждал Пьющего Кровь наращивать и наращивать темп. Эрд даже подвывал от наслаждения. Вот оно! Не ради жизни или смерти – ради боя! Сердце светлорожденного прыгало в груди как бешеное. Он уже не чувствовал своей руки, перестал видеть лицо противника. Он не чувствовал и меча – только сильные толчки от плеча прямо в грудь. «Пьющий Кровь» был великолепен!

Сознание Эрда растворилось. Ему чудилось, что это он сам сражается обоими мечами и это его клинок парирует жалящие движения Пьющего Кровь.

То был восторг! Клинки следовали один за другим, как пальцы влюбленных. Их танец был так стремителен, что глаза Эрда больше не видели темного очерка Пьющего Кровь. Совсем стемнело, но темнота не имела значения. Ноги противника Эрда больше не скользили, хотя трава осталась такой же влажной. А свет? Сияние металла окутывало их! Эрд мог бы закрыть глаза – ничто не изменилось бы...

И вдруг все оборвалось.

Словно что-то холодное влилось Эрду в живот, опустошило его, выпило из него жизнь! Сломался клинок!

Нет, его «Пьющий Кровь» целехонек. Но – он остался один. Ненужный, беспомощный... Сломался меч Несмеха!

Это было так больно, так несправедливо, что на глазах светлорожденного выступили слезы. Он застыл, уронив руку, не видя, что Эйрис, выхватив меч, прыгнула между ним и обезоруженным Несмехом. Не заметил Эрд и то, как справа от него изготовился к бою Биорк.

Светлорожденный смотрел в глаза Несмеха через голову Эйрис, а Несмех смотрел в глаза светлорожденного, и оба осознавали огромность потери.

Эйрис поняла, что происходит, и шагнула в сторону, вкладывая меч в ножны.

То же сделал и Биорк, отвесив ей церемонный поклон.

Несмех шагнул вперед и положил руку на плечо светлорожденного. Эрд накрыл его руку ладонью левой руки. Потом перевернул «Пьющего Кровь» рукоятью вперед и прикоснулся ею к правой кисти Несмеха, все еще держащего обломок меча.

– Возьми! – тихо сказал он.

Но конгай покачал головой:

– Нет!

Эрд тяжело вздохнул. Да, верно. Нужно два меча. Два!

И тут он вспомнил о клинке Асенаров.

О! Санти не откажет ему!

Лицо Эрда посветлело.

Не откажет! Только на один день!

Эрд чувствовал, что был невероятно близок к постижению! Он чувствовал: Изначальное совсем рядом! Именно эта близость переломила меч Несмеха, меч, не достойный высшего! Сейчас Эрд понял это со всей отчетливостью. И понял: никто из его рода не был так близок к Вершине Горы. Горы, на которую поднимается Путь Воина.

Ему нужен Белый Меч!

– Завтра! – сказал он Несмеху. – Завтра мы встретимся здесь! В это же время! И у нас будет достойное оружие! Поверь мне!

– Я верю, – негромко ответил Несмех. – Я приду.

И убрав ладонь с плеча Эрда, не произнес более ни слова. Лишь кивнул Эйрис.

Его спутница свистом подозвала пардов, оба вскочили в седла и растаяли в ночной тьме.

– Светлейший! – Эрд ощутил, как рука Биорка слегка встряхнула его. – Светлейший! Поедем и мы!

Почти не сознавая, что делает, светлорожденный сел на подведенного парда, пристегнул ремень.

– Это был бой! – произнес Биорк и впервые за много лет в голосе его прозвучал восторг. – Ради такого стоит жить, светлейший!

– Да, – сказал Эрд пустым голосом. Все эмоции выгорели, а тело охватила невероятная усталость.

– Завтра, – проговорил светлорожденный. – Завтра мы... Ты слышал?

– Да! Благодарение богам! Ты ведь хочешь попросить у Сантана Меч Асенаров?

– Он не откажет? – Эрд встревожился.

– Уверен, что нет! – успокоил его Биорк, и оба въехали в теплую воду Унары.

XI

«Идущий путем Жизни – никогда не придет.

Идущий путем Смерти – не придет никуда».

Фахри Праведный Эдзамский

Эрд пришел в шатер Санти незадолго до полудня. Юноша уже знал, что вчерашний поединок закончился для светлорожденного благополучно, но подробности ему были не известны.

Телохранители проводили Эрда в шатер. Один из них закрепил полог так, чтобы внутрь проникало больше света.

– Я не сомневался в твоей победе! – сказал Санти, после того, как они обменялись приветствиями.

– Это не совсем моя победа. – Светлорожденный опустился на край походного ложа, а Санти уселся на ковре, напротив.

– Вернее сказать, это – не победа. И – больше, чем просто победа!

И он рассказал заинтригованному Санти о вчерашнем поединке.

– О да! – сказал юноша. – Это больше, чем победа! И в особенности я рад тому, что твой противник, если можно называть его так, – жив! Я не знаю, кто он, но ощущаю, что судьба его как-то связана с нашей, даже – с моей собственной!

– Брат! – воскликнул Эрд с необычайной пылкостью. – Мне нужна твоя помощь!

Юноша внимательно посмотрел на взволнованное лицо светлорожденного.

– Моя помощь? – переспросил он. – Ну конечно! Что я могу для тебя сделать?

– Брат! – с еще большим удивлением Санти услышал в голосе Эрда просительные нотки. – Дай мне Белый меч! – Эрд схватил руку юноши и с силой сжал его пальцы: – Прошу тебя! Только на один день!

– Ну конечно! – Санти был изумлен, но не самой просьбой, а интонацией светлорожденного. – Возьми его! Он ведь твой даже в большей степени, чем мой!

И отстегнув ножны от пояса, протянул меч светлорожденному...

Но едва Эрд коснулся меча, Санти вдруг почувствовал, как ему не хочется отдавать Белый Клинок. Потребовалось волевое усилие, чтобы разжать пальцы. Нечто внутри молодого мага противилось такому поступку. Но юноша знал: это – не желание самого Меча, и потому отпустил его и улыбнулся, чтобы на лице не отразилась происходящая внутри борьба.

То, что выразило лицо Эрда, было выше слов.

Светлорожденный встал, поклонился и быстро вышел из шатра. Он не произнес ни слова, и Санти понимал – почему.

Юноша проводил взглядом затянутую в белое спину, исчезнувшую в треугольнике входа, и потер лоб. Он разделял радость светлорожденного, но тревога его возросла. Причины же молодой маг не знал.

Этот день мало чем отличался от предыдущего. Две армии не предпринимали никаких действий, кроме попыток получше узнать противника. И разведчики Биорка преуспели в этом больше, чем люди Керанраона. Несколько южан, бывших в армии Санти, переправились через реку и, обойдя огромный лагерь противника, проникли в него с тыла. Силы Керанраона, в общем, были известны. Цель разведчиков – частокол посреди лагеря, затянутый сверху сеткой. Прикинувшись любопытными новичками, они порасспросили кое-кого и узнали о краурхах. Чуть позже им даже удалось увидеть одного из гигантских крабов в проеме открывшихся ворот. Но о сиргибрах они не узнали ничего. Хищных ящеров содержали в лесу, примыкающем к лагерю с юго-запада, а по собственной инициативе никто из южан рассказывать о сиргибрах не стал бы. Особенно те, кто видел их собственными глазами.

Но и вести о краурхах хватило Биорку, чтобы озаботиться. Нетрудно представить, какой боевой силой являются гигантские крабы.

Собрав малый военный совет, вагар, вместе с остальными военачальниками, полдня разрабатывал тактику, способную противостоять подобным чудовищам. Ясно было, что краурхам ничего не стоит пересечь брод и послужить прикрытием для остальной армии Керанраона. Биорк с гигантскими крабами никогда не сталкивался, но, по словам его конгайских соратников, арбалетные стрелы отскакивали даже от их вдесятеро меньших сородичей.

Военачальники просовещались до самых сумерек. Когда же начало темнеть, план был в общих чертах выработан.

Но вот рассказ одного из перебежчиков о «сотне хорахшей» всерьез так и не восприняли. В первую очередь потому, что разведчики не обнаружили ящеров, а вероятность того, что где-то поблизости причется «сотня хорахшей», по мнению Биорка, равнялась нулю.

За час до захода вагар и Эрд покинули лагерь.

Они сошлись там же, где и вчера, в то же самое время. Тилод пришел без оружия. Светлорожденный молча протянул ему «Пьющего Кровь». Зодчий вынул меч из ножен и раскрутил его пробуя руку. «Пьющий Кровь» ответил ему Песней Смерти. Тилод улыбнулся.

Улыбнулся и Эрд. Достойный меч в достойной руке!

Светлорожденный отступил на несколько шагов и выхватил Белый Меч.

Эйрис подавила готовое сорваться с губ восклицание. Она ощутила великую силу клинка. Она ощутила и опасность, скрытую в нем, но предупреждать Несмеха не стала: путь воина – это путь воина.

Несмех же – порадовался. Хармшарков клинок – замечателен! Тем значительнее то, что произойдет!

К пению «Пьющего Кровь» прибавился свист Меча Асенаров.

Два воина, не глядя друг на друга, начали свой танец.

Каждый чувствовал партнера и отдалял миг, когда темный сплав выкованного вагарами клинка коснется вагарами же отшлифованного лезвия.

Биорк судорожно вздохнул от восторга.

Бойцы двигались по невидимому кругу, четко держа расстояние. Каждый – с особой, свойственной ему одному грацией, но – вместе, в едином рисунке, словно десятки невидимых нитей соединяли Эрда и Несмеха.

Так прошло почти пять минут. А потом острие «Пьющего Кровь» с паутиной легкостью коснулось серебристого клинка Асенара.

То, что произошло дальше, было так стремительно и так неожиданно для самих бойцов, что у обоих одновременно вырвался слитый крик восторга. Их мечи обрели собственную волю! Они подчинили себе державшие их руки, подчинили себе тела воинов. Эрд и Несмех застыли в двух шагах друг от друга, не в силах оторвать ног от земли. Клики мечей, присосших к их ладоням, взвихрили ночной воздух.

Ни быстрые глаза Эйрис, ни даже взгляд вагара не могли ничего разобрать в этой мерцающей метели. Лишь изредка слышали они долгий прозрачный звон, когда один клинок задевал другой. Но это случилось лишь трижды за те шесть или семь минут, на которые тень Белого Меча смешалась с тенью Пьющего Кровь. А потом раздался короткий скрежещущий звук – и танец оборвался.

Фонтан крови ударил из разорванной кольчуги Несмеха.

Меч Асенаров победил!

Эрд посмотрел на свои окостеневшие пальцы, побелевшие на рукояти Белого Меча. Потом – на Тилода, медленно валящегося на траву. Светлорожденный так и не понял, что произошло. В упоении Великого Действа он забыл, что является ставкой Игры.

Замер и Биорк, потрясенный увиденным.

Но Эйрис, еще до того, как мечи соприкоснулись, предчувствовавшая исход, быстрее белого клинка бросилась к Тилоду. Зажав ладонью рану на его груди, она крикнула Биорку:

– Что ты стоишь? Помоги!

Ее голос тотчас вывел вагара из оцепенения. Но он побежал не к Тилоду, а к собственному парду и выхватил из кожаной сумы небольшой мешочек. Развязывая его на ходу, Биорк поспешил к раненому.

Кровавая пена выступила на губах распростертого на траве зодчего. Подкольчужная куртка пропиталась кровью. Белый Меч разорвал кольчугу, проник между ребер Тилода и поразил легкое. Алая кровь, пузырясь, выплеснулась из раны, когда Биорк, чуть ли не силой, ругаясь на языке вагаров, оторвал руку Эйрис от груди зодчего. Расширив двумя пальцами левой руки ровный разрез, точно соответствующий ширине Белого Клинка – двенадцатая доля локтя – вагар вложил в рану пластинку урнгурской смолы, и пропихнул ее поглубже.

– На! – Он сунул в руку Эйрис кривую иглу с вправленной бараньей жилой. И сжал пальцами края раны.

Эйрис быстро и аккуратно зашила ее и, перерезав жилу маленьким ножом, протянула иглу вагару.

– Он выживет! – сказал Биорк, выпрямляясь. – Если не захлебнется собственной кровью!

– Он не захлебнется! – бесцветным голосом произнесла Эйрис и простерла руки над

лежащим.

Ее ощущения проникли в тело зодчего, ее сила сжала разорванные сосуды и лишила крови поврежденную легочную ткань. Эйрис расширила его бронхи и, припав ртом к губам Несмеха, вытянула и проглотила скопившуюся внутри кровь. Затем справилась с онемением – в проглоченном уже содержалось некоторое количество смолы – и заставила бронхи снова сжаться. Еще одно волевое усилие – и неповрежденное легкое начало дышать.

Биорк подошел к Эрд, с трудом расцепил его пальцы, и вынул из руки светлорожденного Белый Клинок.

Эрд смотрел на Тилода. Он, похоже, даже не заметил, как вагар обтер его меч и вложил в ножны.

Эйрис подняла с земли «Пьющего Кровь», вернула в ножны, лежавшие рядом, и протянула Биорку.

– Мы еще встретимся, – произнесла она тем же бесцветным голосом.

Свистом подождав своего хасца, она с удивительной легкостью подняла большое тело зодчего, усадила его в седло, застегнула поясной ремень, а запястья Тилода связала под горлом парда. Вспрыгнув на круп зверя, она послала хасца вперед и канула во мрак.

Лишенная всадника Тьма, рыча, устремилась следом.

– Поедем и мы! – сказал вагар светлорожденному, глядевшему в завесу ночи, за которой скрылись парды. – Эта дочь огня права: мы еще встретимся!

XII

«Многие у нас, в просвещенной Глориане, осуждают Освободителя за то, что по его воле был уничтожен целый народ, пусть даже обычаи его были отвратительны. Я понимаю тех, кто так говорит. А также тех, кто и поныне превозносит достоинства соххоггоев, утверждая, что во всем Мире не отыщется воинов, подобных им, кроме, может быть, вагаров. Многие полагают: можно было бы сохранить хотя бы невинных младенцев, воспитав их как подобает. Но я говорю – нет. Хотя мне известен лишь один случай, когда младенцу-соххоггою, девочке, сохранили жизнь. Но основываясь на этом единственном случае, зная то, к чему привело сие "милосердие", я могу утверждать: прав был Освободитель! Сие проклятое племя, вместилище семени Зла, следовало уничтожить без остатка!»

Сигвар Гурский. «Описание земель». лава «Благословенный Конг»а

Конг. Междуречье. Первый год после Прихода Освободителя.

Одиннадцать всадников неторопливо ехали вдоль опушки леса. Полегшая от летнего зноя трава мягко похрустывала под широкими лапами пардов. В голубом лунном свете поле казалось седым.

Было очень тихо. От земли поднимался пыльный, сухой, щекочущий ноздри запах. Луна, миновав созвездие Корабля, приблизилась к Пауку, и звезды его померкли в бледном тумане ночной Госпожи неба.

Черная непроницаемая масса джунглей поднималась слева. Лес казался высоким отвесным берегом, омываемым серебристыми волнами. Его граница была неровной, кое-где купы деревьев отрывались от общей массы и напоминали упавшие в море скалы.

Всадники держались от опушки шагах в сорока. Ночной лес пугал, но чувство долга не позволяло им удаляться от его края. Одиннадцать всадников были сторожевым разъездом армии Керанраона. Командовал ими Лун, десятник из Йенкаяна, опытный солдат, не

отличавшийся особым умом, но дело знавший. Десять его солдат принадлежали к Береговой Охране, и самому младшему из них перевалило за тридцать лет. Дежурили они уже третий час, и участок их составлял три мили.

Двух всадников первым заметил воин по имени Менар.

– Начальник! – сказал он, – Глянь-ка вперед, где два одиноких дерева!

– Впрямь! – отозвался Лун, приглядевшись. – Стоит кто-то. Ну-ка, парни! Марш!

И воины, поторопив пардов, поскакали в сторону двух деревьев, росших одно подле другого шагах в сорока от опушки. Теперь уже каждый видел двоих всадников, изваяниями застывших между деревьями. Луна светила со стороны восхода, и тень от широких крон тянулась до самой опушки леса.

Когда до странной пары оставалось локтей сто, Лун придержал парда, набрал в грудь побольше воздуха и рывкнул во всю мочь:

– Эй! Кто такие?

Ответом было молчание.

– Чудныёе какие-то, – пробормотал Менар, ехавший справа от десятника. Солдаты почуяли недоброе.

– Тинг! Сим! Арбалеты – к бою! – негромко приказал Лун.

– Может, свистнуть подмогу? – предложил заробевший Менар.

Всадники под деревьями по-прежнему не шевелились. Даже парды их застыли в неподвижности, опустив головы.

– Спятил? – усмехнулся Лун. – Подмогу! Их двое – нас одиннадцать! Стыда не оберешься! Вперед!

Когда до деревьев осталось шагов двадцать, один из чужих пардов поднял голову и зарычал – к немалому облегчению караула. Нормальный пард, значит, и всадник нормальный: не демон, не магхар!

– Кто такие? – вновь властно спросил Лун.

Его пард въехал в тень дерева и остановился в пяти шагах от ближайшего всадника.

Тот поднял руки, показывая, что в них нет оружия.

Взятые его на прицел стрелки успокоились и опустили арбалеты.

Не опуская рук, всадник тронул парда и подъехал вплотную к десятнику. Свет луны озарял его лицо, синее в синем свете. На всаднике не было шлема, и длинные прямые белые волосы падали до самых плеч. Отсутствие шлема и седые, как ему показалось, волосы всадника совсем успокоили десятника.

– Ты что, немой? – почти дружелюбно спросил он.

Человек покачал головой. Рот его растянулся в улыбке.

А потом с пальцев незнакомца сорвались две крохотные стальные иглы. В полном кончике каждой было по капельке бесцветной жидкости.

Одна игла воткнулась в щеку десятника, другая – в подбородок воина Тинга. Оба повалились на холки пардов.

Сим успел вскинуть арбалет. Но не выстрелил. С дерева на плечи ему спрыгнул человек. И, как падают спелые плоды, посыпались с ветвей на головы солдат укрывшиеся в кронах враги. Никто из конгаев не успел даже взяться за оружие. Только Менар, чей пард сразу же прыгнул вперед, выхватил меч, и развернувшись, рубанул, целя в незащищенную голову первого всадника. Но тот ловко пригнулся, подал парда назад, и второй всадник, вооруженный длинным прямым мечом, парировал атаку. Сильный удар по голове поверг Менара в беспамятство.

Все произошло так быстро, что даже парды не успели по-настоящему возбудиться. Нападавшие вмиг успокоили животных. Конгаев связали и уложили поперек седел.

– Одиннадцать хобов! – сказал один из нападавших тому, кто бросил стрелки. – Не довольно ли?

– Нет, – отрывисто бросил беловолосый. – Вези их в лес. Мы еще поохотимся.

Пятеро ехали по лесной тропе вслед за маленьким белым гурамским следопытом,

катившим впереди на коротких лапках.

Следопыт тихонько тявкнул и остановился. Первый из всадников, перегнувшись через седло, наклонился, ухватил следопыта за шиворот и сунул в седельную суму. Пятеро сбавили скорость. Лапы пардов ступали мягко и бесшумно.

Тропа изогнулась вдоль поваленного дерева. Всадники остановились.

– Что он там делает, этот хоб? – прошептал первый в самое ухо поравнявшемуся с ним соседу.

Одетый в черное человек сидел на упавшем стволе, скрестив ноги. Не шевелясь.

– Молится Осквернителю? – так же шепотом предположил тот. – Заезжай справа, а я поеду слева. На всякий случай.

Они разделились и двинулись вперед. Трое других остались на месте.

Первый из всадников развернул тонкий паутинный трос. Свист брошенного аркана был едва слышен. Петля аккуратно накрыла сидящего человека и затянулась на уровне его прижатых к туловищу локтей.

– Сохх! – крикнул всадник. Пард его прыгнул в сторону, натягивая аркан и сбрасывая пойманного с древесного ствола в мешанину смятых ветвей.

Второй всадник, не слишком торопясь, направил парда к месту падения. Он ожидал увидеть потерявшего сознание или, по меньшей мере оглушенного. Но, к его удивлению, человек в черном уже стоял на ногах. Более того, как-то ухитрился освободиться от петли.

– Ях-ха! – вскричал второй всадник и метнул свой собственный аркан, который держал наготове.

Но человек в черном ухитрился избежать петли.

Всадник вскрикнул от удивления. Еще больше он удивился, когда человек подпрыгнул локтя на три вверх, удержал равновесие на толстой ветке, отходящей от поваленного ствола вверх и в сторону, прыгнул еще раз, и еще, ухватился руками за ветвь соседнего дерева, перекинул через нее тело, ныряя в непроницаемую для глаза темную крону....

«Чок!» – разрядился арбалет.

«Ф-ф-по!» – подхватила стрела.

И прыгун, сорвавшись с ветки, тяжело ударился оземь.

Один из всадников тут же подскакал, наклонился...

– Ты убил его! – с укором бросил он тому, кто стрелял.

– Он ушел бы! – возразил тот. И был прав, а потому никто больше его не осуждал.

Тем временем первый всадник соскочил с парда и всмотрелся в убитого.

– Э! – произнес он почти с уважением. – Совсем детеныш! Лет пятнадцать, а?

Все пятеро спешили и окружили убитого. У того было совершенно спокойное лицо, юное, гладкое. Смуглая кожа блестела в лунном свете. Широко открытые глаза казались бездонными.

– О Истинный! – произнес тот, кто стрелял. – Все равно он ушел бы! Прыгал, как кот! Ну, я заберу его?

– Да, – сказал первый всадник. – Едем! Ночь – только началась!

До восхода оставалось около двух часов, когда сторожевой разъезд армии южан, возвращавшийся в лагерь, заметил впереди четверых всадников, ведущих в поводу цепочку пардов с грузом на спинах. Они двигались к лесу.

– Это что за караван? – удивился десятник. – Ну-ка, парни! Марш!

Всадники тоже заметили разъезд и пустили пардов вскачь, надеясь опередить солдат и скрыться в лесу. Через минуту стало очевидно, что уйти им не удастся.

– Клинки – вон! – рявкнул десятник, и воины разом выхватили мечи.

Рассыпавшиеся веером конгаи гнали рыкающих пардов во всю мочь.

Четверо остановились и развернулись навстречу мчащимся солдатам. Те с удивлением обнаружили, что беглецы собираются принять бой. Обнажив оружие, четверка устремила навстречу разъезду.

– Они спятили! – закричал десятник. – Отлично! Покажем им, парни! Марш! Марш!

Пард его летел над свежескошенным полем, как ветер. Конгаи не отставали. Все они были опытными воинами, и всех их возбуждала предстоящая схватка! Возбуждала, но не пугала. Их было одиннадцать против четырех!

Противники столкнулись, вихрем пронесли мимо и тут же развернули пардов. Конгаи не сразу заметили, что их осталось только семь. А когда заметили, отступить было уже поздно. Одиннадцать всадников смешались в рукопашной под свирепое рычание грызущихся пардов.

Бой длился недолго. Конгаи полегли все. А четверо победителей, прихватив с собой трупы и пардов, скрылись в чаще.

Хасец Эйрис шел неторопливой рысью. Ноги его утратили обычную легкость из-за двойного груза, обременившего мускулистую спину зверя.

Могучая Тьма, чей круп был в раза полтора шире, чем у желтого парда, бежала рядом, то и дело тычась мордой в лежащее на спине хасца тело зодчего. Тогда Эйрис была ее хлыстом между ушей. Парда не обижалась, только фыркала.

Стояла тихая темная ночь. Луны на небе еще не было. Когда справа выросла стена джунглей, Эйрис повернула парда, оставляя лес сбоку. С той скоростью, с которой она сейчас двигалась, ей понадобится около двух часов, чтобы добраться до лагеря.

Тьма вдруг зарычала и наострила уши. Шерсть на ее загривке поднялась. Эйрис мгновенно насторожилась. Придержав хасца, она вслушивалась и всматривалась в темноту. Ничего! Но, как ни остр слух дочери Народа, слух парды лучше. Морда Тьмы повернулась к джунглям. Слева от них, до самой реки лежал ровный открытый луг. Днем Эйрис могла бы увидеть голубую полосу высаженных вдоль берега пальм.

Женщине показалось, что она тоже уловила звук. Но не со стороны леса, а впереди, из-за мыска из десятка деревьев, выдававшегося из черной стены джунглей. С той стороны мог двигаться разъезд армии южан...

Люди беспокоили Эйрис меньше, чем звери, которые могли обитать в здешних, хотя и сравнительно безопасных, джунглях. Будь Тилод здоров, она не опасалась бы вообще ничего.

А Тьма по-прежнему смотрела в сторону леса. Весь вид ее выражал напряженное внимание: уши шевелились, толстый хвост резко дергался, усы встопорщились.

Да, теперь Эйрис определенно слышала топот неторопливо рысящих пардов. Впереди.

Холодная лапка предчувствия коснулась ее спины.

Хасец шагнул в сторону и оказался рядом с Тьмой. Он тоже насторожился.

Эйрис, сидящей на его крупе, позади Несмеха, было не слишком удобно обороняться. Проверив, хорошо ли затянуты ремни, удерживающие зодчего, она ухватила за луку седла и прыгнула на спину Тьмы.

От неожиданности парда шарахнулась в сторону, но не огрызнулась, а только настороженно покосилась на всадницу.

Из-за выступающего мыска деревьев выехали восемь всадников. Воины. Дозор южан? Почти наверняка. Однако тревожное чувство не оставляло женщину. Волновалась и парда, хотя до всадников ей явно не было дела. Что же, Эйрис и Тьма смогут себя защитить. А легконогого хасца не догонит ни один боевой пард. Но что же там, в джунглях?

Всадники неторопливо ехали навстречу. Эта неторопливость успокаивала. Тьма снова покосилась на стену леса и тихо зарычала. Эйрис хлопала ее по вздыбленной на загривке шерсти. До восьми всадников оставалось шагов шестьдесят.

«Сейчас они меня окликнут!» – подумала Эйрис.

Хасец с пронзительным воплем метнулся в сторону.

Эйрис мгновенно обернулась и увидела черную тень, что вымахнула из джунглей, покрыв одним прыжком шагов тридцать. Тень упала на то место, где только что стоял пард. А хасец уже мчался прочь с пронзительным воем.

Тьма оборотилась назад с грозным рычанием. Уж она-то бежать не собиралась!

Прижав уши, парда злобно глядела на огромного зверя, размерами не уступавшего ей

самой, но с более короткими лапами и более крупной головой.

Зверь, припав к земле, щерил зубы. Кугурр!

Парда оглушительно заревела. Вот он, тот, кого она учуяла несколько минут назад! Зверь еще ниже припал к земле, и Эйрис с удивлением обнаружила, что шею его охватывает широкий, усеянный шипами, ошейник.

– Стоять! – крикнула женщина в ухо парде и схватила арбалет.

Хищник прыгнул молча, без единого звука бросив мускулистое тело на добычу. И стрела Эйрис ударила прямо в жаркую глотку!

Парда вздыбилась. Эйрис услышала за спиной чмокающий удар и, соскальзывая с парды, успела заметить короткую арбалетную стрелу, торчащую из крупа Тьмы.

Эйрис скатилась на траву, перевернулась через голову и снова оказалась на ногах. А Тьма со свирепым рычанием вонзила клыки в затылок бьющегося в агонии кугурра.

Заросли затрещали. Кто-то продирался из леса на открытое пространство. Эйрис, выхватив меч, приготовилась встретить еще одного хищника...

Но из джунглей вырвался не кугурр, а боевой пард со всадником в седле.

В несколько прыжков пард покрыл разделявшее их расстояние и остановился, как вкопанный, между Эйрис и Тьмой, терзающей труп кугурра. Из горла всадника вырвался горестный вопль, что очень не понравилось Эйрис.

Тем временем верховые уже подскакали к женщине и окружили ее кольцом.

– Как жаль, Муххув, что ты потерял свою зверушку! – сказал один из восьми на языке соххоггоев. – Кто мог подумать, что хоб убьет его одной стрелой!

– А занятый хоб! – произнес другой. – Ловкий такой! Возьми его себе, Муххув! Он, право, забавен! Ты повеселишься!

Из-за леса показался край луны, и длинные черные тени легли от всадников на вялую траву.

Тьма прекратила терзать кугурра и, вскинув голову, протяжно заревела.

В руке Муххува сверкнул метательный нож, и парда с пронзительным воем забилась на земле.

Луна осветила Эйрис.

– О Истинный! – воскликнул один из соххоггоев. – Да это же самочка! Муххув! Тебе досталась самочка-хоба!

– Да! – мрачно отозвался Муххув. – Я сдеру у нее кожу с живота и отдам псам! Пусть позабавятся!

Эйрис не понимала ни слова, но знала, что речь идет о ней. И ей не нравились ни сам разговор, ни те, кто его вел. Не нравилось ей и спокойствие воинов: ведь женщина стояла между ними с мечом в руке, и они могли убедиться: Эйрис умеет пользоваться оружием.

Муххув шагом направил своего парда к женщине.

– Будь осторожен! – сказал ему кто-то. – Это ловкая самочка!

Эйрис приготовилась.

Муххув был от нее в трех шагах. Он чуть наклонился, вынимая из седельной сумы аркан.

– Беги! – сказал он Эйрис на конгаэне.

Но она не побежала. Она прыгнула на него. Взметнулась в воздух, правая нога нанесла удар, который должен был сбросить всадника со спины парда. Немалое искусство: выбить всадника из седла так, чтобы самому оказаться на его месте, но Эйрис владела этим приемом. Ее нога распрямилась с характерным сухим щелчком шелковой ткани... и встретила воздух!

Муххув откинулся далеко назад, Эйрис же пролетела над пардом. Капюшон сорвался с головы, и освободившаяся коса змеей взметнулась вверх. Муххув с соххоггойской ловкостью поймал эту косу и, дважды обмотав вокруг кисти, оторвал Эйрис от земли. У него была очень сильная рука!

Эйрис с шипением выпустила воздух. Ей было больно!

– И впрямь ловкая самочка! – констатировал соххоггой, продолжая держать ее в локте от травы.– И терпелива к тому же! Нет! Я не отдам ее псам! Такое существо достойно особого внимания!

Муххув держал Эйрис на чуть согнутой руке. Она могла бы, схватившись руками за косу, прекратить пытку, возможно, этого соххоггой и ожидал. Поэтому женщина выбрала другой путь. Меч Черных Охотников все еще был привязан к кисти, хотя Эйрис и выронила его, промахнувшись.

Если бы она попыталась взяться за эфес, Муххув успел бы что-то предпринять. Но Эйрис не стала брать меч в руку. Она просто быстро взмахнула им.

Широкий клинок, висящий на ремне, описал дугу и с обычной для дочери Народа точностью ударил по руке соххоггоя немного выше запястья.

Эйрис упала на траву раньше, чем Муххув закричал. А упав, прыгнула вновь. На сей раз – удачно!

Выбитый из седла Муххув полетел вниз, выбросив вперед руки. Эйрис рассекла седельный ремень. Соххоггой упал на траву. На пальцы левой руки... и обрубок правой – и потерял сознание. Эйрис схватила парда за уши, одновременно ударив его каблуками в живот. Зверь взвыл, взвившись в воздух, перемахнул через ближайшего соххоггоя – Эйрис в прыжке ухитрилась рубануть всадника по лицу – и приземлился за пределами круга. Еще один удар по крупу – и пард огромными прыжками помчался туда, куда убежал хасец.

Семеро соххоггоев остались на месте. Пард Муххува был быстрее, чем их собственные. Дочь Народа Эйрис-Харрок была единственной «дичью», ускользнувшей от «охотников»-соххоггоев. Но «охотники» еще не знали, что очень скоро сами станут «дичью». Впрочем, если бы они знали, их поведение не изменилось бы. Что есть этот Мир? Иллюзия. Игра света на осколках Истины.

XIII

«Жаждающий Света обретает Свет, жаждущий Силы – Силу. И первый довольствуется обретенным, а второй – нет. В этом его преимущество и его гибель».

Фахри Праведный. Происхождение волшебства

Конг. Междуречье. Лето. Первый год после Прихода Освободителя.

Шатры Керанраона и Несмеха разделяло полмили. В это утро, последнее утро лета, бывший Исполняющий Волю прошел те полмили пешком. Встречные воины, отсалютовав, уступали ему дорогу. Керанраон шел один – если, конечно, не принимать во внимание дюжину телохранителей.

У шатра Несмеха, куда более скромного, чем его собственный, Владыка Юга увидел сидящего на корточках Черного Охотника.

При приближении военачальника, Черный Охотник не поднялся, а лишь пристально посмотрел на Керанраона.

– Сёум! – произнес Керанраон, пытаясь скрыть недовольство.– Вождь – там?

– Нет,– сказал Старший из Охотников и замолчал.

Чтобы сдержать гнев, Керанраону понадобилось вспомнить, что перед ним – не просто солдат.

– Ты знаешь, где он?

– Нет,– так же лаконично ответил Сёум.

Несколько солдат остановились поодаль, шагах в двадцати: посмотреть, как Владыка Юга беседует с Черным Демоном.

– Сёум! – проговорил Керанраон.– Ты не хочешь зайти в шатер?

– Нет,– последовал ответ.

Черный Охотник не издевался над военачальником. Он просто отвечал на вопросы. Керанраону понадобилось еще одно усилие, чтобы убедить себя в этом.

– Если я попрошу тебя сопровождать меня в мой шатер, ты мне не откажешь? – произнес Владыка Юга с наивозможнейшей вежливостью.

– Нет, – сказал Черный Охотник и поднялся.

Рядом, но не обменявшись ни словом, Керанраон и Сёум прошли полмили до жилища Дракона Юга. Телохранители предупредительно откинули перед ними полог, а потом отпустили, сами оставшись снаружи. Они хорошо понимали своего господина.

– Садись, Сёум! – Керанраон указал на разбросанные по коврику подушки.

Черный Охотник молча опустился на ковер, скрестил ноги и обратил к Керанраону бесстрастный взгляд.

– Давно отсутствует вождь? – спросил Владыка Юга.

– Со вчерашнего вечера, – и, решив, видимо, быть поразговорчивей, добавил: – Они уехали вместе с Эйрис. Без сопровождающих. Не возвратились.

– Равахш! А где они могут быть?

– Знает Слушающий. Но его тоже нет. Что-то случилось?

– Да. Случилось. – Раздельно произнес Керанраон. – Этой ночью мы недосчитались девяти разъездов! Как в воду канули! – гнев и недоумение смешались в голосе военачальника. – Сотня бойцов. Отборных. А под утро еще дождь прошел. Ливень. Хочешь что-то сказать?

Черный Охотник отрицательно качнул головой.

– Они начали первыми, Сёум! – наклонясь вперед, напряженно проговорил Керанраон. – И мне нужен Несмех! Пусть принимает решение!

– А какое решение принял бы ты? – спросил Черный Охотник.

– Ударить! – уверенно заявил Керанраон. – Что же еще? Они начали, Сёум! И мы им ответим! – Губы сарбурца растянулись в недоброй улыбке. – Но я не хочу начинать без Несмеха!

– Я тоже! – сказал Черный Охотник.

– Я подумал сейчас: может, их тоже захватили?

– Несмеха и Эйрис? – Керанраону показалось, что Черный Охотник улыбнулся.

– Да. Несмеха и Эйрис. Думаешь, смогли бы они устоять против сильного мага?

Сёум перестал улыбаться.

– Мои люди, – сказал Керанраон, – вчера видели на острове нечто странное! А та буря, что разразилась под утро и ушла буквально через час? Что ты скажешь, Сёум?

– Я скажу, – Черный Охотник произносил слова медленно, словно выдавливая их по одному. – У меня этой ночью тоже пропал человек. Мы нашли следы, потому что знали, где он был и что делал. Его убили. И унесли труп. Убили Черного Охотника. Это непростое дело.

Сёум помолчал.

Керанраон выжидающе смотрел на него.

– Я не могу оспорить твои слова! – наконец сказал Старший из Охотников. – Этот человек, потом – Эйрис, Несмех. И еще Дирг, Слушающий! Мне трудно представить того, кто мог бы справиться с Диргом! Но Дирга нет! Ты предлагаешь ударить? – Он на мгновение прикрыл глаза, а потом вновь устремил их на Владыку Юга: – Хорошо. Что я должен сделать? Я не мастер больших битв.

– Главное, – сказал бывший Исполняющий Волю, – это внезапность! Я уже все продумал! Через два с половиной часа ты подведешь краурхов к броду. Если они успеют построить войска, ты перейдешь реку... Краурхи могут перейти реку вброд?

– Да.

– Перейдешь реку и ударишь. Разорвешь их строй. Следом пойдут мои тяжеловооруженные всадники, сомнут их ряды, рассекут их во всю глубину и ударят с тыла. Тем временем пехота перейдет реку и отрежет их от берега, а легкие всадники обойдут с

флангов. Нас вдвое больше, и не думаю, что битва затянется. Главная сложность в том, чтобы отбросить их от брода. Твои воины сделают это.

– Сиргибры? – спросил Сёум.

– Пусть останутся в лагере. Им трудно будет отличить моих воинов от северян!

– Да, – согласился Черный Охотник. – Вообще-то они прекрасно различают людей по запаху. Но без Дирга ими управлять непросто. Всеми сразу.

– И еще, Сёум! Когда краурхи прорвут строй, сразу же выходи из боя! Вас, Охотников, не так много, чтобы терять! Кстати, пусть сражаются лишь те, кто управляет крабами! Главное – опрокинуть первые ряды и не дать им помешать переправе «синих»!

– Я понял!

«Вот и отлично! – подумал Керанраон. – Никаких Охотников! Никаких ящеров! Это будет моя победа! Только моя!»

* * *

Биорк узнал о том, что южане готовят нападение, задолго до того, как первые отряды Керанраона вышли из лагеря. Отдав соответствующие распоряжения Гангу, Вигу, Тилоду Сарбурскому, он послал за Санти.

Посыльный вернулся один.

– Его нет, – доложил он вагару.

– Светлейший! – попросил Биорк. – Не сочти за труд, узнай, где Сантан!

Эрд вернулся через полчаса. Обеспокоенный.

– Его нигде нет, – сказал он. И Ронзангтондамени тоже. Охрана сообщила, что Женщина Гнона уехала ранним утром с десятком урнгриа. Но Сантана с ней не было.

– А что говорят телохранители Санти?

– Клянутся, что он не выходил из шатра! Уверен, что не врут! И, кстати, я нашел вот это! – Эрд показал на Белый Меч, снова пристегнутый к его поясу.

– Разве ты не отдал его вчера?

– Я оставил его у ложа! Санти не было в шатре, и я решил, что он у Женщины Гнона! И, Биорк... Его стража утверждает, что во время моего посещения вождь был у себя!

– Скверно! – произнес Биорк. – Очень скверно! Должен тебе сказать: дозорные видели огонь на восточном конце нашего острова, но подойти не решились, потому что огонь был магическим! Там явно происходила какая-то борьба! Но, утром, когда все кончилось, они осмотрели место и нашли пятно выжженной земли. Больше ничего.

– Ты считаешь... – начал светлорожденный

– Я ничего не считаю, – перебил вагар. – У меня недостаточно сведений! И сейчас нам не до того! Исчезновение Санти должно остаться в тайне!

– Да, – согласился Эрд. – Перед битвой.

Час спустя вагар созвал военачальников.

– Достойные, – сказал он самым будничным голосом. – Все вы знаете, что нужно делать. Знают и ваши солдаты. Если мы будем стойкими, врагу нас не одолеть. Поэтому мы будем стойкими! Мы отобьем у этих ребят охоту показывать нам клыки! Клянусь мечом! – заявил он чуть более воодушевленно. – Если мы не оплошаем... А мы не оплошаем! Им больше нечего будет нам показывать! Идите и делайте свою работу! Боги помогут вам, потому что с нами – Справедливость!

Лучи дневного светила играли на поверхности Унары. Воды ее были желто-зелеными, мутными от ила. Берега реки с обеих сторон заросли голубым тростником, а выше – ровными рядами старых, кряжистых деревьев. Дно реки у берегов – илистое, топкое, но ближе к середине ил вымывало течение.

Брод – около пятидесяти шагов в ширину. В этом месте не росло ни деревьев, ни тростника. Впрочем, по приказу Биорка, деревья спилили и на сто шагов по обе стороны от брода. Унара в этом месте разливалась на тысячу локтей, а глубиной – по грудь рослому

человеку или парду. И течение здесь довольно быстрое. На северном, островном, берегу сразу же от реки начинался заливной луг. Трава на нем частью скошена, частью вытоптана, когда войско северян переправлялось на остров. За лугом – склон холма, увенчанного длинным каменным гребнем, протянувшимся на милю с лишком с запада на восток и поднимавшимся локтей на сто – сто двадцать выше поверхности реки. Южный склон холма более крут, чем северный, на котором располагался лагерь войска Санти.

Армия Керанраона подошла к южному берегу Унары, когда солнце стояло уже довольно высоко. Центр ее составляли тысячи «синих», тяжелых сарбурских латников. С флангов их прикрывали арбалетчики. Позади «синих» располагались еще несколько тысяч тяжеловооруженных всадников. Дальше – пехота, а за пехотой – «легкие» всадники, которым, по замыслу Керанраона, предстояло довершить разгром.

Построение Биорка было сходно с построением южан. Первыми, примерно на середине склона, в трети мили от берега черной безмолвной стеной стояли урнгрия. С флангов их прикрывали арбалетчики. Но не пешие, а верховые. За урнгрия, до самого гребня, ровными рядами – тяжеловооруженные всадники. Всего, вместе с урнгурцами их насчитывалось около шести тысяч – примерно столько же, сколько «синих». То, что происходило за гребнем холма, с южного берега было не видно, но Керанраона это не слишком волновало. Глава южан был уверен, что, разгромив большую часть всадников Биорка и укрепившись на острове, он без труда добьет остальных. И все же, если бы не краурхи, Керанраон трижды подумал бы, прежде чем бросить своих любимцев «синих» на зловещую черную стену урнгрия. Чем-то урнгурские всадники сами напоминали краурхов. Может, острыми шипами на доспехах пардов?

Биорк, который решил лично не принимать участия в битве, с удовольствием глядел на своих урнгурцев. Три месяца совместных боевых действий сделали больше, чем два сезона тренировок. Тысяча урнгрия превратилась в единое целое, в грозное и почти неуязвимое существо. Такими были всадники Империи во времена легендарного Вэрда. Биорк был уверен, что, ринувшись вниз, его воины сметут в реку врага, вдвое превосходящего их численностью.

Биорк втянул носом пахнувший болотом воздух (ветер был северный, от старицы, прикрывавшей остров с севера) и, заметив движение в задних рядах «синих», просигналил: «Приготовиться!»

Ряды сарбурских латников пришли в движение, раздвинулись, образовав проход в полтора локтя. Прошло около минуты, и в начале «коридора» появилось широкое, ровно и неторопливо бегущее чудовище с поднятыми вверх клешнями – каждая клешня – размером с туловище парда. За вторым краурхом двигался третий, потом – четвертый...

Сверху Биорку было ясно видно, как они заполнили проход: широкие фиолетового цвета платформы-панцири, на которых распластались черные фигурки Направляющих.

Выбежав к реке, краурхи разделились: первый свернул направо, второй – налево, третий снова направо и так далее. Идеально выдерживая расстояние, гигантские крабы вошли в реку. И сразу же с шага перешли на стремительный бег. Шипастые лапы вспенили мутную воду. Ни у одного из бегущих гигантских крабов даже брюхо не касалось поверхности потока. Боком, приподняв передние края панцирей, краурхи двумя колоннами пересекли реку меньше чем за четверть минуты. Оказавшись на берегу, крабы рассыпались в стороны, образовав ровную линию, и одновременно ринулись вперед. Угловатые лапы опускались и поднимались с невероятной быстротой. Направляющие прижались к панцирям, укрываясь от стрелков. Но по ним никто не стрелял.

Ряды урнгрия были неподвижны.

Краурхи пересекли низменность и помчались по склону холма вверх, не замедлившись, а прибавив в скорости.

Сквозь щели забрал всадники видели стремительно надвигающиеся острые передние края панцирей, цветом напоминающие отполированное хуридское дерево, и громадные клешни, поднятые на высоту двенадцати локтей. Когда один из краурхов щелкал клешнями,

звук был подобен грохоту столкнувшихся скал. Крабы накатывались на урнгрия с неотвратимостью лавины. Комья, вырванные из земли, вылетали из-под мощных лап. Плоские, наклоненные назад спины были выше голов всадников.

Ряды урнгрия оставались неподвижными.

Полсотни локтей разделяло их и несущихся чудовищ. Полсотни локтей – три мгновения, нет, два – до неотвратимого столкновения.

Керанраон и Кэнау, стоявший на колеснице рядом с бывшим Исполняющим Волю его, затаили дыхание.

Двадцать пять локтей, двенадцать шагов, прыжок парда...

Единым движением ряды урнгрия разомкнулись, и сто двадцать шесть тяжелых баллист разом ударили в краурхов. Сто двадцать шесть стрел-снарядов в шесть локтей каждый. Конечно, им не пробить броню гигантских крабов, но те, что попали в суставчатые лапы, переломили их. Направляющие сами остановили животных. Некоторые даже заставили своих крабов отступить. То был решающий миг! Если бы краурхи сейчас бросились вперед – они опрокинули бы строй урнгрия: чтобы перезарядить тяжелую баллисту, нужно не меньше минуты, а тут решали мгновения...

Но Черные Охотники не ожидали противодействия и потеряли эти мгновения. Этого оказалось довольно. Верховые стрелки выдвинулись вперед и разом выпустили в воздух тысячи стрел.

Направляющие были защищены от прямого выстрела краями панцирей, но по приказу Биорка стрелки били не прямо, а вверх, и стрелы, взмыв в воздух, описав высокую дугу, дождем посыпались вниз. И не меньше двух сотен угодили в спины крабов. Полтора десятка Направляющих были ранены, трое – убиты. Остальные, не дожидаясь следующего залпа, повернули краурхов назад и стремительно пересекли реку. «Синие» в панике шарахнулись назад: гиганты вот-вот обрушатся на них!

Керанраон сжал кулаки, с ужасом ожидая, что крабы сомнут его войско.

Но этого не произошло. Направляющие, уже на суше, ловко развернули краурхов и умчались вдоль берега в сторону джунглей.

– Слава богам! – прошептал Керанраон.

Сердце его готово было выпрыгнуть наружу. Он чуть-чуть не потерял цвет своего войска.

Первые ряды «синих», смешавшиеся во время оступления краурхов, уже выравнивали строй и вновь были готовы к атаке.

– Кэнау! – он обернулся к начальнику сарбурской гвардии. – Начинай!

В следующее мгновение тысячи всадников пришли в движение. Они покатались вперед, как разбушевавшиеся морские волны. Белые гребни шлемов казались пенными «барашками» на поверхности хлынувших вод. Сотня за сотней они выплескивались в Унару, сплошь перекрыв ее волнами прыгающих пардов.

С острова на них обрушился град стрел, но привести к сколько-нибудь серьезным потерям среди закованных в латы всадников и защищенных доспехами пардов это не могло. Вот уже первая тысяча выбралась на низкий берег и, перестроившись клином, ринулась вверх по склону – тяжеловооруженные всадники на ревущих пардах, с широкими наконечниками копий, выставленными из-за щитов. Гвардия Сарбура, тысяча «синих драконов», неслась вверх по склону на застывшие ряды северян.

Керанраон ожидал, что ряды урнгрия ринутся вниз, на его воинов. Именно так сделал бы он сам. Именно так вот уже сотни лет воевали в Конге. Неужели в Империи сейчас воюют иначе?

Произошло нечто неожиданное. Керанраон увидел: урнгрия уходят! Отступают к флангам! Подальше от удара «синих»! Вражеский полководец пожалел своих воинов! Керанраон возликовал. Ненадолго. Урнгурцы отошли, открыв стоящих за ними всадников Ганга и тяжелые баллисты! Сто двадцать шесть снарядов ударили в атакующий клин «синих». Это не было неожиданностью. Залп приостановил «синих», так же как и краурхов.

Но парды – не гиганские крабы. Они способны к более активным маневрам. Принявшие на себя удар снарядов первые два ряда сарбурцев, смешались, но следовавшие за ними не остановились. Слаженным отработанным движением задние начали выдвигание вперед. Всадники заставили пардов перепрыгнуть через упавших, «заткнули» бреши, и вот, вновь сомкнувшись, пусть и несколько поредевшая тысяча «синих» устремилась вперед. А позади уже строилась вторая тысяча.

Град арбалетных стрел внезапно иссяк. И наконец, к удовлетворению Керанраона, северяне вернулись к обычной тактике. Всадники Ганга, сплошная стена в четверть мили длиной, стена, состоящая из острых копий, серых щитов и оскаленных, исходящих пеной морд пардов, покатила вниз, навстречу сарбурцам.

Первая тысяча «синих» еще не успела уплотнить ряды, и северянам удалось оттеснить их вниз. Но центр приотстал, фланги вырвались вперед, и вторая тысяча «синих» ударила в правое крыло армии Биорка, словно наконечник копья. А несколькими мгновениями позже третья тысяча ударила в левое крыло. «Синие», сражавшиеся в центре, хотя и отступали понемногу, все еще держали всадников Ганга, и через брод по-прежнему выливался на остров поток латников.

Когда Керанраон увидел, как вторая и третья тысячи врубались в ряды противника и разрезали эти ряды, то решил, что замысел его удался. Он скомандовал сигнальщику, а тот передал приказ командирам четвертой и пятой тысячи «синих». Численно всадники Ганга равнялись сарбурской гвардии, но Керанраон был уверен, что его «синие» опрокинут северян. И они сделали это! Четвертая и пятая тысячи устремились в пробитые второй и третьей бреши – широкие просеки, усеянные телами павших.

Двумя потоками помчались к гребню холма сарбурцы. Опьяненные победой, не встречая сопротивления, они перевалили через голую вершину и увидели перед собой лагерь северян. Все четыре тысячи, опьяненные успехом, неистовые, распаленные, ринулись вниз, воплями подгоняя впавших в бешенство пардов, сметая все, опрокидывая шатры, круша шлемы немногих врагов, пытавшихся им противостоять. Раковины сотников победно хрипели, возвещая о победе стоявшему на своей колеснице Керанраону. Владыка Юга не видел больше своих «синих» – холм заслонил их – но он видел разорванные ряды северян. Он видел, как строится на противоположном берегу тысяча всадников из южного города Килана, как еще одна тысяча южан входит во взмученные воды Унары, а третья ждет на южном берегу, готовая двинуться, едва лишь вторая закончит переправу. Основная масса «синих» уже перевалила через гребень. Вперед, только вперед! Смести врага, разгромить его тылы, а потом, вернувшись, нанести сокрушительный удар в спину тем, кто еще сражается. Вот она, победоносная тактика конгайских всадников!

Лишь первая же тысяча сарбурцев осталась у переправы. Выстроившись в низине несокрушимой стеной, сдерживала всадников Ганга, не подпуская к переправе, связывая боем силы северян, пока еще превосходящие их численностью. Но это временно. Через Унару непрерывным потоком двигалось подкрепление.

– Мы взяли их! – воскликнул бывший Исполняющий Волю, звонко ударяя тысяцкого по наплечнику. – Мы...

И осекся.

Из-за гребня с двух сторон показались две черные ленты. С расстояния полутора миль они не казались чересчур грозными, а движение их – таким уж быстрым. Это шли урнгрия. Было естественным, что Биорк бросил их в бой. Не это встревожило Керанраона. Смолкли раковины его сотников на противоположном берегу. А потом ветер принес отчетливый звук рога. Керанраон узнал его голос. Рог начальника второй тысячи «синих»:

«Соедини ряды! К атаке!» – протрубил рог.

И больше Керанраон ничего не услышал из-за холма: урнгрия с двух сторон ударили в первую тысячу «синих»! Шум: вопли, грохот, лязг – утроился. Минута – и то, что не удавалось сделать всадникам Ганга, удалось воинам Рхонга! Ряды сарбурцев развалились, и бой для «синих» превратился в сечу, распавшись на множество отдельных схваток, в

которых копья сарбурцев намного уступают мечам фарангской Береговой Стражи, а жизнь зависит не от близости соратника, а от собственной ловкости и быстроты.

Ряды «синих» расстроились. Воины Рхонга вспороли сарбурскую тысячу, как клыки кугурра взрезают плоть добычи. Вспороли и обрушились на всадников из Килана. Керанраон заскрежетал зубами, видя, как унгрия разметали его солдат. Разметали и отогнали, чтобы затем серая волна тяжеловооруженных воинов Ганга накрыла остатки сарбурцев. А потом Керанраон увидел, как на склоне холма зашевелились баллисты, и понял, что сейчас произойдет.

– Вели трубачу: «Синим» – отступление! – рявкнул он. – Трубачу! Всем сигнальщикам! Быстро, Кэнау! Быстро!

Тысяцкого не надо было торопить. Он и сам понял, что ждет его всадников, и очень жалел, что подчинился Керанраону, оставшись с ним, вместо того чтобы умереть вместе со своей гвардией. Кэнау не тешил себя иллюзиями: там, за холмом, его «синие» столкнулись с основными силами (богам ведомо, сколько их там!) северян и вряд ли прорвутся к переправе. Но, может быть...

Латники Сарбура как смерч пронеслись по лагерю, подмяли лапами пардов виноградник у подошвы холма и вырвались на открытое пространство.

Вырвались и увидели четкие квадраты пехоты, застывшие в четверти мили от них.

Именно в этот момент и услышал Керанраон призывавший к атаке рог.

Пехота Биорка стояла по пояс в густой траве плотными четырехугольниками. Восемь тысяч. Четыре тысячи воинов-моряков из Тинга, Сонга и Кимона. И четыре тысячи береговых стражников. Это были лучшие пехотинцы Конга.

При виде всадников Керанраона они не шевельнулись и только тверже уперли в землю выставленные между щитов длинные копья.

Сарбурские латники бросились на них с яростью победителей. Широкие грудные клетки пардов, защищенные нагрудниками, белые клыки, белые, сверкающие наконечники копий, голубые щиты с гербом Конга и одинаковые грозные личины шлемов.

Парды ударили грудью прямо на выставленные копья. Ударили всей массой тяжелых зверей и облаченных в железо всадников.

И отхлынули назад, оставив у ног пеших воинов трупы латников вперемишку с бьющимися в агонии пардами. Пехота выдержала удар.

Но это было еще не все. Латники Сарбура снова перестроились. Сигнал – и они уже несутся на замершие ряды северян. Ближе, ближе... И вдруг – вместо оскаленных морд перед глазами воинов – мелькнувшие брюха пардов, а за спиной вопли, рычание, оглушительный лязг железа.

Парды «синих», высоким прыжком перемахнув через первые шеренги, упали на головы тех, кто стоял позади.

Обычная тактика. Лапы и клыки пардов разили с не меньшим эффектом, чем копья всадников, а грудь и живот каждого зверя были защищены многослойной паутинной тканью, какую нелегко пробить копьем.

Но, благодаря Биорку, пехота была готова к такой атаке. Солдаты не стали рассредоточиваться, как это обычно делали в Конге, а, наоборот, сомкнулись. У тех, кто стоял внутри, щиты были не овальными, как у передних, а прямоугольные, парные, с наваренными снаружи короткими острыми шипами.

Воины попросту вскинули их над головой, соединили краями и представили пардам поплясать на острых шипах в свое удовольствие. А как только появлялась возможность, в сплошном панцире возникала щель, из которой выскальзывало копье или ударял тяжелый арбалетный болт.

Одного раза хватило, чтобы отбить у «синих» охоту атаковать сверху. Но после того как «синие» разбросали лучшие тысячи всадников-северян, им было зазорно отступить перед пешими.

Ни один из начальников тысяч не помышлял об отступлении. Никто не услышал

сигнала и не заметил ракет. Разбившись на сотни, «синие» продолжали нажимать на солдат Биорка. Они разделились: одни обстреливали солдат из арбалетов, а другие кружили вокруг, выискивая слабинку, чтобы ударить. Пехотинцы отвечали им стрелами, но через какое-то время начали медленно отступать к северу, в сторону болотистой старицы.

«Синие» воспряли духом и участвовали атаки, хотя каждая стоила им крови. Зато сарбурцам удалось загнать все четыре тысячи пеших на песчаный мыс. Еще чуть-чуть – и они сбросят северян в воду!

Биорк посмотрел налево: последние всадники Керанраона поспешно карабкались на высокий южный берег, вдоль которого выстроились стрелки, готовые встретить возможную погоню.

– Ну, ну! – пробормотал вагар. – Вояки!

Несколько потерявших наездников пардов плыли вниз по реке.

Упряжки псов тянули к броду увязающие в мягкой земле заливного луга тяжелые баллисты.

На южном берегу эти действия не остались незамеченными. Скучившееся у реки войско начало поспешно отступать назад.

Биорк посмотрел налево: «синие», загнав на песчаную косу его пехотинцев, сгрудились бесформенной массой.

Вагар удовлетворенно кивнул и поднес к губам сигнальный рожок.

– Пора, пора, проснись, дружок! Беги скорее на лужок! – пропел рожок условленную музыкальную фразу.

Стоявший рядом Эрд улыбнулся. У Биорка, сына Эйрика, было своеобразное чувство юмора. Приглашение не осталось без внимания. Из роши, расположенной ниже по склону, с быстротой стрелы вылетели всадники Вига: четыре тысячи всадников, вмиг покрывших расстояние до песчаной косы, где еще продолжался бой. Четыре тысячи всадников на свежих пардах плюс неожиданность – и добрая сотня «синих» оказалась сброшенной в старицу. Увязшие по брюхо парды забили и истощно завывали. Всадники Вига навалились – и еще одна сотня «синих» оказалась в болотистой старице. Сарбурцы оказались стиснутыми между пехотой и всадниками. Их парды ревели и вставали на дыбы.

Виг взобрался на седло и выпрямился. Никто не пытался в него стрелять: каждый из сарбурцев не глядел дальше вытянутой руки – даже двое оставшихся в живых тысяцких.

– Конг! – закричал Виг, срывая голос, чтобы перекричать чудовищный бедлам. – Слушай меня, Конг! Сарбур, Фаранг! Конгаи! Довольно! Я обещаю всем вам жизнь и свободу! Конгаи! Довольно! Сарбуру еще понадобятся ваши мечи! Эй!

Ему удалось привлечь внимание. Его собственные воины опустили оружие. Виг сорвал шлем, чтобы всем было видно его лицо.

– Разве Конг воюет с Конгом? – закричал он. – Довольно!

– Хорошая речь! – сказал Биорк, до которого ветер донес каждое слово его военачальника. – Краткая и доходчивая. Сейчас они сдадутся!

И оказался прав. Гвардейцы Сарбура сложили оружие.

– Что ты собираешься делать дальше? – спросил Эрд.

– Видно будет!

– Нет, я имею в виду пленников.

– А! – Вагар беспечно махнул рукой. – Отберу оружие и отпущу. Конг не воюет с Конгом! Отличный девиз подкинул нам достойный Виг. Поехали, светлейший, пора принимать почести!

* * *

– Что ты собираешься делать теперь, мой господин? – мрачно спросил Кэнау у своего командующего.

– Я? Собираюсь!.. Пошли за Сёумом, тысяцкий! Пришла пора спустить его ящеров!

XIV

«Последние три ночи лета издревле у большинства народов Мира почитаются особенными. Многие полагают, что в ночи эти, а отчасти – и днем – Силы Мира пробуждают магию земли. У нас, в просвещенном Глориане, кое-кто склонен считать подобное суеверием. Я же имею собственное мнение на сей счет...»

Готар Глорианский. Магия и привычка

Конг. Междуречье. Предпоследний день лета тысяча двенадцатого года.

Пришел Час Тьмы.

Санги лежал на коврах внутри шатра и глядел вверх, в круглую прорезь, к которой сходились опорные шесты. Прорезь, чуть более светлую, чем стены шатра, с одинокой пылинкой звезды у самого края. Пришел Час Тьмы.

Санги ощутил беспокойство. Шатер его стоял в самой середине лагеря, и бдительная стража охраняла его, Но Санги вдруг показалось, что он – в ловушке. В западне, куда заманили его враги. Враги? Какие враги? Страх был беспричинным, но не бесплотным. Санги поискал у изголовья рукоять Белого Меча, не нашел и вспомнил, что отдал Клинок Асенаров Эрду.

«Беззащитен?.. Бежать!.. Надо бежать!..»

Мысли приходили, теснились, лишали равновесия...

«Бежать? – попытался сопротивляться Санги. – Куда бежать?» Здесь его охраняют...

«Здесь тебя стерегут!» – вторглась новая мысль.

Вздор! Полный вздор!

«Бежать! Куда угодно! Быстрее! Затеряться во тьме...»

«Туон! – позвал кто-то. – Туон!»

Санги вскочил на ноги. Он больше не мог оставаться на месте. Он не боялся, но он должен был что-то делать! Действовать!

Магическое зрение послушно открыло ему внутренность шатра, озарило его сумеречным серым светом. От этого, казалось, стало еще темнее. Мысль метнулась в будущее... И вернулась ни с чем. Она метнулась в Прошлое... И зацепилась за что-то...

Саркофаг!

Санги сосредоточился, скользнул сознанием по путанице нитей, напрягся и...

Саркофаг стоял посреди лесной поляны, сияя зеленым пламенем – таким же, как тогда, в подземелье озерного дома Ангнани. Санги не мог разглядеть, есть ли внутри него Нил, потому что все пространство вокруг Хранителя Жизни сплошь было заполнено зверьем. Зачарованным зверьем. Крысы, сидящие на спинах хуругов, змеи, положившие гладкие плоские головы на лапы лежащих кугурров... Все они, замерев, глядели на Саркофаг. Лишь иногда вздрогнет ухо или мигнет глаз...

И поляна эта была совсем рядом. Здесь, на острове, в лесу на западной его оконечности. Какая удача!

Санги надел сандалии и откинул полог шатра. Один из телохранителей, почувствовав движение, обернулся, но Санги отвел ему глаза – ему и всем остальным. Молодой маг знал, что должен идти один.

Никем не замечаемый, Санги быстро шагал по лагерю. Мимо тлеющих костров, мимо спящих на земле солдат, мимо шатров их командиров. Черных молчаливых шатров, вырастающих из темноты. Санги достиг границы лагеря, миновал часовых, которые тоже не увидели его. Теперь он двигался между ровными рядами низкорослых масличных пальм. Почва полого понижалась. Впереди замаячила фиолетовая масса леса. Санги еще не видел ее обычным зрением: слишком далеко; но уже чувствовал живую силу свободных от

человеческого попечения деревьев. Рыхлая земля подавалась подошвам сандалий. Теплый ветер, смягченный прохладным запахом реки, колебал шелковую рубашку...

Сеть упала неожиданно. Темные узлы затянулись на руках и ногах, липкий плат тьмы заклеил рот. Рывок – и ноги оторвались от земли, лишив Санти возможности почерпнуть из нее силу. Тьма вокруг затрепетала.

Длинная тень возникла впереди. Возникла, казалось, из самой тьмы. Черный капюшон был откинут. Костистое узкое лицо тлело зеленым огнем.

«Не бойся, Туон!» – прозвучало в мозгу.

Проклятье богов! Туон! Тайное имя, данное ему Этайей!

Вот уж чего Санти не ощущал сейчас, так это страха! Он был разгневан и возмущен. Его обманули! Его подманили, как щенка на сахар!

И тут Санти с удивлением увидел, как пленивший его опускается на колени:

«Туон! Мой повелитель!» – маг стоял на коленях перед повисшим в локте над землей Санти. «Туон! Дай знать рабу твоему, что принимаешь мою покорность! Прости мне невежество мое, Туон!»

Санти не понимал ровно ничего. Кто этот маг? Почему он сначала связал Санти заклинанием, а теперь пресмыкается перед ним?

И вдруг он ощутил! Внутри, в нем самом, нечто, зашевелившееся... Будто вдруг чувствует человек, как в его грудной клетке, рядом с сердцем просыпается еще одно, чужое, НЕ ЕГО! Только это было не в теле, а глубже, намного глубже и сокровеннее. Чужой, чуждый, враг, ВРАГ!

Санти задрожал от ненависти и ужаса. Он вдруг ощутил себя не более чем оболочкой...

«Туон... – прикоснулось к нему издалека. Иной голос. Такой знакомый и желанный: – Туон...»

Мощный-как-Пламя подскочил, завертелся, как шаровая молния, ослепительный, свирепый, разбрасывающий вокруг огненные, змеящиеся жгуты. Кольцо пламени забушевало вокруг него и Санти. Удар испепеляющего гнева убил даже корни травы, растущей внутри круга.

И дальний голос угас.

Остались трое: Санти, маг и тот, кто скрывался внутри, некто, несравненно более мощный, чем тайдуанский чародей. Некто, связанный, удерживаемый самим Санти, подобно тому, как его самого связывало заклинание тайдуанского мага. Нет, не так. Тот, что внутри, был частью Санти. Его силой, его ключом к Власти... Никто и ничто не сможет устоять перед гневом юноши, если тот, кто внутри, получит свободу. Тайдуанский маг, обманувший Санти, будет испепелен, как трава у него под ногами. Только отпусти – и...

«Нет! – оборвал мысль Санти. Это было желание, пришедшее извне. Недоброе желание. – Нет! Если этого хотят мои враги, значит, я не должен так делать!»

Кольцо огня сузилось, и голос мага раздулся в мозгу Санти, накрепко связав и мысль и то, что выше мысли.

«Он упрям, Повелитель! – прогрехотал Мощный-как-Пламя. – Но я сожгу его тело, пленитель твой выйдет и освободит твой дух!»

Жар лизал кожу Санти. Жег, но не сжигал. Что-то охраняло юношу, но чародей все вкладывал и вкладывал себя в бушующее пламя, надеясь, что сопротивление иссякнет. И Санти едва не погиб, когда понял, что это он сам, Жизнь его противится Огню Тьмы.

Чуть не погиб, потому что, осознав, нечаянно принял на себя власть над этой борьбой.

Но боль и ужас заставили его «уронить» эту власть за пределы собственного понимания. И пламя, на миг окутавшее его, опалившее волосы и ресницы, было отброшено.

Однако Мощный-как-Пламя был открыт Поток, а Хранитель Санти черпал лишь в себе самом. Сам юноша не ведал об этом, но Алчущий Силы – знал. И пока Санти надеялся, что энергия его – безгранична, Мощный-как-Пламя только и ждал, пока источник иссякнет, защитный кокон лопнет – и ничтожное тело, в котором возродилось Семя Великого, обратится в пыль.

Санги не знал об этом, пока Дирг, Слушающий Народа, не послал ему эту мысль. Он, Дирг, стоял в тридцати шагах, заслоняя себя от жара, что расточал вокруг огненный смерч тайдуанского мага. Дирг.

«Он не успеет! – дал знать Слушающий. – Я уже позвал рожденное с тобой!»

Санги не понял, что имеет в виду неожиданный друг, но Мощный-как-Пламя, до сих пор не обращавший на Слушающего внимания, чтобы не расточать Силу, в гневе метнул в Дирга огненную змею.

Дирг, сместившись, укрылся от удара. Алчущий был много сильнее Слушающего, но тайдуанцу сейчас не до Дирга. И тот знал об этом.

Санги воспрял духом и перестал ощущать жар, хотя оранжевые языки прыгали у самых глаз.

И тот, кого позвали, – пришел!

Черная огромная тень простерлась над тремя, заслонив половину неба. Тотчас опали языки, а рев пламени обратился в жалкое шипение. Мощный-как-Пламя упал на спину, как обороняющаяся кошка.

Серый повис над ним, взметнув и развеяв тучу пепла могучими ударами крыльев.

Маг не сдался. Физическую силу дракона он ухитрился отразить магией. Он был очень силен, Алчущий из Тайдуана, раз ухитрился удержать даже такого дракона!

Серый бил крыльями, но дотянуться до чародея не мог. А вокруг Санги вновь заплясали огненные языки.

«Помоги же себе!» – послал ему мысль Дирг.

Сначала Санги не понял его. Но мысль – это не слово. В ней – много больше, чем в слове.

«Себе? – переспросил Санги. – СЕБЕ?»

И осознал, о чем говорит Слушающий.

И ПОНЯЛ, КТО ЕСТЬ СЕРЫЙ ДРАКОН!

И одним только обретенным знанием сбросил с себя путы врага, как труху.

Он воспарил над землей, перенесся на те двадцать шагов, что отделяли его от дракона, и влил свое человеческое тело в существо, которое сам породил из себя силой своего желания. НЕТ, ОСВОБОДИЛ!

Гневная радость наполнила Санги.

ДРАКОН НАКОНЕЦ ПРОСНУЛСЯ!

Сокрушительная сила выплеснулась наружу и разметала защиту мага, как крылья дракона разметали пепел. Длинные челюсти разошлись, выплеснув наружу ликующий драконий крик...

Мощный-как-Пламя сжался в комок, голый, беспомощный. Его собственная сила была поглощена настоящей Силой. Треугольная голова дракона метнулась вперед...

«Нет, Туон! Нет!»

Пробившийся к нему отчаянный зов Этайи опоздал!

Длинные челюсти Серого зацепили Алчущего, вспороли ему грудную клетку, подбросили на десяток локтей вверх и, поймав, перекусили пополам. Обе половины тела мага упали на выжженную землю. И Нечто, запрятанное внутри Санги-Дракона, связанное, нет, уже не связанное, Семя Зла, вырвалось из драконовой пасти и тоже упало наземь.

Ужас объял молодого мага. А Нечто вспыхнуло и начало стремительно расти...

Собрав все свое мужество, Санги рванул к нему быстрой драконьей головой. Но опоздал. Боль ударила в ноздри, ослепила, отбросила прочь, лишила воли. И свет разума померк в человеческой душе Санги.

* * *

Море Зур. Последняя ночь лета тысяча двенадцатого года.

Серый дракон летел над морем. Внизу ветер все сильнее разгонял тяжелые черные

волны, заставляя их вспениваться, тряхти сверкающими во тьме гривами, взметывать массы воды навстречу низкому распухшему брюху неба.

Дракон летел вместе с бурей и потому не слышал ее визгливого воя – только приглушенные удары валов вниз.

Серый был Санти. Это его собственные крылья дрожали и гнулись под напором воздушных потоков. Это его веки прикрывали выпуклые зоркие глаза от сырого холодного ветра – Серый дракон был самим Санти. И в то же время он – творение Санти. И он тот, кого желание Санти вызвало из мира, что лежит вне Трех Миров, отделенный крепостью Сил. Санти призвал его и сотворил, вложив в серое чудовище из чужого мира собственную силу. И мир не отторг создание, потому что Санти сделал дракона собой. Потому что он, уличный певец из Фаранга, был рожден для того, чтобы вернуть в Мир ушедшую Силу. Вернуть Нечто, выброшенное вон из тысячелетия назад. Более древнее, чем нынешние берега Межземного моря. Сила, пред которой бессильны даже боги, ибо власть богов – от другого корня и не может навредить Нечто, как рука не может навредить воздуху. Нечто – плененное внутри Санти-Серого. Нет, теперь уже НЕТ!

И все это, клочки знаний, похожие на подхваченные ветром соленые клочья пены, носились, роились, опадали внутри Санти, заставляя разум корчиться и цепенеть: Санти-Серый Дракон-Туон-Темный – Семя Зла. Там, позади – Погоня, которую он принес в мир. Серое чудовище, машущее могучими крыльями и выплескивающее в пространство стонущий крик. Санти-Дракон-Темный. Единство, разорванное темным пламенем и белым клинком ярости.

Пошел дождь. Крупные капли падали сверху и разбивались о горячую спину дракона. Санти сильнее замахал крыльями, пронзая треугольной головой завесу воды.

Ударил гром. Санти обрадовался ему, как другу. Раскаты следовали один за другим. А он всё летел меж ветвящимися молниевыми стволами сквозь нарубленную на кусочки-миги вселенную. Он больше не кричал. Он радовался грозе, хотя потоки воды, падающие на крылья, прижимали его к бурлящему котлу моря.

Преследователь был близко, почти рядом, но вспышки молний, превратившие мир в тысячу отдельных картинок, мешали ему. Санти знал: преследователь боится их и каждый раз тратит часть сил на то, чтобы угадать, где вырастет новое ослепительное дерево.

Санти же – не боялся. Он знал, что Рождающий Молнии – на его стороне. И еще знал, что спасение – близко. И каждый взмах крыльев приближал Санти к его убежищу, хотя вокруг, на сотни миль, расстилалось лишь иссеченное дождем пространство. И все-таки спасение рядом, и у него с Санти – общее имя. Но общее имя – другое имя – было у Санти и с тем, кто стремился настичь его.

Дождь все усиливался. Санти летел, вперед и вверх, устремив голову к дымящимся тучам. Преследователь – рядом. Тем ближе, чем ближе Санти к спасительному укрытию.

«Когда-то я (Я?) победил его!» – пробила сквозь калейдоскоп образов чужая мысль.

«Я – дракон? Я —...»

У него не было слова, не было мысли, чтобы назвать. Он снова тонул в вихресплетении.

Собравшись воедино, Санти напрягся и вышвырнул, выдул из себя все лишнее, как ветер выдувает из ущелья опавшую листву.

И тогда одна-единственная, совершенно определенная мысль вошла в опустевшее пространство разума:

«Довольно того, что ты – ХОЧЕШЬ!»

И мысль эта была совершенно не от сего буйного мира. Твердая, как сама истина.

«Да, – осознал Санти. – Что мне разбираться во всем этом хаосе! Так я сам стану хаосом! Да! Если я желаю – и знаю, чего желаю!»

– Хочу! – сказал он вслух (из горла дракона вырвался пронзительный крик). – Хочу! – не пытаясь определить словом, но зная:

– ХОЧУ!

Дракон вскрикнул. В последний раз. Преследователь одним мгновенным (безвременным) прыжком оказался рядом и... Дракон исчез. Растворился во тьме.

А Санти – снова человек – кувыркаясь, полетел вниз, навстречу ярящимся волнам.

И был он спокоен и уверен, как никогда в жизни.

Он не упал. Некто обнял его невидимыми, но чувствующими руками, поднял и понес. Быстрее, чем несли крылья дракона. Бушующие волны слились в серую пелену. Ни одна капля дождя больше не касалась кожи.

Длился полет лишь короткое мгновение. Вновь ярость бури обрушилась на Санти. И опять понеслись навстречу черные злобные валы.

Когда во второй раз он был избавлен от ярости моря, Санти уже знал, кто спас его.

«Еще немного, Туон! Еще немного!» – прошептал ласковый голос.

Голос был далеко, но нежная сила, что несла Санти сквозь тьму, сила эта была – тут. Санти стало легко и покойно. Кажется, он даже заснул...

И проснулся от пронзительного крика, летящим вниз головой в пенный котел. Теперь никто не удержал его, Санти больно ударился о воду, захлебнулся ею, горько-соленой, теплой, рванулся, вынырнул, вновь оказался под поверхностью, завертелся в хаосе опускающейся и поднимающейся воды, забился, отчаянно работая руками и ногами, выкручиваясь из мощных объятий стихии, туда, вверх, к светлой, содрогающейся пленке...

...прорвался, жадно проглотил соленый воздух и оказался на самом гребне стремительно летящей в ночь волны. А потом вода ушла из-под него, будто провалилась. Санти ударился ногами, животом, спиной о возникшие ниоткуда камни, сразу обессилел и пошел вниз. Но не коснулся дна. Мощный поток подхватил его, вынес на поверхность. Юноша глотнул воздух... И новая волна вознесла его ввысь. Вознесла и опала.

В мозгу Санти ослепительно вспыхнуло, и мир исчез.

XV

«А учат так: сначала Мир был един: воды, воздух, твердь и время согласно подчинялись Неизъяснимому и были нераздельны. Но позже волей Своей разделил Он их, и стали порознь – Воды, Твердь и Небеса. Только время осталось единым. И отдал Неизъяснимый Небеса богам, Твердь – демонам, а воды – людям.

Но недоволен остался разделом царь демонов и смешал времена, и напустил на Мир тварей страшных и смертоносных, кои заполнили глубины и принялись пожирать людей. И бежали люди из вод на сушу, отданную демонам. Но и там рожденные от смешения времен твари преследовали их и пожирали. И не было оружия, способного убить сих хищников. И вымерли люди.

Опечалился Неизъяснимый. И разделил Мир по-новому. Небеса и Воды богам отдал, Твердь – людям живым, коих сотворил из ничего. А для демонов и падших душ человеческих сотворил из Тверди и Ложного времени Нижний Мир. А чтоб легче было людям на суше среди тварей страшных, сотворил он также животных с теплой кровью и мягкой шерстью, кои человекам служили.

Не удовлетворился царь демонов Нижним Миром и повелел подданным своим выйти и донимать людей, и мучить их, и убивать, чтоб обратились в души бесплотные и сходили в Нижний Мир к нему в повиновение. Вступились за людей боги, но мало было богов, а демонов – много. И опять истреблены были люди в мире, и еще более опечалился Неизъяснимый.

В третий раз разделил он Мир, определив каждому богу свое место, а над Нижним Миром и душами людскими поставил Калу-богиню. И сказал ей так: "Блюди их. Ибо придет время – и Я за ними приду". И в третий раз создал Неизъяснимый людей – из душ бесплотных, из бездн неведомых и из почвы земной. И даровал

немногим из них способность творить волебство. И иные искусства даровал: многие из коих ныне уже забыты. И стали люди сильны. И стали некоторые из них – как боги. И возмнили себя выше богов. И забыли Неизъяснимого. И истребляли братьев своих страшней демонов. И даже боги были бессильны, ибо исходила мощь повелителей магов из бездн неведомых.

И разгневался Неизъяснимый. И встал над миром День Гибели, имя которому – Эпоха Перемен, ибо длился он не один век, а что для Неизъяснимого – день, то для человека – вечность. И пали повелители-маги. И воды поглотили дворцы их и земли их. И стерлась память о них. И даровал Неизъяснимый миру Любовь свою – фьёлнов».

Тайская легенда

Нижний Мир. Безвремье.

Узкий челнок медленно двигался сквозь высокие заросли голубого тростника. Сквозь. Бесшумно. Неторопливо.

Нил Биоркит вытянул руку, и голубой стебель с выпуклыми перетяжками, гладкий толстый стебель, легко прошел через ладонь. Нил не ощутил ничего, даже легчайшего дуновения.

Он взялся рукой за тонкий, неестественно тонкий борт челнока. И пальцы его пронзили кору. Тогда Нил посмотрел вниз, на дно узкой лодчонки, дно, на котором сидел. И увидел свои скрещенные ноги и сетчатый рисунок на коричневой коре.

Высокие суставчатые стебли проплывали сквозь него. Нилу было немного неудобно, когда они «входили» в глаза.

Он снова взглянул вниз. Воды под челноком не было. А были те же голубые бесконечные стебли, уходящие в бездну.

Нил был наг. В отличие от того, кто сидел на носу челнока и ритмично взмахивал веслом, пересекающим голубой тростник. Плечи под оранжевым плащом мерно двигались. Гладкие черные волосы, доходящие до середины спины, покачивались в такт движениям. Широкая лопасть отталкивалась от несуществующей воды. Но челнок плыл. Летел сквозь бесконечные заросли. Или заросли наплывали на неподвижную лодочку?

Стояла абсолютная, неимоверная тишина. Казалось, хлопни в ладоши – и тишина останется такой же нетронутой...

Тростник поредел. Движения весла немного участились.

Откуда-то издалека донеслась слабенькая, едва слышимая мелодия. Она походила на первый ручеек, прорезавший ватный покров снега. Нежный высокий звук, почти свист. Пение крохотной серебряной флейты...

Заросли кончились. Дальше лежала бесконечная гладь озера. Черное неподвижное зеркало. А над головой – фиолетовое, однотонное небо. И два «глаза», глядящие с него вниз, с двух противоположных краев. Слегка задымленные глаза, бледно-синий и вишнево-красный. Живые. К свисту флейты примешались отдаленные стонущие звуки. Сердце Нила сжалось от их скорбной силы. Печальные крики приближались, становились все громче, все исступленней...

Челнок стремительно скользил по зеркальной воде, не оставляя следа на ее черноте. Нил огляделся. Со всех сторон расстилалось одно лишь озеро. И небо. Фиолетовое небо с невероятными живыми очами. И по этому небу летели некие создания. Они были белыми. Нил догадался об этом, хотя фиолетовый цвет небес накладывал свой тон на их белизну.

Создания, хоть и были велики, летели не так, как драконы, а, скорее, как урги: часто взмахивая крыльями. Они летели к Нилу, стремительно вырастая. Казалось, скорость их полета совсем не зависит от быстрых взмахов. Они приближались, и Нил сумел разглядеть

их морды, сужающиеся и заканчивающиеся подобием рога. Туловища существ напоминали корпуса шекк, а короткие хвосты – раскрытые тростниковые веера. Лап, казалось, не было вовсе. И еще они не отбрасывали тени. Когда белые громадные крылья мелькнули над челноком, Нил понял, что каждое из созданий вчетверо больше дракона и что им нет дела до челнока и тех, кто в нем. Белые существа пронеслись низко-низко, и слух Нила до краев наполнился томящим пронзительным криком.

Они пронеслись, оставив после себя странное чувство опустошения. И флейта смолкла. Может быть, она смолкла раньше, а Нил не заметил?

Челнок продолжал скользить по черному озеру. Долго ли? Нил не знал. Возможно, и самого Времени здесь не было.

А потом все странным образом перевернулось, и челнок застыл над поверхностью бесконечной плоской равнины. Вялая трава облепила гладкую поверхность, как облепляют голову редкие мокрые волосы.

Гребец положил весло и повернулся.

Лица у него не было.

Рука с невероятно длинными пятисуставными пальцами сделала недвусмысленный жест.

Нил поднялся на ноги. Он хотел перешагнуть через борт челнока, но неожиданно оказался стоящим на земле. А челнок «прошел» сквозь него, ринулся вверх, стремительно уменьшаясь, превратился в коричневую точку и пропал.

Небо из фиолетового стало багровым. Два его ока остались, но потеряли нежность цвета. Синий стал коричневым, а вишневый налился краснотой. Земля пока держала Нила. Босые ноги не чувствовали ни холода, ни тепла, ни жестких на вид стеблей ржавой травы.

Нил пошел вперед. Или назад. Направление не имело никакого смысла. Впереди – то, куда смотрят глаза. Позади – то, что за спиной. Через какое-то время Нил услышал звук собственных шагов. Это было незабываемое ощущение. А потом к звуку его шагов прибавился звук еще чьих-то. И еще. Это было похоже на эхо. Но когда эхо стало громче, чем его собственные шаги, Нил обернулся.

Толпа людей, тысяча, а может – несколько тысяч – двигалась за ним. Нил остановился. Остановились и преследователи. Да, он определенно знал – его преследуют. Но не знал – зачем.

Нил взгляделся в лица ближайших (те остановились шагах в сорока) и ужаснулся.

Все они были изуродованы. Страшные раны зияли в телах; разрубленные лица, у многих – культы вместо рук. Кое у кого не хватало ноги: такие опирались на плечи соседей. Один, без двух ног, сидел на шее у существа с разверстой грудной клеткой, выставив вперед обрубки, аккуратно отрезанные, будто отсеченные идеально острым топором. У того, на ком сидел безногий, в проломе ребер виднелось сердце. Оно не билось. Лицо сидящего повернулось в сторону Нила. Выражение его было искательно-жалобным, как у старого голодного пса. Темные, наполненные скорбью глаза глядели прямо на Нила. И не видели его.

«Моросы!» – подумал Нил и тут только вспомнил, что сам должен быть изуродован. Так же, как и эти существа.

Нил посмотрел на свои руки. Кожа на них была гладкой, чистой. Даже старые шрамы исчезли. Нил потрогал рукой лицо и удивился. Это было не его лицо. Нет, его! Прежнего Нила, каким он был до того, как удар корабельной мачты сплющил нос. И шрам на подбородке пропал. И глубокий рубец на шее, на три пальца ниже уха – след топора.

Толпа не шевелилась. Нил обнаружил, что большинство из моросов прежде были урнгрия. Но присутствовало и несколько бочкогрудых омбамту. И магхар, покрытый серой, с проплешинами, шерстью. Это те, кто стоял впереди. Остальных Нил не видел. Только бесчисленные головы.

И на лицах ближайших, на очень разных лицах, застыло одинаковое ищуще-выпрашивающее, бесконечно печальное выражение.

Нил смотрел на моросов и пытался понять: кто они? Зачем здесь? Для чего идут за

ним?

А потом вдруг увидел в четвертом ряду знакомое лицо. Хольдское. Да, Нил хорошо запомнил это лицо: благородный Готр из Атура. Он был первым, кого убил Нил, тогда еще даже не мужчина – юноша, почти подросток. Нил убил его на дуэли. Прямым ударом рапиры – в горло. И сейчас Нил видел черное пятно размером с мелкую монету там, куда вошел клинок.

И тут он понял, что это за толпа.

И невольно сделал шаг назад.

И тогда все они (он догадался!) увидели его!

Моросы бросились разом. Нил хотел бежать – ноги приросли к земле. Десятки жадных рук потянулись к нему. Пальцы их сжимались и разжимались, пытаясь через плечи соседей дотянуться до его плоти. Обступили со всех сторон. Нил подумал: сейчас разорвут в клочья. Но этого не произошло. Хищные скрюченные пальцы впивались – и не задевали. Проходили насквозь. Так же, как стебли голубого тростника. Изуродованные тела, безумные лица...

Моросы не прекращали своих попыток, и в сердце Нила проник страх. Он ощутил, что, и не касаясь, моросы что-то делают с ним. Что-то недоброе...

Он возвышался над ними – цель тысяч настойчивых, одинаковых движений. А призраки заполнили все вокруг, насколько хватало глаз. Нил не мог бежать сквозь них, потому что сама земля держала его.

Страх сменился ужасом, затем – гневом: как они смеют мстить ему? Разве есть среди них кто-то, кого он убил из пустой жестокости? Все они шли на него с оружием в руках! И мертвы потому, что лучшим воином оказался он, Нил!

И разве сам Нил жив?

– Прочь! – вскричал воин. – Подите прочь!

И небо над ним полыхнуло.

Родившийся смерч невидимым жестким крылом смешал обступившие Нила ряды. Вспахал их, разметал и унес прочь. Миг: завертелись вокруг руки, ноги, лица с вопящими дырами ртов – и втянулись в воронку на небе. Или – на земле.

Нил опять стоял один на плоской бесконечной равнине. Только травы теперь не было на ней, одна лишь бурая тусклая земля с разбросанными поверху скальными обломками. А небо и вовсе потемнело, налилось венозной кровью. Оно уже не освещало – напротив, само поглощало свет. Два ока стали черным и алым колодцами в бездне. Словно перевернулся мир и стоял Нил на небесной тверди, глядя на окутанную тьмой землю.

Однако надо было идти. Нил пошел прочь, в густеющую дымную мглу. И теперь острые камни впивались в босые ступни, а почва то становилась холодной, как лед, то обжигала, как песок пустыни.

Внезапно, прямо из мути тумана, возникла гора, вернее, подножие ее, из черного камня, напоминающего застывший лавовый потек. Запах тлена ударил в ноздри Нила. Он удивился: камень не может пахнуть так!

Нил положил руки на черный монолит – он был горяч – и воздух вокруг тоже стал горяч, хотя в горле от него возникал холод.

Нил сильно нажал ладонями на стену, радуясь почему-то ее прочности... И вдруг увидел то, что скрывалось за ней!

Он поспешно отдернул руки, попятился. Быстрее, быстрее... Затем повернулся и побежал так быстро, как только мог, перепрыгивая через обломки камней. А красная почва мелькала под ним, больно ударяла по обожженным подошвам. Нил, который так привык смотреть на мир с высоты собственного роста, как смотрят люди, которым обычен вид чужих макушек, показался сам себе крохотным, не больше ребенка.

Сперва он не сообразил, отчего так. А потом понял. Когда чудовище выпятилось из стены непомерной уродливой головой на морщинистой, обвисшей складками шее и, распахнув безгубый старушечий рот, нависло над ним. И глотка чудовища была тоннелем, который вел туда, за каменную стену, оставшуюся за спиной. За каменную черную стену, к

тем...

Сопротивляться было смешно! Просто смешно!

ТЫ ПОГЛОЩЕН!

Я? Я? Я, Нил Биоркит, поглощен? Поглощен!

– Ах-х-сс!

Голый человечек на голой каменной равнине внезапно распрямился, выбросил руки вперед. Ноги его прочно уперлись в шероховатый камень, мускулы напряглись...

Маленький голый человек, озаренный тусклым красным свечением, медленно поворачивающийся на чуть согнутых ногах, сосредоточенный, беспощадный, обводящий взглядом голую красную землю.

Голая красная земля, крохотная шероховатая грань, плоская грань камешка, балансирующего на острие иглы.

А человечек на ней, он почти не виден...

Два вывернутых колодца, два темных глаза – в небе над ним...

Нил, с гулко бьющимся сердцем, оглядывается, щурится, выискивает опасность, выжидает. Сосредоточенный, неторопливый, вызывающий...

Из туманных лент появляется Нечто. Нечто, идущее к нему. Бесформенное и лишшающее формы... Непреодолимое...

Маленький мускулистый человечек на плоской равнине. Песчинка...

Я ХОДАТАЙСТВУЮ ЗА НЕГО!

Голая мускулистая спина. Между Нилом и Нечто. Заслонившая...

Тот, кому принадлежит спина, поворачивается – и оказывается мужчиной, пожилым сутуловатым мужчиной на кривых ногах, с тяжелыми покатыми плечами и большим животом. Голым, не особенно видным мужчиной, однако же вдвое превосходящим ростом Нила Биоркита. Вдвое?

А голый мужчина уже подошел, слегка переваливаясь, положил мясистую ладонь на голову Нила, растрепал волосы:

– Я, ТУР,

ХОДАТАЙСТВУЮ

ЗА ЧЕЛОВЕКА.

КАЛА!

ОН МОЙ!

– (МОЖЕТ), ОН (ЗАХОЧЕТ) ОСТАТЬСЯ? (Голос женщины. Голос, услышав который, можно без сожаления умереть.) – ОН ХОРОШ ДЛЯ МЕНЯ!

– ОН – БОЛЬШЕ!

– КТО – ОН? ГОВОРИ!

– ГОВОРИ! – тяжелая ладонь слегка нажала на затылок Нила.

– Я – Нил Биоркит! (трудно шевелящийся язык во рту.)

– КТО?

– КТО?

– Я... – уже более твердо, – человек Нил Биоркит!

– ЭТО – ВСЁ?

– Да.

– ДА!

– ИМЯ СКАЗАНО!

– ИМЯ НАЗВАНО!

Красное стало желтым, потом синим, потом...

Тур стоял, чуть ссутулившись. У него были жилистые босые ступни с толстыми, неровно остриженными ногтями. Очень усталое широкое лицо, основательное и некрасивое. Пожилой мужчина, немало потрудившийся в жизни. Но в теле его – мощь. И мощь эта – не Сила (хотя так звали его), а МУЖЕСТВО.

– Пойдем, – сказал бог Нилу. – ТЫ УНЕС СТОЛЬКО, СКОЛЬКО ЗАХОТЕЛ! А ЛУЧШЕ

БЫ – СКОЛЬКО СМОГ! ХОТЯ И ЭТОГО, ВЗЯТОГО, НЕ ТАК УЖ МАЛО! – и подмигнул темным набрякшим веком.

– ЧЕЛОВЕК НИЛ БИОРКИТ, ПОЙДЕМ!

XVI

«В прежние времена жил в стране Эдзам, что на юго-востоке Красной Земли, великий человек.

Не эдзак был человек сей, от нас пришел, с севера, спустился с гор.

Магом был сей человек, магом-воителем. И склонялись люди пред ним. Тем привлек он к себе вождей трех племен. И еще три племени покори́л Силой.

Как-то слышал маг, что появился в Эдзаве пророк, многими прославляемый – Фахри Праведный.

И, завидуя славе его, послал маг вестника, предлагая пророку померяться силой. Встать против мага-воителя, против всадников его, неутомимых в сече.

И получил в ответ одно лишь слово:

"Иду!"

Тогда собрал маг войнство свое: двенадцать дюжин всадников и еще восемь дюжин. Промыслил назначенный день и пришел в пустыню, что у южного подножия горы Махар.

И увидел пророка.

Фахри пришел один.

Тогда сказал маг своим воинам:

– Возвращайтесь в шатрам!

И шагом неторопливым выехал навстречу пророку.

– Вот я! – сказал Фахри. – Хочешь ли услышать истину?

– Я – моя истина! – возразил маг.

И налетела буря. И примчались звери огненные.

Качнул головой пророк – и хлад объял мир!

И угасли звери.

И онемели уста мага-воителя.

А потом исчезли оба: маг и пророк.

Люди же, те, что пришли с магом, вернулись после на то место и увидели, что все оно покрыто снегом и глыбами ледяными. И никакой жизни не было заметно вокруг.

После услышали они, что жив Фахри Праведный. Жив и пророчествует.

О маге-воителе же – не было вестей».

Хольдская сказка

Конг. Междуречье. Последний день лета тысяча двенадцатого года.

– Дирг! Ты звал меня? Вот я!

Эйрис коснулась лица Слушающего. Дирг лежал навзничь между корнями старого буока.

Огромный кугурр, сторожащий его покой, опустил на передние лапы массивную голову и глядел на Эйрис неподвижными, рубиновыми глазами. Он знал женщину. Так же, как и серая змея, доставшаяся Диргу от учителя, прежнего Слушающего. Плоская голова змеи с черным крестом на затылке покачивалась над макушкой Эйрис. Ее укус в один миг убивал хуруга. Как ни слаба была воля Дирга, но звери не покинули его. Кугурр – из любви. Змея – из послушания.

Губы Дирга шевельнулись.

– Да,– прошептал он.– Я звал тебя, сестра! Несмех – он жив?

– Ранен,– Эйрис положила руку на грудь Слушающего, переливая в него часть своих сил.– Теперь он поправляется! Воин с севера вложил в его рану чудодейственное лекарство, черную смолу, в которой заключена...

– Да,– слабым голосом перебил ее Слушающий.– Смола из Урнгура. Еще?

– Человек Керанраон начал войну.

– И проиграет! – прошептал Дирг.– Его победа высшим не нужна!

– Они сражаются! – произнесла Эйрис.– И уже погибли наши братья! Сёум...

– Не виноват! – возразил Дирг.– Продлится битва час или больше. Погибнет больше тысячи людей!

– Это их Судьба,– равнодушно сказала Эйрис.

– Керанраон захочет помощи сиргибров! – лицо Слушающего утратило цвет сухой земли – сила Эйрис подкрепила его.

– Пусть Сёум решает! – сказала Эйрис.– Он начал войну вместе с человеком. Пока Несмех спит, Сёум будет делать, что скажет Керанраон. Погибли Охотники! Сёум хочет мести!

– Сестра! Ты слушай! Высшим не нужна смерть тех, кто там, на острове, но им нужна (так будет!) гибель белолицых!

– Соххоггоев?

– Да!

– Что я должна сделать?

– Немало! Скажи, ведь ты не привезла Несмеха в лагерь после поединка?

– Ты не знаешь?

– Нет! Я... творил по воле Высших!

– На нас напали! Мне понадобилось много времени, чтобы освободиться! Пока я сражалась, пард унес Несмеха далеко и так устал, что должен был отдохнуть.

– А кто напал на вас?

– Соххоггой! Они хорошо сражаются! – В голосе женщины было уважение.– Мне понадобилась вся моя сила, чтобы победить!

– Ты их запомнила? – спросил Дирг.– Вид, запах?

– Да!

– Хорошо, сестра! Ну, вспоминай! – Слушающий коснулся ее сознания, и Эйрис увидела, что ей нужно делать.

Диргу потребовалось время, чтобы восстановить силы, ушедшие на передачу мыслеобраза. Эйрис ждала.

Кугурр уснул. Но даже во сне уши его двигались, ловя доносящиеся звуки.

– Ты знаешь, кто такой Освободитель? – спросил Слушающий после долгого молчания.

– Нет.

– Твой сын!

– Отчего ты не сказал прежде? – сухо спросила Эйрис.

– Не знал я. Высшие вчера лишь мне открыли это! Я слаб, сестра!

Эйрис положила руку на лоб Дирга и сосредоточилась. Язычок змеи коснулся ее уха, но женщина не обратила на нее внимания. Сила перетекла.

– Ну все, сестра, довольно,– то был не шепот умирающего, а голос прежнего Дирга.– Слушай: Керанраон не властен над Судьбой! И над своими мыслями не властен! Им управляли! И не только им! Вчера той сын поверг сильнейшего из магов. Война закончена. Керанраон не станет рваться в бой, когда узнает, что Эйрис увела сиргибров!

– Но Сёум,– заметила женщина.– Он может не согласиться! Конечно, я могу его убить...

– Да, ты – Харрок! Сёум... Тебя он любит, сестра! И я велю ему помочь! Иди и делай! Время истекает!

Двадцать шесть покинувших Владения соххоггоев расположились в маленькой деревушке, затерянной в джунглях. Жителям ее сохранили жизнь – чтобы было кому прислуживать.

Двадцать шесть Властителей. Двенадцать мужчин, десять женщин и четверо подростков. Сначала их было больше, но не все смогли сдержать клятву и оставить взаимную Игру. Те, кто не мог, – ушли.

Остальные же приняли новое условие. И выполнять его было тем легче, что каждую ночь им удавалось захватывать не меньше двух дюжин хобов. Только мужчин, к сожалению. Но крепких телом мужчин, с каждым из которых можно было развлекаться хоть двое суток подряд.

Эти двадцать шесть знали, что кроме них в джунглях есть другие Дети Истинного. Они встречались с ними во время ночных охот. Но встретившись, проезжали мимо, будто не видя. Такова была новая Игра.

После жизни в замках сон на охапках травы под ветхими крышами лесных хижин казался великолепным по новизне развлечением. А обилие хобов для упражнения в искусстве радовало сердце и разнообразило мысли.

К середине дня лишь трое из схваченных остались в живых. Этих приберегли напоследок, чтобы поразвлечься вечером, когда выпавшиеся Дети Истинного соберутся к ужину перед ночной охотой.

Сейчас эти трое, когда-то – воины Керанраона, а теперь полубессознательные тела, подвешенные за руки и за ноги к ветвям деревьев, почти не воспринимали окружающее. И это было огромным благом. Ведь пленники стали свидетелями того, как развлекались соххоггои, зная, что рано или поздно придет и их очередь.

Деревушка – часть леса. Разве что деревья здесь потолще, а подрост выкорчеван. Маленькие круглые хижины, сплетенные из лиан и покрытые листвой, казались скорее растениями, чем постройками; так же как и те, кто строил их, по образу жизни больше походили на животных, чем на людей. Дичь соххоггоев.

Гилан, сарбурский воин с трудом разлепил веки и увидел на расстоянии вытянутой руки чудовищную, красно-зеленую морду с коротким заостренным рогом, торчащим за щелями ноздрей.

Вероятно, он по-прежнему бредил.

Морда была в локоть шириной. Пасть приоткрылась, показав два ряда острейших зубов.

Гилан не испугался. Хуже не будет.

Тела Гилан не ощущал – только боль, красным дурманом распирающую голову.

Морда приблизилась и обнюхала висящее тело.

– Саххумува! – прошептал соххоггой-часовой, разбудив временного предводителя, спящего под деревом на подстилке из свежей травы. – Посмотри!

Соххоггой мгновенно проснулся, сел и поглядел в указанном направлении.

Здоровенный ящер, локтей десять длиной, стоял на задних ногах и подталкивал рогатой мордой тело одного из хобов.

– Хорахш? – поинтересовался часовой.

Саххумува покачал головой.

– Нет! Это – другой!

Оба соххоггоя совершенно не испугались, напротив, были приятно удивлены. И предвкушали развлечение.

Ящер толкнул мордой подвешенного человека, и тело конгая закачалось на паутинных тросах.

– Сожри, сожри его, тварь! – возбужденно проговорил Саххумува, вскакивая на ноги.

Ящер, услышав звук, резко повернул голову. Теперь он глядел прямо на соххоггоев.

Саххумува остался спокоен. Когда-то он охотился на молодых хорахшей и знал: ящер никогда не станет искать другой добычи, если под носом – готовый обед.

Зверь полностью развернулся. Ноздри его расширились. Он принюхивался.

– Ну же! – поощрил ящера Саххумува. – Хватай его! Хватай скорей!

Только когда ящер прижал к груди передние лапы и начал клониться вперед, соххоггой заподозрил опасность.

Его предупреждающий крик опоздал. Толкнувшись задними ногами, сиргибр одним прыжком покрыл разделявшие их двадцать шагов. Саххумува отпрянул в сторону, покатился по траве, подхватив меч, лежавший рядом. А вот его сородичу повезло меньше.

Выброшенные вперед лапы сиргибра сжались с костяным треском. Соххоггой отпрыгнул назад и схватился за рукоять секиры, но длинная передняя лапа ящера в этот же миг сцапала его за беловолосую голову и подбросила вверх.

Саххумува отчетливо слышал хруст переломившейся шеи.

В этот момент он мог бы ударить хищника мечом, но, имея опыт охоты на хорахшей, сообразил, что такой удар вряд ли повредит зверю. Поэтому он просто шагнул назад и укрылся за ближайшим стволом. Пока ящер будет пожирать добычу, он успеет скрыться.

Из соседней хижины выскочили на шум два соххоггоя с оружием в руках.

Сиргибр тут же ухватил одного из них передней лапой и сунул в пасть, а на второго наступил задней, раздавив ребра.

Арбалетная стрела воткнулась в шею ящера. Сиргибр кашлянул и выплюнул того, кого держал в пасти. Голова на длинной шее поворачивалась из стороны в сторону. Окровавленная морда приняла озадаченное выражение: десяток соххоггоев окружили его.

Еще одна стрела воткнулась в алое пятно на затылке ящера. Сиргибр закричал и одним прыжком перемахнул через головы людей. В воздухе свистнуло еще несколько стрел. Саххумува, укrywшийся за деревом, подумал, что ящер убежит. Но сиргибр развернулся и упал на передние лапы. Его голова мотнулась из стороны в сторону и опрокинула двух соххоггоев. Причем одному из них рог пропорол спину. Кто-то рубанул ящера мечом... и остался без руки. Метательный нож отскочил от выпуклого «умного» лба ящера, и еще один соххоггой расстался с жизнью. Тут остальные, наконец, сообразили, что к чему, и бросились врассыпную.

Саххумува подпрыгнул и, ухватившись за нижнюю ветку, вскарабкался на дерево. Вовремя. Рядом раздался оглушительный треск, и огромная масса стремительно пронеслась через кустарник. Саххумува увидел, как с полдюжины сиргибров выскочили из джунглей. Никто не успел ни скрыться, ни забраться на дерево.

Переловив тех, кто пытался убежать, ящеры вернулись в деревню, обнюхали каждый куст, развалили пару хижин и прикончили еще троих. Последних. В живых остался один Саххумува. Если не считать подвешенных конгаев, на которых ящеры не обращали внимания. Но и Саххумува мог не обольщаться. Глаза сиргибров то и дело обращались в его сторону, и соххоггой знал: ящеры видят его, несмотря на листву. Тем более что два зверя уселись прямо под деревом, на котором он сидел.

Сиргибры приступили к трапезе. Вскоре один из «сторожей» вскочил и убежал, но через некоторое время вернулся, неся в пасти тело соххоггоя. Саххумува решил, что ящер сожрет добычу, но тот бросил труп к ногам второго «сторожа». Сиргибр взял тело передними лапами и принялся отрывать от него огромные куски, не сводя при этом с Саххумувы огромных черных влюбленных глаз.

Прошел час. Ничего, кроме пятен крови, не осталось от соххоггоев. Ящеры сожрали всех убитых и разбрелись по лесу. Но один остался. По-прежнему сидел под деревом с приоткрытой пастью и ждал, вероятно, когда же Саххумува свалится ему в лапы.

«Пора уходить!» – решил соххоггой.

Встав на ветку, он двинулся по ней, а когда она пересеклась с ветвью другого дерева, перепрыгнул на нее и побежал в сторону ствола. Потом от второго дерева так же перебрался на третье. Он был уверен, что ушел от ящера.

И очень удивился, когда обнаружил хищника прямо под собой. Сиргибр преследовал его с настойчивостью гурамского следопыта, но, в отличие от следопыта, он ухитрялся

видеть соххоггоя даже сквозь кроны деревьев.

Так они и двигались по лесу до самых сумерек: вверх – соххоггой, вниз – ящер.

* * *

Северный Конг.

Начало осени тысяча двенадцатого года.

Башня была очень древней. Тысяча лет, а может – и три тысячи. Некогда высота ее превышала сто локтей, теперь же, когда уцелели только два уровня – лишь три человеческих роста. В прошлом с вершины башни открывался вид на море Зур. Теперь вокруг стоял лес и сама она – намного ниже, чем макушки деревьев. Башня считалась проклятой. Может, оттого, что ни одно дерево не росло ближе чем в тридцати шагах от растрескавшихся стен. Или оттого, что едва ли не каждую ночь в провалах окон мерцали неверные синие огни?

Но в последний месяц в старинной башне начало твориться и вовсе устрашающее. Уже не бледные сполохи мерцали внутри – желтым светом загорелись окна уцелевших комнат. И не только желтым, но – багровым, ослепительно белым, мертвенно зеленым. Глухие тяжелые удары слышались изнутри, а иногда и вопли, от которых холодела спина и язык прилипал к гортани.

В башне поселился демон!

Так решили те, кому пришлось побывать неподалеку от проклятого места. Но таких и прежде было немного, а в последнее время и вовсе не осталось. Даже ночные путешественники, коим случалось ехать вдоль побережья, в близости опасного места пускали пардов вскачь.

Корабль Грома решительным взмахом руки разорвал сеть заклинаний. Раздался хлопок, и комната озарилась малиновой вспышкой. Корабль Грома помедлил немного, а потом принялся плести новую сеть. Он был очень упорен, этот Алчущий Силы из Гурама. День за днем, без отдыха, без сна, сплетал он одну сеть за другой, прерываясь лишь раз в день, чтобы съесть пищу, приготовленную слугами, и справить нужду.

День за днем, ночь за ночью постигал он силу чудесного предмета. Порой казалось: суть его вот-вот откроется, но каждый раз недоставало самой малости. Зато сама сила, скрытая в чудесной вещи, питала его, наполняя жизнью иссушенное тело. А если таковы крохи, слетающие с поверхности, то что же таится в глубине?

Смешно! Мощный-как-Пламя, этот Владыка Сил, так и не понял, что ему досталось! Понял бы – никого бы не подпустил! А теперь он, Корабль Грома, владеет сокровищем. Одно маленькое заклинание – и у него будет все! Как только он откроет Вещь и обратит ее – Три Мира лягут у его ног. Мощный-как-Пламя силен, но неразумен! Вот знак, что время его ушло. Кораблю Грома нужна Сила! Он получит ее, и тогда ни маги, ни фьельны, ни Воплощенные не устоят перед гурамцем.

Новое заклинание угасло, не став Ключом. Ничего страшного: каждый миг, проведенный у Вещи, не ушедший, а пришедший миг. Вот истинное сокровище!

И он принялся за следующий клубок.

Хранитель Жизни озарял стены комнаты нежным зеленым светом. Странно было то, что лицо человека сквозь его прозрачные стенки выглядело розовым, а не зеленым.

Корабль Грома пробормотал несколько слов. Мерцание огоньков внутри Саркофага усилилось. Такое бывало и прежде. И маг продолжал говорить. Прервал его нежный хрустальный звон.

Корабль Грома увидел, как в прозрачной стенке возникла тонкая темная ниточка. Возникла и начала расширяться. А сияние становилось все ярче и ярче. Вся комната наполнилась сиянием, ослепительным, как полуденный свет. Хрустальные колокольчики пели. Верхняя половина Саркофага медленно поднималась вверх.

Корабль Грома, наклонясь вперед, жадно глядел на неподвижное лицо, медленно всплывающее из глубины сияющего вещества, заполнившего Саркофаг. Огромная

сгорбленная тень мага замерла на противоположной стене комнаты.

Широкое лицо Нила прорвало невидимую пленку, веки дрогнули...

Алчущий Силы потянулся к нему коричневой, похожей на лапу ящерицы, рукой...

Глаза Нила открылись.

Чародей набрал в грудь воздух, собираясь произнести слово Власти...

И не успел.

Могучая рука сжала морщинистую шею.

– Хей! – сказал Нил, растягивая рот в ухмылке. – Давно не виделись!

И выбрался из Хранителя Жизни, продолжая крепко держать гурамиди за горло.

Корабль Грома был удивлен. Но даже не пытался оторвать от себя руку Нила. Собственно, гурамиди был магом такой силы, что задушить его было невозможно. А жить восставшему из мертвых Нилу оставалось не больше мгновения...

– Хоп! – сказал великан.

Ноги мага оторвались от каменного пола, и он, описав в воздухе дугу, упал в лоно раскрытого Саркофага.

В конце концов, Нил тоже был магом, хотя всего лишь второй ступени.

Корабль Грома забился в клубящемся свете субстанции, заполняющей Хранителя Жизни. Но магия Хранителя была посильней любого из темных чародеев.

– Отдыхай, старина! – напутствовал его Нил и двинулся к выходу из комнаты. За его спиной хрустально перезванивались колокольчики. Стенка Саркофага медленно опускалась.

– Как дела, парни?

Трое игравших в кости подняли головы и уставились на обнаженную фигуру, возникшую в дверях.

– Я спросил: как дела, парни? – напомнил Нил и шагнул вперед.

Игроки пришли в себя и молча бросились к оружию.

Нил встряхнул плечами, разминаясь. Он не понимал, как здесь очутился, но чувствовал себя прекрасно.

Воины схватили мечи и двинулись на него. Их лица не обещали ничего хорошего.

– Я же только спросил, как дела! – удивился Нил. – А вы уже хотите меня убить. Это несправедливо.

Он отступил назад и оперся рукой на край массивного стола.

– Ох-хо! – вздохнул он. – Не успеешь глаза протереть...

Быстро наклонившись, великан ухватил одну из шести ножек и с разворотом метнул стол, весивший столько же, сколько он сам, в надвигавшуюся трицу.

Двоих попросту смело и придавило к стене. Третий ухитрился увернуться. Лицо его стало бледней хорошей бумаги. Воин выставил меч, но у него уже и в мыслях не было напасть на Нила.

– Кыш! – сказал ему великан.

И парень выскочил наружу, не заставив себя уговаривать. Топот парда возвестил о том, что Нил не скоро увидит горе-вояку.

Двое остальных, примятые целехоньким (какова работа!) столом, судя по стонам и слабой возне, были живы. Когда Нил подошел ближе, они притихли. Их мечи, два надежных конгайских клинка, валялись на грязном полу.

Нил повернулся к стене, где стояло несколько шкафов, распахнул их и принялся копаться в одежде.

Здесь хранился целый гардероб: от хольдской меховой куртки до гурамских женских шаровар из сетчатого шелка. Но больше всего было конгайской одежды.

Для начала Нил обмотал вокруг бедер повязку. Потом подыскал достаточно широкие штаны с медными пряжками. Они едва доставали Нилу до колен, и штанины пришлось надрезать, но это было лучше, чем ничего. Надрезать пришлось и кожаную безрукавку. Вот и все, что Нилу удалось подобрать, если не считать поношенных сандалий.

Дверь оставалась открытой, и сын вагара выглянул наружу. Перед ним была заросшая

короткой травой поляна, за которой начинался лес.

Судя по запаху, южный лес. Воздух теплый и влажный. Но болотом не пахнет. Пахнет морем. Явно не Урнгур.

Последним воспоминанием Нила была сотрясающаяся земля, грохот и, сквозь пелену боли, лицо наклонившегося над ним Санти. Нет, конечно, это не Урнгур!

Сын Биорка вернулся в дом.

«Не худо бы перекусить»,— подумал он.

В соседней комнате нашлась кое-какая пища. А валявшаяся на полу фляга содержала дюжину глотков вполне приличного вина. Жаль, что большая часть вылилась на пол!

Один из придавленных, не удержавшись, застонал. До сего момента оба притворялись мертвыми.

Допив вино, Нил встал. Взяв со скамьи перевязь, он превратил ее в пояс, на который нацепил один из мечей и кинжал в деревянных, обтянутых кожей ножнах. Кинжал, действительно, хороший, из темного металла, обоюдоострый, в две трети локтя длиной. Кроме того, в ножнах оказались сапожный ножик и шило.

Нил, любивший хорошее оружие, остался доволен. Теперь предстояло обойти дом и определиться.

Осмотр дал сыну Биорка немного. Дом оказался не домом, а первым этажом сторожевой или богам ведомо какой башни, построенной довольно давно, и почти развалившейся. Помещения внизу и пара комнат на втором этаже были приведены в относительный порядок. Мебель внутри явно моложе стен. Архитектура башни ничего не говорила Нилу. А ведь он совсем неплохо разбирался в военных сооружениях!

Глядя на звездную россыпь в проломе потолка, в одной из комнат верхнего этажа, Нил решил: скорее всего, он – в Конге. Или в Эдзаме. Судя по обстановке внутри башни, это все-таки Конг.

Спустившись туда, где стоял Хранитель Жизни, великан задержался, с любопытством оглядел Саркофаг, погладил его рукой, понаблюдал за плавающим внутри магом. Корабль Грома висел в зеленой субстанции. Одежда уже растворилась. Тело мага было жилистым, тощим и темным, как хурдская сосна.

Нил решил, что магу внутри неплохо. Зеленое сияющее вещество выглядело дружелюбно. Каково было ему самому там, внутри, воин вспомнить не мог. Нил посмотрел на свою руку, лежащую на гладкой поверхности Хранителя, и вдруг с удивлением обнаружил, что на тыльной ее стороне нет ни одного шрама: совершенно гладкая кожа.

– Вот так так...– пробормотал он и потрогал нос. Вместо широкой лепешки пальцы обнаружили вполне приличный орган обоняния, точно такой, каким он был от природы, пока обломок фок-мачты не сравнял его с поверхностью лица.

Нил взглянул на Саркофаг с новым уважением. Исправленный нос впечатлял посильнее, чем сросшиеся кости.

«Ладно! – сказал он сам себе. – От мага уже ничего не добьешься. Не надоело ли моим приятелям прикидываться падалью?»

И он вернулся в комнату у выхода.

Ставив с двоих прислужников мага стол, он обнаружил, что вид у обоих – не слишком-то восторженный.

Выглядели они так, будто по ним прошел дикилидокс. У одного сломана нога и рука, у второго – только нога, но нос стал в точности таким, каким был у самого Нила в недавние времена.

Оба больше не притворялись мертвыми, а затравленно глядели на великана.

– Вы честно отвечаете на мои вопросы,– сказал Нил,– и я оставляю вас живыми!

Оба молчали. Только злобно глядели на Нила.

Можно было, конечно, побеседовать с ними основательней, но у сына Биорка было слишком хорошее настроение, чтобы выполнять работу палача.

– Дело ваше,– проворчал он. – Хотите подохнуть – подышайте!

Не слишком церемонясь, он обыскал их и обнаружил два кошель с довольно приличной суммой. Большинство монет оказались конгайскими. Это окончательно уверило Нила в том, что он – в Благословенном Конге.

Одна из больших комнат на первом этаже башни была переделана под стойло. Там, на охапках травы, лежали три упитанных парда. Великан оседлал всех троих, набил седельные сумы съестным, которое нашлось в доме, и прихватил пару плащей – на случай, если придется ночевать в лесу.

Пожелав глядевшим на него угрюмо и тоскливо раненым, приятных сновидений, Нил покинул башню, не забыв напоследок припереть ее дверь поленом.

Парды сами нашли дорогу, и через несколько минут он уже глядел с обрыва на пенное море Зур.

XVII

«Очерти круг и сделай его продолжением себя. Пусть сила твоя хранит его целостность, как хранишь ты собственное тело. Сделай так – и станешь непобедимым. Ибо лишь отмеренное число врагов может одновременно преступить границу твоей целостности, сила же вставшего на Путь – безгранична».

Мангхэл Сёрк. Правило тридцать девятое

Фаранг. Начало осени первого года после Прихода Освободителя.

Утро застало Нила на южном берегу Фарангского залива, в шести милях от крепости Кимон. От Кимона до Фаранга – отличная дорога. По ней сейчас и ехал сын вагара. Саму крепость Нил миновал ночью, в объезд, здраво рассудив, что так будет безопаснее.

По обе стороны дороги тянулись поля. Справа за ними виднелся краешек моря.

Встречные, большей частью крестьяне, слышав топот лап, с опаской отодвигались к обочине. Погонщики волов, везшие в Фаранг продукты, с подозрением поглядывали на вооруженного всадника с двумя пардами в поводу. Приятной неожиданностью для Нила было отсутствие патрулей Береговой Стражи. Впрочем, рассудил он, здесь, под защитой двух крепостей, в них нет особой надобности.

Впереди показался дорожный пост. Такие на больших дорогах Конга устраивались через каждые двадцать пять миль. Там же располагался загон с пардами для подстав. За небольшую плату в таком загоне можно на время оставить пардов, что Нил и собирался сделать.

Спешившись, северянин вошел в здание поста.

Единственным, кого он увидел, был немолодой мужчина в одежде чиновника, с задумчивым видом изучавший ноготь на большом пальце собственной ноги.

– Эй! – окликнул его Нил. – Почтенный! Оторвись ненадолго!

Чиновник недовольно посмотрел на великана, но снизошел до того, чтобы буркнуть:

– Пардов нет! И не будет!

И вновь предался созерцанию.

Нил окинул взглядом просторное помещение, прислушался. Похоже, чиновник – единственный человек во всем здании. Занятно!

Нил не стал задавать вопросов. Просто вышел наружу, вскочил в седло и поехал дальше.

Спустя три часа впереди показались городские предместья Фаранга. И еще один пост с одиноким узкоплечим солдатиком, прислонившимся спиной к стене и вяло разминающим челюстями комок жвачки. Солдатик скользнул по Нилу тусклым взглядом и ничего не сказал. Дорога была свободна.

Вспомнив, с каким трудом им удалось в прошлый раз выбраться из Фаранга и какими

расторопными были здешние стражники, великан задумался.

Фаранг встретил воина летней жарой и слабым запахом увядших цветов. Редкие прохожие глядели не столько на Нила, сколько на двух оседланных пардов, бегущих за ним. Поэтому Нил решил при первой же возможности избавиться от зверей.

Как только на глаза ему попался постоянный двор, он въехал в ворота и зычным голосом позвал хозяина.

– Сколько дашь? – спросил он того, указывая на пардов.

Глаза конгая посветлели от жадности. Он пожевал губами, потом назвал цену, от которой Нил мысленно засвистел.

Но лицом выразил полное презрение и совершенно спокойно устроил плату. Сошлись на середине.

Нил получил деньги, а хозяин – пардов. По цене, в полтора раза меньшей действительной стоимости. Оба были довольны. Расщедрившийся хозяин предложил Нилу бесплатный завтрак. И очень скоро раскаялся: возможности Нила в области уничтожения пищи потрясли.

Вдалеке затрубил рог, возвещая о полуденном приношении Туру. Ему откликнулся колокол в храме Морской богини.

Боевой пард неторопливо бежал вперед, иногда порывая на встречных. Те опасливо поглядывали на оскаленную морду. Нил не стал надевать намордник, уверенный, что успеет одернуть зверя раньше, чем тот вознамерится кого-то цапнуть.

Ни воинов, ни стражников среди прохожих не попадалось.

«Война? – подумал Нил. – Вероятнее всего!»

Причем именно война, а не беспорядки.

«Омбам? Хурида? Нет, скорее, Хурида!» – решил Нил, вспомнив, что видел на фарангском рейде шесть боевых кораблей, спокойно стоящих со спущенными парусами.

Впереди Нил заметил столб, к которому была прикреплена помеченная алым бумага. Из нее явствовало, что все имеющие оружие обязаны доставить его к казармам гарнизона, где получают за него достойную цену. Сообщение подписал начальник гарнизона Ганг в тринадцатый день последнего месяца лета. Чернила еще не успели выгореть. Значит, Нил провел в Саркофаге около года.

«Однако!» – подумал великан.

Вряд ли его друзья сейчас в Урнгуре. Скорее всего, Эрд и отец уже дома. А Санти? Возможно, он тоже уехал в Империю?

В Фаранге Нила никто не ждал. Кроме, может быть, Теллы. При мысли о ней Нил улыбнулся. Однако не худо бы выяснить, что происходит в стране.

Нил поступил просто: остановился у первой попавшейся харчевни, передал парда слуге и потребовал вина. И побольше!

Спустя пару минут он уже был в приятельских отношениях с двумя моряками преклонных лет, которые цедили кислое вино и жаждали поучить кого-нибудь уму-разуму. Например, этого здоровенного юнца.

Так великан узнал, что в стране – бунт. Великий Анган помер. Красноглазых крошат почем зря. А подлые южане задумали погубить Освободителя!

Нил не стал спрашивать, кто такой – Освободитель. Узнает со временем.

Доблестные моряки, тряся кружками, сжатыми в высохших старческих руках, уверяли его, что никогда Страж Севера не поддастся блудливому вонючему Сарбуру. Освободитель растопчет южан, как крыс, соххоггоев больше не будет, а Великим Анганом станет настоящий конгай! (Глаза закатываются, а указательные пальцы вздымаются вверх!) Настоящий конгай! И все будет как нельзя лучше. Дело лишь за тем, чтобы приструнить нахальных южан.

Нил вежливо распрощался со стариками, взгромоздился на парда и поехал в сторону порта. Если у него и найдутся друзья, то скорее всего – там. Кроме того, в порту всегда самые свежие новости.

Так же неторопливо Нил доехал до гавани, оставил зверя в платном стойле и вразвалочку зашагал вдоль причалов.

Ему не пришлось искать долго. Шагов через двести Нил углядел знакомые очертания «Светоча Фуа». Корабль Хихарры, блестя свежевыкрашенными бортами, покачивался у пирса.

Нил прошествовал к трапу, отодвигая руками снующих носильщиков, окликнул вахтенного.

Хотя внешность Нила и изменилась к лучшему, матрос сразу узнал великана.

Широко улыбаясь, он перевесился через борт и сообщил, что ни хозяина, ни сына его на корабле сейчас нет. Флон ушел воевать с южанами, а старый Хихарра наверняка хлещет вино в «Бездонном Кувшине»!

– А почему не в «Дохлой Рыбине»? – осведомился Нил.

– А! – моряк махнул рукой. – Сгорела! Еще осенью сгорела!

– И где же этот «Бездонный кувшин»? – поинтересовался великан.

– Там! Тебе всякий покажет!

И Нил, поглядывая поверх голов бездельников, толпящихся у причалов, двинулся дальше.

Но не прошел и полусотни шагов, как чьи-то лапищи обхватили его талию и знакомый бас прорычал:

– Ха! Брат Нилон! Кусай меня в задницу! Вернулся!

Хихарра почти не изменился. Разве что брюхо стало на пару кружек вместительнее, а нос – если такое возможно – краснее.

– Здорово, брат! – Спутник Хихарры протянул Нилу ладонь.

Нил узнал одного из своих «кровных братьев», капитана Онкронка, прозванного «Рубец» за оставленный омбамским топором – от виска до подбородка – шрам.

– Ну, брат! Рад тебя видеть! Ох, рад! – зарокотал Хихарра, снизу вверх глядя на Нила. – Хей-мей! Ну, как Урнгур? – и, не давая вставить ни единого слова. – А к нам, вишь, Урнгур сам пришел, кусай меня в задницу! Вот этот акулан говорил, – Хихарра ткнул пальцем в сторону Онкронка, – у Освободителя чуть ли не тысяча урнгурских солдат, кусай меня в задницу! Брат! Мы тут в храм богини собрались, да богиня подождет! Сколько раз мы ее ждали, разок и нас подождет, верно, Рубец? – и расхохотался. А потом с новым пылом принялся трясти руку Нила.

– Брат! Такая встреча! Рубец! Меняем курс! В «Кувшин»!

Капитан Онкронк возражать не стал, и все трое двинулись в трактир.

Там было полно народа и воздух гудел от десятков голосов.

– Тих-ха! – рывкнул Хихарра, вваливаясь внутрь. – Мой кровный братишка приехал! Ставлю всем, кусай меня в задницу!

Дружный радостный рев был ему ответом. Половина сидевших за столами вскочила, чтобы поглядеть на кровного брата Хихарры.

Четверо тут же ринулись к Нилу: они тоже братались с великаном год тому назад в «Дохлой Рыбине». Да что там! История о парне, едва не прикончившем Душителя и Торона, да о трепке, которую по сему случаю задали стражникам мореходы, была самой любимой историей весь прошлый год. Тем более, что Душитель, так до конца и не оправившись, поубавил прыти, а Торон и вовсе куда-то исчез.

Зато глядя на Нила кое-кто вновь вспомнил о Даге. Его по-прежнему ненавидели, и многие были не прочь свести с ним счеты теперь, когда Великого Ангана больше нет. Удерживало лишь то, что в Фаранге всегда почитали закон. Страж Севера издавна этим славен. Не то что грязный Сарбур!

Для троих «кровников» мигом освободили лучший стол, и Нил, когда глоётки были подобающим образом орошены, попытался узнать у Хихарры, что же происходит в Конге.

Но кормчий пришел из Гурама лишь шесть дней назад и мало понимал в происходящих событиях. С возрастом он стал меньше слушать и больше говорить.

Зато сын его сразу разобрался в положении и через два дня после прибытия уже покинул Фаранг вместе с отрядом моряков-воинов.

Новости Нил узнал от Онкронка, и услышанное навело сына Биорка на мысль, что не худо бы самому отправиться на юг и взглянуть на Освободителя лично.

Подали еду – за счет хозяина «Бездонного Кувшина», и Нил второй раз вкусил от щедрости фарангских трактирщиков.

– Никак не могу понять... Хочу тебя спросить, брат! – произнес Онкронк. – Что у тебя с лицом? Что-то в нем изменилось, верно?

Хихарра, который под воздействием выпитого взирал на мир сквозь розовую дымку, встряхнул головой, вгляделся попристальнее...

– Кусай меня в задницу! – поразился он. – Да ты стал красавчиком, брат Нилон!

– Не без того! – ухмыльнулся Нил, погладив выправленную переносицу.

– Кто же это тебя починил? – заинтересовался Онкронк. – Может, и с моей ряшкой что сделают?

– Я, брат, и сам не знаю! – признался Нил. – Однако ж...

И рассказал часть своей истории, прибавив и то, что случилось после пробуждения в Саркофаге.

– Клянусь губами Богини! – проговорил Хихарра, соединив указательные пальцы. – Любят тебя боги!

– Я слышал про ту башню, – заметил Онкронк. – Пожалуй, лучше я похожу со своим украшением.

Хихарра с Онкронком поговорили о демонах. Нил помалкивал. Выпили.

– Что ж ты теперь собираешься делать, брат Нилон? – спросил Хихарра.

– А почему бы и мне не присоединиться к Освободителю? – сказал великан и хлопнул кормчего по спине. – Но прежде мне нужно кое-кого навестить здесь, в Фаранге!

– Кого это? – спросил Хихарра.

– Женщину, – лаконично ответил Нил, и кормчий оставил эту тему.

Они неплохо посидели еще часика три. Потом выкупались в общественном бассейне. Это взбодрило настолько, что Хихарра сказал: «Еще по кружечке не будет лишним!»

Что и было сделано.

В пятом часу пополудни два моряка все-таки отправились к храму Морской богини, и Нил, которому пока было все равно, куда идти, пошел с ними.

Без лишней торопливости они выбрались из порта, пересекли площадь и зашагали по широкой аллее между утонувшими в зелени домами фарангских богачей.

– Эй! – сказал Нил, когда они преодолели полпути. – Это что там за толпа? Что за храм?

– Не храм! – сказал Онкронк. – Дом подлеца Дага!

– Да? – удивился Нил. – Сдается мне – прежде его дом был в другом месте.

– Будто у него один дом! – удивился Хихарра.

– И что же эти люди делают у чужого дома? – поинтересовался Нил. – Сдается мне, они сердятся.

– Давно пора содрать кожу с мерзавца! – пробасил Хихарра.

– Ты полагаешь? – произнес Нил, глядя на толпу впереди. – Может быть, и так! Ну-ка, братья! – решительно заявил он. – Пойдем поглядим!

И зашагал к цели. Оба капитана, уверенные, что великан вознамерился завершить начатое им год назад, поспешили следом.

Блюстителю помыслов Даг, чаще именуемый в Фаранге Душителем, глядел вниз на собравшуюся толпу. В начале весны недуг понемногу начал отпускать его. Сейчас он уже мог вставать и даже делать несколько шагов, опираясь на руку слуги. Три сезона болезни сильно изменили внешность Дага. Лицо стало одутловатым, невыразительным. Изменился и характер. Еще год назад он велел бы слугам разогнать толпу, едва она начала собираться. И перестрелять зачинщиков. А нынче только глядел на нее из большого окна, продумывая наиболее выгодные для себя варианты. Впрочем, год назад такого произойти просто не

могло. Теперь же, когда простонародье грабит Властителей, а новый Великий Анган сидит в Далаанге, делая вид, что ничего не происходит... Что может он, Даг? Только смотреть из окна и ждать, когда бунтовщики начнут ломать ворота. А потом? Подожгут дом? Попытаются вломиться внутрь?

Верные слуги стерегут входы. Их всего дюжина, но пока они живы, никто не войдет в дом. И никто не выйдет без позволения Дага.

Двенадцать слуг мало что могут против полутысячной толпы. Ну подстрелят десяток-другой, ну зарубят еще столько же... Но толпа есть толпа. Кто захочет стать одним из этих двух десятков?

Даг утратил былой напор, но изворотливость ума не потерял. Любое безумство простонародья можно повернуть себе на пользу. Пусть поорут. Пусть подожгут дом. Он, Даг, прикажет слугам унести себя через подземный ход. Его всегда считали предусмотрительным. И не зря. Оставался один вопрос: как поступить с женой?

Даг бросил взгляд на толпу у ворот. Нет, чернь не слишком решительна. Эдак до самого захода без толку проорут и разойдутся.

Да, Телла... Пока Даг болел, баба совсем отбилась от рук. Перечит, упрямится. Хотя, вот странность: на сторону бегать перестала. Может, из-за беременности? Пока Даг ее щадил – из-за ребенка. Надо ж такому случиться: пока он был в силе – никаких детей. А стоило слечь (Да разорвут демоны проклятого северянина!) – и пожалуйста. В том, что ребенок – его, можно не сомневаться. Последним любовником Теллы был тот урод из Империи. А мальчик родился через одиннадцать месяцев после того, как северяне удрали из Фаранга. А все же хитер он, Даг! И бабу свою наказал, навязав этого быка Нилона, и Алану, подлецу, досадил, и Шинона Отважного в Нижний Мир спровадил. Если не считать того, что сам почти год провалился в постели. Зато теперь вот сын у него есть! Крепкий, говорят, мальчишка! Это хорошо, что крепкий – легче будет у матери отобрать! А с Теллой надо кончать. Пусть она и перестала блудить как раньше (Думает, он не знает! Это она не знает, что при ней безотлучно три его соглядатая состоят!), а все рано строптивая жена ему, Дагу, не нужна. Теперь, когда отец ее умер (очень кстати!) и деньги его разделены между Теллой и сестрой, Даг позаботится о жене по-своему. Он и раньше мыслил, что придется уехать из Конга. А с деньгами и в Гураме неплохо. Блюстителю помыслов – большая власть, да только власть в Конге – как кинжал с двумя жалами. Иное дело – деньги...

Даг еще раз поглядел на толпу. Растет! Многие – при оружии. Даже отсюда видно. Эй, Фаранг! Где твоя любовь к закону?

Хотя, чего ждать, если какой-то мальчишка заправляет в стране как Исполняющий Волю? Ублюдок Алан! Не продал бы сопляка соххогоям, тот пел бы свои песенки! И допелся бы до Южных болот. А теперь, гляди-ка: Освободитель! Из легенды! Полчаса языком потрепал – и пять тысяч солдат! Разгромит Керанраона, поднимется вверх по Фуа и вытряхнет Великого Ангана из дворца! Поделом красноглазому (Даг не знал о переменах в Далаанге)! Нечего отсиживаться, пока власть твою по кускам растаскивают!

Сантан Фарангский! Освободитель! Герой!

Даг выругался длинно и замысловато, как ругался в прежние времена, будучи одним из главарей сарбурской банды, что промышляла дорожным разбоем. Он же и выдал банду стражникам – за солидный куш и неплохое место здесь, на севере, куда не могли дотянуться кинжалы мстителей. Фаранг – не Сарбур!

Немалый куш! Да и здесь он неплохо заработал! Если к его собственным деньгам добавить деньги жены...

Даг не был скупым. Он был даже щедрым. С теми, кто нужен. Но цену и силу денег знал хорошо.

Теллу надо убрать аккуратно. Иначе богатства ее Дагу не видать. Может, как раз сейчас настал подходящий случай? И, кстати, прекрасная возможность исчезнуть на время.

Тут в голову ему пришла любопытная мысль, и Даг оживился.

– Килан! – окликнул он слугу, рослого хитрого малого, которого три года назад спас от

отсечения правой руки.— Приведи-ка мне госпожу! А если начнет артачиться... В общем, хоть силой, но приведи! Понял?

— Ясное дело, хозяин! — отозвался слуга и вышел.

— Ну, что ты от меня хочешь? — Телла сердито покосилась на стоящего рядом слугу.

«Наверняка не хотела идти!» — с удовлетворением подумал Даг.

— Посмотри в окно! Что ты видишь?

— Вижу людей, которые пришли за твоей жизнью! — с вызовом сказала женщина.

«А красива, дрянь!» — подумал Блюститель Помыслов, глядя на вздымающуюся грудь жены. «Ну да красивых много!»

— Только ли за моей? — спросил он вкрадчиво.

И с удовольствием отметил, как побледнела женщина.

— Ни я, ни мой сын не сделали им ничего плохого! — не слишком уверенно возразила она.— А твои... — брезгливый взгляд на Килана.— Их давно пора посадить на кол!

— Да,— сказал Даг, ласково улыбаясь.— У меня верные слуги! Так, Килан?

— Истинно так, хозяин! — ответил тот и покосился сверху на обнаженную левую грудь Теллы.

— Для этих людей,— назидательно сказал Даг, указывая глазами на толпу внизу,— довольно, что ты — моя жена! Но я кое-что придумал для нас!

Вот теперь Телла по-настоящему испугалась.

«Что он хочет сделать, этот слизень?»

Кому, как не ей знать, что в осажденном доме никто из слуг не станет на ее сторону.

— Чего ты хочешь? — спросила женщина, стараясь, чтобы голос не выдал ее страха.

— Я хочу,— четко произнес Даг,— чтобы ты вышла к ним! Вышла и попросила их разойтись! Можешь сказать, что я — больной старик. Что ни ты, ни твой сын не сделали им ничего плохого. Может, они поверят тебе и уйдут.

Телле стало еще страшнее.

То, что предлагал Даг, просто. А муж никогда не делал ничего простого. За любой простой мыслью скрывались другие. И эти другие мысли могли стать для обманувшихся губительными.

И еще Телле было просто страшно вот так выйти к орущим и размахивающим оружием людям. Она не боялась мужчин. Верила, что ни один мужчина не захочет причинить ей зло. Один... Но Телла знала, что когда мужчины собираются вместе, то становятся совсем другими. Особенно, если пьяны. Втройне — если жаждут крови!

— Я не пойду! — решительно сказала она.

— Пойдешь! — без тени сомнения заявил Даг.— Пойдешь сама или тебя выставят силой! Как тебе больше нравится, моя радость?

— Я пойду и скажу, чтобы они убили тебя! — запальчиво воскликнула Телла.

— Ты можешь говорить все, что угодно! — согласился Даг.— Может, тебя они и не тронут. Но если ворвутся в дом, будут убивать всех! Невзирая на пол и... возраст! Помни об этом, когда будешь говорить с этими ублюдками! Даю тебе двадцать минут, моя радость, чтобы немного подумать. Килон! Проводи госпожу и побудь с ней! Через двадцать минут выведешь ее за дверь!

— Сделаю, хозяин!

Дверь закрылась с негромким щелчком. Телла стояла на маленькой веранде, открытой со стороны фасада. Прямо от веранды начиналась короткая и широкая аллея. По обе стороны аллеи — лужайки, поросшие золотистой травой. Аллея упиралась в запертые чугунные ворота локтей пять высотой. За воротами теснились фарангцы. Их красные от гнева, жары и вина лица были обращены в сторону дома, но женщину в тени веранды они заметили не сразу.

Телла сделала шаг вперед и ступила на первую ступеньку лестницы. Чтобы заговорить, это был самый подходящий момент. Но женщина никак не могла решиться. Что она могла сказать?

— Кто это? Кто? — толпа слегка оживилась.

- Эй, парни, Даг нам подарочек прислал!
- Эт' что за баба?
- Как она тебе, Тонг?
- Да отсюда не дотянуться!
- А ты поди пощупай!
- Га-га-га!
- Э! Парни! Я ее знаю! Дагова сука!
- Га-га-га!
- А ниче! Эй, Геран! Хочешь...
- Оу! Парни! Нам не баба, нам Даг нужен!
- Приморить засранца!
- Э, да что стоим? Поднапррем разом!
- А ну как стрелять начнут?
- Хо! И мы постреляем! Обосрался Даг! Точняк! Вишь, бабу выпустил: уламывать нас!
- А? Эу, подружка! Я уже уломался! Иди...
- А ну навались! Навались!!!

Телла попятилась назад, прижалась спиной к запертой двери. Во рту вдруг пересохло...

Даг, наблюдавший из окна, удовлетворенно улыбнулся. Идея оказалась верной: толпа оживилась. Первые уже карабкались на ограду. В них не стреляли. Это он, Даг, приказал не стрелять. Кто-то звонко лупил обухом топора по замку на воротах, но человек двадцать уже перебрались через ограждение и во всю прыть бежали по аллее к дому.

Они бежали прямо к ней! Телла видела широко открытые рты, блестящие крысы в поднятых руках, всклокоченные волосы. Ноги ее стали ватными. Женщина силилась что-то сказать, но губы ее только беспомощно вздрагивали. Защищаясь, она подняла руки... Бегущие были уже в десятке шагов от лестницы.

И – остановились, внезапно обнаружив, что – одни, на открытом месте, а остальная толпа – все еще за оградой. А в оконных тенях совершенно определенно угадываются арбалетки.

Телла, не поворачиваясь, застучала ладонями в дверь. Но никто и не подумал открыть.

И тут с лязгом распахнулись ворота и толпа хлынула внутрь, запрудила все пространство перед домом, покатила к дверям.

Даг смотрел, как чернь валит к его дому, и улыбался. Сейчас их встретят! Должен начаться бой, в котором жена «трагически погибнет», – так, чтобы видели все. Тогда и с наследством споров не будет. А если Теллу не прикончат бунтовщики, то об этом позаботится Килон.

– Не надо, – прошептала женщина. – Пожалуйста, не надо!

И со всей ясностью поняла: сейчас ее убьют!

XVIII

*«Разбуди меня ночью, спроси: "Для чего ты живешь?"
 Я отвечу привычно и честно: "А кто меня знает?"
 Я – от Темной Воды; на челе у меня заклинание:
 "Я живу, чтобы жить!" Это правда. Хотя и похоже на ложь.
 Все, что дальше, – мое. Это только мое – и не трожь!
 Самой нежной рукой прикоснешься – пронзительно больно!
 Нет! Молчу! Я – поэт. И поэтому даже не волен
 Завернуться в лохмотья из собственных сорванных кож!
 И ты хочешь согреть меня? Ну так чего же ты ждешь?
 Я слегка одичал, я отвык от дыханья чужого,
 Но рубец на груди – он остался, тот выжженный желоб
 С горькой солью от слез. От того-то я так не похож...
 Ты придешь и уйдешь. Точно так, как ушедшие прежде.*

*Это храм, а не дом... В нем всегда не хватает тепла.
Он меняет гостей, как погода меняет одежду.
И не терпит одежд на исхлестанных наших телах!
Вот! Мы платим за все! Платим Временем. Или телами.
Что по сути – одно. Чу! Мой демон мне шепчет: "Пора!"
Разбуди меня ночью, спроси: "Ты останешься? С нами?"
Я остался б, клянусь!.. Только мне не дано выбирать!»*
Лурд Серебряное Сердце, Баллада о темной воде

– Ну-ка, братцы, ну-ка! Дайте-ка пройти большому дяде! – добродушно покрикивал Нил, раздвигая толпу.

Хихарра и Онкронк следовали за ним, как малые корабли – за большим. Нил возвышался над головами, словно осадная башня – над городскими постройками. Кто-то узнал его.

– Нилон! Тот самый борец Нилон! – пробежало по толпе.

Самого Нила знали немногие, но имя было на слуху у фарангцев. Толпа, заробевшая было при виде арбалетчиков, вновь воодушевилась. Появился кто-то, кому подобает командовать – и первым идти под стрелы, разумеется! Самые воинственные и предприимчивые ушли воевать с южанами, те же, что остались, предпочитали драть глотку, а не воевать.

Отодвинув тех, кто толпился впереди, Нил шагнул на первую ступеньку лестницы. Он видел и арбалетчиков в окнах, и женщину, прижавшуюся к дверям.

– Вот паскудник! – бросил великан Хихарре. – Девкой прикрыться вздумал!

Теллу он не узнал. Страх исказил ее черты.

Зато Телла узнала своего «Тура», хотя его внешность переменилась гораздо больше. Она узнала бы Нила, будь у того даже другое тело. Вмиг сердце ее согрелось... и упало. Она поняла: великан смотрит на нее как на чужую. Не узнал. Забыл. Вот тут она испытала настоящий ужас:

– Нил... – прошептала она.

Сын вагара повернулся к толпе:

– Да вы, кажется, хотите войти, парни? – пробасил он. – Хотите войти, а вас не пускают?

Толпа заревела. Нил поднял руку, требуя тишины.

– А, может, они правы? – прорычал он. – Ведь это чужой дом, верно?

Ответом ему было молчание, а потом – глухой ропот.

– Чужой! – гаркнул Нил, перекрывая его мощью собственного голоса. – Зато ублюдок, что спрятался в нем, он – ваш! А? Так надо сказать ему – выходи! Выходи, слизень, если ты – мужчина! И тогда никто не тронет ни твоего дома, ни тех, кто в нем! Верно? А иначе все они отправятся в Нижний Мир!

«Все – умрут...» – услышала Телла. Другие слова как-то прошли мимо, остались только эти.

– Килон! – приказал Даг. – Убей бычка!

Слуга поднял арбалет. Широкая спина Нила была превосходной мишенью, а сам Килон – отличным стрелком. Он прицелился чуть ниже левой лопатки Нила и нажал на спусковой крючок.

На миг опередив сухой щелчок выстрела, Нил успел откатнуться вправо – все-таки он был сыном вагара. Стрела, оцарапав его плечо, угодила в грудь одного из фарангцев. Ноздри великана раздулись. Меч будто сам прыгнул ему в руку, свирепый рык выплеснулся из груди. Одним прыжком Нил преодолел лестницу.

Телла медленно поползла вдоль двери вниз – колени подогнулись. Нил схватил ее за плечо, чтобы отбросить в сторону... и узнал!

– Телла! – воскликнул он в изумлении.

Толпа реагировала куда медленнее великана. Он уже был у двери, когда первые

качнулись вперед, устремившись за вожаком.

– Телла! – воскликнул Нил.

И, развернувшись, встал между нею и фарангцами.

Те едва не налетели на его меч.

– Стоять! – кугурром взревел сын вагара, повергнув фарангцев в полное замешательство. Мысль его лихорадочно работала, а меч был по-прежнему обращен к толпе.

«Почему они не стреляют, те, кто в доме?» – подумал он.

– Вниз! Все вниз! – приказал Даг. – Быстрее, крысы!

– В окна! – гаркнул Нил. – Стрелять в окна! Бей! – и, через плечо, Телле. – Не бойся, девочка! Я тебя не отдам!

Те в толпе, у кого были луки и арбалеты, принялись обстреливать дом. Им ответили несколькими выстрелами.

– Посторонись, моя маленькая! – сказал Нил ласково, отодвигая Теллу в сторону. И резко ударил ногой в дверь.

Крепкая дверь с грохотом влетела внутрь, опрокинув слугу, стоявшего прямо за ней. И Нил увидел Килона с поднятым арбалетом в конце длинного коридора. Щелкнул выстрел, и Килон исчез.

Нил выбросил руку... и поймал стрелу в полулокте от груди Теллы.

– Не любят тебя здесь! – заметил он и проткнул мечом вынырнувшего откуда-то сбоку слугу Дага. Потом оглянулся.

За спиной пыхтел Хихарра, сбоку – невозмутимый Онкронк, а уж за ними бесновалась толпа, швыряя в окна все, что попало под руку.

Обеими руками Телла схватила левую руку Нила:

– В доме – мой сын! – проговорила она умоляюще.

– Понял! – ответил гигант. – Хихарра! Вот моя женщина! Помнишь ее?

– Как не помнить! – отдуваясь, пробасил кормчий.

– Этот дом – ее дом! Не пускай никого! Всю мерзость я вымету сам! Слышали, парни? – рывкнул великан через голову приземистого Хихарры тем, кто стоял позади. – Сам!

И, капитану:

– Побереги ее, брат! – кивнув в сторону Теллы.

А сам ринулся по коридору туда, где исчез Килон. Он заметил, что из окон больше не отстреливаются, и чувствовал: надо спешить!

Минуты ему оказалось достаточно, чтобы убедиться: в доме никого, кроме трех служанок и насмерть перепуганного повара. Чтобы определить, куда ушли Даг и остальные, Нилу, полувагару, потребовалось и того меньше. Когда два десятка людей спасаются бегством, они оставляют немало следов!

Краем уха слушая, как Хихарра зычным голосом успокаивает толпу, великан ощупал стенные панели и легко отыскал фальшивую. Один хороший удар, и он – перед черной норой в подземный тоннель.

Великан сбежал по неровным ступеням и бесшумными прыжками ринулся по хорошо утопанной земле тайного хода. Темнота не смущала его: он был уверен, что беглецы прошли совсем недавно – запах масла, сгоравшего в светильниках, и сладкая гарь факелов еще висели в сыром воздухе.

Свет забрезжил впереди даже раньше, чем Нил рассчитывал. Подойдя ближе, великан увидел масляную лампу, поставленную на землю посреди коридора.

Он беззвучно рассмеялся. Экие простые ребята!

В кармане нашлась медная монета. Нил запустил ее в светильник, и алебастровый колпак разлетелся вдребезги. Светильник ярко вспыхнул и погас. Один из подстерегавших погоню арбалетчиков послал стрелу наугад. Второй – тарачился в темноту, когда Нил промчался мимо, наградив каждого увесистым тычком в лоб. Время, когда Нил был носителем Дара, приучило великана не убивать без необходимости.

Нил спешил. Он хотел нагнать беглецов прежде, чем те выйдут на поверхность. При

свете дня любая случайность могла отнять у него победу. Здесь же он был абсолютным хозяином положения.

И Нил догнал их. По движению световых пятен определив, что это не новая ловушка, а сам отряд, Нил замедлил шаг, перехватил меч в левую руку и вынул из кошелька еще несколько монет.

Через полминуты он возник за спиной беглецов. Три светильника, два факела и дюжина людей, двое из которых несут Дага, а третий – маленький сверток, издающий слабый писк.

Отлично!

Нил с возможной быстротой метнул одну за другой четыре монеты и взревел укушенным хуругом.

Два светильника погасли, третий разбился, упав на земляной пол. Разлившееся масло вспыхнуло. Упал и один из факелов – монета угодила в глаз того, кто его нес. Второй факел еще горел, но Нил, прыгнув, вырвал его из рук слуги и зашвырнул далеко вперед.

Кто-то сбоку, порасторопнее, попытался подсечь ноги великана клинком. Нил подпрыгнул, левой рукой сломал расторопному челюсть и бросился в самую гущу мечущихся теней.

Среди всей этой суматохи он больше всего опасался за ребенка, а потому, выхватив младенца из рук слуги, гигант проскользнул меж топчущихся и орущих, отбежал шагов на двадцать назад и положил ребенка у стены тоннеля. Нил знал: крыс в подземном коридоре нет.

Когда он вернулся к беглецам, то обнаружил, что бой кипит вовсю. Слуги размахивали мечами, орали и топтались вокруг горячей лужицы масла – потому что тут было светлее. Кого-то уже задела мечом, Дага уронили, и он возмущенно вопил.

Когда Нил возник из темноты тоннеля, многим он показался еще одной огромной тенью, но тенью довольно активной, потому что вмиг расшвырял тех, кто стоял на пути и, схватив Дага за шиворот, увлек в пасть тьмы, как демон увлакивает заблудшую душу. Блуститель мыслей вяло трепыхнулся у него в руке и притих. На бегу Нил подхватил младенца и помчался назад. Он опасался погони: с ребенком в одной руке и Дагом – в другой он стал куда более уязвимым. Но среди даговых слуг не оказалось таких, что ценили бы жизнь хозяина выше собственной.

Хихарра без особого труда удерживал толпу на пороге. Даже самые ретивые требовали пропустить их внутрь не слишком настойчиво – больше для вида. Кто хочет схлопотать арбалетную стрелу? К тому же рядом с Хихаррой стоял капитан Онкронк-Рубец, а у него была репутация человека, который предупреждает только один раз.

И все же Нил появился вовремя.

Передав ребенка Телле, он поднял потерявшего сознание Дага и швырнул его прямо в толпу.

– Он – ваш! – крикнул великан. – Забирайте его и постарайтесь не забыть, что вы – фарангцы, а не убийцы!

– Как у тебя легко все получается, брат Нилон! – ухмыльнулся Хихарра.

– Это потому, что я сам – тяжелый! – ухмыльнулся в ответ великан. – Парни! Сбегайте кто-нибудь за лекарем! Дай малыша мне, Телла! Я так и не разглядел его толком! Эй! Я сказал – марш за лекарем, ты и ты! А вы внесите раненых в дом! Ах ты бутуз! Хорошие глаза у парня, Телла, глаза воина!

– Твои глаза, – шепнула Телла. – Не знаю, как это может быть...

– Я знаю, – великан погладил ее по щеке. – Кстати, как ты его назвала?

– Тур!

XIX

*«Пусть множатся и процветают живущие несправедным –
недолговечны они, как трава. Пусть до времени здравствуют и*

укрепляются попирающие Закон – Сила Единственного сокрушит их и погибнут они, и исчезнут. Над праведными же – шатер Мира!»

Фахри Праведный. Откровения

«...и тогда остается единственное, с чем приходится считаться магу: рука воплощенного Зла. Вот то, что воистину неистребимо!»

Сантай Темный. Путь Слабого

Южный Конг. Последний день лета тысяча двенадцатого года.

Двенадцать всадников ехали по дороге. Справа от них поднимались высоченные ярколиственные деревья, обвитые сизыми петлями лиан, – могучие деревья. Стволы в три обхвата. Однако между лесом и дорогой лежала голая полоса в десять шагов, на которой подрост был тщательно срезан. Лишь редкие побеги поднимались из густой щетки скошенной желтой травы.

А вот слева от дороги трава была зеленой, и вместо лесных исполинов здесь росли высаженные через равные промежутки то ли кусты, то ли деревца, похожие на пирамидки с алыми кронами из крохотных игольчатых листьев.

Пирамидальные деревца стояли несколькими ровными рядами, а потом поверхность земли плавно переходила в почти отвесный каменистый склон, у подножия которого бились тяжелые мутные волны моря Зур. Буря, что бушевала ночью, стихла, но раскачавшееся море все никак не могло успокоиться.

Дорога пошла под уклон. Всадники миновали распахнутые ворота пустого загона для пардов, рядом с охранным постом, тоже опустевшим. Будь всадники уроженцами Конга, они удивились бы: более двухсот лет сторожевые посты у въездов в города неукоснительно останавливали всякого, кто проходил или проезжал мимо. Впрочем, и верховые разъезды Береговой Стражи несли службу не один век. Теперь же, за тридцать миль, что проехали всадники по дороге от залива Донхен¹⁵ к Тунгу, они не встретили ни одного вооруженного человека. Даже море пустынно – хотя в этом, возможно, виновен разыгравшийся ночью шторм.

Впереди показались легкие домики с голубыми и желтыми крышами из речного тростника, а чуть дальше – большой судоходный канал, прорытый в давние времена от самой Сарбы. Берега канала сплошь заросли высоким тростником, из легких прочных стеблей которого построено большинство домов простонародья в городке Тунг.

Работающие в садах крестьяне, почти голые, загорелые, в ярких головных повязках, провожали настороженными взглядами воинов в черных доспехах, едущих плотной группой и даже не поднявших забрал. Раньше их непременно остановил бы разъезд Береговой Стражи, но нынче конгайские воины далеко от прибрежного города Тунг.

Мощные беговые парды диковинной для Конга серой масти, фыркая, неторопливо рысили вниз по довольно крутой, но широкой улице. Тростниковые хижины сменились домами из розового песчаника и желтого дерева. Маленький храм с нефритовой статуей Морской богини, вскинувшей причудливо изогнутый жезл, привлек внимание путников. Головы в черных шлемах дружно повернулись в сторону вечно распахнутых ворот, за которыми Владычица Вод принимала поклонение.

Дорога кончилась, и, никем не остановленные, всадники въехали в ворота, отделявшие склады, верфь и дома, относящиеся к гавани Тунга.

Сама гавань сравнительно невелика, но сейчас полна всевозможных судов, нашедших в ней убежище во время непогоды: от бокастых грузных торговцев до маленьких рыбацких

¹⁵ На берегу залива Донхен располагалась прежняя столица Конга – Ангтъян.

лодок, что не вышли утром в море из-за волнения. Лишь одно судно – большой военный трехмачтовик под конгайским флагом – выйдя в залив, разворачивался, чтобы идти в сторону Сарбура.

Море было пустым. Зато полной оказалась портовая таверна.

Трое из всадников, спешившись, помогли сойти с парда женщине в закрытом платье из фиолетового с белым шелка, с длинным разрезом внизу, необходимым для верховой езды.

Остальные всадники остались в седлах. Один из них взмахом руки отправил прочь портового служку, вознамерившегося было принять и увести пардов.

Женщина огляделась вокруг и уверенным шагом направилась к дверям таверны. В разрезе платья мелькнули длинные ноги, затянутые в черные обтягивающие штаны. Три воина догнали ее, когда женщина, решительно толкнув дверь, вошла в таверну и тут же окунулась в гул голосов, в месиво пряных и острых запахов.

Некоторое время все четверо стояли на пороге, привыкая к полутьме, сменившей ослепительную яркость конгайского дня.

Меж тем, все больше моряков, сидящих за столами, бросив в сторону двери любопытствующий, но вполне равнодушный взгляд (мало ли кто может войти в таверну, чтобы пропустить кувшин вина в столь неудачный день?), уже не могли отвести глаз от лица женщины. Не потому что она была красива... Кого удивишь женской красотой в благословенном Конге? Поражали не черты лица, а его выражение.

Когда половина мужчин в таверне уже пялилась на нее, вошедшая шагнула вперед и с сильным гортанным акцентом произнесла по-конгайски:

– Мне нужен капитан!

– Какой же капитан нужен госпоже? – тут же спросил один из сидевших – кряжистый, краснолицый с золотой серьгой Морского Братства в мясистой мочке уха.

Женщина повернулась к нему, какое-то время молча всматривалась в черные внимательные глаза:

– Тот, что отвезет меня на Юг! – заявила она решительно. – И ты мне подойдешь!

– Жаль, госпожа! – покачал головой моряк.

Ему, действительно было жаль: женщина произвела на него сильное впечатление.

– Досадно, но моя посудина уже нанята!

И, поднявшись с легкостью, неожиданной для столь грузного тела, рывкнул:

– Эй, акуланы! Кому нужен фрахт?

– На юг? – спросил кто-то. – А куда?

– За мыс Прощания¹⁶.

Воцарилось молчание. Потом один из моряков спросил:

– И как далеко ты собираешься идти за мыс Прощания?

– Увидим! – отрезала женщина. – Ты пойдешь?

Моряк поднялся. Он был высок и худощав, с почти черной кожей, коротко остриженными волосами и тяжелым браслетом из серебра на левой руке. Других украшений, если не считать серьги Братства, на нем не было.

– Как заплатишь? – спросил он спокойно.

– Хорошо! Сколько ты хочешь?

– Я не знаю, куда плыть! – без улыбки ответил моряк.

– А сколько бы ты взял за плавание в Гурам с полным грузом?

– Двадцать шесть золотых! – ни на миг не задумавшись, сказал капитан.

Женщина подала знак одному из воинов. Тот снял с головы шлем (у него оказалось длинное горбоносое лицо с редкой порослью на подбородке) и вынул оттуда туго набитый мешочек размером с кулак.

¹⁶ Мыс Прощания – граница между побережьем освоенного Конга и Южнобережья. К нему спускается Межевой хребет, отделяющий Конг от Гибельного Леса.

– Тридцать «драконов»! – сказала женщина. – Задаток!

– Согласен! – мгновенно отреагировал моряк.

Притихшая таверна разразилась взволнованным гулом. Многие уже раскаивались в своей нерешительности. Но кто из настоящих моряков станет перебивать фрахт, когда сделка заключена?

– Я тебя жду! – сказала женщина и вышла из таверны.

– Мое судно! – сказал капитан, показывая на стоящий у причала узкий длинный корабль с темно-коричневыми бортами.

– Быстрое?

– Достаточно. Это – имперский хог¹⁷. В прошлом – военное судно. Продано с торгов год назад. Кстати, мое имя – Ланган!

Если он ожидал, что его нанимательница тоже представится, то ошибся. Та лишь спросила:

– Сколько людей на твоём корабле?

– Восемнадцать, госпожа! Вместе с вами и со мной будет тридцать один. Если ты захочешь... – он посмотрел на женщину, – взять еще людей, например, – воинский отряд, – можно принять на борт еще человек десять!

– Не хочу. Мы можем отплыть прямо сейчас?

Моряк окинул взглядом море, подумал...

– Через полтора часа! – сказал он. – Мне надо собрать команду. Но сами вы можете подняться на борт прямо сейчас. Разрешения на отплытие теперь можно не брать. Чиновники... – он кивнул на здание таможни, – остались, но стража вся ушла: воевать с урнгурцами. Да неужели вы ничего не слышали? – воскликнул он, увидев изумление женщины.

– Нет. Мы поднимемся на борт прямо сейчас. Можно взять пардов?

– Да. Я же сказал: это бывший военный корабль. Но если бы вы захотели их продать – я мог бы помочь! Сейчас за хорошего парда дают столько, сколько в прошлом сезоне платили за дюжину!

– Мне нужны парды, а не деньги, – отрезала женщина.

– Как тебе угодно, госпожа! И... – он колебался, но все же спросил: – Теперь, когда мы обо всем договорились, ты не можешь сказать – куда мы плывем?

– Я ищу одного человека! – гортанный акцент женщины усилился. – Ищу, но не знаю, где он. Сейчас не знаю. Однако у него есть вещь, принадлежащая мне – и я ее чувствую. Когда мы пройдем через Врата Юга, я скажу тебе, куда плыть!

– Еще раз прости, госпожа, ты – ясновидящая?

– Иногда. Но я плачу, капитан Ланган, не за то, чтобы ты задавал мне вопросы.

– Прости!

Ланган свистнул. С палубы, свесившись через ограждение, отозвался вахтенный матрос.

– Трап! Большой трап! – распорядился капитан. – У нас – пассажиры!

Шел последний день конгайского лета.

Междуречье. Тысяча двенадцатый год. Начало осени.

– Эй, – сказал Биорк, не поднимаясь с ложа. – Ты кто?

«Гость» замер. Даже перестал дышать.

«Хорошо стоит!» – подумал вагар, глядя на застывшую на одной ноге фигуру «гостя», чей черный силуэт отчетливо выделялся на фоне светлой стены шатра. Отчетливо – для того, кто видит в темноте, разумеется. Вагар – видел. И «гость», судя по всему, – тоже.

¹⁷ Хог – трехмачтовое двухпалубное судно, полувоенное-полоторговое.

Биорк ждал. «Гость» – тоже не торопился. Но ждать, вытянувшись на удобном ложе, несравненно приятнее, чем стоя на одной ноге и не дыша.

– Замечательно! – одобрил вагар. – Ты можешь поставить ногу, мой друг.

И мгновенно скатился на пол – «гость» поднес ко рту строенную духовую трубку.

Игла вонзилась в простыню там, где только что было лицо вагара. Вторая – в ковер, где он лежал за миг до этого, третья свистнула у самого уха.

«О!» – мысленно одобрил вагар и даже пожалел об оставленном у ложа мече.

Осторожно, маленькими шагами, Биорк двинулся к опорному столбу шатра. Пришелец следил за ним, медленно поворачивая голову. Несомненно, он видел Биорка так же хорошо, как вагар видел его самого.

Маленький воин сделал еще шаг, и теперь между ними оказался опорный шест в три пальца толщиной.

У пришельца не было меча, но в такой просторной одежде достаточно места для любых сюрпризов. Кто он? Маг?

«Гость», похоже, тоже начал относиться к хозяину шатра с уважением. Он не стал перезаряжать оружие, а просто уронил в один из карманов. И мелкими шажками, на согнутых ногах двинулся к Биорку. Но не прямо к нему, а описывая полукруг.

«Вот демон! – поразился Биорк. – Это же „кошачий шаг“! Только как необычно он держит руки!»

– Кто учил тебя Мангхэл Сёрк? – спросил маленький воин. – У него был особый вкус? Как его звали?

«Гость» ничего не ответил, но продолжал двигаться. Биорк ждал.

Рука пришельца метнулась вперед, и стальной коготь с шипением полетел к вагару. Маленький воин выбросил руку и поймал его у самой груди. Коготь был точно таким же, как тот, что лежал в собственной суме вагара. Теперь Биорк наверняка знал, что его противник – не маг. Маленький воин оплел пальцами стальной изгиб когтя, «гость» с другой стороны держал короткую перекладку. Паутиный трос между ними слегка натянут. Оба «прощупывали» друг друга. Едва заметные движения... и пришелец прыгнул вперед. Биорк остался на месте. Руки их трижды соприкоснулись с сухим деревянным стуком. Вагар оказался сильнее.

Поняв это, пришелец метнулся к выходу. Биорк не стал преследовать. Но когда «гость» отбросил полог, в треугольном отверстии возникла огромная фигура, практически заслонившая проем.

«Гость» напал, не раздумывая. Для него это было так же естественно, как вдох. Напал... и очутился в воздухе.

– Хей, отец! – прогудел знакомый бас. – Сдается мне, я изловил демона!

Левая рука великана держала «гостя» за складки костюма на поясице, пальцы правой обхватывали шею.

Тот, вознесенный над головой Нила, не пытался сопротивляться, понимая: одним движением великан может переломить ему шейные позвонки.

– Поставь его, – посоветовал Биорк. – Это – мастер. Он не станет убивать ради убийства!

Нил хмыкнул, но опустил человека на землю.

Тот оглядел его со вниманием.

– Я – Нил, – сказал сын вагара. – А это – Биорк.

– Менк, – произнес гость.

– Ты волен идти, Менк! – сказал Биорк. – Если желаешь!

– Благодарю... брат!

Нил удивленно приподнял бровь.

– Рад тебя видеть, сынок! – проговорил маленький воин, перестав обращать внимание на того, кто только что собирался его убить. – Вижу: ты чувствуешь себя неплохо!

– Да уж получше, чем в последний раз! Но, отец, скажу тебе сразу: я забыл о порядочном куске своей жизни!

Вагар кивнул.

– Кое-что я могу тебе рассказать! – проговорил он.

Менк метнул взгляд на гиганта, потом на вагара. И с легкостью тени выскользнул из шатра.

– Будь здоров! – крикнул ему Нил на прощанье.

– Кстати, отец, а следовало ли его отпускать?

– Мы еще увидимся! – уверенно сказал Биорк. – К тому же у нас есть дело поважнее.

– Дело это зовут – Керанраон? – усмехнулся великан.

– Вижу, ты кое-что знаешь.

– Я приехал из Фаранга. Кстати, привел с собой человек пятьсот: они тебе пригодятся.

Я оставил их в пяти милях отсюда.

– Вряд ли они мне пригодятся.

– Все равно. Для Фаранга эта братия слишком беспокойна. Наделали бы дел. Однако – говори.

– Керанраон – не самое главное.

– Да?

– Где часовые?

– Валяются у шатра. Оба. Оглушены, кажется. Нас могут подслушать?

– Говори на языке Малого Народа.

– Но тот парнишка в черном, кажется, владеет Мангхэл Сёрк? Значит, знает и язык.

– Вряд ли. Потому что это не наше искусство. Нечто похожее, но другое. Ты удивлен?

– Когда-то это должно было случиться, – Нил пожал плечами. – Знаешь, я видел, как сражаются боги. А тут всего лишь человек...

– А вот я удивлен! – произнес вагар. – Но скажи: что с тобой произошло?

– Ну... – задумался Нил. – Вот последнее, что я помню: гора треснула, словно ящеричье яйцо, а оттуда вылутился сам великий Потрясатель! Признаться, для меня это оказалось сюрпризом: звал-то я Тура! Но зрелище впечатляющее! Да! И еще – лицо Санти... Кстати, как он? Полагаю, он и есть – Сантан Освободитель? Рад, что для него тоже обошлось. Там, в горах, я решил, что мне – конец. Но чувствовал – парень вывернется.

– Он вывернулся, – кивнул Биорк. – Кстати, тебя он тоже вытащил. То, что от тебя осталось. И, как я понимаю, он наложил заклятие, не давшее тебе умереть. Хотя и не вернувшее к жизни. Тогда.

– Заклятие? Санти? Хотя, да, конечно! Вот что, отец, говори сначала ты. По порядку.

Вагар кивнул и коротко рассказал обо всем, что произошло с ними вплоть до похищения Нила.

– Кое-что проясняется! – проворчал великан. – Пришел в себя я именно в нем, в Хранителе Жизни! Правда, не знал, как он называется. Значит, я провел там почти год? Да, по поводу мага, который меня украл, не беспокойся: я уложил его на свое место. Думаю, он побудет там, пока мы не уладим текущие дела, вернемся и освободим для Генани ее вещь.

– А как он выглядел?

– Маг? Неприглядно! – Нил описал своего «освободителя».

– Это не он! – Биорк покачал головой. – Мне очень не нравится, но, похоже, здесь замешана целая свора Алчущих! Хотя... Маг ведь мог изменить внешность.

– Зачем? После того, как Саркофаг открылся, он собирался меня прикончить. И прикончил бы, не окажись я проворней. А ты что, видел мага-похитителя?

– Санти видел. И нарисовал. Это Мощный-как-Пламя! Слышал о нем?

– Разумеется. Опасный враг. Раз такое дело, – Нил хмыкнул, – я бы пожаловался Страннику. Трой с удовольствием прищемит кое-кому хвосты!

– Я пытался. В Руне он не появлялся, в Глориане – тоже. Он же Странник.

– Ладно, – двинул плечами Нил, – давай о хорошем. Я слышал, ты выиграл битву?

– Скорее, не проиграл. Южане и сейчас сильнее нас, но никуда отсюда не денутся. А пока мы на этом острове, им не подступиться!

– Они могли бы обойти вас и двигаться, например, на Фаранг, или захватить Далаанг и прижучить Великого Ангана?

– И оставить нас за спиной? Ополчение Керанраона немногого стоит, а регулярные части я основательно потрепал! Кроме того, он не один заправляет южной армией! Оставим его, сын, есть проблемы поважнее!

– Да?

– Пропал Санти!

– Охой! Когда?

– В ночь перед битвой. И в этом – доля моей вины!

Биорк рассказал о поединке Эрда с Несмехом и о том, что светлорожденный взял у Санти Белый Меч.

– Но и это – не все! – продолжал вагар. – В ту же ночь примерно в миле от лагеря случилась еще одна схватка. Настоящий огненный смерч! Я видел горелое пятно: от него так и воняет волшебством! И еще буря, которая разразилась неизвестно отчего! Прискорбно, что у меня нет ни одного настоящего чародея под рукой. Разве что ты?

– Меня можешь в расчет не принимать! Мне и огня не разжечь без кремня и кресала. А как насчет нашей урнгурианки?

– Вот как раз из-за нее-то я и могу надеяться, что Санти – жив!

– Она так сказала?

– Она исчезла в ту же ночь, что и он. Вернее, ранним утром. Так доложили мне часовые, пропустившие ее за пределы лагеря. Рхонг подтверждает их слова.

– А она не может быть замешана?..

– Нет! Ты ведь не забыл, как она глядела на малыша год тому назад? Уверю тебя – ее привязанность только увеличилась! Нет, я абсолютно уверен: Ронзангтондамени поехала за ним! Но у меня не было возможности даже проследить ее путь. Сам понимаешь...

Нил кивнул и потрогал переносицу: он никак не мог привыкнуть к тому, что нос обрел природную форму.

– Оу! – тут только заметил вагар. – Да ты опять красавчик!

– Спасибо Генани и Хранителю! – усмехнулся великан. – У меня теперь кожа – как у новорожденного! Ни единого шрама! Позор для воина! – он расхохотался.

– Охо! – раздалось у входа в шатер. – Великий Тур! Нил! Ты?

Держа в руке светильник, в шатер ввалился Эрд.

На нем были только шелковые шаровары и легкая кружевная рубаха. На рукаве темнела кровь, а щеку пересекала свежая царапина. Но лицо сияло.

– Нил!

Воины соединили руки.

– Ты ранен? – воскликнул великан.

– Это не моя кровь! Биорк! Меня пытались украсть!

– Меня тоже, – хладнокровно отозвался вагар. – Только это была неважная идея!

– Возможно! На меня напал какой-то человек. Ловкий, как демон! И быстрый, как вагар! Едва не скрутил! Хорошо, я успел дотянуться до меча!

– Ты убил его? – поинтересовался Нил.

– Нет! – сказал Эрд, но видно было, что его это не огорчает. – Он удрал! Клянусь Рогами, парень владел Мангхэл Сёрк!

– Чем-то похожим! – уточнил вагар. – Ты пришел один?

– После нападения? Нет, мои телохранители снаружи!

– Пошли их к Гангу, Вигу и Тилоду! Полагаю, наши враги решили оставить нас без головы!

– Что за дурь?

– Напротив – очень разумно. Вот только результат, как я предвижу, получится своеобразный.

– Хой, Нил! Ты пришел вовремя! Как всегда! – Эрд засмеялся и вышел из шатра.

– Я всегда прихожу вовремя! – пробасил воин. – А ты, отец, ты ведь меня уже похоронил, а? Клянусь Десницей Тура!

– Точно, сынок! В чем дело? Для Калы ты оказался слишком велик?

– Эй, повежливей с Госпожой Нижнего Мира! – потребовал гигант. – Она и так неблагосклонна к Малому Народу! Не зря же вы живете на полсотни лет дольше, чем обычные люди!

– Он прав! – заявил возвратившийся Эрд. – Вы, вагары... О боги! Нил! Я и впрямь ужасно рад, что ты жив!

– Вот благородное сердце! – растрогался великан. – Не то что ты, отец!

– Хоть ты теперь и красавчик, – заметил Биорк. – но характер у тебя остался таким же скверным!

– Нил! – Эрд взгляделся в великана. – Что с твоим лицом?

– С моим лицом? Именно это я и спросил двадцать лет назад, когда Владыка Судеб наступил на него, придав своей ноге вид корабельной мачты! Это ненадолго, светлейший! С моими привычками этому носу недолго оставаться прямым! Но я вижу – и ты избавился от печати демона?

Эрд прикоснулся к щеке, где некогда алел безобразный рубец ожога.

– Да. Особая история. Потом расскажу.

– Как дела в Фаранге? – спросил Биорк.

– Шатко. Кстати, я привез тебе внука! По крайней мере, так утверждает его мать!

– Ты сомневаешься?

– Он опоздал с рождением на пару месяцев! Это единственное, что вызывает сомнение!

– Тогда все в порядке! – заверил его вагар. – Твоя собственная мать носила тебя, сынок, больше года. Кровь вагаров. Он – от той женщины, что помогла нам выбраться из Фаранга?

– Да, от Теллы! Я привез ее с собой, отец! Все же она была женой Дага, а к тому в Фаранге относились неважно!

– Относились?

– Он отправился в Нижний Мир! Надеюсь, ему будет с кем поговорить!

– Командующий! – в шатер заглянул стражник. – Их нет!

– Говори толком! – рявкнул вагар на растерянного воина.

– Их нет, Вига, Ганга, Ратсая... стража в беспамятстве, а их нет!

– Украсть вождей, – сказал Эрд задумчиво. – Прекрасная идея. Если бы удалось прихватить и нас с тобой, достойный Биорк...

– Слишком просто! – возразил вагар. – Полагаю, что не обошлось без нашего друга Несмеха!

– Наверняка!

– А скажи мне, мог он, зная тебя и меня, надеяться, что и нас одолеют эти молчаливые парни?

– Интересная мысль!

– Дальше: вспомни, что говорили нам пленные?

– Они говорили многое!

– Я имею в виду, что армия Юга пришла воевать с урнгурцами!

– Да, я тоже слышал такое... И что?

– А то, что как бы Сарбур ни отзывался о северном Конге, и как бы Фаранг ни презирал безалаберный юг, воевать между собой им так же нелепо, как Гибу с Хавром¹⁸!

– Но они воюют!

– Пока. Если мое предположение верно, скоро мы будем принимать послов!

– Они потребуют нашей сдачи в обмен на жизни Ганга, Вига и Тилода?

– Светлейший! Подумай сам! Они воюют с урнгурцами! С кем? С начальником тысячи

¹⁸ Гиб и Хавр – города в Северной Империи.

Рхонгом? Три пленника – три конгая! А наш Ратсай даже сарбурец, если я не ошибаюсь!

– О! – воскликнул Эрд.– Я начинаю понимать!

– Достойные,– вмешался Нил.– Не приказать ли нам вина? И вообще – я не прочь перекусить с дороги! Надеюсь, осада еще не вынудила вас есть траву?

– Только как приправу! – сказал Эрд.– Вижу, привычки у тебя не изменились, Нил! Вот только с женщинами у нас...

– Я повременю! – уверил его великан.– Ради хорошей мужской беседы! Тем более что свою женщину я привез с собой. Отец! – Нил повернулся к Биорку.– Хочу спросить: что слышно из Империи?

Юг. Тысяча двенадцатый год. Осень.

– Высадишь нас здесь! – сказала Ронзангтондамени.– А если поднимешься по реке на две мили – получишь еще два «дракона»!

– Нет! – отказался Ланган.

Капитан был храбрым человеком, но пятнистая стена Гибельного Леса внушала ему ужас, даже в полумиле от берега.

– Нет, госпожа!

Ланган полагал, что ему еще рано отправляться в Нижний Мир, и был уверен, что место, где желтые мутные воды смешиваются с зеленой водой моря Зур – начало дороги, ведущей именно туда.

– Вы сойдете прямо сейчас? – спросил он.

– Ты не хочешь подойти ближе к берегу?

– Спускать шлюпки! – закричал Ланган вместо ответа. И отошел в сторону. Ему было неловко перед женщиной за свой страх. Перед женщиной, которая, к тому же, через час окажется за этой пестрой, жадной в своей яркости стеной. Как никогда прежде, Ланган ощутил близость смерти.

Но он был по-своему неплохим человеком, этот капитан.

Через минуту он вновь подошел к Ронзангтондамени, кашлянул и предложил:

– Если ты пожелаешь, госпожа, за те же два «дракона» я доставлю тебя обратно в Тунг! Это Гибельный Лес, госпожа! Здесь не помогут латы твоих воинов!

– Нет.

Капитан некоторое время постоял рядом, глядя, как матросы спускают на воду крашенные в желтый цвет шлюпки.

– Госпожа! Я доставлю тебя назад бесплатно!

Ронзангтондамени обернулась и, не скрывая удивления, посмотрела на него:

– Спасибо, капитан! Нет!

Понадобилось четыре рейса и почти три часа, чтобы переправить на берег двенадцать урнгрия вместе с пардами и поклажей. Их высадили на широкий песчаный пляж, окаймляющий бухту, которой открывалось устье безымянной реки.

Отсалиutowав на прощанье конгским драконьим флагом, двухмачтовый хог Лангана взял курс на мыс Прощания.

Утром следующего дня корабль миновал его и после жестокой схватки был взят на abordаж одной из двух пиратских шекк, отбившихся от основной армады. Обгорелые обломки второго пиратского корабля через шесть дней прибило к берегу, но капитан уцелевшей шекки не особо печалился о собрате. Имперский хог – отличное судно. Ветер был попутный, что тоже радовало капитана: он вовсе не желал терять долю береговой добычи. Переправив на захваченное судно часть собственной команды, он двинулся курсом на Йенкаян.

Было раннее утро седьмого дня первого месяца осени.

«Есть битвы, которые лучше бы не выигрывать».
Готар Глорианский. Благословенный Конг

Море Зур. Тысяча двенадцатый год. Первый день осени.

В такое же раннее утро, но шестью днями раньше, Южная Эскадра Империи, двадцать шесть больших боевых кораблей и примерно столько же малых, взяла курс на юг-юго-запад.

На глади пенного моря Зур, вопреки своему прозвищу, совершенно спокойного и казавшегося почти черным, если глядеть прямо на поднимающийся из него красный шар, белопарусные корабли напоминали облака, спустившиеся с небес.

Вел эскадру светлейший Адалг Асенар. Он командовал ею почти двадцать лет. Но в этот день приказы отдавал не сам адмирал, а его племянник, капитан Робур, с мостика флагмана озиравший пустынное море. Причиной того была внезапная болезнь старшего из Асенаров, приковавшая Адалга к койке. Но и без его твердой руки Южная Эскадра двигалась вперед, к берегам благословенного Конга, некогда самой южной из колоний Империи. Адалг получил самые широкие полномочия. Именно ему на месте предстояло решить, останется ли Южная Эскадра в стороне, издали наблюдая за событиями в Конге, или же прямо вмешается в них. Восемь тысяч воинов-моряков Империи могли бы склонить весы в нужную сторону. При необходимости. Увы, побежденный нежданной хворью светлейший Адалг странствовал в мире снов, его личный лекарь беспомощно разводил руками, а груз ответственности ложился на широкие плечи светлорожденного Робура. К радости последнего. Как всякий молодой Асенар, Робур, сын Гардараса, обожал войну. И справедливо опасался, что дядя его, из политических соображений, предпочтет невмешательство. Робур любил дядю, но надеялся, что тот пролежит в беспмятстве еще пару дней.

До горловины Фарангского залива оставалось чуть более ста пятидесяти миль.

* * *

Юг. Тысяча двенадцатый год. Осень.

— Привет, брат! — широченный язык прошелся по голове Санти, слизнув не только кровь, но и сами раны. Слизнул — и спрятался за великолепными клыками в человеческий локоть длиной.

— Ты... — прошептал юноша, пытаясь улыбнуться. У него улыбка получилась.

— Идешь на поправку! — прогрохотало из чудовищной пасти. — Ты не возражаешь?

И Пятнистый Брат стремительно уменьшился в размерах.

— Где я? — прошептал Санти.

Пятнистый Брат рассмеялся. Это было похоже на приступ кашля.

— Ты спрашиваешь?

Санти закрыл глаза. И тут на него нахлынуло. Он вспомнил раздувающего пламя мага, дракона, себя, ставшего Серым, вспомнил стремительно растущее, вырвавшееся из плена Семя Зла. И безумный полет, и преследователя, жаждущего всосать внутрь Санти-Дракона, упрятать в себе, подобно тому, как сам он был спрятан внутри Санти.

Юноша затрепетал. На миг ему показалось: он поглощен и смотрит на мир сквозь пелену Того...

Но это были лишь слезы. Санти мигнул, и пелена исчезла.

Значит, он спасся? Но как? И где Тот?

— Не могу тебе ответить! — проворчал Пятнистый Брат. — Я — только хроменький, потрепанный жизнью зверек! Поищи-ка у себя внутри!

Санти так и сделал. Он знал, где прежде скрывался Тот, и ожидал найти там пустоту. И

нашел ее. Но пустота была приятна. От нее исходило чувство засеянного поля. Он, Санти, переменялся.

«Я больше не Туон!» – подумал юноша.

– Ну уж нет! – возразил Пятнистый Брат, вылизывая задранную вверх заднюю лапу. – Имя произнесено, милоч! Не тебе его менять!

– Посмотрим, – пробормотал Санти.

Теперь он стал сам себе куда яснее. Вместо сумрака внутри жило нечто ясное, доступное. Ну, может, пара темных облачков еще оставалась, но не более. Санти даже мог бы вспомнить, кем был прежде, до рождения. Но ему было не интересно. Настоящее выглядело куда привлекательней. Зверь-демон был прав: Санти знал, где находится.

– Спасибо тебе, братец! – сказал юноша, садясь.

– Ерунда! Всегда рад оказаться полезным! Я бы и раньше вмешался, да только кое-кто велел мне держаться от тебя подальше!

Пятнистый Брат покончил с одной лапой и принялся за другую, особенно тщательно вылизывая промежутки между когтистыми растопыренными пальцами. Рыжая гладкая шерсть поблескивала в темноте.

Санти огляделся. Он находился на лужайке, со всех сторон окруженной зарослями. Вверху раскинулось фиолетовое небо с белыми и зелеными точками звезд. Ночь довольно темная, но юноша прекрасно различал все, даже крохотные синие цветы на ползущей через лужайку лиане. Как только он подумал о ней, лиана изогнулась и потянулась к Санти. Юноша протянул руку, и усики, мягкие и тонкие, как женские волосы, обвили его пальцы.

Пятнистый Брат перестал вылизываться.

– Поосторожней с ней! – предупредил он.

– Не беспокойся! – Санти погладил второй рукой гладкую теплую розовую кору – так приласкал бы кошку.

Лиана – почти как животное. Хищное животное. Но ведь и кошка – хищник.

Усики оставили руку Санти. Лиана поползла дальше: она была голодна.

– Это ведь Гибельный Лес? – спросил Санти, заранее зная ответ.

– Нет! Это спальня дядюшки Равахша! – Пятнистый Брат подпрыгнул и накрыл лапами пробежавшую крысу.

Зверек пронзительно заверещал, но тут же умолк.

«Проголодался!» – мысленно сообщил Пятнистый Брат, вытягиваясь на траве с добычей, зажатой между передними лапами. Он еще уменьшился и был теперь не больше двух локтей длиной, став в точности таким, каким был, когда Санти увидел его впервые, в замке соххоггой Нассини.

– Ты ешь мясо? – удивился Санти.

«Бывает!» – отозвался тот, хрустя косточками крысы. – Вообще-то я в этом не нуждаюсь! – признался Пятнистый Брат. – Но иногда...»

Запах крови привлек других любителей плоти, и Пятнистый Брат ненадолго прикинулся здоровенным кугурром.

Тут Санти вспомнил об оставшихся на севере и забеспокоился.

– Братец! – позвал он. – Слушай! Если мы на Юге, значит к утру нам никак не попасть в Междуречье?

Пятнистый Брат облизнулся. От крысы остались хвостик да голова, которой немедленно занялись крабы.

– К утру? К чему такая спешка?

– Там моя армия, – очень серьезно сказал Санти. – Вот-вот начнется битва. Я не должен этого допустить!

Он вскочил на ноги:

– Ты можешь отнести меня назад?

– Разве я дракон? – осведомился Пятнистый Брат, потер выпачканную в крови морду, затем вылизал лапу.

Санги опустился на землю. Он был опечален.

Пятнистый Брат с явным интересом наблюдал за ним, потом спросил:

– Как полагаешь, сколько времени прошло с тех пор, как этот длинный тайдуанский колдун выманил тебя на лужок?

– Часов десять, – ответил Санги. – Или меньше. Я ведь не знаю, сколько осталось до рассвета!

Пятнистый Брат снова разразился кашлем. Это, видимо, означало смех.

– Не хочу тебя огорчать, – проговорил он, – но приходится! Битва, о которой ты так печешься, произошла! Эдак часов сто назад!

Санги в изумлении уставился на него.

– Да, да! Твои люди обходятся без тебя уже не один день! Неплохо обходятся, насколько мне известно!

– Как так?

– А ты думал!.. Нет, брат! За магический праздник, который ты устроил, пришлось заплатить! Твоим собственным временем заплатить! И не задавай вопросов, на которые знаешь ответ! Я обижусь! – Пятнистый Брат сердито фыркнул.

Санги вник в сказанное и убедился, что тот опять прав.

– А все же я не прочь вернуться! – сказал юноша, поразмыслив.

– В твоих силах! – отозвался Пятнистый Брат. – Силенок у тебя, ясное дело, поубавилось: создать дракона у тебя уже не получится, но позвать какого-нибудь бронзовокрылого из здешних – это тебе вполне по силам! Уверен: любой из них с радостью потаскает на загривке такого выдающегося парня! Однако, на мой взгляд, лучше тебе пока остаться здесь. Вдруг с тобой произойдет нечто неприятное? Пусть уж это произойдет здесь, а не там, где много людей! Если, конечно, их судьба тебя беспокоит.

– О чем ты?

– Ты меня удивляешь! Думаешь, если я вытащил тебя из крысоловки и перенес сюда, этим все кончилось? Думаешь, этот оставит тебя в покое? Я думал, ты умнее, Туон!

Вся вновь обретенная гармония рушилась, как тростниковая хижина под ударами бури.

– Не трусь! – насмешливо проговорил Пятнистый Брат. – Может, он и впрямь потерял твой след! А потом – это же твой долг, как я понимаю! Отнесись к нему правильно – и получишь удовольствие!

– Сомневаюсь! – произнес Санги. Но к нему внезапно вернулось хорошее настроение.

– Ты – рыжий негодяй! – сообщил он Пятнистому Брату. – Не будь я обязан тебе жизнью, ты получил бы взбучку похлеще той, что пообещал тебе Трой!

– Ха! Вижу, ты стал кое-что замечать, подальше куцей человеческой морды! Но так ли ты могуч, чтобы сулить мне взбучку?

И начал раздуваться. Больше, больше – пока не достиг высоты двадцати локтей.

– Ну-ка! – прогрехотал он сверху. – Попробуй со мной совладать!

Санги, не вставая, поднял с земли сухую веточку и кольнул ею воздух перед собой.

Огромное клыкастое чудовище опало еще быстрее, чем выросло.

Пятнистый Брат подбежал к нему и потерял головой о плечо:

– Ты радуешь меня, Туон! – промурлыкал он. – Хочешь, я покажу тебе место, где ты был зачат? Если, конечно, ты уже не рвешься сломя голову на север, чтобы помешать Судьбе залечивать свой узор там, где его испоганили грубые шутки магов?

– Говори проще, – заметил Санги. – Так будет естественней!

– Я цитировал! – оправдался Пятнистый Брат. – Но давай поторопимся: Королева Ночи эффективней всего тогда, когда восходит луна!

Ночной Лес был удивительно красив. У Санги язык не повернулся бы назвать его Гибельным. Он, конечно, знал: смерть таится здесь в каждом шипе, в каждом усике лианы. Но в них же – и жизнь. И не нашлось бы в Вечном Лоне растения, что пожелало бы причинить ему боль. Санги мог идти босиком – и не наступил бы на торчащую из травы

ядовитую иглу! Юноша прошел мимо Пурпурного Охотника, и тот приветствовал его тихим шелестом узорчатых листьев. Все, что произрастало в этой теплой влажной земле, – одного корня с Санти. И нет в Вечном Лоне хищного зверя, что посягнул бы на молодого мага.

Лес виделся Санти сотнями красок и тысячами цветов. Внутренний взор позволял ему замечать каждую травинку в двадцати шагах. Звериная тропа петляла, огибая могучие голубовато-мерцающие стволы, охваченные красными змеями лиан, с желтыми и серыми тенями, мелькающими наверху, в перламутровых кронах. Санти шел по тропе уверенно и легко. Он чувствовал направление, подсказанное ему Пятнистым Братом, крадущимся сзади.

– Дом, доу вау!
Вниз по речке плыву!
Золотые цветы собираю!
Дом, доу, вау!
По зеленой реке,
Со свирелью в руке,
Золотые цветы собираю!

Песенка возникла сама собой, ниоткуда. Санти негромко напевал ее себе под нос. И очень развлекался, когда привлеченные пением и видом беспечно идущего человека вырастали из темноты жутковатые морды охотников Вечного Лона.

Появлялись – и исчезали, признав в поющем Недобычу.

Санти увидел впереди поросль совершенно черной травы. Высокой травы, поднимающейся почти до подбородка. Прямые стебли с узкими листьями и распущенными верхушками глубокого черного цвета. Таким бывает небо в ясную ночь. Небо между ослепительными иглами звезд.

Тропа огибала травяное пятно, привлекшее внимание молодого мага. Само же пятно выглядело необычно – из-за цвета, и еще из-за того, что представляло собой идеально ровный, будто обкошенный кем-то круг. Санти остановился, приглядываясь. И тотчас в спину его ткнулся нос Пятнистого Брата:

– Ну иди же! – проворчал он. – Не стой!
Но – опоздал.

Санти уже услышал ласковый голос, нежный голос, притягательный, неотразимо властный, как пение фьель:

– Санти! Санти! Милый!

Пятнистый Брат присел на задние лапы. Клыки его ощерились, но рычание так и осталось в горле: Санти велел ему замолчать.

Юноша сделал шаг вперед, еще один – и вошел в травяной круг.

Он не боялся. И не потому, что забыл об опасности или не знал о ней. Он хотел идти – и шел. И подталкивало его не очарование зовущего голоса, а собственное любопытство. С недавнего времени Санти было трудно очаровать.

– Милый! Милый! Иди ко мне! Санти! – пел чудесный голос, похожий одновременно и на голос Этайи, и на голос Мары, фарангской подруги его – из тех времен. И еще чьи-то голоса...

Санти увидел ее чуть раньше, чем достиг противоположного края травяного круга.

Она стояла чуть в стороне от тропы, уронив руки вдоль бедер, подняв ему навстречу прекрасное лицо. У нее были большие удлинённые глаза в обрамлении золотых ресниц с темными изогнутыми кончиками. Мягкие золотые волосы падали на прямые плечи и крупные груди с заостренными коническими сосками. Талия такая тонкая, что ее можно обхватить пальцами. Но гибкая сила чувствовалась в стане ее, в чуть выступающих мышцах гладкого живота.

Короткая юбка из нанизанных на паутинную нить стеблей черной травы, обнимала ее на ладонь ниже пупка и спадала до середины длинных сильных бедер. Ростом она была ниже

Санги, и смотрела на молодого мага снизу вверх, запрокинув изящную головку.

Лесная волшебница, Женщина Вечного Лона. Нет, скорее, девушка, в которой вуаль невинности уже выгибается изнутри ветром жажды.

Больше она не говорила ничего. Только смотрела. И полуоткрытый рот, трепещущие ноздри, блестящие глаза – говорили больше, чем голос.

Санги приблизился и коснулся руками гладких теплых плеч. Девушка с готовностью потянулась к нему, и когда губы их соприкоснулись (губы, но не тела!), Санги осознал одну удивительную особенность.

Сейчас он смотрел внутренним зрением, но видел девушку такой, словно глядел обычными глазами при свете дня.

«Она создала себя для меня!» – понял Санги.

Поцелуй, нежный и трепещущий, как крылья медовницы. В нем еще не было страсти, лишь намеки на страсть.

«Ты не должен!» – прозвучал в мозгу голос Пятнистого Брата.

«Почему?» – удивился Санги.

«Потому что ты не должен!» – настаивал Пятнистый Брат. Он явно не желал ничего объяснять.

«Нет!» Санги почувствовал: девушка слышит их мысленный разговор и не ожидает от него иного ответа. Это было приятно.

Но Пятнистый Брат не успокоился. Он стал большим. Очень большим. Угрожающим. И быстрая мысль понеслась от него к золотоволосой – такая быстрая, что Санги не успел осознать ее, лишь уловил скрытую в ней волю.

Девушка откинулась назад, посмотрела на страшную морду: руки ее лежали на плечах Санги, невесомые, как пух.

– Не приказывай мне, зверь-демон! – произнесла она нежно и печально. – Я позвала, он пришел, обычай исполнен, и я люблю его. Оставь нас! Прошу!

– Ты должна уйти! – прогреготало, как гром.

– Эй! – вмешался Санги. – Что с тобой, малыш? Я знаю, что делаю!

– Ты... – прогремело сверху... И Пятнистый Брат исчез.

– Ты не в силах стать между нами, зверь-демон! – пропел чарующий голосок. – Ты знаешь!

Санги ощутил волну нежности, хлынувшую одновременно и к нему, и к Пятнистому Брату, скрывшемуся где-то в траве.

– Санги, милый!

– Да, – сказал молодой маг, касаясь пальцами соска золотоволосой. – Я пойду с тобой!

Фаранг. Тысяча двенадцатый год. Осень.

Около полудня наблюдатели на башнях заметили паруса Южной Эскадры. А вскоре их видел уже весь немногочисленный гарнизон, оставшийся в крепости: более полусотни кораблей, будто сверкающие облака над голубизной моря.

Начальник крепости Тинг помянул в сердцах Великого Ангана, тысяцкого Ганга и всех покровителей Нижнего Мира. Было от чего! Все баллисты и бастионы, вся крепость – в полной боевой готовности. Недоставало одного: вместо обычной полутысячи воинов остались лишь тридцать солдат. Не хватит и на обслугу нескольких баллист, разорви Равахш тех, кто допустил подобное! С тридцатью бойцами ему даже пару шекк не остановить, не то, что полную эскадру Империи, чьи снасти не поджечь огненным зельем, а на одном только флагмане достаточно орудий, чтобы в три залпа сделать из крепости костер.

Осознав это, начальник крепости как-то сразу успокоился и не без удовольствия смотрел, как перестраивается эскадра. Средние корабли отошли назад, а большие, построившись «змеей», убрали часть парусов, и вошли в пролив...

Пролив между материком, на котором стояла крепость, и совершенно голым

каменистым островом «Сломанный Зуб» называли в Конге «Узкий Рукав». Он считался более безопасным проходом, чем просторный, но усеянный рифами и изобилующий отмелями четырехмильной ширины «Широкий Рукав». Безопасным – по фарватеру. Зато отнюдь не безопасным для врага, так как был отлично защищен крепостью. Когда в ней полный гарнизон.

– Баллисты – к бою! – приказал флагман-капитан Робур командиру моряков-воинов. – Сигнальщик! Передай кормовому: «Эскадре! Готовность! Огня не открывать!» Мачтовому: «Адмирал Южной Императорской эскадры – крепости Тинг: Фарватер знаю! Вхожу в залив!»

– Может, стоит подать: «Прошу разрешения?» – предложил старший кормчий флагмана, старый моряк, не столь склонный к драке, как его начальник.

– Нет! – резко, даже гневно оборвал его Робур. – Пусть попробуют запретить! Мои баллисты сожгут их крепость прежде, чем они сделают дюжину выстрелов!

– Да, светлейший! – не посмел возражать кормчий. Хотя и знал, что один залп крепости Тинг может стоять эскадре корабля. А то и двух.

– Вот наглец! – проворчал начальник крепости, разглядев сигнал.

Будь у него хотя бы человек триста, он выдал бы: «Запрещаю!» И принял бой, как подобает. Но с тридцатью...

– Знают, крысы, что у нас – голо! – буркнул он своему новому помощнику (старый ушел с Гангом.) – Ничего не отвечать! Передать зеркалами в Фаранг: «Большая эскадра Империи. Пятьдесят кораблей. Входит в залив. Воспрепятствовать не имею средств». Пусть-ка умники сами разбираются! – добавил он не без злорадства.

Все же Империя – не Омбам. Злодействовать не будут. В этом начальник крепости был глубоко убежден.

Великолепные корабли один за другим скользили мимо Тинга. В солнечном пламени их белоснежные паруса казались золотистыми. Порты баллист, обведенные надраенной бронзой, как десятки глаз взирали со светло-коричневых бортов на конгайскую крепость.

Когда эскадра вошла в залив, Робур дал сигнал перестроиться. Он был уверен, что фарангская эскадра не станет смотреть сквозь пальцы на вторгшиеся в залив корабли Империи, но предполагал, что в Гавани лишь небольшая часть ее: шесть-семь кораблей, остальные же патрулируют побережье.

Робур, сын Гардараса, ошибся. Все двадцать восемь больших кораблей Фаранга стояли в гавани Стража Севера.

И все они остались у пирсов, ни один не вышел навстречу флоту Империи.

И баллисты фарангских бастионов не сделали ни одного, даже предупредительного выстрела. Причина была той же, по которой молчала крепость Тинг. Там, где прежде стояли тридцать моряков-воинов – остался один. А вместо полутора тысяч солдат Фаранг мог выставить от силы сотню. Более того, ни одного мало-мальски опытного военачальника не осталось в Страже Севера. И капитаны кораблей, и Начальник Гавани (в недавнем прошлом – начальник фарангской таможни) утешили себя тем, что Империя – не Омбам. Это, впрочем, соответствовало истине.

Корабли северян без помех встали на якорь в четверти мили от берега, а флагман, агрессивно темнея отверстиями вскрытых оружейных портов и блестя шлемами выстроившихся на носу воинов-моряков, миновал конгайские боевые корабли и пришвартовался у центрального пирса.

Воины мигом высыпали на берег и построились ошестинившимся клинками каре. Затем на землю благословенного Конга сошел светлорожденный Робур.

На берегу толпилось немало людей. Но даже пьяный писец не принял бы их за солдат. Когда воины Империи неторопливым уверенным шагом двинулись вперед, толпа поспешно отхлынула, оставив на выложенной плитами площади лишь жалкую горстку людей в одежде чиновников.

Робуру подвели парда, и светлорожденный легко вспрыгнул в высокое седло. Зверь,

застоявшийся за время плавания, заплясал на месте, удерживаемый мускулистой рукой всадника.

Воины-моряки тесным кольцом обступили конгайских чиновников. Один из них шагнул вперед. На медальоне его красной медью блестел Спящий Дракон Конга.

– Я – начальник канцелярии Наместника Фаранга! – спокойно произнес он.

То, что конгай не выказывал страха, понравилось Робуру. Но то, что стоявший перед ним явно не был воином, – огорчило. Какой-то штатский чиновник – не соперник светлорожденному Империи.

– Сам Наместник? – резко спросил Робур.

– Наместник Фаранга Алан арестован по приказу Дракона Севера Ганга! – невозмутимо ответил начальник канцелярии.

– Начальник Гавани?

– Я! – сказал толстый круглолицый мужчина, явно испуганный до смерти.

– Ты? – недоверчиво спросил Робур.

Толстяк побагровел.

– Он не лжет! – сказал начальник канцелярии с прежней невозмутимостью. – Прежний Начальник Гавани отважный Шинон скончался!

– Сожалею! – отрывисто бросил Робур. – Начальник гарнизона тоже скончался?

– Дракон Севера Ганг, я полагаю, сражается сейчас с Исполняющим Волю Великого Ангана Керанраоном. Под началом Освободителя.

– Так! – сказал Робур, окончательно потеряв надежду отыскать кого-нибудь, с кем не зазорно скрестить меч.

– Так, – согласился чиновник. – Ныне я – старший в Фаранге. И сразу говорю тебе, светлейший: город беззащитен! Я лишь взываю к твоей снисходительности. К твоей чести и чести величайшей из держав Мира!

– Не бывает беззащитных городов! – проворчал Робур. – Бывают трусливые градоначальники!

Впрочем, сказал он это на языке Хольда. Зачем напрасно оскорблять человека низшего сословия?

– Я, – произнес он надменно, – флагман-капитан светлорожденный Робур, сын Гардараса, Асенар! Я буду снисходителен. Веди меня во дворец Наместника и прикажи своим подданным вести себя скромно, пока мои люди будут занимать город! Мы – не варвары! Но не дай вам боги показать клыки после того, как поджат хвост!

– Твои люди получают всё необходимое, и никто не посмеет чинить им препятствий! – заверил начальник канцелярии. – Мы отдаем тебе город, потому что не можем его защитить, – чиновник посмотрел на северянина без вызова, но и без страха.

– Хорошо, – кивнул светлорожденный.

Мысль о том, что именно он, Робур, сейчас присоединяет к Империи ее утраченные земли, отчасти примирила его с тем, что меч так и остался в ножнах.

– Не в моей власти решать судьбу Конга! – сказал начальник канцелярии. – Я лишь покупаю у тебя наши жизни! Вернее, прошу о милосердии к мирным людям Фаранга. Размер выкупа...

– Я не пират! – сердито оборвал его флагман-капитан. – То, что причитается Империи, будет по закону определено Империей! Довольно об этом! Вели прислать мне паланкин с умелыми носильщиками! Мой дядя, адмирал Южной Эскадры светлейший Адальг, болен и не может сесть в седло!

– Все необходимое! – поклонился чиновник. – К сожалению, в городе не осталось хороших лекарей! Все ушли с Освободителем!

– Мне не нужны лекари! – оборвал его светлорожденный. – От тебя требуется паланкин, дюжина крепких носильщиков и – чтобы мирные, как ты сказал, жители знали свое место. Во дворец Наместника ты проводишь меня лично. Действуй, почтенный!

Адмирал Адальг проснулся, вернее, вышел из забытья за четыре часа до захода. Робура

тотчас оповестили об этом, и он поспешил к дяде.

Адмирал был очень слаб, но уже способен здраво размышлять.

– Где мы?

– На твердой земле! – сказал Робур.

– Где именно?

– Это Фаранг, дядя! Дворец Наместника!

– Мы гости?

– Хозяева!

– Робур!

– Дядя! Я даже не вынул меча из ножен, клянусь Трезубцем! Послушай! – и он выложил всю историю от момента, когда они подошли к крепости Тинг.

– Ты удачлив! – проворчал адмирал. – Уверен, что это не ловушка?

– Мы заняли город. Здесь не наберется и двух сотен солдат. Мои воины расчистили часть дворца, посты расставлены. Мы полностью контролируем и город, и подступы к нему! – не без гордости произнес Робур. – Если так пойдет дальше, через месяц Конг снова будет под эгидой императора!

Старый адмирал некоторое время молчал, потом спросил:

– А куда подевались воины Конга?

– Насколько мне известно, сражаются между собой! Дядя! Мы наведем здесь порядок! Поправляйся скорее! Эта страна – созревший плод, самое время его снять!

– Осторожность, Робур! – с трудом выговаривая слова, напомнил адмирал. – Я знаю весть, переданную Совету достойным Биорком Эйриксоном. Он предупредил: Конг не потерпит вторжения!

– Но мы здесь! – нетерпеливо произнес Робур. – И до сих пор не видели ни одного обнаженного клинка, кроме своих собственных! Достойный Биорк мог и ошибиться!

– Биорк? – Адалг чуть заметно улыбнулся. – Нет, Робур! Биорк не мог ошибиться! По крайней мере – в этом! И еще: имей в виду, год тому назад здесь, в Фаранге, исчез твой старший брат Эрд, Наследник!

Биорк ничего не сказал светлорожденному Володу о судьбе Эрда. Вернее, сказал очень немного. А сам Волод Рус не потрудился сообщить об этом Совету.

– Я буду осторожен! – пообещал Робур.

«Великий Потрясатель! – подумал он. – Эрд! Наследник Асенаров! Носитель Белого Меча!»

Адалг надеялся наставить племянника на путь осторожности, но добился прямо противоположного.

Заметив, что адмирал снова закрыл глаза, Робур бесшумно поднялся и поманил лекаря, почтительно отошедшего в дальний угол, пока светлорожденные беседовали.

– Как он?

– Дня через два встанет на ноги, светлейший!

– Отлично!

– Заслуга не только моя, светлейший!

– Никого не обойдут!

И вышел из комнаты стремительной и бесшумной походкой мастера Мангхэл-Сёрк.

XXI

«Воин искусный подобен крепкому челну. Отважно выходит он в холодное море и способен пересечь его от берега до берега, если благословенная Удача избавит его от ярости зимних штормов.

Постигший Правила подобен дракуну с бортами из крепкого дерева и парусами, что несут его от земли до земли. Непобедим он, ибо верно выбирает ветер, в нужную пору приходит к берегам и уходит от них, смывая лишнее, как смывают с палубы осевшую соль.

Морские чудища могут оборвать его путь. Или встреча с подобным себе. Но место гибели он выбирает сам».

Мангхэл Сёрк. Правило сто шестое

Междуречье. Тысяча двенадцатый год. Осень.

– Ха! – сказал Нил. – Вы оба – славные парни! Еще один кувшин – и я захочу остаться у вас в Конге навсегда!

– Оставайся! – предложил Керанраон. – Такому, как ты, всегда найдется достойное место! Будь я омбамской крысой, если Ганг не сделает тебя Стражем Севера, только заикнись! А не сделает – я сам дам тебе любую должность! Клянусь Рогами!

– Стоп! – возразил Нил. – Сначала вам надо разобраться между собой! Кстати, Раон! Я и есть страж Севера!

– Ты? – воскликнул тысяцкий Кэнау, командир сарбурских латников.

– Именно. Нашего Севера. Так что придется мне вернуться, достойные. Вот отыщем Сантана – и прощай благословенный Конг!

– Нил, – заплетающимся языком проговорил захмелевший Кэнау. – Ты не можешь вот так нас бросить, Нил! Да ты должен... – и замолк, пытаясь сообразить, что именно должен Нил.

– Он останется еще немного! – сказал Керанраон, собственноручно наполняя кубок северянина. – Ты же не можешь уехать, так и не взглянув на Дворец Великого Ангана! Да и на самого Великого Ангана стоит взглянуть! Великий Тур! У нас еще довольно работы для твоих рук и головы! Великий Анган...

– Брось! – махнул рукой Нил, опрокидывая кубок. Вино пенистой струей лилось ему в глотку. Как в пустую бочку.

– Брось! – повторил великан, стукнув кубком по столу. – ...л я вашего Великого Ангана! И скажу тебе – дрянь! Деревяшка с дыркой! Да и смотреть-то не на что! Любая баба в соседней деревне даст ей три прыжка форы!

– А? – воззрился на великана Кэнау.

Даже сдержанный и относительно трезвый Керанраон не смог скрыть удивления:

– Ты уверен в том... что говоришь? – переспросил он.

– Я всегда уверен! – заявил Нил. – Кэнау, брат, подай-ка мне бурдючок! Если я сказал: ...л, значит так оно и есть! Будь уверен!

– Ты трахался с Великим Анганом? – переспросил Кэнау, протягивая Нилу бурдюк. – И, Керанраону. – Не сомневайся, командир! Ежели Нил сказал – так и есть! – и гулко хлопнул великана по спине.

– С Нассини, – сказал Нил. – Давай будем говорить: с Нассини. Трахался с Великим Анганом... Как-то оно не по-мужски, на мой вкус. Да, я трахнул эту... госпожу. Когда мы гостили у нее в прошлом году! Наш покровитель... – великан подмигнул Керанраону, – одобряет это дело, как тебе известно! И уж не в моих правилах отказать женщине, которая сама залезла в мою постель! Для этого, – Нил постучал себя кулаком по животу, – тоже, знаешь, нужна смелость! Да что я, – он обнял Керанраона, притянул его к себе и прошептал в самое ухо. – Наш светлейший Эрд, он избавился от ее чар лишь с помощью магии: клянусь гузном Первого Быка!

– Чар? – Керанраон заинтересованно поглядел на сына вагара. – Чар...

– Кто-то мне говорил, – вмешался Кэнау. – Будто она отрезала концы у своих любовников! А ее лекарь их засушивал! Кто же мне...

– Это я говорил! – сказал Керанраон. И, адресуясь к Нилу: – Поклясться в том не могу, но когда рассказали самому – не усомнился! Очень похоже на красноглазых! Однако при чем тут чародейство?

– Да, – проговорил Нил. – Она как-то завлекала всех, кто имел с ней дело! А вот как именно – не скажу. Не знаю. Понимаешь, сам-то я просто отодрал ее и все тут! И клянусь

тебе, друг Кэнау, мое – при мне! Отнюдь не засушено! И сильно бледен будет тот, кто пожелает засушить мой коловорот!

– А все-таки магия у них есть! – гнул свое Керанраон. – Как ты иначе объяснишь, что девчонка, соплячка, тринадцати лет еще нет, ручки – с мой палец – рубится с тремя бойцами! Сам видел! И, клянусь Рогами, она прикончила бы всех троих, если б четвертый не всадил в нее стрелу!

– Объяснить? – Нил потряс бурдюк, чтобы определить, сколько там осталось, обвел взглядом сидящих за соседними столами, хмыкнул: – Объясню! Взгляни на моего отца! Ростом – пацан! Руки, конечно, не с твой палец, но с мой – точно! И ставлю своего парда – он нашинковал бы твоих бойцов за полминуты! И арбалетчика впридачу! Без всякой магии! А потому что – мастер! В этом все дело!

– Ну нет! – возразил Керанраон. – То есть, – поправился, – я не о достойном твоём отце! Я о соххогтоях! Может, и мастерство. Но не только. Что-то еще, клянусь Рогами! У нее ж и сила была – как у воина. А вертелась, как... как...

– Будь по-твоему! – согласился Нил. – Я же так полагаю: соххогтои ваши – вроде Несмеховых зверюшек! Только рубить их – можно! Вполне! Вот светлейший Эрд уже не одного уложил! И ваш Несмех, уверен, запросто уложит! Да что Несмех! Любой из черных ребятишек, пришедших с ним с Юга, успокоит троих соххогтоев! И добавки попросит, клянусь Рогами!

– Ну, – отмахнулся Керанраон. – Охотники не в счет! Сам я в Гибельном Лесу не был, слава богам! Но слышал о нем довольно! А эти молодцы там живут! Если же они там живут, вместе с краурхами, хорахшами, сиргибрами и прочими, да не пищей им служат, а себе служить заставляют – что таким красноглазые! Но, – вспомнил он. – Соххогтои и одного из них ухитрились прикончить! Что скажешь?

– Скажу, что против хорошего меча всегда найдется лучший! Мой, например! И не говорю, что ваши красноглазые – плохи! Я говорю: их можно рубить! Не хуже, чем прочих! А что до магов... против мага мечом махать бесполезно! Будь ваши красноглазые магами, разве они бы так опозорились? То, понимаешь, века правили страной, а тут – ра-а-аз – и нету их! Да демон с ними! Вот ты о себе скажи! Зачем ты в драку полез? Мало тебе своего Юга?

– Я? – Керанраон сначала смутился, а потом напустил на себя суровый вид: – Иному, – проворчал, – я бы подобного не спустил!

– Раон! Дружище! – Нил сграбастал его и притянул к себе: – Я ведь без яда спросил! Не обижайся! И, поверь, дело сие – не простое! Вот ты тут о магии говорил...

– Да что там! – бывший Исполняющий Волю махнул рукой. – Будем считать: мне показалось, что для Конга я буду неплохим правителем!

– Точно! – поддакнул Кэнау.

– Неплохим – это неплохо! – согласился Нил. – Я тоже так считаю: для Конга ты был бы неплохим правителем!

Керанраон взглянул на великана почти с благодарностью.

– Неплохим – для Конга, и отличным – для южного Конга!

– Теперь – вряд ли! – мрачно отозвался Керанраон. – После такой ошибки...

– Ты виноват, – согласился Нил. – Но что битву ты проиграл, так с кем сражался? С моим отцом! У него, говорю тебе, как вождь, – и сам Тур сражения не выиграет! Отец Эрда, Дин Асенар, когда был первым полководцем Империи – без Биорка ни на одну битву не выходил! И ни одной не проиграл, заметь! А когда кочевники на Эдзам навалились? Биорк приехал в Бабр¹⁹ – и через десять дней ни одного бур-чаданну не было к северу от Зуры²⁰! Нет, Биорку проиграть не зазорно! А ты, достойный, даже не проиграл – ты не выиграл! И

¹⁹ Барб – столица Эдзама.

²⁰ Зура – река, разделяющая земли Эдзама и Бур-Чадана.

это – к лучшему, верно! Выиграй ты – сидели бы мы сейчас мирно, вот так винишко попивая, а?

– Ох и сладко ты говоришь! – засмеялся бывший Исполняющий Волю. – А все же пусть мою судьбу решит тот, кто будет править Конгом! Пусть решает Освободитель!

– Сантан? – Нил оглушительно расхохотался.

Оба конгая уставились на него.

– Сантан! – проговорил, отсмеявшись, великан. – Он не будет править Конгом!

– Ты полагаешь, он мертв? – недоверчиво спросил Керанраон.

– Я полагаю – он жив! А все же править Конгом будет не он!

– Ну уж нет! – решительно заявил Керанраон. – Я сам шел против него! И ошибался! Если бы не Сантан – красноглазые помыкали бы нами еще сотни лет! Клянусь Рогами! И я встану против любого, кто захочет отнять у него власть!

– И я! – поддержал Кэнау. – Как это там сказано: ...И проснется дракон, и, это... в общем, повергнет! Поверг он зло или не поверг, а?

– Поверг, поверг, – согласился Нил и засмеялся. – Только править вами он не будет.

– Тогда ты, пророк, может скажешь нам, простым солдатам, кто будет нами править? – усмехнулся Керанраон.

– Для этого не надо быть пророком! – возразил Нил. – Да, я знаю, кто будет править Конгом! И это так же верно, как то, что сам ты станешь управителем Юга!

– Ну?

– Посмотри-ка туда! – предложил Нил. – Вот он!

– Твой сын неплохо поладил с моими военачальниками! – не глядя на вагара, произнес Тилод.

С ловкостью, говорившей о большом опыте, он вырезаёл на деревянной столешнице изображение сиргибра.

– Это была отличная идея – устроить нашу встречу подобным образом!

– Это была его идея! – сказал Биорк, оглядев десяток столов, расставленных между деревьями. – У моего сына много хороших идей!

– Я заметил! – Тилод оторвался от своего занятия и тоже окинул взглядом рощицу.

Если бы не фигуры часовых, маячившие поодаль через каждые десять шагов, можно было бы подумать, что большая компания друзей устроила ужин на открытом воздухе. Обычное дело в благословенном Конге. Только компания своеобразная: старшие командиры двух противостоящих армий.

Как совершенно точно определил Биорк, после похищения трех его военачальников, никаких требований не последовало. Четыре дня южане хранили молчание, а на пятый – вернули всех троих с предложением завтра начать переговоры.

– Никаких переговоров! – сказал тогда Нил.

– Полагаешь, следует отказаться? – заинтересовался Биорк.

– Ну зачем отказываться? – удивился Нил. – Завтра мы придем к ним – гостями! Выпьем винца, поговорим по-дружески! Вам, конгаям, – он похлопал по плечу оказавшегося рядом Вига, – в сущности, делить нечего! Конг – он и так ваш! Нет уж! Мы все, – Нил обвел взглядом военный совет, – придем к ним в лагерь и пусть-ка попробуют не угостить нас лучшим вином!

– Поддерживаю! – без колебаний сказал вагар, выразив общее мнение.

Южане – тоже без колебаний – ответили согласием. Да и можно ли отказаться, когда тебе оказывают такое доверие?

И сам день был хорош: ясный, не слишком жаркий, с прохладным ветром с восхода. Неплохой денек.

После первых же кубков с достойных военачальников сползла подобающая важность, и они превратились в самих себя: старых вояк, что не прочь хорошо повеселиться. Тысячкие, большинство из которых недавно были в лучшем случае «строеными мечами», бахвалились друг перед другом. Даже урнгрия, Хрор и Рхонг, отлично вошли в это общество, а уж о

самих конгях и говорить нечего.

Только Керанраон и Несмех несколько выделялись из общей массы военачальников. Но Керанраоном сразу занялся Нил, а Несмех, вместе с Эйрис, оказался в компании самого Биорка и светлорожденного Эрда. Впрочем, подруга зодчего не проронила ни слова и не выпила ни глотка вина.

– Так каковы наши дальнейшие цели? – спросил Биорк, нажав на слово «наши».

Тилод улыбнулся. Он снова стал часто улыбаться. Несмотря на свое прозвище.

– Я хотел бы услышать твое мнение, достойный Биорк. Я менее опытен.

Биорк кивнул. За свою долгую жизнь среди людей вагар привык к тому, что, даже не будучи Первым, так или иначе всегда сам принимает решения и отвечает за них.

– Полагаю, нам следует довести до конца начатое! – сказал он. – Но для начала распустить часть войск и в первую очередь вернуть городам их гарнизоны. Мой сын говорит: даже в законопослушном Фаранге не все спокойно!

– Согласен! – поддержал Тилод. – Но в первую очередь мы отправим назад воинов-моряков и Береговую стражу! Ты и мой друг Керанраон ухитрились оставить побережье совершенно беззащитным!

– И ты говоришь, что менее опытен! – засмеялся Биорк. – Завтра мы отправим назад всех, кого сочтем необходимым отправить. Кстати, для того, чтобы взять Далаанг, довольно и пяти тысяч хороших бойцов. Я был там.

– Не сомневаюсь. Я хотел бы еще сегодня распустить большую часть армий.

– Распустить армии?

– Мы с тобой воевать не собираемся, верно? А для того чтобы взять Далаанг, по твоим же словам, довольно и пяти тысяч!

– А соххоггой? Особенно те, что скрылись в джунглях? Их будет не так просто...

– О соххоггоях можешь забыть! – уверенно сказал Тилод. – С ними разберутся! Забудь о них и все!

– Кто разберется? Твои Охотники?

– Почти. Скажи мне, каковы твои планы? Лично твои?

– Он беспокоится, уберемся ли мы из Конга, когда все кончится, или затеем что-нибудь еще, – с усмешкой сказал вагар Эрду.

– Вовсе нет! – запротестовал зодчий. – Вы столько...

– Не торопись! – вагар поднял руку. – Скажу сразу: как только необходимость в нашей помощи исчезнет, я заберу своих парней, урнгрия, и уплыву на Красную! Ты поможешь нам с кораблями?

– Да, но...

– На Красной Тверди для ребят найдется работа! Но сам я еще вернусь. У меня есть обязательства перед Королевой Урнгуга! Надеюсь, мне не будет отказано в праве свободного передвижения по твоей стране?

– Кто бы ни стал правителем, ты получишь пожизненную Подорожную! – заверил его зодчий. – Больше того, если это не противоречит вашей чести, я, от себя, предложил бы вам и почетное гражданство и земли в пределах Междуречья. Думаю, никто не станет оспаривать ваших заслуг!

Биорк и Эрд переглянулись.

– Я не возражаю! – сказал светлорожденный. – Тем более, что твой сын наследует немалые владения в Империи.

– Каким образом? – изумился Тилод.

– Достойная, – обратился Эрд к Эйрис. – Ты ведь из рода Асенаров, не так ли?

– Отчего ты так думаешь?

– Достаточно посмотреть на твое лицо, чтобы понять это! – вмешался Биорк. – А твой сын похож на Эрда еще больше, чем ты!

– Я не знаю, – Эйрис покачала головой. – Не одну сотню лет обитает в Лоне мой Народ...

– Благородный Учитель! – догадался Тилод. – Тот, кто привел их в Лоно!

– Когда это было? – быстро спросил Эрд.

– Около двух веков назад! Может быть, отец Эйрис знает больше...

– Я знаю, кто он! – заявил Эрд. – Я помню Древо Асенаров! Твой предок – Ролф, третий сын самого Асхенны. Как раз в то время он пропал без вести в море Зур. Рад узнать тебя, сестра! – он ласково прикоснулся к руке Эйрис. – Многим обязан твоему сыну! Счастлив сообщить, что он – Наследник Асенаров по праву Белого Меча, хотя сейчас этот меч и со мной! – он погладил рукоять Белого Клинка.

– Мы все многим обязаны ему! – поддержал вагар.

– Боги! – проговорил Тилод. – Я оставил его на какой-то год! И вот: он тут же Освободителем! Ты совершенно уверен в том, что это мой сын? Когда я видел его последний раз, он был просто мальчишкой!

– Он был очень славным юношей! – сказал вагар. – Но я понимаю твое удивление!

– Я не удивлен – я потрясен! – произнес зодчий. – Я не могу вам не верить...

– Ты не можешь не верить народу Конга! – заметил Биорк. – У вас благословенная земля: на ней растут быстро! Санти говорил мне, ты родился на земляном полу тростниковой хижины, разве нет?

– Полагаю, пол прикрывала охапка соломы! – засмеялся Тилод.

– Меня больше беспокоит, как его найти! – озабоченно сказал Эрд. – Что, Биорк?

– Драконы, как ты понимаешь, не оставляют следов! Но я собираюсь искать не его, а Ронзангтондамени!

– Кто это? – спросила Эйрис.

– Его... подруга, – не стал вдаваться в подробности Биорк. – Она – одна из властительниц Урнгура и не слишком уважает здешних женщин, но ты... – вагар посмотрел в глаза Эйрис. – Ты, я уверен, придешься ей по душе!

– Если она не придется по душе мне, – холодно сказала женщина, – то недолго будет об этом жалеть!

– Легче, Харрок! – произнес Тилод. – Достойный, ты должен рассказать мне о Урнгуре, – зодчий уводил разговор в сторону. – Их воины лучше сарбурских «синих» и...

– Это Биорк сделал их такими! – уточнил Эрд. – Три сезона назад они были просто сбродом! В их стране не слишком почитают солдат!

– Я все расскажу тебе, достойный Несмех! – обещал Биорк. – Но – позже! А сейчас предлагаю тебе принять под начало мою армию!

– Ты же сказал, что не уедешь, пока все не завершится, – удивился зодчий. – И почему я? Разве среди твоих военачальников...

– Ты, – перебил его вагар. – Потому, что я так решил. Наш вождь – Сантан Фарангский. Пока его нет – командую я.

– Мне показалось, – заметил Тилод, – что ты командовал и раньше.

– Нет. Я предлагал решения, а Сантан принимал их. Или не принимал. Ты не узнаешь своего сына, достойный, когда увидишь его снова!

– Биорк! – настойчиво сказал Эрд. – Его надо найти!

– Он жив, – вмешалась Эйрис. – Я знаю.

– Мы отвлеклись, – заметил Биорк. – Итак, вождь Сантан, я уверен, не стал бы возражать против моего предложения. А вот если я откажусь в пользу самого достойного из моих военачальников, Ганга, а я этого, безусловно, не сделаю, то у нас снова будут две армии. Разве Керанраон, Исполняющий Волю Великого Ангана, меньше Ганга? Он не уступит.

– Но он уступил мне! – возразил Тилод.

– А у него был выбор?

– И еще одна причина, – продолжал Биорк. – Я хочу, чтобы именно ты стал Владыкой Конга!

– Я не узурпатор.

– Ты понял мою мысль, – с удовлетворением констатировал вагар. – Народ не будет

возражать. Ты – отец Освободителя!

– Я не рвусь к власти! – недовольно проговорил Тилод.

– Похвальное качество для правителя! И не думай, что я пекусь только о Конге! Неважно, кто ты сам – если на трон Конга взойдет женщина из рода Асенаров, а я словом своим подтверждаю ее кровь...

– И я! – вставил Эрд.

– ...то твоей стране никогда не будет угрожать Империя! И, соответственно, Империи не будет угрожать Конг!

– Моя страна сумеет себя защитить, – сказал Тилод. – Но дружба с вами – это много! Нас со всех сторон окружают враги.

Зодчий подумал немного – и решился:

– Хорошо. Не ради себя, но ради Конга я принимаю то, что ты предлагаешь! Я стану Великим Анганом!

Биорк покачал головой:

– Не торопись. Есть еще твой сын.

– Сантан?

– Именно! Ведь он – Асенар! И он – Освободитель!

– Если ты утверждаешь, что он подходит... только он – молод...

– Как думаешь, сколько мне лет? – спросил вагар.

– Судя по твоему сыну – не меньше шестидесяти!

– Больше. Так вот: если твой сын скажет: «Иди за мной!» – я может быть, и спрошу «Куда?» прежде, чем пойти. Но пойду непременно. А вот большинство конгаев и спрашивать не станут! И ни на миг не задумаются, предложи им выбирать между ним и тобой! Скажу больше: знай он, что страна нуждается в его руке, он, как бы это ни было ему неприятно, – принял бы груз власти! Ты хорошо его воспитал, Несмех! Гордись!

Зодчий некоторое время молчал, а потом поднял глаза на Биорка:

– Мне, – медленно проговорил он, – трудно примириться с мыслью, что мой сын станет править Конгом! Да еще прежде, чем ему исполнится двадцать лет... Может быть, когда я увижу его... Пусть Владыкой станет Сантан!

– Пришли! – сказал Биорк и засмеялся. – Я, достойный, очень люблю твоего сына! Не за то, что он спас моего! За то, что он – такой как есть! Но я приложу все свои силы, чтобы не он, а ты встал у кормового весла! У Санти много преимуществ, но есть одно обстоятельство, из-за которого будет огромной ошибкой передать ему власть!

– Говори! – нетерпеливо произнес зодчий.

– Только одно, достойный Тилод: он – маг!

XXII

«Скрестив клинок с клинком противника, не думай о том, рубишь ты сильно или слабо. Просто убей врага – и все».

Мангхэл-Сёрк. Правило сорок третье

Междуречье. Осень тысяча двенадцатого года.

Посланец Биорка разбудил Ганга незадолго до рассвета. Пробуждение после вчерашнего пиршества в лагере южан не доставило Гангу удовольствия. Но отказать Биорку по столь ничтожной причине, как похмелье, тысяцкий счел недостойным. Тем более, что вагар просил «достойного Дракона Севера тысяцкого Ганга» посетить его незамедлительно.

Кряхтя и ругаясь вполголоса Ганг с помощью слуги облачился в доспехи, выпил полкувшинчика кофе, чтобы исчез отвратительный металлический привкус во рту, и взгромоздился на подведенного парда. Ганг потребовал бы не парда, а носилки, если бы не

боялся уронить свою честь. После кофе стало полегче, но все равно – даже легкая парадная кираса давила на плечи, как ярмо вола, а шлем так и остался притороченным к седлу, чтоб встречный ветер оведал гудящую голову. Достойный Ганг чувствовал себя полураздавленной крысой. Тьфу!

В таком мерзком настроении Ганг подъехал к шатру Биорка.

Один из стражников помог тысяцкому сойти с парда. Тяжелым шагом Дракон Севера шагнул под полог. И выражение лица его при этом было ничуть не краше его походки.

В шатре ласковым желтым светом горела масляная лампа. Сам Биорк устроился, скрестив ноги, на свернутом в рулон ковре. Напротив него на корточках сидел Нил.

– Ого! – басом пропел великан при виде тысяцкого. – Вижу, богиня Ночи не осенила ложе моего друга! Прими мое сочувствие!

– Печень магхара! – проворчал Ганг, расстегивая пояс и тяжело опускаясь на подушки. – Ты-то, я вижу, как новенькая монета!

– Я-то? – Нил хохотнул. – У меня свои средства, достойный! Головка болит, да?

И, прежде, чем Ганг успел оскорбиться, он вдруг обнаружил, что голова его в полном порядке. И вообще, от похмелья не осталось и следа.

Тысяцкий так удивился, что не сразу ответил на приветствие вагара.

– Полегче? – усмехнулся Нил.

– Благодарю! – искренне произнес тысяцкий. – Ты вдохнул в меня жизнь. Привет тебе, достойный Биорк! Ты звал – я пришел.

– Прости, что прервал твой сон, – сказал вагар. – Но я хочу поговорить с тобой до утреннего совета. Скажу сразу: я принял решение, но оглашать его не стану, если не получу твоего согласия.

– Ты – командующий, – заметил тысяцкий. – Ты – правая рука Сантана. Решения принимать – тебе! Тем более, – добавил Ганг более мягко, – ты уже доказал, что твой путь – самый верный.

– Это так, – согласился Биорк. – Но мое нынешнее решение определит судьбу Конга. Так мне кажется. Посему твой голос, Ганг, по меньшей мере равен моему.

– Говори.

– Я решил отдаться под власть Несмеха!

Наступила тишина.

Наконец Ганг хриплым голосом произнес:

– Мне надо подумать.

– Разумеется, – кивнул вагар. – Но прежде позволь мне кое-что прояснить. Знаешь ли ты, кто такой Несмех?

– В той же степени, что и все! Он – вождь южан. Хотя до сих пор я не могу понять, как Керанраон встал под его руку.

– Ну, достойный, – подал реплику Нил. – Тут все просто! Несмех раздолбал его армию, а самого взял в плен!

– Я... не знал. Пленные говорили о каком-то сражении... Это точно?

– Клянусь ушками моей первой девчонки! – заявил великан. – Мои сведения – из первых рук!

– То есть?

– От самого Керанраона!

– Погоди, сын! – вмешался вагар. – Это сейчас не так важно! Достойный Ганг, тебе не показалось знакомым лицо воина Несмеха?

– Знакомым? Нет, не показалось.

– Ты уверен, что никогда не знал его раньше?

– Я никогда не был в Гибельном Лесу!

– Поздравляю! – вставил Нил.

– Несмех, – медленно произнес вагар, – Фарангский зодчий Тилод!

– Ты говоришь? – воскликнул Ганг. И тут в глазах его мелькнула искра: – Великие

боги! Ну конечно! Это он! – и, вдруг напрягшись. – Ты давно это знаешь, достойный Биорк?

– Со вчерашнего дня! – солгал вагар.

Ганг расслабился.

– Да. Я знаю Тилода Зодчего. Но... допустить такое было невозможно, почти невозможно!

– Твое «почти» рекомендует тебя наилучшим образом! – похвалил Нил. – Остается добавить, что Тилод – отец нашего Сантана. Кстати, он отменно владеет оружием!

– А? Да. Шинон говорил мне как-то. Да, – тысяцкий уже полностью овладел собой.

– В свете того, что ты сейчас сообщил мне, достойный Биорк, – произнес он официально, – я могу незамедлительно ответить на твой вопрос. Да, я поддерживаю твое решение передать власть Несмеху!

– Ты видишь то, что будет дальше? – спросил вагар.

– Дальше? Что будет, когда уладятся наши разногласия? Поясни.

– Разногласия уже улажены, – сказал вагар. – Раз Несмех станет нашим вождем до возвращения Сантана, какие могут быть разногласия? А когда Сантан вернется... он не захочет стать Владыкой Конга.

Ганг потер пальцем подбородок:

– Почему не захочет?

– Потому что я так говорю. И причина не в том, что Тилод – его отец. Как ты думаешь, достойный, что произойдет дальше?

– Владыкой Конга скорее всего станет Тилод! Да, так и произойдет! Серьезных соперников у него нет! Хотя нет и серьезных заслуг. Но большинство конгаев только обрадуется, когда править станет он, а не какой-нибудь соххоггой! Это ты имел в виду?

– Да. Только ты ошибся относительно соперников. Они у Тилода есть, и двоих я могу назвать прямо сейчас!

– Назови!

– Керанраон...

– Тому не бывать! – решительно мотнул головой тысяцкий.

– И ты! – отсек вагар реплику Ганга.

Тот в очередной раз изумленно уставился на Биорка.

Маленький воин был невозмутим.

– Да, – пробормотал тысяцкий. – А ведь ты меня уел! Керанраон сожрет любого, кто попытается накинуть на его спину седло! Это сейчас он тихий... после недавней трепки. А потом... Клянусь Туром, этот Исполняющий Волю не потерпит над собой ничьей руки!

– Согласен, – ответил Биорк. – Ничьей руки, кроме руки Несмеха!

– Сомневаюсь!

– Он поклялся ему в верности именем Тура, – заметил Нил.

– Ого! – Ганг опять потер подбородок.

– Ладно, – сказал он вскоре с усмешкой. – Я ведь не претендую на роль Великого Ангана! Пусть будет Тилод. Иначе мы сцепимся с Раоном по-настоящему и ни к чему хорошему это не приведет. Пусть будет Тилод. Он превосходный зодчий. Надеюсь, и правитель из него выйдет не хуже. Но, только если сам Освободитель откажется от власти!

– Идет! – тут же отозвался Нил. – Поклянись и ты, достойный, что не отступишь от своего слова!

– Это лишнее, сын! – возразил Биорк. – Я сам ручаюсь, что он не отступит! Ему нет нужды клясться именем Тура!

– Нет уж! – воскликнул тысяцкий. – Ценю твое доверие, достойный Биорк, но я готов дать по доброй воле то, что Керанраон отдал под угрозой меча! Я, Ганг, клянусь именем моего бога – покровителя, Тура Мощного и Непобедимого, что буду хранить верность Тилоду из Фаранга, вождю, если его сын Сантан откажется от власти над Конгом!

– Свидетельствую! – пророкотал Нил.

Биорк протянул руку, и Ганг сжал ее. А сверху легла широченная лапища Нила.

Северный Конг. Осень тысяча двенадцатого года.

Первый луч коснулся золотого диска на крыше храма Морской богини, когда светлейший Робур выехал из Фаранга. Еще вчера он конфисковал всех оставшихся в городе пардов, присоединил их к тем, что были привезены на кораблях эскадры, и теперь вместе с ним из Фаранга выехали сорок восемь сотен моряков-воинов – больше половины всех солдат-северян, прибывших в Конг.

Робур спешил. Он не желал делить славу покорителя Конга даже со своим дядей, которого любил и почитал. Тем более, что где-то здесь, рядом, – Меч Асенаров...

Уже к полудню сотни Робура были в Лигоне. Он не жалел пардов. Вчера вечером он потребовал у начальника канцелярии Наместника полную информацию о Далаанге – и получил ее, поклявшись Трезубцем в том, что ни один чиновник в Конге не пострадает от меча северян не по своей вине. Робур дал клятву с легкостью: меч – слишком благородное оружие для бумагомарак. Таким довольно хлыста.

Лигон встретил Робура так же, как Фаранг. Наместник города, получив известие о вторжении, попытался собрать войско – и собрал: две сотни стражников и около тысячи практически безоружных добровольцев, которых он через час отослал обратно по деревням. Посылать крестьян с вилами и топорами против воинов-моряков Империи было бы просто убийством. Оставались две сотни стражников, и наместник никак не мог решить, сдаться ему или сражаться. Когда же в окрестностях города появились пять тысяч воинов, правитель Лигона успокоился: сопротивляться бессмысленно.

Наместник зря беспокоился. Робур спешил. Он хотел засветло добраться до Кесана, даже если к утру каждый десятый пард не сможет подняться на ноги.

Вперед! Всадники миновали Лигон со стремительностью западного ветра. Вперед!

Междуречье. Осень тысяча двенадцатого года.

Мастер меча, светлорожденный Робур, был на полпути между Фарангом и Лигоном, когда Биорк собрал совет военачальников Севера и Юга. На сей раз – на территории собственного лагеря. Вагар не стал тратить время зря. Как только все присутствующие расположились, он сразу объявил о своем решении.

Тысяцкий Ганг тут же поднялся и первым салютовал Несмеху как вождю! Отвисшая челюсть Керанраона доставила тысяцкому немалое удовольствие.

И все-таки бывший Исполняющий Волю ухитрился совершить не менее достойный жест: встал и приветствовал как высшего командующего Биорка. При этом метнув на Дракона Севера насмешливый взгляд.

Подобное единство соперников произвело впечатление. Если у кого-то и остались сомнения по поводу главенства Несмеха, он предпочел оставить их при себе. Один за другим военачальники Санти приветствовали Тилода. Тот отвечал с обычным спокойствием. Когда церемония закончилась, слуги приволокли большое кресло (забота Нила), и зодчий опустился в него с подобающей важностью.

– Достойные! – голос зодчего достиг даже ушей часовых в сотне шагов от него. – Я благодарю вас за честь и клянусь беречь землю Благословенного Конга и народ наш, насколько сие в моей власти и силе! Слушайте! Все воины Береговой Стражи и воины-моряки не позднее сегодняшнего вечера должны покинуть лагерь и вернуться к своей службе!

Тилод сделал паузу, чтобы присутствующие смогли выразить свое отношение.

Отношение было одобрительное.

– Второе. Я распускаю ополчение обеих армий! Те из добровольцев, кто хорошо проявил себя и желает остаться солдатом, пусть остаются. Впоследствии они присягнут тому, кто станет Владыкой Конга. За роспуск ополчения отвечают тысяцкий Ратсай и

тысяцкий Кэнау!

Нил не поленился сделать несколько шагов, чтобы подойти и похлопать по плечу бывшего Исполняющего Волю: что я говорил!

Взгляд свежеиспеченного верховного вождя упал на великана. Тилод улыбнулся.

– Третье. Дракону Юга Керанраону и достойному Нилу Биоркиту я поручаю свершить дело справедливости: захватить Дворец Великого Ангана и взять под стражу обосновавшуюся там Нассини! Достойный Керанраон! Ты возьмешь три тысячи сарбурских гвардейцев и две тысячи легких всадников по собственному выбору. У тебя три часа.

Дракон Севера Ганг! Ты вернешься в Фаранг. Поручаю тебе берега Конга до тех пор, пока на престол не взойдет тот, кто будет править нашей землей. Ты волен назначать и смещать начальников гарнизонов в любом прибрежном городе, кроме Сарбура. Тебе с этой минуты подчинены начальники всех крепостей и капитаны всех боевых кораблей Конга. Ты можешь привлекать к службе любого из тех, кто здесь присутствует! Ибо,– тут Тилод нахмурился,– был мне знак: с моря идет Гроза!

Светлорожденный Эрд! Брат мой по мечу! (Половина военачальников так и подпрыгнула на своих местах.) – Светлорожденный Эрд! Я прошу тебя помочь Дракону Севера! Не откажи еще немного послужить моей стране!

– Сочту за честь, брат мой! – церемонно поклонился светлорожденный.

Тилод вновь замолчал. Надолго. Присутствующие так же безмолвствовали.

Наконец зодчий продолжил. Торжественным голосом он начал:

– Конгаи! Полагаю, настал должный момент, чтобы принести нашу признательность тем, кто пробудил Спящего Дракона Конга! От своего сердца и от ваших сердец – благодарность благородным и отважным северянам, воинам урнгрия и Народу Вечного Лона за все, что они сделали и сделают для нашей земли!

– Как он нас повязал своей благодарностью, а? – с восхищением шепнул Нил на ухо отцу.

– Да не оскудеют их собственные земли вовеки!

Тилод встал и поочередно поклонился Биорку, Эрду и обоим хогранам. Не забыл и улыбнувшуюся ему Эйрис.

Все конгаи разом поднялись и выкрикнули имя Тура.

Когда они вновь заняли свои места, а северяне и урнгрия покончили с ответными поклонами, зодчий спросил:

– Хочет ли кто-то из вас, достойные, добавить к сказанному мной?

Ратсай из Сарбура, бывший стражник соххогтоев, начальник ополчения северян, опередил других:

– Вождь! – воскликнул он. – Ты забыл о том, чьи заслуги перед Конгом многожды превосходят наши! Ты забыл...

Тилод поднял руку, останавливая его:

– Нет, я не забыл,– спокойно сказал он. – Но мне не пристало говорить об этом.

– Почему?!

Ганг быстро шагнул к Ратсаю и прошептал воину на ухо:

– Он – отец Сантана!

– О! – только и сумел выговорить тот.

– Достойный удовлетворен! – попыток Ганг.

И, положив руку на плечо Ратся, тысяцкий вынудил его опуститься на скамью.

Воин задал вопрос, вертевшийся на языке у большей части присутствующих, но лицо его после нескольких нашептанных Гангом слов было настолько выразительно, что никто больше не посмел спрашивать о Санте.

Спустя полчаса Тилод распустил совет, оставив лишь Биорка и Эрда. Разумеется, осталась и Эйрис, ни на шаг не отходившая от мужа.

– Ты уверен, что не нужно посылать людей на поиски Сантана? – первым делом осведомился зодчий.

– Абсолютно уверен! – ответил Биорк, к которому был адресован вопрос.– Что у тебя за сведения о Грозе с моря?

– Не у меня – у нее! – зодчий кивнул на Эйрис.

– Я получила предупреждение! – сказала женщина.– Этой ночью!

– Кто?

– Не знаю! Но – враги!

– Это все?

– Нет. Думаю, тебя заинтересует еще одно, довольно странное видение – о моем сыне. Кажется, я знаю, где он.

– Где? – в один голос воскликнули трое мужчин.

– Этой ночью он был в Вечном Лоне!

Конг. Осень тысяча двенадцатого года.

– Выехали! – сказал Повелитель Демонов.

– На запад! – подтвердил Уанх, Дыхание Мощи, и мысленно передал свое желание дракону. Передал и устался на широкую спину эдзамского мага. Прежде эдзак был бы осторожнее, но сейчас, когда из собранных Мощным-как-Пламя их осталось только двое, Повелитель Демонов мог не опасаться коварства Уанха.

– Вовремя! – произнес Уанх.

Голос у него был звучный, красивый, маг сам подобрал его.

– Сойдутся точь-в-точь у моста, если проследим!

– Мы проследим! – не оборачиваясь, произнес эдзак.– И побережемся!

– Да! – произнес Уанх и мысленно вернулся к тем, что ушли. Четверо из них обладали силой, превосходящей совокупную мощь Уанха и эдзака. Но они ушли, а он, Уанх – жив. Сначала такое пугает, а потом прогоняет страх.

– Они сойдутся! Конг и Империя! – уверенно сказал Дыхание Мощи.– Угли горячи. Нужен только ветер. Пожар разгорится!

Повелитель поглядел на Око Небес. Он любил сияние солнца.

– Омбам подошел,– заметил он.– Добрую сеть не порвать и кугурру.

– Очень большому кугурру! – отозвался Уанх.

Оба рассмеялись, чтобы окончательно изгнать страх.

«Очень большой кугурр» тоже рассмеялся и мысленно велел своему дракону снизиться и лететь на юго-запад.

Шел седьмой день первого месяца осени. День Быка. Время сбора урожая.

XXIII

«А еще в землях сих обитает паук Зеленая Голова, что плетет летучую сеть с ядовитой клейковиной. Растянувши на трех нитях сеть свою над звериной тропой, ждет паук. И, если пройдет кто, зверь или человек, немедля перекусывает хищный тяж, и падает сеть на добычу. А следом падает и паук.

Даже если опытный лучник успеет поразить его меткой стрелой, накрывает сеть человека и убивает ядовитым прикосновением.

Однако ж воину в полном облачении или охотнику, что позаботился загодя о защитительном плаще – довольно убить паука. Так предусмотрительность, ум, рука быстрая и мужество хладнокровное обещают победу. Но отними любое из качеств – и станет плоть человеческая гнилым мясом...»

Из Наставления стражу границ Хора

Северный Конг. Осень тысяча двенадцатого года.

Робур, сын Гардараса, скакал на полкорпуса впереди первого из своих всадников. Он всегда поступал так, выказывая отвагу. Самому себе. Первая стрела – первому. И он, Асенар, сумеет избежать ее куда лучше любого из воинов.

Белый с черными кольцами пард-полукровка, рослый, выносливый, быстроногий, как хасец, мог бежать и вдвое против теперешнего. Но Робур сдерживал его бег: сейчас счет идет по последнему. Слабые остались в Лигоне. Их, кстати, оказалось совсем немного.

Робуру Конг нравился. Богатая страна. Почтительные простолюдины. Приятно, что его семья унаследует долю здешних жирных земель. Непременно унаследует, раз он, Робур, сын Гардараса, присоединит к Империи ее утерянные владения. Хорошая земля. Немного варварская, правда...

Робур засмеялся. Ему пришла на ум старая песня, что рождена была еще во времена Вэрда Смелого – тоже варварская, но живучая, как леопард. Робур мог поклясться, что из десяти воинов-моряков девять знают ее наизусть.

Повернувшись к своему жезлоносцу, он подмигнул. Жезлоносец, благородный из Аттура, улыбнулся в ответ. И улыбка его стала еще шире, когда Робур запел:

– Травы полей,
Скачи мой друг, скачи!
Пахнут острей,
Когда звенят мечи!
Травы полей!
Зеленое руно!

(«Скачи, мой друг, скачи!» – грянуло за спиной Робура.)

– Играй, мое вино! – рявкнул светлорожденный так, что его пард прижал круглые уши и покосился на всадника.

– Алое вино! – пел светлорожденный, —
В груди моей играй!
(«Когда звенят мечи!» – рявкнула тысяча глоток.)
– Мой рог ревет: «Пора!»
(«Скачи, мой друг, скачи!»)
– На полчища врагов!
(«Твой рог ревет: „Пора!“»)
– Тур слышит наш рев!

И пятитысячное войско Робура разразилось громом боевых кличей, визга, свиста, ора, к которым тотчас прибавилось возбужденное рыканье пардов: какофония столь оглушительная и устрашающая, что трудившиеся в окрестных садах крестьяне побросали мотыги и попрятались кто куда.

– Вино горячо! – запел Робур, когда рев за его спиной стих. – В груди веселей!

Когда звенят мечи,
Готовя постель,
Добрую постель
Из политых трав!
Стрелы бьют в цель,
А меч всегда прав!
Добрая земля!
(«Скачи, мой друг, скачи!» – отозвались позади.)
– Наши поля!
(«Когда звенят мечи!»)
– Зеленое руно!
(«Играй, вино, играй!»)

– Ударим стеной!

(«Твой рог ревет: „Пора!“»)

– Скачи, мой друг, скачи!

«Скачи, мой друг, скачи!» – отозвалось еще трижды, прежде, чем песня иссякла, оставив лишь топот тысяч пардов.

Пард Робура попытался удлинить прыжки. Он чуял настроение хозяина. К тому же дорога от Лигона к Кесану была прямой, как полет стрелы. И пустынной. Столб пыли, поднимаемой войском, виден издалека, и всякий путешествующий спешит убраться подальше.

Робур настолько привык к виду пустынной дороги, что даже удивился, заметив впереди человека.

Человек стоял прямо посередине тракта. Лицом к скачущим всадникам.

Поначалу Робур и не подумал сдерживать парда: всякому надлежит убраться с пути армии Императора или – быть растоптанным.

Но человек не шевельнулся даже тогда, когда между ним и всадниками осталось полсотни шагов.

Зато с этого расстояния Робур хорошо разглядел стоявшего.

Нет, это был не простой конгай. В его осанке чувствовалась уверенность, а у бедра висел меч. Меч!

«Наконец-то! – подумал Робур. – Наконец-то – воин!»

– Стой! – бросил он жезлоносцу и заставил собственного парда перейти на шаг.

За его спиной прокатился слитный рык, и дорожная пыль в воздухе на мгновение сгустилась. Колонна стала.

Но сам Робур ехал вперед, пока не оказался в нескольких шагах от незнакомца. Здесь он из уважения к нему (не без надежды, что тот оправдает уважение и не откажется померяться силами) остановил зверя.

Незнакомец по-прежнему молчал. Его дочерна загорелое лицо кого-то напоминало Робуру. Кого?

Стоявший выглядел не старше самого светлорожденного. Двойная рубаша из серого и зеленого шелка, с широкими разрезными рукавами скреплялась на груди серебряной брошью. Голову охватывал обруч, тоже серебряный, с рунным узором. Просторные шелковые штаны с вышивкой – серое на зеленом – на икрах были стянуты ремнями сандалий из тонкой замши.

Пард светлорожденного вдруг потянулся к незнакомцу, и тот небрежно потрепал зверя по черной широкой морде.

Робур удивился. Боевой пард не терпит фамильярности.

Незнакомец посмотрел Робуру в глаза, и светлорожденный, хотя и глядел с высокого седла вниз, почувствовал что-то вроде смущения.

– Кто ты? – с нарочитой грубостью спросил он.

Незнакомец проигнорировал его вопрос. Он перевел взгляд дальше, на дорогу, где застыли воины.

– Зачем они пришли? – неожиданно спросил он по-хольдски, но с мягким конгайским выговором.

Робур не ответил. Он легко соскочил на землю. Теперь они стояли друг против друга, и воин Севера почувствовал симпатию к незнакомцу. Он уже не сомневался, что перед ним – воин. На подобное надменное равнодушие перед лицом более сильного никто иной не способен. Так полагал Робур.

Они были примерно одного возраста, но северянин – намного выше ростом и шире в плечах.

– Так как твое имя, достойный? – спросил Робур уже достаточно вежливо.

– Зачем они пришли?

Робур пожалел, что спешился. Конгай явно не понимал вежливости.

– Я веду их! – надменно произнес светлорожденный. – Я веду их, веду во Дворец Великого Ангана, – для большего эффекта Робур сделал паузу, – чтобы утвердить власть Императора над этой землей!

– Этого не будет, – спокойно сказал незнакомец.

Двое молодых людей стояли на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Чем-то похожие, оба – уверенные в себе. Только один из них был облачен в полный доспех и имел за спиной сорок восемь сотен отборных воинов, а у второго вместо лат – легкая шелковая рубаха, а позади – желтая пыль на разогретом лучами тракте.

Робур положил руку на эфес меча и улыбнулся, словно кугурр, предвкушающий угощение.

– Я, – сказал он, – светлорожденный Робур, сын Гардараса, из рода Асенаров! Я не знаю, кто ты, но полагаю – человек достойный! По крайней мере, на земле Конга ты первым сказал мне – «нет!» Можешь не называть своего имени, если не хочешь! Только вынь свой меч – и порадуемся нашей встрече!

Легкая тень скользнула по лицу незнакомца, когда Робур назвал себя. Мелькнула и пропала.

– Поверни своих людей! – сказал он тоном, не допускающим сомнений. – Поверни их по доброй воле, и возвращайтесь домой! Это – земля конгаев, и она останется ею. Уезжай, светлорожденный Робур!

– Меч из ножен! – крикнул северянин, начиная сердиться.

– Сейчас, – тем же спокойным и уверенным голосом произнес незнакомец, – ты можешь сделать выбор по собственной воле! Когда я выну меч – ты уступишь необходимости!

Жезлоносец Робура при этих словах тронул парда и подъехал на десяток шагов ближе. Не для того, чтобы вмешаться! Упаси боги! Он сам – благородный и ни за что не обесчестит своего начальника. Но этот незнакомец – он ведет себя... необычно!

– Гнев Тура! – взревел Робур. – Ты будешь драться или праздновать труса? Тогда прочь с дороги, пока тебя не растоптали парды моих воинов!

– Драться? – так же невозмутимо переспросил незнакомец.

– Да! – в ярости воскликнул Робур, уже чувствуя, как уплывает от него счастливая возможность вдохнуть запах стали и крови. – Да!

И вырвал из ножен длинный тяжелый хольдский клинок.

Незнакомец едва заметно пожал плечами и вдруг с невероятной быстротой выхватил свой собственный меч.

Робур ринулся вперед... и замер, будто споткнувшись.

Жезлоносец, заподозрив нечестие, бросил парда вперед... и тут же осадил зверя.

– Белый Меч! – изумленно прошептал он.

– Белый Меч Асенаров! – благоговейно произнес Робур.

Его собственная, сжимавшая оружие рука, упала. Белый Меч!

– Да, – сказал незнакомец, опуская этот узкий, серебристый. – Ты видишь.

– Он – твой?

– Ты видишь.

– И твоя рука вынула его из ножен?

Человек только улыбнулся.

– Значит... – проговорил Робур, невольно делая шаг вперед. – Эрд?

XXIV

«Обретиший Путь подобен каменному утесу. Волны, бурные или тихие, огибают его. И корабли его огибают, чтобы продолжить путь. Ничто в мире не грозит ему гибелью, ибо выбрал он место и нашел себя. Но и им повелевает Судьба».

Мангхэл Сёрк. Правило сто седьмое

Междуречье. Осень тысяча двенадцатого года.

– Хорошо, – согласился Тилод. – Мы не будем его искать. – Эй! – окликнул он одного из караульных. – Попроси прийти ко мне достойного Ганга!

И тут зодчий увидел, что трое дозорных ведут к нему четвертого, в пыльной одежде, со знаком гонца на лбу.

– Однако! – сказал Биорк.

Сопровождавшие гонца дозорные почти несли того на руках. Лица их были угрюмы.

– Достойный! – сказал старший из них, обращаясь к Биорку.

Тот мотнул головой в сторону Тилода.

– Вождь! – повторил воин уже зодчему. – Беда! Фаранг!

– Говори! – бросил Тилод гонцу.

– Враги! – сказал тот слабым голосом. – Фаранг захвачен! Караулы на дорогах! Я еле прошел!

– Кто? – напряженным голосом проговорил Тилод. – Омбам?

– Нет... Империя!

Зодчий впился в него взглядом и понял: не лжет.

Он хмуро уставился на Биорка. Тот покачал головой:

– Это не моя идея!

– Несмех! – рука Эрда легла на плечо Тилода.

Зодчий резко обернулся. Он хотел сбросить руку северянина, но сумел сдержаться. Эрд совершенно спокойно встретил его взгляд.

– Я беру это дело на себя!

Зодчий судорожно вздохнул и сжал руку северянина.

– Спасибо, брат! – проговорил он. – Только – не медли!

– Мы возьмем четырех лучших пардов! – произнес светлорожденный. – И пусть Ганг идет следом за нами с несколькими тысячами воинов – так быстро, как только сумеет. Если это наши, я все улажу, но если нет...

– Больше ничего не говори, брат! – перебил его Несмех. – Собирайтесь!

– Каон! – сказал Биорк начальнику караула, что привел гонца. – Возьми у разведчиков четырех самых быстрых зверей, оседлай и веди сюда!

Воин отсалютовал и побежал выполнять приказ.

– Несмех!

Зодчий быстро обернулся к вагару.

– Держи наготове бойцов! Мой нюх говорит: одним Фарангом дело не обойдется!

Тилод вопросительно посмотрел на Биорка, но если зодчий ожидал, что вагар прояснит свои слова, то ошибся.

– Пусть наладят зеркальную связь! – сказал маленький воин невозмутимо. – Полагаю, она понадобится раньше, чем наши лагеря опустеют!

Фаранг. Осень тысяча двенадцатого года.

Когда Эрд и Биорк выехали из прибрежного леса, то увидели, что сторожевой пост на тракте восстановлен и дорога на Фаранг перекрыта.

Рослый смуглолицый воин в короткой кольчуге шагнул навстречу перешедшим на рысь пардам и предупреждающе поднял руку.

Пятеро солдат с эмблемами воинов-моряков Южной Императорской эскадры не слишком торопясь, поднялись со своих мест. Впрочем, в руках двоих из них вдруг оказались заряженные арбалеты, направленные на всадников.

Эрд отвернулся, чтобы скрыть довольную улыбку: ведь это были и его воины.

– Спешиться и подойти сюда! – гаркнул здоровяк-десятник.

От его резкого хольдского выговора у светлорожденного потеплело в груди. Но чувства эти остались внутри, а лицо приняло то высокомерное выражение, которое заставляло любого почувствовать разницу между светлейшим из рода Асенаров и всем остальным населением Мира.

– Ты так долго плыл сюда, солдат, что забыл, как обращаются к светлорожденным? – холодно осведомился он.

– Что?

Воин опешил.

Эрд демонстративно медленно вынул из ножен серебристый клинок Асенаров, положил его поперек на черную холку парда и, наклонясь, с напускной суровостью уставился на хольдца.

Тот свел было брови в сердитой гримасе, но тут рот его приоткрылся, а глаза расширились:

– Мать-богиня! – воскликнул десятник звонко ударяя себя кулаком в кольчужную грудь: – Властелин Судеб! Светлейший Эрд!

И губы хольдца растянулись в улыбке.

Эрд невольно улыбнулся в ответ. В отличие от Нила, он не помнил в лицо и по имени каждого, с кем делил палубу боевого корабля, и сейчас впервые пожалел об этом.

– Да, солдат! – кивнул он. – Это я! А теперь прикажи кому-нибудь из своих сесть в седло и проводить меня к вашему командиру! Кстати, как его имя?

– Светлейший Робур, светлейший Эрд!

– Робур? – светлорожденный не слишком хорошо знал своего брата, но Асенар есть Асенар!

– Только его здесь нет, светлейший! – поспешно добавил десятник.

– Это я заметил! – Эрд слегка улыбнулся.

– О! Его нет в Фаранге! Он с пятью тысячами уехал брать здешнюю столицу!

– Расторопный молодец! – заметил Биорк, подъезжая поближе.

Десятник даже в лице переменился: вспыльчивость Эрда была так же хорошо известна, как и его крайняя щепетильность в отношении чести Асенаров.

Но гневной вспышки не последовало. Эрд был уже далеко не тот, что год тому назад.

А потом десятник узнал вагара, и от сердца его отлегло.

– Пять тысяч, ты сказал? – Эрд и Биорк переглянулись.

– Сорок восемь сотен!

– Так сколько же наших кораблей нынче в фарангской гавани?

– Вся Южная Эскадра, светлейший!

– Южная Эскадра? – лицо Эрда мгновенно омрачилось. – Южной Эскадрой командует Робур? А адмирал Адалыг?

– Нет, нет, светлейший! – десятник сделал пальцами отгоняющий беду жест. – Адмирал заболел в походе. Лихорадка. Уже поправляется, не тревожьтесь! Желаете, чтобы я сам проводил вас к нему?

– Ты радуешь меня, солдат! – с облегчением проговорил Эрд. – Нет! Оставайся на посту! И, вот возьми. От меня! – светлорожденный отстегнул от пояса кинжал из оружейной сирхара Урнгура и протянул воину. – Ты меня очень порадовал!

– Чем? Болезнью твоего дяди? – поинтересовался Биорк на языке вагаров.

– Теперь я знаю, мастер, от кого твой сын унаследовал свой острый язык! – парировал Эрд на том же наречии.

Воин между тем благоговейно разглядывал оружие. Кинжал был замечательный.

– Спасибо, светлейший, – пробормотал он.

Впрочем, о щедрости Наследника Асенаров в Южной Эскадре рассказывали еще и не такое.

– Эй! – напомнил Эрд. – Мы спешим, солдат!

Воин опомнился и махнул рукой одному из воинов:

– Сигур! Живо в седло! Проводи светлейшего Эрда и достославного (тут он отсалютовал вагару подаренным кинжалом) Биорка к адмиралу!

– Этот десятник очень скоро станет сотником! – произнес Эрд, когда они отъехали на порядочное расстояние от поста.

– Да, – согласился Биорк. – Если захочет.

– Дядя! – с почтительной нежностью произнес Эрд, беря двумя руками кисть лежащего адмирала и наклоняясь, чтобы коснуться губами его запавшей щеки.

– Счастлив видеть тебя, Эрд, – ласково отозвался Адальг. Рука старика легла на голову племянника. – Я рад, что ты жив! Хорошо ли удался тебе твой путь?

– Долгий разговор, дядя! Как ты себя чувствуешь!

– Неплохо, мальчик! Не смотри, что я лежу: ноги меня уже держат! И я ведь еще не стар, не так ли, достойный Биорк Эйриксон?

– Да уж помоложе меня, светлейший, – отозвался маленький воин, сжимая сухую теплую ладонь адмирала.

– Только не говори, что помнишь, как держал меня на коленях!

– Я помню все, светлейший, – усмехнулся вагар. – Но не обо всем говорю!

И они обменялись понимающими взглядами. С Адальгом маленького воина связывало не меньше воспоминаний, чем с его ушедшим в Нижний Мир старшим братом.

Адмирал поднялся и сел на своем ложе. Эрд услужливо подложил ему под спину подушку.

– Позволь спросить, светлейший, – произнес маленький воин. – В чьей просторной голове родилась идея захватить Конг? Клянусь мечом, у меня немалое желание взглянуть, есть ли в ней мозги!

– Когда одичавший пес, – не торопясь проговорил адмирал, – выходит из лесной тьмы и лижет твою руку, разве нельзя привести его домой, накормить и надеть ошейник?

– О да! – согласился вагар. – Я тоже люблю Баянлу! Но как быть, если у пса есть хозяин? А у хозяина, кстати, длинный меч и нетрусливое сердце!

– Честь воина требует... – начал адмирал.

– Невелика честь – захватить город, в котором не осталось защитников! – сердито перебил вагар.

Эрд нахмурился, но Адальг успокаивающе коснулся его руки. Он мог позволить Биорку очень многое и, кстати, почитался в Глориане человеком не только отважным, но и умеющим вести тонкую игру.

– Имей в виду, – продолжал Биорк. – Этот хозяин скоро будет здесь, а с ним – тысячи Конга. Ты очень подвел меня, светлейший! – добавил он сокрушенно. – И не только меня!

– Ну, ну, Биорк! – возразил адмирал. – Мы ведь не пролили и капли крови!

– А вот это уже лучше! – лицо вагара немного просветлело.

– Я, – продолжал Адальг, – получил от Совета полномочия действовать по собственному усмотрению! Но, увы, недуг на время победил меня!

– Недуг? – подозрительно пробормотал вагар. – Такой несвоевременный недуг обычно имеет определенный источник! У тебя в эскадре, разумеется, нет настоящего мага?

Адальг покачал головой.

– Что же касается этого города, – сказал он, – то я понимаю моего флагман-капитана. Ведь кусок сам лег в руку.

– Я тоже могу его понять, – кивнул Биорк. – И светлейший Эрд может его понять! А вот поймут ли конгаи? Или семьи наших воинов-моряков, когда узнают, что их кровь осталась на Черной Земле?

– Я остановил бы его! – в голосе адмирала впервые звякнул металл: слова вагара задели его за живое. – Остановил бы, но он не спросил меня! Я прощаю тебе твой тон, достойный Биорк Эйриксон, но впредь помни, с кем говоришь! Как помню об этом я!

– Прости! – извинился маленький воин. – Когда дела так серьезны, забываешь о приличиях!

– Он прав, дядя! – совершенно неожиданно для Адальга поддержал вагара Эрд, сам не забывавший об этикете даже во сне. – Полагаю, Робура следует, не медля, остановить! Не распорядишься ли ты послать гонца?

– Ты мог бы и сам сделать это! – заметил адмирал. – Твой ранг выше, чем у Робура. И ты – Наследник!

– Я сделаю это! – твердо сказал Эрд.

– Не трудись! – Адальг тихо засмеялся. – Гонец уже в пути! Правда, успеет ли он за Робуром? Твой брат так же быстр, как... ты!

Теперь засмеялся Биорк.

– Ты сейчас был больше вагаром, чем я! – сказал он, поклонившись, старому воину. – А теперь, раз уж ты на время стал хозяином Фаранга, я взываю к твоему гостеприимству!

– Все сделано, мой друг! Слуга уже заглядывал в дверь, сообщая, что стол для вас готов!

Биорк только покачал головой.

– Вот великий человек! – сказал он Эрду. – Идем, светлейший, воздадим ему должное!

Южный Конг. Осень тысяча двенадцатого года.

Узкие стремительные корабли Омбама вынырнули из рассветных сумерек. Двадцать шесть шекк под красными парусами.

Сонный Тунг был захвачен врасплох. Только три боевых корабля Конга, стоявшие на якоре у входа в маленький порт, успели поднять паруса и выйти навстречу, обрекая себя на заведомо неравный бой: на каждом из кораблей было лишь по два десятка воинов-моряков, а при слабом ветре у парусников почти не оставалось возможности для маневра. Девять шекк окружили их, как дикие псы – сбившихся быков. Остальные семнадцать обогнули конгайские корабли и под мерный рокот барабанов устремились к берегу. Гавань Тунга не имела сторожевых укреплений – лишь две дозорные башни, в каждой из которых осталось по пятнадцать человек. Остатки Береговой Стражи и сотни полторы городских стражников с присоединившимися к ним кое-как вооруженными горожанами выбежали на пирсы, когда пиратские корабли уже подошли на расстояние выстрела баллисты. Четыре орудия дозорных башен выстрелили. Но шекки шли сложным галсом, и лишь один из снарядов задел корму пиратского корабля. Омбамские баллистеры осыпали башни собственными огненными снарядами. Некоторые попали внутрь – и из бойниц вырвался густой черный дым. Немногочисленные защитники поспешно покинули укрепление.

Шекки тем временем обстреляли берег, вынудив конгаев отступить. Но на сей раз не было послано ни одного огненного снаряда – высаживаться на пылающие пирсы у пиратов не было желания. С берега им ответили жиденьким арбалетным залпом.

Тем временем девять шекк взяли на абордаж два конгайских корабля и подожгли третий. Сами же пираты потеряли лишь один корабль.

Оставив на захваченных парусниках стражу, шекки помчались к берегу. Основная добыча была там.

Через полтора часа после того, как с берега увидели красные паруса, Омбам высадился на берег Конга. Две тысячи пиратов – против горстки защитников. Бой не занял и двадцати минут.

Тунг пал. Жители его успели уйти, но унесли лишь собственные жизни. Все остальное досталось пиратам. Рассыпавшись, омбамту предались грабежу. Часть из них обшаривала в порту покинутые торговые корабли. Будь сейчас поблизости хотя бы пять сотен Береговой Стражи – они вымели бы врагов из города, как ветер выметает пыль с городских площадей. Но их не было ни в Тунге, ни в других прибрежных городах Конга, на которые обрушился пиратский флот. Сотни кораблей: не только Омбам, но и пираты Хуриды, отребье из Гурама и Эдзама. Слетелись, как урги – к раненому дракону. Как пятнистые урги Гибельного Леса, умеющие убивать.

Весть о налете пиратов Тилод получил по зеркальной связи уже после того, как Ганг с пятью тысячами воинов отбыл к Фарангу. Нападению подверглись Сарбур, Тунг, Йенкаян, Митан и даже далеко отстоящий к югу Ислонг. Ислонг – единственный город, за который зодчий был спокоен. Его гарнизон не «пострадал» от гражданской войны, и несколько кораблей Ислонгского порта полностью укомплектованы. Да и сами жители могут постоять за себя: каждый третий – бывший солдат. Но вот остальные города оказались в куда худшем положении. Вскоре стало известно, что Тунг пал.

Никогда за все время существования Конга пираты не обрушивались на него и впятеро меньшим числом. Это не обычный набег, и можно не сомневаться – захватив прибрежные города, омбамцы двинутся вглубь страны. Тилод впервые порадовался тому, что в фарангской гавани – Южная Эскадра Империи. По крайней мере, страж Севера в безопасности. Но остальные...

Сарбур сражался, Тунг пал, о Йенкаяне и Митане ничего не известно. Но похоже, они еще держались.

Тилод не стал тратить времени. Вызвав к себе Кэнау, он приказал ему собрать остатки «синих», взять, сколько есть, легких всадников из Южной армии и немедленно отправляться в Сарбур.

Кэнау, которого весть о нападении привела в бешенство, ринулся вон из шатра, даже не отдав салют. Через двадцать минут шесть тысяч легких всадников и сразу же отставшая от них тысяча «синих» латников – умчались на юг.

Едва не столкнувшись с выбежавшим Кэнау, в шатер Тилода вошел Виг. Он узнал о случившемся едва ли не раньше вождя.

– У меня под седлом три тысячи пардов! – сказал бывший начальник гарнизона Банема. – Мы ждем!

– Тунг! – произнес Тилод.

– Мы будем там через четыре часа! – пообещал Виг.

Тилод с жаром пожал руку воина. Уверенность Вига передалась и ему.

– Все будет в порядке, вождь! – улыбнулся военачальник и вышел.

Его всадники выступили на десять минут раньше, чем воины Кэнау, и двинулись не по тракту, а по лесной дороге. Так быстрее.

Лагерь закипел. Часть ополченцев из городов, подвергшихся нападению, уже готова была самостоятельно отправиться домой, когда труба возвестила о том, что вождь собирает своих воинов.

Тилод поднялся на оставленную Керанраоном колесницу, оглядел свое поредевшее воинство. Увы, всадников почти не осталось. Пехоте же даже для того, чтобы добраться до Тунга, понадобилось бы дня три. Зато вся эта масса может полностью затопить дороги и перекрыть всякое сообщение.

– Воины! – воскликнул он. – Пришел час испытаний! Пришел Омбам! И я требую полного повиновения! Никто не покинет лагерь без моего приказа!

Он подождал, пока смолкнет поднявшийся ропот.

– Помощь уже отправлена! Всем оставшимся всадникам быть готовыми к выступлению через час. Пешие задержатся до тех пор, пока не уйдут те, кто может передвигаться быстро! Тысяцким и сотникам – проследить, чтобы соблюдался порядок! Имущество отбивших должно быть отправлено следом вместе с обозами. Всё, братья мои! Я на вас полагаюсь!

Короткая речь. Но – впечатляющая.

К полуденной трапезе Тилод пригласил Сёума и Рхонга.

– Вы оба, – сказал он, – не конгаи. Я не могу приказывать вам. Но могу просить.

– В твоём распоряжении! – отозвался урнгрия.

– Говори, брат! – лаконично произнес Старший из Охотников на языке Народа.

– Хочу, чтобы вы отправились в Йенкаян и Митан! – сказал Тилод. – Сколько краурхов могут нормально двигаться, Сёум?

– Двенадцать!

– Сколько понадобится времени, чтобы пройти на них двести миль?
– По лесу?
– Тридцать-сорок – по лесу, остальное – по дороге.
– Пятнадцать часов.
– А твоим урнгриа, Рхонг?
– Два дня.
– Сначала вы пойдете в Йенкаян, потом в Митан. Сёум – первым. Он проложит дорогу через джунгли. Сарбур вы обогнете и пересечете Сарбу девятью милями выше. Я дам карту, где указан брод. Действуйте по собственному усмотрению и помните, что каждый из вас – мой брат! Сёум! После Митана иди в Ислонг, это...

– Я знаю! – сказал Черный Охотник. – Я понял, Несмех! Мы отправляемся. Я оставляю девятерых, чтобы позаботились о раненых краурхах. Им нужно время, чтобы зарастить раны. Еще: Слушающий передал, что придет к тебе, но – позже. Прощай!

Он встал.

Рхонг тоже поднялся.

– Благодарю за угощение! – Он поклонился. – Мы выступим, как только будем готовы! Едва они ушли, к зодчему явился Ратсай.

– Вождь, – сказал он. – В лагере почти триста собачьих упряжек²¹.

– Отбери лучших из Береговой Стражи – и в Сарбур! – тут же распорядился зодчий. – Сам и поведешь.

К вечеру в лагере не осталось ни одного парда или упряжного пса. Сам Тилод-Зодчий отбыл в Сарбур за час до заката вместе с последней тысячей всадников. Оставшиеся военачальники получили от него подробные указания. На следующее утро лагерь на реке Унаре перестал существовать.

Фаранг. Осень тысяча двенадцатого года.

Эрд и Биорк только что закончили обедать, когда бегун доложил им о подходе Ганга.

Эрд вскочил со своего места, намереваясь поскорей увидеть Дракона Севера: он опасался, что тому может не понравиться сторожевой пост северян на дороге в Фаранг. Но Гангу было не до того. По пути он получил известие о нападении Омбама и даже не обратил внимания на воинов, охранявших тракт, тем более, что у тех хватило ума не чинить препятствий пятитысячной армии. А в предместьях Ганга встретил сам Эрд.

Приказав помощнику вести людей прямо к порту, Ганг вместе с Эрдом поехали ко Дворцу Наместника. По дороге Эрд рассказал конгаю о том, что произошло в городе. К его удивлению, даже к походу Робура на Далаанг Ганг отнесся равнодушно. Если бы светлорожденный хоть раз увидел конгайское селение после набега Омбама, он понял бы реакцию Дракона Севера. Но Эрд лишь бил омбамту на море и относился к ним как к воинам и рассматривал их свирепость и жестокость как нечто, делающее омбамту более предсказуемыми, а следовательно, менее опасными в бою.

– Корабли фарангской эскадры – в гавани, – сказал Ганг. – Экипажи, я полагаю, уже на борту. Так что моим воинам остается лишь занять свои места!

– А не хочешь ли ты хотя бы накормить их? – спросил Адальг.

– На борту! – отрезал Ганг. – Время!

– Мы идем с вами! – решительно заявил Эрд. – Так, дядя?

– Без сомнения! – подтвердил адмирал. – Только у меня маловато людей – около трех тысяч! Без воинских отрядов корабли слишком уязвимы. Если достойный Ганг уступит тысячи полторы воинов...

²¹ Во избежание путаницы напоминаю читателю, что упряжные псы Мира отличаются от наших ездовых примерно как парды от обычных кошек. Продукт тысячелетней селекции, они телосложением и размерами напоминают лошадей-тяжеловозов (хотя для верховой езды не используются) и, так же как и парды, всеядны.

– Нет, – сказал конгай. – Благодарю, адмирал! Мы рады вашей помощи, однако моих людей хватит только на фарангскую эскадру. Но даже если вы поддержите меня десятью кораблями, это будет много. Нам, морякам, хорошо известны и ваши корабли, и те, кто на них ходит! Вот только мы не знаем, кто крепче: корабли Империи или ее воины! – он засмеялся.

– Половина моих кораблей пойдет с вами! – адмирал переглянулся с Эрдом. – Кроме того, я отдам Робуру приказ следовать в Сарбур на оставшихся... когда он вернется. Эрд! Возьми на себя приготовления к отплытию, я еще не слишком твердо сижу в седле!

Спустя час Эрд и Биорк остановились у флагманского пирса. Светлорожденный бросил последний взгляд на город и увидел в синем прозрачном небе стремительно растущую бронзовую точку.

Несколько мгновений – и дракон, плавно снижаясь, начал описывать круги площадью.

– Трой! Наконец-то! – воскликнул Биорк.

Дракон опустился на парাপет. Когти заскрежетали по камню.

Но человек, соскользнувший с его спины, был не Трой.

– Санти! – вскричал вагар удивленно и обрадованно.

Молодой человек уже бежал к ним, протягивая руки. Обняв сначала Биорка, потом Эрда, Санти, он оборвал все вопросы словом: «После!» – и указал на Белый Меч на поясе Эрда

– Брат! Дай мне Его!

Эрд молча отстегнул оружие и протянул его Санти.

– Благодарю! – он принял Белый Клинок – и крепко стиснул руку светлорожденного, быстро кивнул Биорку и побежал к дракону.

Мгновение – и бронзовый превратился в блестящую точку в чистом пространстве неба.

– По крайней мере, он жив! – произнес Биорк, несколько разочарованный. – Полагаю, у него были причины торопиться!

– Как и у нас! – сказал Эрд, повернулся и зашагал к своему кораблю, чувствуя непривычную пустоту у левого бедра.

Впрочем, в каюте у него лежал «Пьющий Кровь».

Соединенная эскадра, выйдя из залива, взяла курс на юг. Ни один из военачальников, даже предусмотрительный Биорк, по странной случайности не задумался о том, что и сам страж Севера может стать добычей омбамту.

XXV

*«Страшно, когда застаёт
путника в поле гроза.
Страшно, когда, рассыпаясь,
Тысячей алчущих молний
Падает небо на землю
И не укрыться.
Вот он спешит, обезумев,
Низко к земле припадая,
Мокрый и жалкий, и тищится
Гнева Великих избежать.
О Повергающий в Ужас
Голос Небесного Грома!
Между рожденными мир
Делит неравно Судьба.
Если из тысячи тысяч
Избранный и одаренный
Силою будет застигнут:
То – испытанье ему!
Мудрый – отыщет укрытье.*

*Гордый – опутает бурю
Сетью дарованной Власти.
Гордый вобьет ее в землю,
Чтобы землею засыпать
Горло Небесного Грома.
Сделает так и забудет.
Только Подземного Грома
Голос намного страшней!»*
Шествующий со звездой, рунский маг

Гибельный лес. Осень тысяча двенадцатого года.

– Ты уверена, госпожа моя, что эта тварь не набросится на нас?

Ехавший впереди хогран Рха придержал парда и поравнялся с Женщиной Гнона.

– Эта? – Ронзангтондамени бросила короткий взгляд на застывшего сиргибра. Приподнявшись на растопыренных пальцах задних лап, вытянув шею, ящер почти нависал над тропой. Из открытой пасти капала на землю вязкая слюна.

– Нет! – успокоила воина урнгрийка. – Ни одна тварь здесь, в Лесу, не нападет на тебя, Рха, пока я – с вами. Езжай спокойно, только следи за тем, куда ставит лапу твой пард.

Урнгурский воин шлепнул своего зверя по крупу, и пард, глухо рыча, прыгнул вперед. Ему тоже очень не нравился хищный ящер с коротким загнутым рогом над дырами ноздрей.

Женщина Гнона поехала за ним, а следом – остальные воины-урнгрия. Проезжая, каждый опасливо поглядывал на замершего сиргибра.

Урнгурцам было невыносимо жарко в своей броне и толстых подкольчужных куртках из паутиной ткани. Пот почти не испарялся во влажном воздухе Леса и ручейками стекал по телу к поясным ремням, скапливаясь в складках паутиной ткани, непроницаемой для жидкости. И все же ни один из урнгрия не решался не только снять доспехи, но и поднять забрало. За те несколько месяцев, что горцы провели в Конге, они научились более или менее прилично изъясняться по-конгайски, и вдоволь наслушались баек о Юге. И уже успели отдать должное их правдивости. Без Ронзангтондамени никакая броня не защитила бы ни людей, ни пардов. Но сила Женщины Урнгурса была такова, что ни одно животное, ни одно хищное растение не могло напасть на ее спутников. Все живое, таившее угрозу, замирало, как этот сиргибр. Здесь, в гибельном Лесу Ронзангтондамени чувствовала себя не гостьей, а хозяйкой. Как у себя в Урнгуре. Нет, в большей степени, чем в Урнгуре. Здесь жила ее магия. Древняя сила Женщины Урнгурса тянулась к этой земле, потому что когда-то именно здесь, на юге жили и правили те, от кого Женщины Гнона (только они) унаследовали свою силу. И сохранили ее, несмотря на истекшие после Эпохи перемен тысячелетия. Впрочем, возможно, сама сила сохранила тех, кто нес ее внутри. Ронзангтондамени не знала о тех временах, но чувствовала нечто подобное ощущениям человека, после долгого морского путешествия наконец вставшего на твердую землю. И, ей требовалось время, так же как и путешественнику, чтобы после месяцев, проведенных на раскачивающейся палубе, снова привыкнуть к суше.

За два дня путешествия отряд потерял одного человека и одного парда. Ронзангтондамени не сожалела о погибшем по собственной неосторожности – тем осознательнее будут остальные. Она осознавала свою ответственность за урнгрия, но мысли ее были обращены вперед. Санти был все ближе. Все сильнее чувствовала она отчетливый зов перстня. Но теперь к зову прибавился еще и «запах» мага. Санти был здесь. И не так уж давно. Может, дня четыре назад.

Рха снова остановился. Тропа, по которой он ехал, пересеклась с другой, более широкой.

– Налево! – приказала Ронзангтондамени, и хогран повернул парда.

В пятидесяти шагах позади них сиргибр очнулся и быстро затряс головой. Черный

охотник, распластавшийся в пяти шагах от хвоста ящера, поднялся с земли и похлопал сиргибра по гладкой твердой ноге.

– Пойдем за ними, малыш! – сказал он намеренно высоким голосом, чтобы ящер отчетливей слышал его слова. – Успокойся! Они не убили нас, и мы тоже не будем их убивать! Только проследим!

Сиргибр резко наклонился вбок, едва не коснувшись заостренной мордой щеки Охотника. Недовольное шипение вырвалось из его пасти.

– Не убивать! – строго сказал Охотник. – Только смотреть! Беги вперед, малыш!

Сиргибр языком толкнул Охотника в плечо, мягко опустил на передние лапы и затрусил по тропе.

Человек побежал за ним, держась за кончик хвоста, покачивающийся в трех локтях от земли.

– Стой! – отрывисто бросила Ронзангтондамени.

Она почувствовала опасность. Впереди. Магия. Женщина Гнона отчетливо восприняла ее присутствие и враждебность: недаром же пробудилась и устроилась ее собственная сила.

– Рха! – велела она. – Пропусти меня вперед!

Воин отъехал в сторону и остановился.

– За мной! – приказала Женщина Гнона, заметив его нерешительность. – Но не отставайте, если хотите жить!

Она была наготове, и все-таки удивилась, когда тот, подстерегающий, неожиданно вырос прямо перед мордой парда.

Внешне он выглядел юношей. Высоким и стройным, с узкими бедрами, длинными ногами и широкими плечами, покрытыми ровным загаром цвета темной меди. С пояса того, кто стоял на пути Женщины Гнона спускалась юбка из красной травы, не слишком скрывающая его мужские достоинства.

Ронзангтондамени погладила шею замершего парда и, разглядев стоявшего перед ней получше, сочла его красивым. Ясные глаза, широко расставленные и блестящие, длинный нос с высокой горбинкой, большой яркий рот и узкий подбородок. Черные, чуть выющиеся волосы закрывали уши, а выражение лица было и ласковым, и властным одновременно. Как раз такое выражение нравилось ей у Санти. Вообще стоявший перед ней напомнил Ронзангтондамени ее возлюбленного. Но этот был красивее и лучше сложен. Смуглая кожа казалась очень тонкой и обрисовывала каждый мускул худощавого тела. Он был не просто красив, он был великолепен! Словно специально создан для нее, Ронзангтондамени. И все-таки Женщина Гнона сумела увидеть нечто, скрытое под столь потрясающей внешностью.

– Ангнани! – позвал заступивший ей путь. – Идем со мной, Ангнани!

И голос ничуть не уступал облику.

– Да, – произнесла Женщина Гнона. – Я пойду! Веди!

Стоявший перед ней засмеялся чудесным смехом.

– Сойди ко мне! – попросил он нежно. – Сойди со своего зверя! Я хочу...

Ронзангтондамени сделала едва заметное движение. Но Рха увидел это и тотчас подъехал к своей госпоже.

– Нет, нет! – запротестовал ее лесной красавец. – У него своя...

– Ты просил меня сойти! – перебила его Женщина с улыбкой. – Я схожу!

И, перекинув ногу, сделала вид, что собирается прыгнуть с седла.

Ее собеседник шагнул вперед, чтобы подхватить Ронзангтондамени прежде, чем ее ноги коснутся земли. Но заключить ее в объятия он не успел.

Рха двинул парда вперед. Тяжелый даг взлетел и опустился. Заостренный клинок пробил череп точно посередине, между макушкой и краем лба.

Носок сапога уперся в черноволосую голову: Рха с усилием выдернул кинжал.

– Вперед! – сказала Ронзангтондамени.

И отряд двинулся дальше.

Убитый остался лежать, распластавшись поперек тропы. Шустрые крабы тотчас накнулись на того, чей облик уже ничем не напоминал облик прекрасного юноши.

Сиргибр и его Охотник оказались рядом с трупом спустя несколько минут. Порскнувшие в разные стороны крабы и крысы еще не успели по-настоящему обглодать тело.

Сиргибр, равнодушный к падали, пробежал мимо, но человек остановился и, заинтересованный, склонился над трупом.

Перевернув его ногой, он подался назад, пробормотав:

– Ого! Живущий-в-Тумане! Эй, малыш! – крикнул он возвратившемуся сиргибру: – Ты видишь? Они убили Живущего-в-Тумане! Нет, они мне нравятся, малыш!

Ящер обнюхал черное лицо, кое-где уже обработанное зубами и клешнями, и свистнул, выказывая отвращение.

– Я тоже, малыш! – согласился охотник. – Но поспешим! Может, мы сумеем стать полезными Народу!

Лес остался позади. Теперь слева, справа, впереди на десятки тысяч шагов раскинулась Топь. Тропа то и дело превращалась в жидкую, отвратительно хлюпающую грязь, где лапы пардов скользили по гнилым фашинам. Ронзангтондамени, чувствующая опасные участки, то и дело «отдавала» свое ощущение пардам, чтобы звери знали, куда ставить лапу, где сделать шаг мягким, а где длинным прыжком перемахнуть через топкое «окно».

Красная трава, высокие стебли, увенчанные пушистыми «метлами», с двух сторон обступали тропу. Толстые, коричневые у оснований стебли уходили прямо в топь. Сама тропа то расширялась до пяти-шести шагов, то сужалась так, что и двоим не разминуться. Животные нервничали, чуя под ногами смерть. Без Ронзангтондамени они не согласились бы и на шаг углубиться в красные заросли.

Даже небо над головами, по счастью, затянутое серой мутью туч, казалось лишь отражением Великой Топи.

Но трясина была не единственной опасностью. Высокая трава впереди зашевелилась. Ронзангтондамени усилила власть, но красные «метлы» продолжали раскачиваться, а узкие длинные листья с сухим шорохом терлись друг о друга. Что-то двигалось навстречу, игнорируя силу Женщины Урнгура.

Ронзангтондамени остановилась.

Ее спутники тоже придержали пардов. Лишь Рха попытался объехать свою госпожу, заслонить от того, что приближалось. Но женщина велела ему оставаться позади.

Трава раскачивалась уже в пятнадцати шагах. Нечто надвигалось на них прямо из Топи, надвигалось, невзирая на магию Ронзангтондамени.

Женщина Урнгура ждала. Она верила в свою силу.

И все-таки невольно откинулась назад, когда над травой вдруг поднялась огромная рыжая кошачья голова с оскаленными клыками.

– Привет! – сказал Пятнистый Брат, облизнувшись длинным розовым языком.

Воины тут же выхватили мечи.

Ронзангтондамени подняла руку, и мечи исчезли в ножнах.

– Я тебя ждал! – прорычал Пятнистый Брат на языке Урнгура.

– Откуда ты взялся? – Ронзангтондамени сосредоточила свою силу на странном существе, внешне напоминавшем чудовищных размеров парда, но чей настоящий облик не имел никакого отношения ни к этим животным, ни вообще к существам с теплой живой кровью.

– Брось! – уронил Пятнистый Брат.

Он выбрался на тропу и уселся, поджав короткий хвост.

– Брось! Мы с тобой – на одной стороне поля битвы, хотя и с разными знаменами! Кстати, я могу проводить тебя к Санти!

– Я знаю дорогу! – отрезала Ронзангтондамени.

Этот... Это существо (Демон?) ей определенно не нравилось.

– Но ты не будешь возражать, если я пойду с вами?

– Буду!

Зверь пошевелил ушами, – одно вполтину меньше другого, – розовый шрам через всю морду придавал ему злобный вид. Но он явно не представлял угрозы для Женщины Гнона, раз ее Сила не причиняла ему беспокойства.

– А все-таки я присоединюсь к вам! – рявкнул зверь. – Или вы – ко мне! Иногда от меня бывает кое-какая польза!

– Да? – Ронзангтондамени вложила в свою короткую реплику столько холода, что даже Рха поежился.

– Угу! Например, однажды я вытащил одного парня из переделки...

– Кого же?

– Санти! Разумеется, Санти, моя верная Генани! Но на сей раз он уперся и, знаешь, так крепко, что бедному зверьку с ним было нипочем не сладить!

Голова «зверька» была на два локтя выше головы Ронзангтондамени, сидящей в седле.

– Что не так в моих словах? – зверь встал и выгнул широкую, выпачканную красной пылью спину.

– Все верно, – признала Ронзангтондамени нехотя. – Хорошо. Ты можешь идти с нами.

Зверь тут же подбежал к ней. Как ни странно, пард урнгрийки не испугался, только недовольно фыркнул, когда рыже-желтое плечо коснулось его морды. Зеленые, с круглыми зрачками, глаза Пятнистого Брата заглянули прямо в сердце Ронзангтондамени. В них не было вражды.

– Я побегу впереди! – выдохнул он, развернулся и поскакал по тропе.

Сзади было заметно, что рыжий зверь слегка прихрамывает. Впрочем, Ронзангтондамени вникла в его сущность и знала, сколь многое в Пятнистом Брате – лишь видимость.

Топь кончилась. Пропали бесконечные заросли красной травы. Под лапами пардов зашуршал песок. Ронзангтондамени остановилась.

Впереди лежало озеро. Над серой водой висел серый туман, цветом своим напоминающий серое небо над головами. Латы воинов блестели от влаги. Но жара была вполне терпимой даже для непривычных горцев. Проглядывающий сквозь облачную вату солнечный круг был похож на луну – синевато-серый, с проплывающими по нему грязными пятнами.

Впереди урнгрия не видели ничего, кроме шевелящейся дымки над водой и пологого песчаного берега. Ронзангтондамени могла разглядеть не больше, чем ее воины, но чувствовала там, за туманом, нечто более осязаемое.

– Надо немножко подождать, – проворчал Пятнистый Брат и растянулся на песке. – Они обязательно приплывут. А мы пока могли бы подкрепиться. Как насчет кофе, Генани?

– Кофе? – удивилась женщина. – Тебе?

– Ну да! – отвечал Пятнистый Брат. – Я пью кофе. С удовольствием, кстати. Так что же?

– Рха! – позвала Женщина Урнгура.

Воин подошел. Его черные сапоги по щиколотку утопали в песке.

– Разведите огонь и поешьте, – сказала женщина. – И сварите большой котел кофе. Для него, – она указала на Пятнистого Брата.

На коричневом лице воина выразилось изумление, но он кивнул головой.

– Можно и поменьше, – проурчал Пятнистый Брат. – Я не так прожорлив, как выгляжу!

И мгновенно уменьшился до размеров не крупного (пара локтей в холке, не более) пса.

Рха прищелкнул языком в восхищении.

Прошло около часа. Воины накормили пардов, поели и разлеглись на песке, глядя на догорающий костер. Ронзангтондамени, опершись спиной на снятое с парда седло, глядела в туман.

Пятнистый Брат встрепенулся первым. Уши его дернулись, ловя слабый звук плывущего челнока.

Подбежав к Ронзангтондамени, он толкнул ее мордой в плечо.

– Они? – негромко спросила Женщина Гнона.

– Да! – проворчал Пятнистый Брат и оскалился. Прыгнув к воде, он принялся, потом отпрянул назад. Парды забеспокоились, подняли головы и тоже уставились в туманную стену.

Шлепки весел были уже настолько громкими, что их слышали все. Урнгрия поспешно надела шлемы.

«Будь начеку! – пришла к Ронзангтондамени мысль. – А я пока схоронюсь!»

Женщина обернулась: Пятнистый Брат затерялся среди сбившихся вместе встревоженных пардов.

Когда Ронзангтондамени снова посмотрела на озеро, лодка уже вынырнула из свинцовой пелены и зашуршала днищем по песку: длинный узкий челнок с высокими загибающимися носом и кормой. Один из гребцов бросил на дно лодки весло и прыгнул на берег. Второй остался в челноке.

Сошедший, высокий, гибкий, как древко лука, зашагал прямо к женщине.

«Опасен!» – подумала Ронзангтондамени.

Оружия у гребца не было, зато каждая мышца его тела говорила о необычайной силе. Сильнейшая опасность исходила от этого существа. Опасность была присуща ему, как запах. Женщина Гнона попыталась проникнуть в его сущность, увидеть истинный облик и с удивлением поняла, что образ, который она видит – настоящий. Этот Живущий-в-Тумане был совсем не таким, как тот, что пытался увлечь ее в Лесу. Этот был человеком.

А вот второй, оставшийся в лодке, человеком не был. Черты лица его казались размытыми так, словно их скрывал туман. Ронзангтондамени не пыталась проникнуть сквозь иллюзию, чтобы не выдать собственные мысли. Тот, второй, был исключительно чуток.

Первый же, пробежав по сыпучему песку с такой же легкостью, как по твердой земле, резко остановился в трех шагах от Женщины Гнона. Высокий, сильный (не как атлет, – как воин), он окинул ее цепким взглядом, будто накрыл сетью. Потом перевел глаза на воинов-урнгрия и... явно не нашел то, что искал. Тогда с той же грациозной легкостью он отбежал назад, к кромке воды, и обменялся мыслями с оставшимся в лодке. Женщина Гнона уловила обмен, но не сами мысли. Она не торопясь поднялась на ноги.

А первый гребец уже снова был рядом с ней. Он выбросил вперед руку, сжав двумя пальцами подбородок женщины.

Ронзангтондамени почувствовала, как за ее спиной дернулся Рха, и сделала ему знак: оставайся на месте. Очень осторожно она коснулась сознания Живущего-в-Тумане, и тот отпустил ее. Впрочем, он сделал бы это и без ее прикосновения: Женщина Гнона выдержала испытание.

– Ты пришла к нам сама, Ангнани? – услышала она ласковый мужской голос.

Он принадлежал тому, кто остался в лодке. Но людям казалось: говорит стоящий на берегу.

– Да, – чуть слышно ответила женщина, чувствуя силу, увлекающую ее в зыбкую глубину.

И она позволила увлечь себя, вернее, ту часть себя, что оставалась на поверхности.

– Мы рады! – отозвался сидящий в лодке. – Идем же!

– Но мои спутники... – пробормотала она. – Они...

– Он совсем маленький, наш челнок! – на сей раз говорил тот, что стоял рядом. – Хотя мы можем взять еще одного...

Это тоже было испытание.

Ронзангтондамени молчала, позволяя Живущему-в-Тумане шарить по задворкам ее сознания.

– Об остальных не тревожься! Мы никого не отталкиваем!

«Да уж!» – откликнулся издали Пятнистый Брат. – Но о своих ты и вправду не беспокойся! Я послежу за ними!»

– Рха,– позвала Женщина Гнона.

Урнгурец подошел и с вызовом взглянул на Живущего-в-Тумане.

– Можно ему поехать с нами?

Щупик чужой воли проник в сознание урнгурца, но Ронзангтондамени была наготове и успела спрятать воспоминания о недавнем убийстве за десятками иных смертей.

– Да,– согласился тот, что в лодке.– Пусть он идет с тобой.

Первый подал женщине руку, помогая перешагнуть через борт лодки. Ладонь – словно нагретый солнцем кусок дерева.

Когда в лодку сел Рха, гребец с легкостью оттолкнул от берега и ловко запрыгнул внутрь.

Два весла ударили в свинцовую воду, челнок крутнулся на месте и нырнул в серую пелену.

Миг – и оставшиеся на берегу потеряли его из виду.

Пелена тумана внезапно разорвалась, и Ронзангтондамени увидела песчаный берег, а за ним – некрутой склон, поросший короткой красной травой.

Челнок выскочил на мелководье. Гребец встал и помог Ронзангтондамени выбраться на берег. Вторым, тот, что сидел на корме, тут же оказался рядом. Он принял облик, в точности схожий с тем, какой был у Живущего-в-Тумане, убитого Рха.

– Я рад, что ты с нами, Ангнани!

Даже голос был абсолютно таким же.

Женщина ничего не ответила. Просто молча пошла вперед. Теперь она точно знала, куда идти.

Верный Рха поспешил за ней, а первый гребец, тот, что был человеком,– обогнал и зашагал впереди. Двигался он очень мягко. Казалось, босые ноги его даже не приминают траву.

– Как твое имя? – спросила Ронзангтондамени.

– Иран! – ответил человек, быстро обернувшись. Он был удивлен.

Женщина Гнона ощутила мысленное прикосновение Живущего-в-Тумане, шедшего сзади. На сей раз она не стала вводить его в заблуждение, а попросту «отбросила» собственной волей.

Потому что она пришла.

Открытое пространство, занятое несколькими десятками круглых хижин. Нет, не хижин – деревьев, чьи ветви, поднимаясь на высоту восьми-деяти локтей, плавно изгибались вниз и опускались до земли, переплетаясь и образуя почти непроницаемую завесу.

Несколько обитателей селения поспешно поменяли свой облик. Впрочем, двум из них обзаводиться личиной не понадобилось. Люди. Такие же, как Иран.

Второго сопровождающего Ронзангтондамени больше не чувствовала. Ее подмывало оглянуться, но она удержалась.

Зов перстня был так силен, что Ронзангтондамени слышала тоненький свист.

Невольно ускорив шаг, Женщина Гнона прошла между двумя расступившимися обитателями селения.

– Санти! – громко позвала она.

– Нет! – раздалось рядом.

Мягкая рука коснулась шеи женщины, коснулась именно так, как надо, чтобы трепет предвкушения прошел по позвоночнику.

Ронзангтондамени резко обернулась, сбросив ласковую руку. Да, он стал еще красивее, еще желаннее, настолько желанным, что впору сойти с ума.

Длинные точеные пальцы снова коснулись ее кожи, накрыли руку Женщины Гнона. Безукоризненной формы кисть, сильное и одновременно нежное прикосновение. Никогда Ронзангтондамени не испытывала ничего подобного. Нет, это не было насилием. Это было Приглашением. Но Приглашением, на которое невозможно ответить «нет».

Ни одна женщина не устояла бы перед ним. И Ронзангтондамени не устояла бы. Если бы под пеленой иллюзии не видела морщинистые, лишённые ногтей тупые обрубки.

Она взглянула прямо в глаза Живущему-в-Тумане, чтобы тот понял: она видит его!

Она рассчитывала на мгновение замешательства, но ошиблась. Черные пальцы-щупальца сжались и рванули Ронзангтондамени вперед.

Верный Рха прыгнул следом, но Иран подсек урнгурца, и Рха ничком упал на землю.

Ронзангтондамени ощутила гнев. И выплеснула его наружу.

Живущий-в-Тумане тут же отпустил ее.

...И женщина оказалась в кругу стоящих плечо к плечу нелюдей. Их соединенная сила сковала ее.

Но не сломила.

Ведь это была ее земля! Ее, а не их! Живущие-в-Тумане были чужаками здесь, пришельцами. Их магия – от чужого. Они принимали жизнь от Вечного Лона, но не отдавали взамен свою. И сейчас они пили враждебную силу Ронзангтондамени, как голодный леопард пьет кровь добычи. Они пожирали Женщину Гнона! И они искренне любили ее за это! Что бы ни сделала Ронзангтондамени, все будет принято, и так до тех пор, пока она не потеряет все, что имеет. Она может черпать силу от самой земли, но сила эта перейдет к ним. Женщина поняла: она может целую вечность стоять так – ни один из Живущих-в-Тумане не отойдет от нее. Никогда. До тех пор, пока у нее остается перетекающая к ним Жизнь.

– Ангнани!

Круг разомкнулся.

– Ангнани! Ты?

Санги, обнаженный, если не считать юбки из красной травы, стоял рядом и удивленно смотрел на нее.

– Ангнани! Зачем ты здесь?

– Я пришла за тобой! – воскликнула Ронзангтондамени и осеклась.

Каждая ее эмоция досуха впитывалась черными тварями.

– Здесь не место для тебя! – озабоченно произнес Санги.

Из дерева-хижины вышла девушка. Вернее – чудовище-нелюдь... И нелюдь опустил на плечо Санги уродливую конечность, а юноша нежно погладил этот обрубок.

– О Хаор! – в ужасе прошептала Ронзангтондамени.

– Он – наш! – сказал магхар, обнимавший ее любимого. – Он наш! Он сам так решил!

– Да, – подтвердил Санги. – Я сам так решил, Ангнани. Здесь мне удобно.

– Но ты... Тебя... – она не знала, что говорить.

Ронзангтондамени попыталась передать Санги истинный облик той, что прижималась к его телу, но мысль-образ тут же всосали окружающие твари.

Впервые в жизни Женщина Гнона ощутила беспомощность, и слезы навернулись на глаза.

– Ты плачешь, Ангнани, – тихо проговорил юноша.

Он ласково отстранил от себя нелюдь и оказался рядом.

– Если ты хочешь, Ангнани, мы сейчас же уйдем! – прошептал он.

– Хочу! – Ронзангтондамени вскинула к нему блестящие глаза. – Хочу!

– Ты не можешь уйти! – раздался рядом голос нелюди. – Ты – мой!

– Ты наш! – эхом отозвались остальные. – Ты должен остаться!

Надежда вспыхнула и угасла.

– Я – ваш, – согласился Санги, не отрывая глаз от лица Ангнани. – Я – ваш! Но не навсегда. И я уйду!

– Нет! Ты должен!

Двое, не твари, а люди с движениями диких кошек и мышцами крепкими, как паутинные тросы, тотчас с двух сторон подступили к Санги и взяли его за руки. Воля остальных сковала Ронзангтондамени и лишила ее возможности вмешаться.

Санги удивленно посмотрел сначала на одного мужчину, потом – на другого... И

захохотал.

Ронзангтондамени прикусила губу: она подумала, что юноша сошел с ума.

– Ты должен! – пропел хор голосов.

– Я? – Санти внезапно оборвал смех.

– Назад!

Державшие его разлетелись в стороны, словно отброшенные невидимыми ударами.

– Я – не должен! – отчеканил молодой маг. – И я уйду! – голос его был – как удар хлыста.

И Ронзангтондамени вдруг поняла: он может видеть Живущих-в-Тумане в их истинном облике. Может, но не желает!

– Дай мне руку! – попросил он. – Не бойся, Ангнани! Мы уходим!

– Нет! – воскликнули десятки голосов.

И Ронзангтондамени почувствовала, как из нее высасывают все: силу, желания, мысли. Давление, которое она испытывала несколько минут назад, – ничто в сравнении с теперешним. У нее отнимали невозполнимое!

Это было так страшно!

Но Санти опять засмеялся. Правой рукой он крепко сжал пальцы Ронзангтондамени, а левой быстро начертал в воздухе вспыхнувший и тут же угасший знак.

И волна ужаса нахлынула на Женщину Гнона.

Но то был не ее ужас, то был страх Живущих-в-Тумане!

Одним движением Санти отрезал их от Жизни, лишил силы Вечного Лона. Их ужас был подобен ужасу человека, вдруг ощутившего, что воздуха – нет. Легкие расширяются, сердце бьется, рот жадно распахивается... А воздуха – нет!

Лишь мгновение длилось это: Санти не наказывал – он предупреждал.

Их обступила полная тишина.

– Идем же! – шепнул молодой маг.

– Рха! – вспомнила Ронзангтондамени.

Санти обернулся, поманил рукой. Урнгурец поднялся и, шатаясь, побрел за ними.

Никто из Живущих-в-Тумане не посмел больше мешать им. Они словно окаменели. Только нелюдь, прежде бывший с Санти, шагнул вперед... и остановился.

Впервые узнав, что такое страх, не так-то легко от него освободиться.

Челнок по-прежнему был на берегу.

– Залезай! – сказал Санти Ронзангтондамени.

Рха устроился на корме, взял весло.

Санти столкнул челнок в воду, в пелену тумана.

Ронзангтондамени понемногу приходила в себя.

– Ужасные существа! – проговорила она, поежившись.

– Напротив! Очень милые! – отозвался Санти.

Весло в его руке мерно опускалось в серую воду.

Ронзангтондамени была потрясена.

– Они пьют твою жизнь! – воскликнула она.

– Ну и что? – весело отозвался Санти. – Многие из людей делают то же! Но эти существа, подумай, насколько они благодарнее! Подумай, что они дают взамен!

– Иллюзию!

– А это, – Санти похлопал рукой по борту челнока. – Это – не иллюзия?

– Ты изменился, – грустно констатировала Женщина Гнона.

– Да, – согласился молодой маг, вспенивая воду длинным движением весла. – Слава богам, даже ты не знаешь, как я изменился!

Туман разошелся, и челнок с шуршанием заскользил по дну под радостные восклицания урнгрия.

И все-таки первым, кто оказался рядом, был Пятнистый Брат.

«Тысячу лет царили они над этой землей. И ушли бесславно. Но не бесследно...»

**Готар Глорианский. Божественное и человеческое. Глава
Черная твердь: Следы Махд-Шагош**

Конг. Верховье реки Фуа. Осень тысяча двенадцатого года.

Широкие лапы боевых пардов гвардии Сарбура мягко опускались на покрытые сетью трещин плиты Дороги Великого Ангана. Первые сотни «синих» уже поднялись на вершину холма, с которой виден был широкий мост через ущелье, наполненное грохотом бегущей воды. А передовой дозор, легкие всадники, уже подскакали к самому мосту, и командир их оглянулся назад, ожидая знака: ехать дальше или ждать.

– Останови его! – велел Керанраон сигнальщику. И, обернувшись к Нилу: – К самому Далаангу надо послать других!

– Верная речь! – кивнул великан. – Я даже знаю, кто их возглавит!

– Я предпочел бы, чтоб ты остался с войском! – проворчал Дракон Юга.

– ...а сам повел бы разведчиков! – ухмыльнулся Нил. – Нет уж! Ты – военачальник! Твое место – здесь, а не там, где шальная стрела может продырявить нагрудник! Сам посуди, Раон: вдруг будет испорчена такая вещь, а?

И коснулся хлыстом бронзового панциря Керанраона, украшенный золоченым гербом Конга.

– Ты! – воскликнул воин, пытаясь схватить хлыст (Не успел: Нил тут же отдернул его.)
– Ты такой же военачальник, как и я!

– Я рад, что ты помнишь об этом! – засмеялся великан. – А то еще вздумал бы приказать мне пасти своих быков, пока будешь развлекаться в Далаанге!

– Поеду я! – упрямо заявил Керанраон.

«Вот демон! Почему рядом с ним я чувствую себя каким-то новобранцем!» – подумал он с досадой. Впрочем, сердиться на Нила было невозможно.

– В конце концов, я знаю Далаанг, а ты – нет! – решительно произнес Дракон Юга.

– Вот ты мне его и покажешь! – сказал Нил. – Ты обещал, кстати!

– Паршивый ты хуруг! – пробормотал Керанраон.

– Я знал, что ты согласишься! – ухмыльнулся великан.

Разговаривали они по-хольдски. Воинам совершенно незачем понимать, о чем говорят их вожди.

Признаться, в душе Керанраон совсем не возражал против того, чтобы Нил его сопровождал. Но он был политиком и твердо знал: если предложить Нилу поехать вдвоем, великан заартачится. Где это видано, чтобы оба полководца бросили войско и отправились в весьма рискованную разведку? Меч Нила, один – стоил полусотни. Керанраон был храбр, но не опрометчив: три стража соххоггоев вполне могут управиться и с ним, и с его десятком разведчиков: Великому Ангану служат лучшие бойцы. А вот если рядом будет Нил – он, Керанраон, готов схватиться с десятком соххоггойских телохранителей.

– Хорошо! – произнес Дракон Юга, изображая недовольство. – Поедем вместе! Возьмем с собой десять разведчиков. И еще сотня пусть едет за нами шагах в пятистах!

– Идет! – сказал великан.

– Хо! – рывкнул он, сжав коленями бока парда. – Пошел, пошел, разбойник!

Пард взревел и тремя прыжками вынес всадника шагов на сорок вперед.

– Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна!

Красней, чем у врагов! –

запел Нил мощным, как боевая труба, голосом.

– Глотни солдат, и дай глотнуть
И мне, солдат: за нас!
Сегодня топчем пыльный путь,
А завтра топчут нас!

– Глотни, солдат, вкус у вина
Всегда, солдат, хорош! –

грянула за спиной Керанраона первая сотня.

– А кровь тем крепче солона,
Чем больше ее льешь!

Приподнявшись на стременах, Дракон Юга обернулся и посмотрел назад, на четкие синие прямоугольники гвардейцев и почти такие же аккуратные шеренги легковооруженных. Колонна быстро текла вниз по склону.

– У нас, солдат, судьба одна!
Молись, солдат, Судьбе!
Чтоб фляга ввек была полна!
И руки – при тебе!

Придут другие времена,
А ты, солдат, – живой!
Глотни, солдат, глотни вина!
Домой, солдат, домой!..

Великан осадил парда у края ущелья. Там, на дне, меж острых блестящих камней металась разъяренная Фуа. Ничего общего с той спокойной ленивой желтозеленой рекой, на которой стоял Фаранг.

– Отсюда до Далаанга – мили три! – крикнул Керанраон, перекрывая голосом шум воды. – А примерно в миле – ровное место. – Там можно разбить лагерь.

– Неплохо! – согласился Нил. – Пусть парды отдохнут!

Он посмотрел на запад, туда, где в синем небе отчетливо вырисовывались зазубренные хребты Черных Гор. А ближе к югу уходил ввысь конический пик Столпа Небес.

– Когда я видел его в последний раз, он дымил, как лесной пожар! – сказал Нил.

– Да? – с полным безразличием ко всем вулканам отозвался Керанраон. – Я возьму с собой сотню разведчиков из Береговой Стражи! Они – крепкие воины и умеют скрадывать зверя в отличие от моих гвардейцев.

– Как хочешь! – откликнулся Нил и направил своего парда на мост. Широкий мост, подвешенный на канатах, сплетенных их паутинных волокон в палец толщиной, способных удержать вес, равный весу трех хорахшей, даже не покачнулся, когда на него выехали всадники.

Рев Фуа совершенно заглушал топот лап по деревянному настилу. И кое-что на этом настиле привлекло внимание великана. А именно: множество глубоких отметин, испещривших твердое дерево досок. Такие следы оставляют когти дракона.

– Почему здесь нет сторожевого поста? – спросил он Керанраона.

– А зачем? – удивился конгай.

Шел девятый день первого месяца осени.

Далаанг. Осень тысяча двенадцатого года.

– Спешимся! – предложил Керанраон. – За следующим поворотом – Далаанг.

– Как скажешь. – Нил бесшумно соскочил на землю и обмотал повод вокруг толстой ветки.

Спустя несколько минут Нил, Керанраон и пятеро воинов-разведчиков, двигаясь сквозь заросли рядом с дорогой, вышли к воротам.

– Великий Тур! – пробормотал бывший Исполняющий Волю. – Что-то здесь неладно!

– Похоже на то, – согласился Нил, разглядывая снесенные ворота, выглядящие так, будто на них топтался хорахш.

Стражи у ворот не было.

Дракон Юга настороженно озирался по сторонам. Великан хлопнул его по плечу:

– Успокойся! В ста шагах от нас – ни души. Клянусь волосатым ухом Тура!

Керанраон покосился на северянина. Великан держался с такой непринужденностью, что бывшему Исполняющему Волю стало немного обидно.

Нил втянул воздух и нахмурился.

– Пахнет кровью! – проворчал он. – Слушай, Раон! Может, я схожу один?

– Нет уж! – отрезал Дракон Юга. – Мы тоже не новобранцы! Вперед!

И решительно зашагал к сломанным воротам. Нил покачал головой и последовал за конгаем.

Из осторожности они пошли не по аллее, а между деревьями и кустами совершенно пустынного парка. Керанраону было не по себе. Не узнавал он Далаанг.

Нил резко остановился.

– Раон! – позвал он шедшего впереди Керанраона. – Гляди-ка!

Конгай посмотрел на землю. Там, куда указывал великан, виднелась какая-то отметина: словно неопытный садовник попробовал мотыгу. Но потом воин узнал очертания, и по его спине пробежал озноб.

– Сиргибр! – проговорил он очень тихо.

– Вполне возможно!

– Здесь есть зверинец... – сказал конгай. – Может быть...

– Нет! – решительно сказал великан. – Это зверюшки Несмеха! Я видел их следы на мосту.

– Если увидите, старайтесь попасть в глаз! – наставлял Нил разведчиков, взявших арбалеты наизготовку.

– Каковы наши шансы, достойный? – спросил один из них, смуглый длиннорукий воин с волосами, заплетенными в косу.

– Никаких, парень! Бей в глаз и карабкайся на ближайшее дерево! Если тебе повезет, можешь уцелеть! Раон! Вернулся бы ты назад?

– Нет! – наотрез отказался военачальник. – Мы рискуем вместе или вместе уходим!

– Ты хочешь уйти?

– Хочу! Но не вижу смысла! Пятеро нас – или пять тысяч – этим тварям все равно!

Нил поправил пояс и, петляя, побежал вперед. Шагов через пятнадцать он снова наткнулся на след ящера, но не остановился. Не обменявшись больше ни словом, воины достигли высоких кустов, окаймляющих площадь перед Дворцом Великого Ангана.

Когда впереди мелькнули золоченые крыши дворцовых башен, Нил остановился.

– Да, – прошептал он, втягивая носом воздух (ветер дул в их сторону), – Кто-то там повеселился всласть!

И просунул голову между ветвями.

Керанраон сделал то же... и ужаснулся.

По всей огромной площади перед дворцом были разбросаны человеческие тела. Стая

ургов кружилась в воздухе, но ни одна тварь не осмеливалась сесть. Потому что вокруг дворца, рассевшись на мраморных плитах, караулили не меньше пятнадцати сиргибров. Они неотрывно глядели вверх.

Вдруг один из сиргибров взмыл в воздух на добрых десять локтей, ухватился передними лапами за ограждение желтого балкончика и нырнул головой внутрь. Из дворца раздался пронзительный вопль, но тут балкон обломился, и ящер пружинисто упал на мраморные плиты площади. Сверху на него посыпались обломки злополучного балкона, но ящер только мотнул рогатой мордой и снова застыл, как изваяние, глядя вверх.

– Быстро назад! – скомандовал Нил. – Быстро! Пока не переменялся ветер!

И все семеро, не жалея ног, бросились прочь. И бежали до тех пор, пока не оказались за пределами Далаанга и не достигли места, где их ждала спешившаяся сотня разведчиков.

– Какие мысли? – спросил Керанраон, когда они, наконец, отдышались.

Нил пожал плечами.

– Может, послать за Несмехом? – предложил Керанраон.

– Время! – напомнил Нил.

– Но это сиргибры! С ними не совладать! Я видел, как они превратили в кашу лучшую мою тысячу! С меня довольно!

– Таковую тварь можно свалить разве что из баллисты! – проговорил кто-то из разведчиков.

– Свалить... – задумчиво повторил Нил. – А надо ли?

– То есть как? – удивился Керанраон.

– Я думаю: стоит ли нам от них прятаться?

– Ты сам сказал: бежим!

– Мне надо было подумать! – сказал великан. – Ты, кстати, обратил внимание на убитых?

– Трудно не обратить!

– Все они – в доспехах!

– И что?

– Если ребята имели глупость напасть на сиргибров...

– А не наоборот?

– Надо проверить! – совершенно серьезно сказал Нил. – Кто со мной, парни?

– Куда? – спросил Керанраон.

– К дворцу, конечно!

Разведчики, переминаясь с ноги на ногу, отворачивали лица. Никто из них не горел желанием присоединиться к Нилу.

– Я поеду! – заявил Керанраон.

– И я! – шагнул вперед один из разведчиков. – Всё в руках Судьбы!

Спустя пару минут сотня в полном составе выехала на дорогу: скрываться было не от кого.

– Не трусьте, парни! – громко сказал Нил, разглядывая посеревшие лица конгаев. – Сдается мне, парды бегают побыстрее, чем эти твари!

Еще несколько минут – и они были рядом с дворцовой площадью.

– Стоять здесь! – приказал великан начальнику сотни. – Я пойду один!

Никто, даже Керанраон, не выразил желания присоединиться.

Нил спешился и вышел на площадь. Несколько сиргибров повернули ярко расцвеченные высоколобые головы и уставились на Нила. Северянин медленно шел вперед.

Один из ящеров легко оттолкнулся от земли. Три длинных прыжка – и он рядом.

Нил остановился.

Сиргибр быстро, будто нырнув, наклонился к голове человека.

Нил не шевельнулся. Но мышцы его непроизвольно напряглись, когда огромная оскаленная пасть оказалась рядом с лицом.

Нил не шевельнулся, хотя охотно ощутил бы в руке тяжесть меча.

Ноздри ящера расширились: он принюхивался.

– Ну, – сказал Нил. – Как тебе мое мясо, братец?

И вдруг понял: сиргибр ему совершенно не опасен. Не только потому, что запах воина – иной: он, Нил, по духу был почти таким же, как Охотники Народа. Сиргибр принял мысли воина, и сам Нил уловил мысли хищного ящера.

Протянув руку, великан легонько постучал по основанию рога:

– Мы поладим с тобой, дружище!

Сиргибр широко распахнул пасть...

Керанраон судорожно сжал рукоять меча. Он был уверен, что Нилу пришел конец, но не мог сделать ровно ничего.

Красный язык, липкий, мокрый, быстро коснулся щеки великана. Пасть захлопнулась с лязгом сомкнувшихся крепостных ворот. Сиргибр сделал короткий прыжок, совсем по-человечески оглянулся...

– Иду, иду! – сказал воин и зашагал к дворцу.

– Наконец-то я вижу того, кто все это затеял! – заявил Турн, натягивая лук. – Надеюсь, в его шкуре стрела не увязнет!

– Кого-то он мне напоминает, этот маг! – пробормотал Сихон, с высоты тридцати локтей разглядывая идущего Нила.

– Покойника! – пояснил чаданну.

Раздался звонкий удар тетивы, и длинная стрела устремилась к Нилу.

Но у великана было превосходное чутье. Он резко остановился, и стрела бур-чаданну, пропев на расстоянии ладони его шеи, расщепилась о камень.

– Стыдно! – гаркнул Нил, безошибочно определив окно, из которого вылетела стрела и обращая туда взгляд. – Подлый выстрел подлой душонки!

– Вот пес! – выругался Турн, накладывая новую стрелу. – Нет, еще один подлый выстрел – и твоя душонка отправится в Нижний Мир!

– Постой! – воскликнул Сихон. – Я знаю этого парня!

Властитель Маххиг, чье Владение располагалось на дальнем берегу озера Мио, в восьми милях от Миона и большого тракта, в Далаанг не спешил. Уповая на Истинного, Властитель остался на своей земле. Характер у Маххига был неплохой (для соххогоя), и стражей своих он баловал относительно высоким жалованьем. Впрочем, их было всего двадцать шесть – владение большими размерами не отличалось.

И все же в то утро, несмотря на принятое решение, Маххиг проснулся с сильным желанием идти в Далаанг – настойчивым желанием, пришедшим ниоткуда. Зная о своей способности предугадывать события, Маххиг не отнесся к предчувствиям как к дурному сну, а велел сделать необходимые приготовления. Но с отъездом медлил, выжидая.

Он как раз вкушал свою изысканную трапезу, когда холодная лапка тревоги коснулась его затылка. Соххогой вскочил и бросился к окну. Как раз вовремя, чтобы увидеть поднимающуюся над стеной владения красно-зеленую голову сиргибра.

Ящер вытянул шею, поглядел сверху на ошеломленных стражей, и вдруг, одним гигантским прыжком перемахнул через стену и приземлился на тренировочном поле, прилегающем к стене изнутри. На стражей, бегущих к нему, ящер не обратил ровно никакого внимания. Расцветенная голова поворачивалась, ноздри раздувались, на морде появилась чудовищная ухмылка.

И тут Маххиг понял: сиргибр ищет его! Нет, уже нашел!

Каждый их шестерых стражей упал на одно на колено, шесть арбалетных стрел, разом, вонзились в гладкую кожу ящера... пальца на три, не глубже.

Стражи выхватили мечи, однако Маххиг видел, что воины смущены. А на помощь им уже спешили другие.

Сиргибр соизволил обратить внимание на людей, когда первый клинок коснулся его задней лапы. Стремительный нырок – и из шеи обезглавленного воина фонтаном ударила кровь. Ящер выплюнул помятый шлем и махнул хвостом, переломив ноги второму стражу.

Маххиг больше не раздумывал. Со всех ног он бросился вниз. Минутой позже соххоггой верхом на парде стрелой промчался через ворота Владения под испуганные выкрики отшатнувшихся воинов.

Сиргибр, окруженный не решающимися атаковать стражами, оглянулся. Для тех, кто смотрел на ящера, это выглядело так: вдруг вместо рогатой морды возник гладкий круглый ярко-зеленый затылок.

Прыжок – и ящер оказался вне кольца воинов. Еще два прыжка: и сиргибр – по другую сторону стены.

Маххиг гнал парда во всю прыть. Ни один зверь не догонит скачущего парда! Сразу не догонит!

Сиргибр опустил на передние лапы и потрусил по дороге. Так он мог бежать долго, час за часом, хоть целые сутки – если не голоден. А сиргибр не был голоден.

Вечером того же дня Маххиг въехал в ворота Далаанга.

Сиргибр появился там в полдень следующего дня. Предупрежденная стража встретила его арбалетным залпом и двумя выстрелами из небольших баллист, оказавшихся во дворце. Стрелы утыкали сиргибра, превратив его в подушечку для иголок. Первый снаряд угодил в бок, второй оцарапал голову. Ни одна рана не была серьезной, но некоторые оказались чувствительными.

Сиргибр отступил, не дожидаясь повторения. Он мог не торопиться, чувствуя, что к нему на помощь уже спешат сородичи.

В этот момент в Далаанге было около трех десятков соххоггоев, полторы тысячи стражей (Великого Ангана и прибывших Властителей), около тысячи солдат, примерно вдвое больше слуг и несколько сотен чиновников, размещавшихся отдельно. Большая часть солдат тоже перебралась в помещения Канцелярии, как только в Далаанг начали стекаться соххоггои. Великий Анган не возражал. Не возражал и Исполняющий Волю Унар, теперь неотлучно бывший рядом с Владыкой Конга. Кстати, ни один из соххоггоев не осмелился возражать против перемены владельца Маски. Нассини ничего не предпринимала, Властители ждали помощи Истинного, Исполняющий Волю Унар не ждал ничего, кроме минут близости с Нассини.

Единственным, кто действовал в резиденции Великого Ангана, был Начальник Канцелярии. Из Далаанга и в Далаанг по-прежнему скакали гонцы. Но поставки продовольствия прекратились, и командиры конгайских сотен взяли на себя охрану Канцелярии. Начальник Пенет знал, что делает. Тем более, что в Канцелярии имелись свои склады и свои запасы, достаточные, чтобы кормить несколько тысяч человек в течение года.

Сиргибры напали ночью. Это стоило жизни трем соххоггоям, оказавшимся вне дворца, и нескольким десяткам стражников, попытавшимся остановить ящеров. (Это их трупы лицезрели Нил и Керанраон.) Совсем не много жертв, если учесть, что всю ночь по парку носились люди с горящими факелами и повсюду раздавались истошные женские вопли. Слуги и рабы. Ими никто не интересовался: ни сиргибры, ни укрывшиеся во Дворце Великого. Утром, по распоряжению Пенета, перепуганную челядь собрали и увели конгайские солдаты.

Солдаты тоже не интересовали ящеров. Их интересовали только соххоггои. Определив, где скрывается добыча, сиргибры расположились вокруг. Ворваться внутрь они не могли: стены были крепкими, а входы – узкими. Но терпения охотникам Вечного Лона было не занимать. Любая добыча рано или поздно выползает из норы.

Когда настало утро, три сотни стражей вышли из дворца и попытались отогнать ящеров. Это обошлось им в несколько десятков новых трупов. Настроение у Сихона и Турна было препаршивым.

– Поговорим? – крикнул Нил.

Бур-чаданну уже набрал воздух для достойного ответа, но Сихон опять остановил его.

– Поговорим! Отчего ж нет? – крикнул Начальник Внутренней Стражи. – Если ты придержишь своих тварей!

– Выходи! – ответил Нил. – Пока ты не вынешь оружия, тебя не тронут!

– Я иду! – закричал Сихон.

– Ты спятил! – прошипел Турн.

– У нас есть выбор? – возразил Начальник Внутренней Стражи. – Кроме того, я знаю этого парня: он такой же маг, как ты или я!

– Ба! – воскликнул Нил, ударив себя по ляжке. – Никак командир Сихон!

– Я без оружия! – хмуро проговорил воин.

– Мог бы и взять! – пожал плечами великан. – Я же сказал: «Не вынимать»!

– Чего ты хочешь?

– Я? Ничего! – Нил ухмыльнулся. – Просто хочу помочь хорошим ребятам!

– Ну?

– Этим зверюшкам до вас дела нет! Они желают скушать красноглазых! И скушают, если я верно оценил их настроение!

– А это? – Сихон кивнул в сторону трупов.

– Ошибка, – хладнокровно ответил Нил. – Ваша ошибка!

– Ты хочешь сказать, что любой из нас может спокойно выйти? – поразился Сихон.

– Если он – не красноглазый! А спокойно или нет – зависит от нервов! Не лезьте в драку – и из вас не сделают паштет по-сиргибски!

– Я должен тебе верить?

– Как хочешь. Можешь сидеть во Дворце и ждать, пока кончится жратва. Кстати, тут неподалеку стоит небольшая армия...

– Чья? – быстро спросил Сихон.

– Ее привели Исполняющий Волю Керанраон...

Начальник Внутренней Стражи вздохнул с облегчением.

– Не спеши! – поднял руку Нил. – Исполняющий Волю Керанраон и я! Кое-что изменилось в благословенном Конге, пока твоя хозяйка устраивалась на новом месте! Думаю, тебе представилась сомнительная честь наблюдать последних соххоггоев. И еще думаю: наслаждаться их красотой тебе осталось недолго.

– Мне плевать на соххоггоев! – сказал Сихон. – Но вы не должны трогать Нассини!

– Чем она лучше других? – поинтересовался Нил, прекрасно зная ответ.

– Если моей госпоже не будет обещана безопасность, – твердо сказал Сихон, – все останется как есть!

– Ненадолго! – пообещал Нил. – Я слышал, у вас в плену два Исполняющих Волю?

– Только Исполняющий Волю Унар. Луасай умер!

– Умер! Странно! Дракон Юга Керанраон желает поговорить с тем, кто остался!

– Можно устроить! – согласился Сихон.

– Он зовет тебя, командующий! – сказал Керанраону один из разведчиков.

Воин кивнул и выехал на площадь. Ветер дул со стороны дворца, и один из сиргибров подбежал, чтобы обнюхать конгая. Перепуганный пард, взыв, ринулся назад. Дракон Юга с трудом совладал с ним и понял, что придется идти пешком.

Процедура обнюхивания не доставила ему удовольствия.

– Это Сихон! – сказал Нил. – Начальник Стражи нового Великого Ангана. Я полагаю, он может рассказать, чем они занимаются там, внутри, если пожелает!

– Говори! – Дракон Юга недружелюбно посмотрел на стража.

– Ты – Исполняющий Волю Керанраон?

– Да!

– Он, – Сихон кивнул в сторону Нила, – сказал, что ящеры не тронут нас, если мы захотим выйти!

– Ему виднее. Нас они не трогают, как видишь! Вы хотите сдаться?

– Сдаться? Кому?

– Мне! – ответил Керанраон. – Я же сказал тебе: наша армия – в миле от Далаанга! И, в отличие от сиргибров, мы можем войти во дворец!

– Наши мечи... – начал Сихон.

Нил пренебрежительно махнул рукой:

– Пять тысяч всадников! – сказал он. – Слова «синие латники» о чем-нибудь тебе говорят?

– Говорят! – мрачно признал Сихон. – Но – Нассини! Если ее не тронут... мои люди не будут чинить препятствий!

– Препятствий? В чем? – спросил Керанраон.

– Во дворце довольно много красноглазых! Если мы уйдем – они ваши!

– Он не понял, – сказал Нил, обращаясь к Керанраону.

– Позови Унара! – приказал Дракон Юга.

– Потребуется время...

– Я подожду!

Но ждать пришлось недолго. Исполняющий Волю пришел быстро. И не похоже было, что он рад встрече – как, впрочем, и Керанраон.

– Ты знаешь, что происходит в Конге? – спросил Керанраон.

– Пенет информировал меня... прежде.

– Что собираешься делать ты?

– Я останусь с Великим Анганом! – заявил Исполняющий Волю.

– Да? А что случилось с Луасаем?

– Умер, – последовал лаконичный ответ.

Разговор не клеился.

Нил с интересом разглядывал лицо Исполняющего Волю. Было в нем что-то знакомое...

– Раон! – прошептал он, наклонясь к уху Керанраона. – Он очарован нашей красноглазой подружкой.

– Весьма похоже! – проворчал тот.

– Я, – сказал Дракон Юга, – мог бы предложить сохранить жизнь вашей... хозяйке. С тем, чтобы дальнейшую ее судьбу решил тот, кто будет править Конгом! Но я не стал бы оборонять ее от ящеров, даже если бы захотел! Это бесполезно!

– В таком случае – мы остаемся! – сказал Сихон. И Унар кивнул, подтверждая.

– Тогда мы войдем во дворец, – заявил Керанраон, теряя терпение, – и очистим его от соххогтойской мерзости и их крыс!

Губы Унара искривила злая усмешка.

– Твой меч еще не прирос к ножнам, Керанраон?

– Нет! – рывкнул Нил, становясь между ними. – Не трать времени на бесполезный поединок! Пусть остаются во дворце, если им так хочется! Если мы дадим вам слово, что не тронем Нассини, станете вы драться за остальных красноглазых?

– Если вы оба дадите слово – не станем! – сказал Сихон.

Унар промолчал.

– Зачем нам связывать себя? – раздраженно спросил Керанраон.

– У нас три пути, на выбор! – заявил Нил. – Первый: мы можем уйти и оставить дело зверюшкам! Рано или поздно им придется выйти, чтобы не сдохнуть от голода. Конечно, красноглазые могут протянуть подольше, время от времени закусывая своими охранниками... Но самим стражам придется затянуть пояса. Месяц—полтора – и мы спокойно войдем во дворец.

– Второй? – спросил Керанраон.

– Можно войти силой и перебить всех, кто не пожелает сдаться. Мы их раздавим, но обойдется это дорого. Стражи – крепкие парни, а о соххогтоях и говорить нечего! Третий путь: тот, что предлагаю я! Пусть те, кто хочет уйти – уйдут. Кто хочет остаться – пусть останутся, возьмут милую их сердцам Нассини и займут одну из башен. Мы же войдем и пообщаемся с красноглазыми! Клянусь головой Тура, вас мы не тронем!

Унар подозрительно посмотрел на великана.

– Мне кажется интересным твое предложение! – сказал Сихон.

– А мне – нет! – отрезал Исполняющий Волю Унар. – Без соххоггоев мы никогда не управимся с ящерами. Два—три месяца – и все повторится!

– Я, – сказал Нил, – вижу только один способ управиться со зверушками с помощью красноглазых!

– Какой? – спросил Керанраон.

– Скормить красноглазых сиргибрам! Поехали, достойный! Пусть они поразмыслят часок-другой.

– Зря мы отказались! – покачал головой Сихон, глядя вслед уходящим воинам.

– Посмотрим! – мрачно отозвался Исполняющий Волю. – Не так уж плохо для воина умереть в бою!

– Предпочитаю, чтобы умирали мои враги! – сказал Сихон. – Гляди-ка, почтенный, а эти ящеры и впрямь нас не трогают!

– Есть четвертый путь! – сказал великан бывшему Исполняющему Волю, когда они оказались за пределами Далаанга.

– Да?

– Почему бы новому Великому Ангану не отправиться вслед за старым?

– Ты хочешь сказать...

– Да, воин! Я пойду и помогу Нассини соединиться со своими богами! Надеюсь, ты подскажешь мне, как найти апартаменты Великого Ангана в этом прекрасном дворце?

– Это бессмысленная затея, Нил! – возразил Керанраон. – Апартаменты Великого Ангана все время меняются. Такова традиция. Отыскать их во дворце, где полно стражей и соххоггоев? Ты погибнешь, и погибнешь зря!

– Раон! Разве я когда-нибудь брался за невозможное?

– Я не помню такого, но мы ведь и познакомились недавно!

– Воин, который делает ошибки, не живет долго. Что еще тебя смущает?

– Ну... Марать меч кровью женщины...

– Раон! – Нил расхохотался. – Оставь эти рассуждения благородному Эрду! Мы – солдаты, Раон! Если кровью одной женщины я могу выкупить кровь сотен мужчин, я прирежу ее, как овцу!

– Может, имеет смысл просто выкрасть ее?

– Чтобы ее убили принародно? Ну нет! Мне, ты знаешь, никогда не нравились публичные казни! Может, те, кого казнят, и заслужили смерть, но, клянусь кулаком Тура, зеваки, пускающие слюни в предвкушении чужой крови... Да они и на меч могут глядеть, не жмурясь, лишь когда он занесен над чужой головой! Однако я разболтался! В одном ты прав: меч – не для женщины! Я просто сломаю ей шею. У соххоггоев крепкие шеи, как раз для моей руки!

– Если ты ее найдешь!

– Найду! Знаешь, кто мне поможет? Унар!

– Он не выдаст! – покачал головой Керанраон. – Никакая пытка...

– Кто говорил о пытках? – удивился Нил. – Мне надо просто отыскать его! Разве ты не слышал: Исполняющий Волю все время поблизости от Великого Ангана?

– Допустим. Но как ты отыщешь Унара?

– А вот это моя маленькая тайна! – ухмыльнулся Нил и подмигнул собеседнику. – Однако ж... – произнес он озабоченно, – я ощущаю в животе некую пустоту. Не послать ли вперед гонца, чтоб распорядился насчет обеда? Я, знаешь ли, куда лучше себя чувствую, имея в брюхе кусок жареной телятины и пару кувшинов хорошего вина.

– Я заметил! – сказал Керанраон, перестав хмуриться. – У тебя аппетит десяти воинов!

– Можешь взять меня на довольствие в качестве десятка, – предложил Нил. – Клянусь брюхом Быкоглавого, я обещаю сражаться за целую дюжину!

– Не сомневаюсь! – Керанраон хлопнул великана по руке. – Тебе говорили, что ты похож на кугурра?

– Мне говорили, что я похож на хорсу! – Нил слегка выпятил челюсть. – Слыхал о такой зверюшке?

– Слыхал. Но не видел.

– Тебе бы понравилось! А какая шкура! Второе больше пардовой и в десять раз пушистее! У меня высланы ими две комнаты в охотничьем доме на берегу озера Лейр! Приезжай ко мне на север, Раон! Мы славно проведем время! Охота, девушки...

– Благодарю! Но сейчас меня больше беспокоит твоя охота!

– На! – сказал великан, протягивая ему флягу. – Тут еще на три добрых глотка, солдат. Выпей и не тревожься из-за ерунды. Завтра утром я подарю тебе Маску Великого Ангана. Только не вздумай ее примерять, это плохо сказывается на здоровье!

– Не буду, – очень серьезно ответил Керанраон. – Знаешь, я начинаю верить, что ты справишься! И скажу еще: крайне приятно иметь рядом такого, как ты!

– Да, – ухмыльнулся Нил, – многие мне говорили об этом. Особенно женщины!

– А знаешь почему?

– Да?

– «Выпей, солдат! И не тревожься из-за ерунды. Все будет в порядке!» Так ты сказал? И, клянусь Рогами, я тебе верю! Скажи, есть в мире что-нибудь, что может тебя остановить?

– Ба! – ухмыльнулся великан. – Однажды меня побили!

– Да? И как звали того, кто это сделал? – заинтересовался Керанраон.

– Его звали – Хаор!

XXVII

*«Ожидаящий этой чаши
Неприменно ее дождетя.
И в дрожащие руки приняв,
Пригубит золотой напиток.
Но вино его будет горьким».*
Баянлу из Тайдуана

Далаанг. Осень тысяча двенадцатого года

Ночь была облачная, безлунная. Именно такая, какая нужна была Нилу. Темень, в которой глаза человека не способны увидеть его собственной, поднесенной к носу руки. Свежий ветер дул со стороны гор, заставляя часовых кутаться в плащи, – слишком холодный для начала осени.

Пустынная площадь погружена во мрак. Мягкие сапоги Нила беззвучно ступали по мраморным плитам. Неощутимый, как дыхание мертвеца, он пересек площадь и был уже совсем рядом с дворцом, когда голову его тронула морда сиргибра. Ящер фыркнул, обдав великана жарким тяжелым духом хищника. Сиргибру не понравился запах масла, которым было покрыто тело воина, – темного, почти черного масла, густого и скользкого, сделавшего кожу Нила неразличимой во тьме. Кроме масла тело великана прикрывала набедренная повязка да еще сапоги. На кожаном поясе, укрепленные так, чтобы не звякнуть в неподходящий момент, висели меч и кинжал. Даже веревки Нил не взял с собой, полагаясь на крепость пальцев и собственную ловкость.

– Отстань! – прошептал он, отпихивая голову сиргибра. – Не до тебя, братец!

Самое нижнее окно оказалось на высоте девяти локтей от земли и вдобавок затянуто до половины пленкой. Многовато для бесшумного прыжка, тем более, что Нил услышал стук подошв и негромкое покашливание. Часовой.

Великан обследовал саму стену и обнаружил, что она покрыта довольно искусной резьбой. Впрочем, сейчас его интересовали не мастерство конгайских резчиков, а глубина насечек. Распластавшись, как скальная ящерица, великан пополз вверх. Сиргибр топтался

рядом, но не мешал, наоборот помогал, время от времени шумно фыркая и заглушая те немногие звуки, которые создавал Нил.

Деревянный наличник окна угрожающе закрипел, но воин, пробив пальцами оконную пленку, успел ухватиться за край подоконника. Еще одно усилие – и он внутри.

Пара шаровых светильников освещала коридор. Часовой, привлеченный треском разорвавшейся пленки, повернулся. Нил упал на пол, надеясь, что страж не слишком заинтересуется одним-единственным звуком. Однако наемники соххоггоев беспечно не отличались. Нила, в тени подоконника, часовой не разглядел, но заметил разорванную пленку и, вынув меч, осторожно двинулся вперед. Жизнь стража спас сиргибр. Рогатая морда вдруг появилась в окне и потянулась к часовому. Страж отпрянул и выругался. Нил знал: самое большое желание воина – рубануть мечом по этой зубастой башне. Но страж не решался. Он слишком хорошо помнил, чем кончаются попытки нападения на ящеров.

Сплюнув, часовой демонстративно повернулся спиной и зашагал в противоположную сторону.

Нил вскочил и через мгновение оказался уже за поворотом коридора. Теперь ему оставалось только найти Унара. Сосредоточившись, он нащупал «запах жизни» Исполняющего Волю. Теперь надо отыскать путь в здешнем лабиринте. И великан отправился в странствие по бесконечным коридорам, галереям, лестницам... Дворец освещали скудно: должно быть, масла оставалось не так уж много. Редкие светильники обычно сообщали о местонахождении часовых, облегчая задачу Нила остаться незамеченным. Потому великан слегка удивился, почуяв присутствие человека, затаившегося в темноте.

Нил замедлил шаг. В одной из стенных ниш он разглядел соххоггоя. Тот сидел на корточках, держа в руке веревочную удавку.

«Верен себе!» – усмехнулся великан.

Бормоча под нос, он побрел по коридору раскачивающейся походкой подвыпившего солдата.

Соххоггой напрягся и затаил дыхание. Боковым зрением Нил видел алчное лицо с приоткрытым ртом, шнур удавки, свисающий между колен.

Шаркая и ворча, Нил поравнялся с нишей и прошел мимо.

Соххоггой прыгнул.

Нил быстро наклонил голову, и паутиный шнур соскользнул с затылка. Пальцы соххоггоя вцепились было в плечо великана, но сорвались: масло. Локоть Нила с треском ударил в грудь нападавшего, отшвырнув его к стене. Но соххоггой тотчас оттолкнулся от нее и прыгнул вперед.

«Боец!» – оценил Нил.

Паутиный шнур хлестнул великана по глазам. Нил отшатнулся и попытался поймать запястье соххоггоя. Не удалось.

Великан заметил: враг вооружен, но не спешит браться за меч. Так же, как и сам Нил. Звон клинков моментально будет услышан стражей.

Удавка обожгла живот Нила. Отвлекающий маневр! Соххоггой нанес удар в голову. Вот только рука сына вагара – на поллоктя длиннее. Тонкие волосы соххоггоя затрещали, когда лапа великана сцапала шевелюру красноглазого. Закричать соххоггой не успел. Хрустнули шейные позвонки. Нил осторожно опустил тело на пол и пихнул в стенную нишу. Нежелательно, чтобы кто-то раньше времени наткнулся на труп.

Еще дважды замечал Нил бледнокожих охотников за людьми, но обходил, избегая схватки: не хотел терять времени.

Два стражника чаданну, привалившись к стенам по сторонам от дверей, перебрасывались вялыми фразами. Масляные лампы освещали коридор на двадцать шагов, до поворота. Подойти, оставшись незамеченным, мог бы разве что маг, владеющий заклинанием невидимости. Нил этим заклинанием не владел.

На плоских лицах чаданну застыло рассеянno-ленивое выражение, к которому великан

не мог отнестись всерьез. Эти парни знали, как взять чужую жизнь.

Некоторое время великан стоял, размышляя. Потом его белые зубы блеснули в темноте – Нил молча усмехнулся.

Совершенно бесшумно он отступил назад шагов на сорок. И вдруг истошно завопил на языке пастухов Бур-Чадана.

– На помощь! – заорал он. – На помощь! Тварь... – И резко оборвал крик ударом кулака в ладонь. Потом, громко топая и с хрипом втягивая воздух, пробежал несколько шагов и разразился зловещим рыком охотящегося кугурра. Испустив еще один душераздирающий вопль о помощи, заколотил руками об пол, снова заревел кугурром...

Мечи стражей вылетели из ножен при первом же звуке. Оба непроизвольно шагнули вперед.

– Великий Тур! – процедил один из них. – Никак красноглазые опять кого-то травят!

– Ублюдки! – прорычал второй. – Слышал, по-нашему кричал?

Первый кивнул.

– Убьем людоеда?

– А Великий Анган?

Второй показал редкие зубы:

– Никому не позволено находиться здесь после заката!

– Точно! – мгновенно уловил мысль напарник. – Пошел! Я – наготове!

Второй страж ринулся по коридору, свернул за поворот. Темный силуэт зверя маячил во тьме. Чаданну невольно остановился.

Громогласный рык прокатился по коридору. Страж отставил назад правую ногу, поднял маленький круглый щит, ожидая прыжка...

И зверь прыгнул!

Стоявший на корточках Нил бросился вперед, поймал правую руку ошеломленного превращением чаданну и сжал с такой силой, что меч, зазвенев, упал на пол. Низкий победный рев потряс своды, а твердое ребро ладони Нила обрушилось на шею стража.

Второй чаданну, не колеблясь, бросился во тьму... и тяжелый меч великана со звоном разрубил его круглый шлем. Кровь залила лицо стража, и он осел на пол. Впрочем, удар лишь ранил чаданну, череп остался цел.

В десять прыжков великан достиг двери и вышиб ее ударом плеча. В этом не было необходимости. Дверь была не заперта. Зато за ней...

Четверо воинов с мечами в руках с удивлением уставились на великана. Возможно, если бы они ждали человека, а не зверя, Нилу пришлось бы плохо, но миг замешательства здорово помог Нилу. Он успел занять удобную позицию, когда все четверо, разом, набросились на него. Нил завертелся, как шарик воды на раскаленной сковородке. Стражи были мастерами. Минуты полторы великан только оборонялся, выжидая, пока ослабнет напор. Так и произошло. Не потому, что воины устали, просто четверем опытным бойцам стало удивительно: им ничего не удастся сделать этому одиночке. Нил, который далеко не в первый раз оказывался в подобном положении, только и ждал такого момента. Два стремительных удара – и один из четверых повалился на пол, зажимая рану в боку. Третий удар – и второй упал с развороченной на груди кирасой. Еще одного Нил прикончил метким броском кинжала.

Четвертый, самый умелый, дрался как демон. Кривая легкая сабля даже давала стражу некоторое преимущество в скорости.

Но нет в Мире воинского искусства, сравнимого с Мангхэл Сёрк.

Через несколько мгновений Нил выдернул меч из груди убитого стража. Добивать раненого он не стал, только высвободил свой кинжал и, подойдя к закрытой двери, прислушался.

Тишина. Потом короткий смешок, невнятное бормотание и стон. Голос был мужским. Снова бормотание. Похоже, тех, за дверью, суeta снаружи не беспокоила.

Нил легонько толкнул дверь. Не поддалась: заперта.

Держа наготове оружие, Нил ударил ногой в край створки.

Дверь с треском вывернулась из коробки и влетела внутрь. Великан прыгнул вперед... И клуб желтого сладкого дыма окутал его. Легкие Нила непроизвольно расширились, втягивая дурман. Холод вошел внутрь и разлился по телу. Нил оцепенел.

Нассини не узнала своего бывшего «гостя». Не удивительно. Ведь не только черты лица его переменились, но и цвет кожи стал темно-коричневым. Выпуклые мышцы блестели в красноватом свете ламп, но ничем не могли помочь своему обладателю. Нассини подошла и вынула оружие из рук воина. За ее спиной Нил видел смятую постель, а на ней – голого Унара. Исполняющий Волю глядел на великана совершенно безумными глазами. Это его бормотание слышал Нил из-за двери.

Двигаясь легко и уверенно, Нассини подошла к стене и отдернула парчовую портьеру, открыв ряд ящиков и полок, заставленных склянками и сосудами. Выбрав один из флаконов, соххогоя распечатала его и смочила содержимым красный платок. Затем приблизилась к Нилу и с силой провела мокрой тканью по его животу...

И, негромко вскрикнув, отдернула руку: платок оставил широкую полосу белой кожи, с которой было стерто масло.

Привстав на кончики пальцев, Нассини потерла платком внушительный подбородок Нила. Вновь проступила белая кожа.

Нассини негромко вскрикнула и уронила платок на пол. С постели раздался жидкий смешок Унара. Соххогоя попятилась, прижав руки к груди.

– О Истинный! – прошептала она. – О Отец наш!

И взгляд ее стал таким же безумным, как у хихикающего Унара.

Нил стоял, широко расставив ноги. Руки его все еще были подняты так, словно сжимали оружие. Стоял в каменной неподвижности, и только глаза двигались.

Соххогоя, закусив бесцветную губу, подошла к Нилу и, упершись руками в его живот, толкнула изо всех сил. Великан повалился навзничь, как деревянная кукла. Нассини попыталась поддержать его, но даже мускулы соххогоя не могли управиться с таким весом. Нил со стуком ударился спиной о ковер.

Нассини подбежала к постели, оторвала кусок простыни и опорожнила на него половину флакона. Быстрыми умелыми движениями она принялась стирать масло с кожи великана. Поднатужившись, она перевернула Нила на бок и стерла масло с его спины.

– Ты пришел! Ты услышал меня, Истинный! – ворковала она. – Сейчас, сейчас...

Танцующей походкой Нассини подошла к полкам и, выбрав маленький пузырек из темного хрусталя, поднесла к полураскрытым губам Нила.

– Прости, о Отец, дочь свою, что по неведению так обошлась с повелителем! – нежно произнесла она и влила содержимое пузырька в рот сына вагара.

Через минуту тело воина обмякло, и он перевернулся на спину, чувствуя приятную легкость. Онемение совершенно исчезло.

Нассини наклонилась к лицу Нила, провела языком по его губам, прикусила зубами его щеку.

– О Отец мой! Ты...

Огромный кулак, размерами не уступающий голове соххогоя, опустился на затылок Нассини, и она без единого звука повалилась на широкую волосатую грудь великана. Нил стряхнул ее с себя и поднялся. Голый Унар снова разразился хихиканьем. Похоже, у бывшего Исполняющего Волю совершенно помутилось в голове.

Нил поглядел на расprostертое у ног тощенькое тело «Владыки Конга».

«Я должен ее убить!» – подумал он.

Но убивать Нассини было ему совсем не по нутру. Если он и пытался убедить Керанраона в необходимости ее смерти, то лишь потому, что не хотел признаться в собственной несостоятельности. Он ведь совершенно не представлял, как можно вынести Нассини из дворца, мимо сторожащих сиргибров.

Великан поднял свое оружие, плеснул на клинки вина из серебряного кувшина, вытер

их насухо и только после этого вложил в ножны. Потом опрокинул то, что осталось в кувшине, в собственную глотку и еще раз оглядел комнату.

Золотой блеск привлек его внимание. Великан нагнулся и поднял лежащий на полу предмет. Это была Маска Великого Ангана. Нил усмехнулся и привязал Маску к поясу. Потом снял со стены короткий узкий меч и вынул его из ножен.

– Все же придется тебя убить! – проговорил он.

Нассини, по-прежнему без сознания, раскинулась на ковре. Счастливое выражение лица соххоггой почему-то напомнило великану о Телле. Он опустился на колени. Рукоять меча вдруг показалась страшно неудобной. Нет, Нил определенно не мог убить ее вот так. Он отлично знал, что представляет из себя соххоггой, но убить беспомощное существо? Да еще пощадившее его самого...

Однако и оставить ее здесь нельзя. А вынеси он тело наружу, сиргибры тут же им займутся!

«Запах! – подумал Нил. – Тур Великолепный! Нужно просто отбить запах!»

Он отшвырнул меч и бросился к полным снадобий полкам.

Нил перебирал флакон за флаконом, пока не нашел то, что нужно.

Оторвав еще один кусок простыни, он плеснул на него желтоватый раствор и быстро обтер им соххоггой. Куда менее нежно, чем Нассини обтирала его самого. Теперь осталось только прочесть заклинание, и даже гурамский следопыт не опознает запаха соххоггой.

Нил пробормотал шесть слов, завернул легкое тело в остаток простыни и покинул покои Великого Ангана.

Обратный путь не доставил ему хлопот. Через десять минут великан был на площади.

Нил невольно напрягся, когда один из ящеров потыкался носом в сверток на его плече. Но – обошлось.

– Это она? – откинув простыню, Керанраон разглядывал бесчувственную женщину. – Довольно уродлива. И выглядит жалко. Ты все-таки решил ее не убивать?

– Хм... Это оказалось ни к чему! Вели своему лекарю накачать ее сонным снадобьем и приставь стражу! Хотя она и выглядит как хуридская нищенка...

– Можешь меня не убеждать! Я знаю, что она такое! – заверил его Керанраон. – Ну теперь дело сделано!

– Увидим! – осторожно отозвался Нил. – Ты не против, если я пойду вздремну?

Стражи-наемники покидали дворец. Сами соххоггой не решились им помешать. А, может, не пожелали. Сиргибры недоверчиво исследовали каждого, но никем не заинтересовались. Как только последний из стражей покинул дворец, солдаты Керанраона ушли из Далаанга.

Охоту за соххоггой внутри Дворца Великого Ангана пришлось отложить. Начальник Канцелярии связался с Керанраоном и сообщил о том, что на востоке идет война. Сообщил достаточно, чтобы Дракон Юга не медлил.

Спустя короткое время всадники Керанраона и Нила вместе с присоединившимися к ним бывшими стражами пересекли мост через Фуа.

XXVIII

«Омбамту или омбамцы – существа устрашающего вида. Сложением они подобны винным бочкам, руки их непомерно длинные, а ноги короткие. Лик – страшен: красные глаза с желтыми белками, толстые, как бы раздавленные и вывернутые губы, носы же от рождения – словно переломаны. Волос курчав и черен, но омбамту, стремясь к совершенству безобразия, красят его в алый. Нравом хитры, жестоки и грубы. Злоба их безгранична, а деяния ужасны. Храбрость, а вернее, безрассудство в бою – безмерны. Воистину говорят: "Страшен, как Омбам!" И трудно смертному уразуметь, для чего боги допускают к жизни подобных чудовищ. И я склонен

верить, что не обычные они люди, а, как полагают некоторые, – порождение древних Властелинов Махд-Шагош».

Сигвар Гурский. Описание земель. Глава Красная твердь

Фаранг. Осень тысяча двенадцатого года.

Два омбамских лазутчика, укрывшиеся на окраине леса полутора милями южнее крепости Сонг, смотрели на море. Смотрели, как идут на юг белопарусные корабли Империи и чуть более грузные, но столь же устрашающие корабли фарангской эскадры под золотистыми, раздуваемыми ветром парусами. Множество кораблей. Омбамцы знали, куда и зачем идут боевые корабли, но нисколько не сочувствовали своим родичам, грабившим сейчас южное побережье Благословенного Конга. Эскадры уходят, и Фаранг, жирный кусок, сам падает в руки.

Два лазутчика были наблюдателями второй армады Омбама. Сейчас они вполголоса переговаривались, повторяя одно и то же. Все случилось именно так, как предсказал чужеземный колдун. Тот, что силой заклинания сделал невидимыми их самих и челнок, на котором приплыли омбамту на берег Конга. Страшновато среди бела дня, не таясь, плыть к вражескому берегу, но обошлось. Молодец колдун! Лазутчики принадлежали ко второй армаде. Первая армада, та, что сейчас грабит юг, куда больше. Зато – сброд. Бесчисленные пираты трех морей, прослышавшие о легкой добыче. А вот вторая – настоящий Омбам! Дважды тридцать боевых шекк и один большой четырехмачтовик. А на нем – сам Могучий Обу! О!

Когда корма последнего из кораблей исчезла за мысом, омбамцы бросились в лес, где заранее был припасен хворост для костра. Когда огонь вспыхнул, один из лазутчиков высыпал в него содержимое холщового мешочка. Тотчас еле заметные в дневном свете языки пламени обрели густой желтый цвет, а из костра огромными клубами повалил иссиня-черный дым. Поднявшись над лесом, дым обрел форму исполинского дождевого гриба, черного, как ночь, и видимого за многие мили.

Сделав свое дело, лазутчики бросились прочь. А в пятнадцати милях от побережья на шести десятках кораблей забегали матросы, поспешно поднимая красные паруса. Первым двинулся на запад большой корабль Обу, а за ним, то обгоняя, то сбавляя ход, десятки стремительных шекк. Как стая диких псов. Страж Севера, Фаранг – не просто добыча. Он – давний и опасный враг. Но придет Омбам – и не станет Фаранга! Ни домов его, ни кораблей его, ни людей! Так сказал Могучий Обу: Фаранга не будет!

Шесть десятков кораблей под красными парусами, пеня форштевнями зеленую воду, шли на запад.

Светлейший Робур вернулся в Фаранг через четыре часа после того как соединенная эскадра ушла на юг.

Посланец адмирала Адалга, единственный оставшийся в Фаранге солдат, встретил Робура на полпути к дворцу Наместника и без лишних слов вручил светлейшему скрепленный печатью адмирала свиток.

Прочтя его, Робур стал мрачен, как северное небо в последний месяц осени. Кивком поблагодарив посланца, он развернул своего парда и поехал к Гавани.

И все сорок восемь сотен моряков-воинов, недоумевая, двинулись за своим командиром.

Так же молча проехал Робур по широкой улице-аллее до Храма Тура, а оттуда, через площадь, через кварталы простонародья, мимо войсковых казарм – на круто сходящую просторную и тенистую аллею, ведущую прямо к порту. Здесь-то его и догнал гонец, чтобы вручить еще один свиток – от начальника канцелярии фарангского Наместника.

С тем же мрачным видом Робур сломал печать, развернул послание... и просиял. Вспыхнул, словно разгоревшийся на ветру факел, и протянул свиток жезлоносцу:
– Прочитай и оповести солдат!

Потом, выбрав наугад трех воинов из первой сотни:

– Вы – со мной! – и снова жезлоносу: – Адмирал Адалг оставил нам двенадцать больших кораблей и семь средних!

Помощник кивнул. Он уже прочел послание, и лицо его стало мрачно-озабоченным: прямая противоположность светлейшему.

– Еще, – продолжал Робур. – Отряды по пять верховых сотен в каждую из крепостей при входе в залив. Пусть помогут конгаям! Чтобы ни одна крыса не ускользнула. Остальным – на корабли и ждать в готовности! Я буду через час! Марш!

И умчался в сторону дворца.

– ...Но, – с беспокойством проговорил Начальник Канцелярии, – если крепости пропустят их, кто гарантирует мне, что омбамцы не ворвутся в город?

– Я! – твердо сказал светлорожденный. – Я гарантирую. Своим словом. И сообщу начальникам крепостей: я отправляю по пять сотен воинов в каждую! Чтобы ни один корабль не вышел из залива! А ты позаботься, чтобы ни один из здешних «купцов» ничего не узнал! Они наверняка полезут в драку, а мне не нужны лишние заботы!

– Я сделаю! – ответил начальник канцелярии.

Абсолютная уверенность светлорожденного вернула ему спокойствие.

– Добрые боги привели тебя в Конг! – добавил он безо всякого лукавства.

Робур нахмурился, чтобы скрыть, как приятны ему слова конгая.

Пиратские шекки вошли в залив через широкий пролив. Их лоцманы великолепно знали фарватер, хотя вот уже две сотни лет ни один из кораблей Омбама не приближался к Стражу Севера.

Под гулкие удары барабанов, дружно работая веслами, длинные и узкие, словно огромные рыбы, пиратские шекки мчались со скоростью двадцати миль в час.

Крепость Сонг встретила вражеские корабли вялым огнем нескольких баллист. Лишь на двух шекках вспыхнуло пламя, но его быстро забросали песком. Ответного залпа не последовало. Цель – Фаранг!

Шестьдесят шекк и один большой парусник вошли в залив. И, одновременно, девятнадцать боевых кораблей Империи отошли от причалов Фаранга. Выстроившись двумя линиями, корабли под белыми парусами перекрыли устье Фуа.

Наблюдатели на шекках не верили своим глазам: они были уверены, что военный флот ушел на юг. Может быть, это торговые корабли? Издали многие большие торговцы похожи на боевые суда, особенно, если на бортах, для отпугивания пиратов, изображены фальшивые порты баллист. Но нет. Вскоре стало ясно, что это самые настоящие боевые корабли Империи.

Пиратские шекки не сбавили ход: не в привычках Омбама отступать. Барабаны забили чаще. Гребцы и стрелки на палубах свирепо взвыли.

Северяне подпустили врага на расстояние точного выстрела и дали слитный залп. Полторы сотни зажигательных снарядов пали на врага. Пламя охватило сразу с десятков шекк. Но остальные неслись вперед. Единственный шанс для пиратов – абордаж и рукопашная. Носовые баллисты шекк тоже выстрелили, однако северяне, сразу же после залпа начавшие разворот, практически не пострадали. Зато, когда первая линия больших кораблей обратилась бушпритами к морю, баллисты второй выбросили на омбамцев еще один огненный шквал, не менее успешный. А суда первой линии, завершив разворот, в упор обрушили на пиратов третий залп, самый сокрушительный. Из шестидесяти шекк только двадцати четверем удалось прорваться. Верные обычной тактике, пираты разбились на четверки и атаковали шесть из восьми больших кораблей первой линии. Десятки абордажных крючьев впились в твердое коричневое дерево. Многие пираты прыгали на палубы прямо с рей. Кое-кто покалечился или расшибся насмерть, кто-то оказывался в воде, но большинство, размахивая боевыми топорами, оттеснили воинов-северян, дав возможность соратникам вскарабкаться вверх. Засевшие на реях арбалетчики обеих сторон не жалели стрел.

Ярость, с которой атаковали пираты, не обращавшие внимания на град стрел и острия мечей, дала им преимущество – так всегда случалось в первые минуты боя. Но тяжеловооруженные воины-моряки отступали медленно, не нарушая строя.

Парусники второй линии подошли вплотную к атакованным кораблям. В этой ситуации баллисты их были бесполезны, но меткие выстрелы арбалетов собирали свою дань. Робур был огорчен тем, что его флагман не подвергся нападению, но вмешиваться в схватку не стал. На каждом из атакованных кораблей – по двести опытных воинов-моряков. Они управятся.

Флагман двинулся к одной из шекк, чья команда успешно боролась с пламенем. С шекки слишком поздно заметили его приближение. Залп – и пиратский корабль вспыхнул от носа до кормы, как сухой хворост. Оружие омбамту посыпалось в воду – под стрелы арбалетчиков. А флагман уже двигался к следующему кораблю.

Между тем на палубах взятых на абордаж кораблей Империи, весы клонились в сторону северян. Все меньше топоров взлетало вверх и, наконец, сплоченные линии воинов-моряков двинулись в наступление. Спустя полчаса пираты уже прыгали на палубы шекк и поспешно рубили тросы.

Уйти удалось только шестерым. Потеряв половину команды, шекки устремились к выходу из залива как раз в тот миг, когда отставший почти на три мили корабль Могучего Обу приблизился к месту битвы. Он не стал принимать бой. Девятнадцать кораблей Империи и шесть удирающих шекк смутили боевой дух Великого Обу. Четырехмачтовик под красными парусами поспешно развернулся и, меняя галсы (ветер дул с северо-востока), поспешил к выходу из залива. Легкие шекки обошли его и умчались: каждый спасается, как может!

Корабли Империи, конечно, не могли состязаться в скорости с шекками. Однако Робур не беспокоился. Он предусмотрел и это.

Загрохотали баллисты крепости Сонг – и еще шесть костров вспыхнули на спокойной воде залива.

– Он примет бой! – удовлетворенно сказал Робур своему кормчему, глядя на разворачивающийся корабль омбамту.

– Тут полно рифов! – озабоченно проговорил кормчий.

– Слушай меня! – сказал маленький совершенно седой лоцман-конгай. – Я знаю эти воды лучше, чем ты – задницу жены!

– Ну-ну, – пробормотал кормчий, который не был женат. – Надеюсь, что намного лучше! А в храбрости им не откажешь! – сказал он своему командиру.

Краснопарусный уже шел прямо на флагман.

Робур засмеялся.

– Сигнальщик! – крикнул он. – Дай: «Огня не открывать!» Это будет славный трофей, клянусь милостью морской богини!!

Сарбур. Осень тысяча двенадцатого года.

Священный Сарбур горел. Тонули в огне деревянные постройки порта, полыхали великолепные храмы и хижины бедноты. Две огненные стены поднялись над речными берегами, озарив пиратские корабли зловещим светом. Баллисты шекк уже давно перестали метать огненные снаряды в гигантские костры. Ясно было: в бушующем пламени не смог уцелеть никто из встретивших стрелами пиратский десант.

Но огненные стены еще более неприступны, чем крепостные. Впрочем, Сарбур никогда и не имел крепостных стен. Доблесть воинов – наилучшая защита. А когда воины ушли, на их место встали сами сарбурцы.

Кто мог подумать, что гордый Фаранг без боя впустит чужеземцев? Кто мог представить, что незаконный суматошный Сарбур, покинутый гвардией, лишенный воинов-моряков и даже береговой Стражи, окажется крепче Стража Севера?

Но вскипел Священный Город задолго до появления пиратской эскадры. Он пробудился для мести утром того дня, когда мальчик-служка заглянул в келью Верховного Жреца Тура и увидел вместо лежащего на ложе Турарбура черный ожог.

Сарбур вскипел. Каждый третий в нем был ярым почитателем Мощного. И велика была слава его Верховного Жреца.

Сын Турарбура, сам маг и жрец, такой же огромный и решительный, как его отец, бросил в многотысячную толпу, собравшуюся в подворье храма одно короткое слово: месть!

И уже спустя несколько часов мирные жители, ремесленники, купцы, земледельцы, взяв в руки оружие, разбились на отряды и взялись за дело. Предводительствовали ими те, кто понимал толк в магии.

Конечно, они не нашли убийцу: того давно не было в городе. Но, должно быть, сами боги-покровители внушили сыну Турарбура благую мысль. Смерть Верховного Жреца спасла Сарбур. Когда пришла весть о подходе Омбама, двадцать тысяч жителей уже держали в руках оружие. Конечно, то было не лучшее оружие в Конге, но и лук земледельца способен послать убийственную стрелу.

Лишь две пиратские шлюпки достигли берега: их прибило течением. Те, кто сидел в них, уже не могли взяться за топоры. Град стрел был убийственен для полуголых пиратов. Раз за разом, на многих участках берега пытались они высадиться, но везде встреча была одинаковой.

Четыре часа продолжались бесплодные попытки, а на закате баллистеры на шекках не выдержали и открыли огонь.

Легко и весело занялись прибрежные постройки – сухое дерево и тростниковые крыши. Неистовый жар заставил кормчих отвести корабли на середину реки. Там шекки встали на якорь, дожидаясь, пока отбушует пламя. Пламя, пожирающее их добычу!

Но Сарбур – большой город. Он не может сгореть весь!

И Сарбур не сгорел – не потому, что большой. Просто защитники его знали, что такое огненное зелье. Пока одни осыпали пиратов длинными стрелами, другие поспешно разбирали легкие дома, рыли канавы, отводя в них воду из городских каналов. Вдоль берегов все сгорело дотла. На четыре сотни шагов в глубину. Но не дальше.

Когда время приблизилось к полночи, пламя почти угасло. Пиратские шекки окутала тьма. Но на кораблях никто не спал. Так же, как не спали и защитники Сарбура.

Небо затянуло облаками, сквозь которые не пробивался свет луны. Сейчас никакой лучник не смог бы углядеть цель. Наконец, кое-кто из капитанов решил: можно начать высадку.

Спускаемые на таях шлюпки глухо ударялись днищами о гладкую воду реки. Эти удары и скрип взбудоражили всю флотилию. Ни один капитан, ни один, даже самый последний из гребцов, не хотел упускать своей доли добычи. Некоторые шекки, подняв треугольные паруса, подошли поближе к северному берегу, на котором располагались богатые кварталы.

На сей раз высадка шла без помех. Ни одна стрела не пропела в угольной тьме, лишь кое-где приподнимаемой еще не угасшими очагами пламени. Бегом двигались захватчики между тлеющими остовами портовых складов, огибали обрушившиеся здания, по пепелищам которых еще плясали голубые и розовые язычки. Красные отсветы играли на широких топорах омбамцев и на оружии примкнувших к ним иноплеменных морских разбойников: хуридитов, эдзаков, гурамиди. Натертые маслом тела омбамту потеряли блеск, припорошенные душным пеплом, облачка которого поднимались с каждым шагом.

Выгоревшая полоса кончилась неожиданно. Весьма неожиданно. Канавой. Звуки падения, плеск, приглушенные ругательства. Шедшие впереди оказались по горло в черной от пепла воде. Зато тлеющие развалины остались позади. А впереди лежал погруженный во тьму город. Богатый город. Самый богатый город Черного континента.

Здесь, с другой стороны канала, дома тоже были снесены, обломки стен разбросаны вокруг. Кое-кто из хуридитов, споткнувшись, повалился на землю, поминая демонов и

конгайских крыс. Только ноги привычных к темноте омбамту сами находили опору. Скорей, скорей! К теплой плоти и холодному золоту!

Тысячи факелов вспыхнули одновременно, озарив застывшую ошарашенную массу людей. Тысячи арбалетов, разрядившись, разорвали тишину. Сочные удары стрел в живые тела смешались с воплями раненых и грозным ревом омбамту.

Размахивая топорами, воюющая масса пиратов ринулась на врага. Один вид их должен был поразить ужасом горожан. Горожан – да. Но не сомкнутые, щит к щиту, ряды Береговой Стражи. А за пешими воинами – шеренги легких всадников, посылающих через головы пехоты короткие арбалетные стрелы.

Кое-где омбамту удалось проломить строй конгаев, но к местам прорыва тут же подтягивались резервы. Топоры омбамцев застревали в деревянных щитах, и прямые конгские мечи без помех трудились над мускулистыми телами пиратов.

Пока омбамту яростно врубались в строй конгаев, союзники их сообразили: добычей уже не пахнет. Шкуру бы сохранить. Оставив Омбам его безумной злобе, хуридиты и остальные бросились назад... И наткнулись на длинные мечи и свирепые морды боевых пардов. «Синие» замкнули кольцо.

Когда первые лучи коснулись пепелищ, ни одного пирата не осталось на земле Сарбура. Ни одного живого пирата.

И об этом очень скоро узнали на палубах десятков шекк, стоявших в широком устье Сарбы. Узнали, но не снимались с якорей. Потому что выход к морю преграждала соединенная эскадра Империи и благословенного Конга.

Через несколько часов пиратский флот Омбама перестал существовать.

Сарбур. Одиннадцатый день осени тысяча двенадцатого года.

– Ты нашел верное применение деньгам соххоггоев, властитель Тилод! – сказал Наместник Сарбура, Носитель Дракона Нгау – маленького росточка человек с лицом, похожим на мордочку удивленной крысы.

Достопочтенный Нгау, хотя и уступил Тилоду свои апартаменты во дворце, но не слишком лебезил перед ним, мгновенно уловив, что понравится, а что придется не по вкусу будущему повелителю страны. Наиболее вероятному повелителю.

Достопочтенный, несмотря на неказистую внешность, был умен и изворотлив необычайно, иначе ни за что не ужился бы с дюжиной Верховных Жрецов, тремя тысяцкими, да хотя бы и с тем же Кэнау. И это, не говоря о Драконе Юга Керанраоне, требовавшем абсолютного подчинения от всех Наместников. А ведь он, Нгау, был лишь чуть-чуть ниже по статусу, чем Дракон Юга, и уж во всяком случае намного выше, чем начальник гарнизона.

– Ты нашел верное применение деньгам соххоггоев, властитель Тилод! – проговорил маленький человек, глядя с террасы на суetyающиеся внизу фигурки. Там, отчетливо выделяясь на черных выгоревших берегах Сарбы, уже поднимались светлые деревянные контуры будущих домов. Месяц-другой – и от пожара не останется и следа.

Нгау перевел взгляд дальше, на спокойную гладь моря Зур, где стояли на рейде великолепные корабли Южной Эскадры.

Но Нгау знал: там только вахтенные команды. И матросы, и воины-моряки сейчас наслаждаются гостеприимством благодарного Сарбура.

Сам Носитель Дракона Нгау воином не был. Но ценить настоящих людей умел. И понимал, чем обязан Конг флоту Империи. Особенно же – Страж Севера Фаранг. Светлейшему Робуру можно позавидовать. Там, на Севере, на него разве что не молятся.

Нгау улыбнулся. Похоже, для благословенного Конга начинается новая эра. Она будет совсем неплоха и для него, Носителя Дракона.

– ...властитель Тилод!

Погруженный в свои мысли зодчий не услышал реплики Наместника. Сжав руками лакированные перила, Тилод глядел на древний Сарбур. Мощные плечи зодчего слегка

ссутулились, будто от бремени возложенной на них власти.

Нгау с удовольствием смотрел на широкую спину Тилода. В прежние времена, когда любовь имела для него большее значение, чем власть, Нгау предпочитал мужчин женщинам.

«Он справится! – подумал Наместник. – Особенно теперь, когда война кончилась!»

Вчера из Ислонга на семи кораблях прибыли урнгурцы. Ислонг свободен, так же как Йенкаян и Митан. Последнему, правда, здорово досталось, но вовремя подоспевшие Черные Охотники остановили резню. Говорят, они внушили пиратам такой ужас, что бесстрашные омбамту бросали топоры и униженно молили о пощаде.

Самый южный город на побережье моря Зур, Ислонг, устоял. Его гарнизон отважно сражался целых два дня, а потом подоспели урнгрия и сшибли разбойников в море. Впрочем, лишь для того, чтобы отошедшие от берега шекки напоролась в сумерках на семь кораблей Южной Эскадры, посланных к мысу Прощания.

«Похоже, в ближайшие несколько лет у Береговой Стражи будет не много работы», – подумал Наместник.

А мысли Тилода были далеки от охраны берегов. Не думал он даже о том, как поступить с Великим Анганом, которого завтра утром доставят Керанраон и Нил. Зодчий размышлял о своем сыне.

Два дня назад Эйрис сказала ему, что больше не чувствует Санти.

– Он мертв? – спросил Тилод вдруг одревеневшим языком.

– Не знаю! – отвечала Эйрис и погрузилась в молчание.

Зодчий понимал ее и потому не пытался утешить. Он просто оставил подругу одну. Все в руках Судьбы!

Завтра, в двенадцатый день первого месяца осени, он соберет здесь, в Сарбуре всех: военачальников и чиновников, северян и урнгрия. Завтра, в День Дракона. Если боги милостивы к нему, то сделают так, чтобы сын его остался жив. И они приведут Санти в Сарбур, если молитва Тилода услышана.

Недавно он получил послание от светлорожденного Робура, последнего, кто видел его Санти. Четыре дня назад...

Северный Конг. Восьмой день осени тысяча двенадцатого года.

Стена пыли медленно оседала. Замыкающая сотня Робура скрылась за холмом. Но тот, кто остановил северян, остался.

Сев на сухую траву у обочины, он положил подбородок на ладонь и погрузился в собственные мысли.

– Этот Меч опять у него! – прошептал Уанх, глядя на сидевшего у дороги с вершины невысокого холма.

Тень лимонных деревьев полностью скрывала и Уанха, и его спутника, эдзамского чародея Повелителя Демонов от посторонних взглядов без всякой магии. И это было хорошо. Магию тот, кого выслеживали чародеи, мог бы и почуять.

– И что? – в голосе Повелителя Демонов Уанх уловил насмешку. – Не будь у него Меча, ты рискнул бы с ним схватиться?

Тайдуанский маг промолчал.

– А я рад, что у него Меч! – заявил эдзак. – С ним он втрое безопаснее!

– И втрое защищеннее! Или это ты решил с ним сразиться? – съязвил маг. – Теперь, когда у него Меч?

– Да, я решил! – хладнокровно заявил Алчуший Силы, развязывая мешок.

Увидев части какого-то механизма, выложенные на землю, Уанх попытался сообразить, что это, но не сумел. Тайдуанский чародей ничего не смыслил в механике.

Повелитель Демонов выглянул из-за дерева, прикидывая расстояние до дороги.

– Далековато, – пробормотал он. – Но попробовать можно!

– Что это у тебя? – не утерпел Уанх.

– Что? – эдзак усмехнулся. – Сейчас увидишь!
 И ловко соединил разложенные части.
 – Арбалет... – разочарованно пробормотал Уанх.
 Как большинство сильных магов, он с презрением относился к оружию воинов.
 Оттянув рычагом паутинный жгут, эдзак зарядил арбалет короткой толстой стрелой с треугольным наконечником из черной стали.
 – В игрушки играешь... – проворчал Уанх неодобрительно.
 – Угу! – согласился его партнер. – В игрушки. Такая игрушка со ста шагов прошибает конгский панцирь. Тут, конечно, побольше, чем сто шагов, но ведь и панциря нет!
 – Вижу, ты хорошо в этом разбираешься! – насмешливо заметил Уанх. Иногда ему с трудом удавалось скрывать неприязнь. – Но не пытайся убедить меня, что какая-то дырка в спине лишит тебя силы!
 – Меня – нет! – спокойно сказал эдзак, опускаясь на землю. – А его – да! Поверь, если я попаду куда надо, у нас будет почти минута. А за минуту можно многое сделать! Давно я не стрелял! – проговорил он, устраиваясь так, чтобы локти прочно упирались в землю. – Давно не стрелял, а попаду непременно, будь уверен!
 Человек на обочине дороги сидел, положив ладонь на рукоять меча, и неторопливо разбирал свои медленные мысли. В первый раз за последние десять дней он чувствовал себя в полной безопасности. Сухая веточка, которую он держал в пальцах, сама собой выписывала замысловатый знак в дорожной пыли, облитой лучами солнца...

XXIX

«...Однажды некий муж и сын его, недавно достигший совершеннолетия, беседовали у ступеней своего дома.

– Скажи, отец, – промолвил юноша, – зачем здесь этот колокол?

– Он – мой друг, – отвечал мужчина. – Трижды прошли мы с ним пенное море Зур. Ему ведомо все.

– О! – удивился юноша. – Позволь, спрошу я: эй, скажи, бронзовобокий, кто дал нам жизнь?

– Конг! – отвечал колокол. – Конг!

– Да? Ладно. А кто даст мне то, чего я жажду?

– Конг! – отвечал колокол.

– Любовь! Он имеет в виду любовь! – вмешался старший. – Назови ему имя!

– Конг! – отвечал колокол.

– Вздор! – воскликнул юноша. – Разве это имя женщины? Отец, ты знаешь: ничего нет сильнее любви!

– Закон! – отвечал колокол.

– Ты врешь! – вскричал юноша. – Я – воин! Я выбрал! Вот, я начинаю путь! Правый путь! Кто остановит меня?

– Конг! – отвечал колокол.

Засмеялся юноша:

– Спасибо, отец, я понял! Последний вопрос! Завтра наш корабль уходит в море Зур. Где он бросит якорь?

– Конг! – отвечал колокол.

– Прости, отец: я смеюсь! Вот славная шутка! Что ни спроси, ответ всегда один – слово без смысла. Конг! Конг!.. Но отчего ты не смеешься, отец?

– Шутка! – сказал старший. – Добрая шутка! Трижды прошли мы с ним море Зур. Но с тобой – лишь однажды, сын. Конг – твоя родина».

Притча о корабельном колоколе

Северный Конг. Восьмой день осени тысяча двенадцатого года.

...жаркий и яркий день померк для Повелителя Демонов, едва ушла стрела. Но извне пришел свет, а с ним – знакомое лицо в цветах вечернего золота.

«Так ты хочешь убить меня, Алчущий?»

«Да! – подтвердил храбрый маг. – Что мне в твоей жизни?»

И содрогнулся невольно, увидев, как сквозь человечески черты проступил темный лик дракона.

Но собеседник отослал прочь гнев.

«В жизни моей – исполнение твоей! – пропел он голосом Власти. – Вспомни о Сути, эдзак. Разве боги не открыли тебе, где истинная сила Знания для тебя?»

«Это ты?» – всколыхнулся стеной сумрака Алчущий.

«И да и нет».

«Ты – Сила!»

«Не путем Силы пойдем мы. Хотя и не избегая Ее».

«Что ждет меня, если я скажу – "нет"?»

«Тебе ведомо».

«Да, так. Я иду за тобой! Верность мою пусть свидетельствует...»

«Не клянись. Помыслы твои – вижу. С нами Судьба, эдзак!»

Порыв Власти вытолкнул Повелителя Демонов в зримый мир, под ясный свет полдневного солнца, в миг, когда завершился полет посланной им стрелы.

Чародей увидел, как вспыхнул голубым огнем знак, что рисовал сидящий у дороги в мелкой пыли. И, затрепетав, повисла в воздухе короткая арбалетная стрела, сидящий же повернулся, взял ее тремя пальцами и бросил на дорогу. А потом встал.

Поднялся и эдзак, смотрел, как неторопливо поднимается вверх по склону его новый господин.

– Он идет! Идет! – в ужасе закричал Уанх.

И испустил неслышимый вопль, призывая дракона.

Но Повелитель Демонов знал: дракон не прилетит.

А юноша в серо-зеленом, хоть и шел совсем медленно, как-то очень быстро оказался рядом...

– Прочь! – уронил он.

Эдзак обдало порывом холодного свежего ветра.

Он быстро оглянулся: Уанх пропал.

И еще один порыв ветра, другого, с запахом лимонных листьев – сверху.

«Я ошибся? – удивился эдзак. – Дракон прилетел?»

Но одного взгляда оказалось достаточно, чтобы убедиться: закружились в танце сорванные листья, – не серый – бронзовый дракон опускался на прогалину.

– Идем, – сказал магу новый его господин. – Он голоден и не станет ждать, пока ты подберешь свой хлам. – Юноша в серо-зеленом пренебрежительно толкнул ногой брошенный арбалет.

– Да, – сказал эдзак, повернулся, шагнул и первым коснулся опущенного гладкого крыла.

* * *

Сарбур. Двадцать третий день первого месяца осени тысяча двенадцатого года по исчислению Империи или первого года от Прихода Освободителя – по новому исчислению Конга.

– Ну, что ты скажешь? – спросил Нил, глядя сквозь решетку на погруженную в сон Нассини.

– Лучше бы ты убил ее там, во дворце, – задумчиво произнес зодчий, изучая маленькое

бледное личико.— Боюсь, сам я на это не способен!

— Подари ее мне! — вдруг предложил Эрд. И, спохватившись, добавил: — Если только сие не оскорбительно для твоей страны.

— Эо! Светлейший! Я полагаю, Этайа излечила тебя?

— Да, разумеется! — Эрд успокаивающе коснулся плеча вагара.— Она мне просто любопытна. А без своих снадобий, без стражей...

— Несмех,— вдруг вмешалась Эйрис.— Я чувствую: эта женщина опасней желтой змеи. Убей ее! — и, оборотясь к Эрду: — Брат, не делай того, что пожелал! Несмех! Хочешь, я сама убью ее?

— Вы говорите так, словно эта бледная крошка — демон! — воскликнул Робур, присоединившийся к ним из любопытства: он никогда прежде не видел соххогоя.

— Она не настолько красива, чтобы очаровывать, а такую шейку можно переломить двумя пальцами! — светлорожденный просунул руку между прутьями, чтобы потрогать Нассини.

— Нет! — крикнул Эрд, хватая брата за рукав.— Соххоггой — не те, с кем можно быть беспечными! Даже когда они спят!

И в подтверждение выложил историю смерти Иллана.

Но на Робура рассказ произвел совсем не такое впечатление, на какое рассчитывал Эрд. Глаза молодого воина загорелись.

Биорк рассмеялся:

— Светлейший! — сказал он удивленному Эрду.— Постарайся вспомнить, каким ты был год назад. Может, тогда ты подыщешь более удачные аргументы, чтобы предостеречь светлорожденного Робура?

— Нет! — принял решение Тилод.— Она не уедет из Конга. И ее не убьют. Она — последний Великий Анган. Пусть остается в живых. Как напоминание. Я поручу жрецам Тура присмотреть за ней. Они искусны в магии. Но пока пусть она побудет в твоём дворце, Дракон Юга. У нас есть более важные дела!

— Как скажешь, вождь,— согласился Керанраон.— Не перейти ли нам в более удобное для беседы место?

Более удобное место оказалось открытой полукруглой террасой, утонувшей в зелени и синеве листьев. Горшки с растениями были расставлены так, чтобы не заслонять открывающегося сверху вида Сарбура. Дворец возвели на холме, и с его террас замечательно просматривался весь северный берег и широкое устье реки.

— Взгляни-ка,— сказал сыну Биорк, указывая на белые, украшенные башенками стены, обрамляющие сад.

Сразу за ними начинался крутой склон, поросший травой. Белая лента дороги серпантином поднималась вверх.

— Неплохо! — одобрительно отозвался Нил.— Довольно пары сотен арбалетчиков!

— Попробуйте этого вина! — раздался рядом голос хозяина. Если он и слышал реплики, которыми обменялись северяне, то виду не подал.

— Черное сарбурское не хуже, чем черное архонское, клянусь языком Тура! Ему уже восемьдесят шесть лет, господа мои!

Нил облапил протянутый бокал, пригубил и кивнул одобрительно.

— Годится.

— Как здоровье твоего сына? — осведомился Керанраон.— Я имею в виду того, в ком кровь конгайки.

— Здоров! — буркнул Нил. Его раздосадовал намек.— Это мой единственный сын, Раон. Боги не удостоили меня, ведь я лишь наполовину человек.

— Прости! — огорчение Керанраона было искренним.— Я не знал! Надеюсь, ты нашел свою женщину и милость Тура останется с вами!

— Добрые слова! — сказал Биорк.

Керанраон похлопал Нила по плечу и отошел к столу, за которым сидел Тилод.

– Вождь!

Зодчий повернулся, ответив улыбкой на улыбку хозяина.

– Позволь спросить! Как я понял, ты не намерен ехать в Далаанг?

– Ты прав.

– Тогда... где ты намерен... Вождь, не можешь ли ты, удовлетворив мое любопытство, назвать место, откуда ты намереваешься повелевать страной?

Керанраон ждал с волнением и испытал огромное облегчение, услышав ответ Тилода.

– Ты мог бы осведомиться и не так витиевато! Нет, мой друг! Я не собираюсь обосновываться здесь, в Сарбуре! Он останется твоим!

– Под твоей рукой, вождь!

– Да, если так решит Судьба!

– Не Далаанг, не Сарбур... – продолжал Керанраон. – Тогда – Фаранг?

– И не Фаранг! Это тоже было бы несправедливо.

– К Гангу?

– К твоему Сарбуру.

Дракон Юга недоуменно поглядел на зодчего.

– Я не слишком люблю загадки! – сказал он.

– Если столица будет в Фаранге, это сделает Фаранг выше Сарбура.

– Тогда где она будет, твоя столица?

– Я думаю, – произнес Тилод, – пришло время восстановить древнюю столицу!

– Ангтьян? Ты не шутишь?

Зодчий посмотрел в глаза собеседника.

– Ты что же, не одобряешь мой выбор?

– Слишком неожиданно... И... Да! – заявил воин решительно. – Ты целиком прав! Пришло время вернуть жизнь берегам залива Донхен! Я – с тобой!

– Я еще не Владыка Конга! – напомнил Тилод. – И предпочел бы...

– Не говори ничего! – поднял руку Керанраон. – Я никогда не видел твоего сына, но охотно присягну ему, если он...

– Если он вернется! – закончил Тилод вместо заколебавшегося Керанраона. – Нам с тобой, достойный, не подобает отворачиваться от Судьбы! Ты – первый, кому я сказал о своем желании восстановить Ангтьян, но нынче вечером я объявлю об этом всем.

– Носитель Дракона Нгау, как я слышал, намерен воздать тебе почести Великого Ангана, – негромко сказал Керанраон.

– Я не слышал об этом!

– Еще бы! Он знает свое дело, маленький Нгау!

– Если он тебя не устраивает, ты можешь...

– Наоборот, – и, прежде, чем отойти, добавил: – Знаешь, я рад, что ты разбил меня тогда, у Медного Тракта!

Приемный зал Наместника Сарбура был поистине огромен. Площадь мозаичного пола равна сотой части квадратной мили. Число же колонн, поддерживающих исполинские своды, – сто восемьдесят шесть. Мраморный лес. Но и гостей, прибывших на прием – не меньше полутысячи.

Явились все наиболее уважаемые сарбурцы, высшие чиновники большинства городов Конга, военачальники, купцы, капитаны кораблей, прибыл даже сам Начальник Канцелярии Великого Ангана Пенет. Сверкали доспехи, сияли драгоценности, тусклая униформа чиновников контрастировала с пестрыми нарядами купцов.

Тилод долго глядел с верхней галереи на бурлящую толпу прежде, чем решил спуститься вниз. Его сопровождали Эйрис и три молодых Черных Охотника. Скромная одежда позволила зодчему на некоторое время просто смешаться с толпой. Ненадолго. Высокий рост Тилода сам по себе привлекал внимание. Вождя заметили – и гул голосов поплыл от него расходящимися волнами, как круги – от упавшего в воду камня.

Толпа прихлынула к нему и одновременно расступилась, освобождая проход к

возвышению. Дракон Юга Керанраон протиснулся вперед и, поклонившись, зашагал на шаг впереди зодчего. Дракон Севера Ганг тут же оказался рядом. Так, плечо к плечу, они достигли широкой лестницы и расступились, давая путь Тилоду.

Зодчий кивнул каждому из них и неторопливо поднялся по застланному ковром ступеням. Повернувшись, он подождал, пока вырастет и опадет гул голосов, и тогда поднял руку. Воцарилась полная тишина.

– Судьба привела меня сюда,– произнес Тилод так же неторопливо и веско, как двигался,– и не в моей власти решать, справедливо ли это. Решать будете вы.

И наклонил голову в знак того, что сказал все, что хотел.

– Он – не оратор! – сказал светлорожденный Эрд своему дяде Адальгу.– Наш Санти нашел бы лучшие слова!

– Он мог бы вовсе ничего не говорить! – заметил стоявший тут же Биорк.– Корона Конга и так достанется ему! Мы все немало потрудились для этого! А, вот и Нил! – воскликнул вагар, заметив сына, который, пройдя мимо Ганга и Керанраона, поднимался по лестнице. В руках великан нес завернутый в красный шелк предмет.

Остановившись на предпоследней ступени, Нил повернулся к толпе и, освободив свою ношу от ткани, поднял ее над головой.

То была Маска Великого Ангана.

Толпа загудела.

Подержав Маску над головой ровно столько, сколько необходимо, великан поклонился и положил древний символ Владык Конга к ногам Тилода.

– Надеюсь, ты не станешь ее напяливать? – прошептал он так тихо, что услышал его только зодчий.

– Уж не сомневайся,– чуть слышно отозвался Тилод.

Нил ухмыльнулся, но когда повернулся к толпе, лицо его уже было вполне торжественным.

С подобающей случаю важностью он спустился вниз и присоединился к группе северян.

– Конгаи! – низкий глубокий голос Тилода, отразившись от сводов, разлился над головами людей.– Конгаи, я жду вашего слова!

Керанраон поднялся на вторую ступень лестницы и, сняв с головы золоченый шлем с голубым плюмажем, положил его на ковер. Потом поднялся еще на несколько ступеней и вынул из ножен меч. В полной тишине был отчетливо слышен шелест извлекаемого клинка.

Взяв меч двумя руками, Дракон Юга низко поклонился и положил свой меч рядом с Маской.

Когда он начал спускаться, Ганг уже поднимался навстречу, Островерхий шлем Дракона Севера лежал рядом со шлемом Керанраона.

Поравнявшись, военачальники обменялись напряженными улыбками.

Ганг остановился и медленно вынул меч. Прежде чем положить его к ногам Тилода, он, через плечо, оглянулся назад...

И застыл на месте.

После того, как толпа гостей прихлынула к возвышению, между нею и главным входом в Приемный Зал образовалось обширное пустое пространство.

И вот сейчас по этому пространству двигалась небольшая группка людей.

Ганг судорожно вздохнул.

Шаги идущих разнеслись по залу.

Глаза Тилода вспыхнули. Эйрис, стоявшая за его спиной, быстро шагнула вперед, оказавшись рядом с мужем.

Вновь прибывшие двигались между мраморными колоннами и с возвышения казались совсем крохотными. Полминуты, потребовавшиеся им, чтобы пройти полсотни шагов, показались зодчему вечностью.

Пятеро – их было пятеро – достигли толпы, и она расступилась, будто сама собой

освобождая проход.

Два воина в черных доспехах замыкали маленькую группу. Перед ними легким шагом двигался высокий черноволосый мужчина с широкоскулым желтым лицом эдзака. Капюшон зеленого плаща откинут, плечи приподняты, отчего шея казалась короче, чем на самом деле. Исходившая от него сила ощущалась даже на расстоянии.

На шаг впереди эдзамского чародея шествовала женщина с темнокожим благородным лицом, в серебряной диадеме, венчающей высоко поднятую голову.

И, далеко обогнав этих четверых, сияя улыбкой, навстречу спускающемуся Тилоду спешил Санти.

Они обнялись – как будто не было множества людей вокруг – обнялись и застыли на несколько мгновений, позабыв обо всем.

Ронзангтондамени из деликатности остановилась в нескольких шагах. То же сделала и Эйрис, хотя ей было труднее. Она впервые увидела своего сына с тех пор, как много лет назад Тилод увез его в Фаранг.

Как ни странно, именно Санти первым вспомнил о том, что происходит вокруг, и деликатно отстранил отца.

– Конг! – чуть слышно шепнул он.

И зодчий понял.

Бок о бок они двинулись к возвышению. Санти остановился лишь на мгновение, поравнявшись с матерью. Он наклонился, чтобы поцеловать ее руку. Пальцы Эйрис легко коснулись затылка сына, а он уже шел дальше, стройный и изящный, будто подросток – рядом с высоченным широкоплечим отцом. Вместе они поднялись наверх, и там зодчий шагнул в сторону, уступая свое место Санти. Больше у него не было сомнений. Одной минуты оказалось достаточно, чтобы Тилод понял, как далек теперешний Сантан-Освободитель от юноши, которого помнил зодчий.

Санти окинул взглядом собравшихся. И улыбнулся. Так заразительно, что мало кто сумел удержаться от ответной улыбки.

– Братья! – воскликнул он весело. – Вот мы здесь! И мы свободны! И мир – на благословенной земле Конга! А дорога пред нами светла, как восходящее солнце! Слава богам, есть кому повести нас по этой дороге навстречу Судьбе! Приветствуйте же его и радуйтесь вместе со мной!

И взяв правую руку отца двумя руками, поднял ее вверх.

Красная Твердь. Горы Хох. Безвременье.

Санти медленно плыл над бурыми горами. Лучи солнца, пробиваясь сквозь красноватую дымку, прибавляли к черным рубцам ущелий черные провалы теней. Санти плыл в неощутимом воздухе, согнув несуществующие колени, сцепив иллюзию рук. То был сон. Но из тех снов, что направляют жизнь больше, чем явь.

Санти знал, куда летит. И все-таки, увидев выпирающий из склона черный пузырь, ощутил удивление. Так человек, опустив руку в ручей, вдруг замечает, что вода теплей, чем ожидалось. Черный громадный купол – верхняя часть вросшего в гору шара, испускал некий трепет. Трепет Жизни.

Но ни живое тело, ни мысль, ни ветер, ни луч солнца не могли проникнуть внутрь. Ни один маг не смог бы разрушить этих чар. Только сам Черный Купол. Хранитель. Если пришедшему известен Ключ.

Санти Ключ был неизвестен. Поэтому он просто позвал. И получил отклик. Разве слуга потребует ключ у вернувшегося хозяина? Даже если дом его пуст...

И все-таки Вечный Хранитель Окрыленной Колесницы (отсутствующей Колесницы!) Повелителя Махд-Шагош впустил его не сразу. Потому что внутри него уже было живое существо. Человек. Маг. Хранитель обязан был испросить позволения. Но не получил его. Бывший внутри не знал языка вопроса.

«Он не ответит! – передал прикосновением Санти.– Спроси его иначе!»

Молодой маг понимал: Хранитель не может нарушать законы создавших его. Но может – обойти.

И, спросив иначе, Шар не получил запрещения.

«Входи, – прошептал Вечный Хранитель.– Я истосковался по чувству друга! Войди же!»

Санти скользнул внутрь. Он не ощутил ровно ничего, минуя ткань Тьмы.

Огромное светлое пространство окружило его. Живое пространство. Санти понадобилось гигантское усилие, чтобы устоять в обрушившейся на него волне. Потому он не сразу заметил того, кто опередил его.

Маг же и вовсе не ощутил присутствия другого. Он так привык к непроницаемости древнего укрывища, что позволил себе полную замкнутость. Маг сидел на ковре, вернее, парил чуть выше ковра, и струи света переливались в его руках. Мерцание их внушало тревогу. Санти, не видя лица мага, знал, что чело его прорезают морщины напряжения. Паривший над ковром пытался сотворить чудо, но оно вытекало из рук, ускользало, уходило, как рыба из рваной сети.

– И боль моя глубока и черна,
Как следы в снегу,
Когда золотая луна
Начинает свой путь! –

мысленно произнес Санти, и маг мгновенно обернулся к нему.

Начинает путь и плывет в зенит.
Я просил – и вот:
Меня исцелит
Луна,
Что жива и тепла,
Как женская грудь...

Струи света, порхающие между руками мага, вдруг затрепетали и начали сливаться в единую форму.

Маг посмотрел на них в удивлении, потом – с еще большим удивлением – на Санти.

Молодость его удивила Санти потому, что он знал: маг был много старше Биорка.

«А я?» – тут же спохватился он.

Едва Санти пресек движение слов, творение оборвалось и вновь распалось на разноцветные световые нити. Ему еще предстояло познать себя. И тот, кто стоит сейчас перед Санти, поможет ему.

– Мне нужна твоя помощь! – мысленно обратился Санти к магу – и остро ощутил его разочарование.

– Как Шар пропустил тебя? – спросил Познающий Суть.– Если ты – не Создатель?

Санти уклонился от ответа.

«Прими мое уважение! – примерно так выглядела его мысль.– У тебя есть то, что нужно мне! Я же принесу то, что нужно тебе!»

«Ты придешь и придешь не один! – так же мысленно ответил Познающий.– И я готов!»

«Ты мудр! – склонился Санти, равный равному.– Твой дар не заставит ждать, а мой... Он жив!»

И исчез, оставив нового друга (О да!) размышлять о сказанном. Когда они встретятся вновь, ответ будет найден.

Черный шар раскрылся, пропуская Санти к новому дню, одному из тысяч и тысяч неторопливых дней, оседающих на горы Хох.

«Ты придешь! – напутствовал его Вечный Хранитель. – Возвращайся... с ней! Мне одиноко!»

Санتي всплыл ввысь над путаницей острых пиков и, обратясь к северу, послал свою печаль и радость туда, где за голубыми водами моря лежала земля фьельнов. Санتي понимал Хранителя. Но где та, которую Хранитель создан оберегать, Санти не знал.

* * *

Сарбур. Двадцать четвертый день осени первого года от Прихода Освободителя.

Утром следующего дня Санти и Эйрис, вдвоем, сидели в одной из маленьких уютных комнатух под самой крышей дворца Керанраона.

«Вот единственное, что он унаследовал от отца!» – подумала Эйрис, глядя в зеленые глаза сына.

– ...надеюсь, ты не стыдишься меня, – продолжал Санти, улыбнувшись.

– Стыдишься? – Эйрис была удивлена.

– Когда я был маленьким, отец говорил: ты должен сделать это, Санти, иначе твоей матери будет стыдно за тебя! Ты должен сделать правильно! Так что же?

– Нет, – женщина покачала головой. – То, что ты делаешь, я не могу почувствовать. И... мне трудно... считать тебя своим сыном!

– И давно?

– Ты знаешь. И... Ты читаешь мои мысли?

– Я вижу их. Ты права. Но ты не должна думать, что от твоего сына ничего не осталось. Я здесь. Только теперь я внутри. А снаружи... он. Ты можешь привыкнуть. Если захочешь.

– Я привыкну. Постараюсь... Все-таки ты... намного старше меня...

– Так и есть... мама!

– Не называй меня так... пока!

– Привыкай. Ты – не единственная, кому придется... привыкнуть!

– Какая она?

– Видишь, и ты читаешь мои мысли! Смотри!

– О! Это... необычно! Я не назвала бы ее красивой, но...

– Она прекрасна! Как все фьельны. Хотя другой такой – нет. Мы оба, она и я – выродки.

– Грубое слово!

– Правдивое! Во всяком случае – в отношении меня. Я не оправдал надежд своих... создателей! У них были слишком разные цели. В том числе и твоих надежд, Харрок. Ты ведь – одна из них... Не надо! Ты чувствуешь: в моем сердце нет горечи! И мой путь далеко не окончен. А у тебя есть Тилод... Мама! Я ведь знаю: отец значит для тебя куда больше сына, которого ты не видела двадцать лет! Даже больше Вечного Лона! Разве нет?

– Что ты можешь знать об этом, сын?

Санти рассмеялся.

– Я там рожден! Я был в Городе-на-Берегу всего лишь шесть дней назад. Поверь, и мне нелегко было покинуть эту землю!

– Прости! Забыла, кто ты! Скажи, эта женщина из Урнгура, она тоже была там?

– Она пришла за мной. Думала: мне грозит опасность. Но ничто в Лоне не может причинить вреда ни мне, ни ей. Там – корни нашей силы.

– Вашей?

– Не пустой случай свел нас.

– И фьель?

– Этайа! Ее имя – Этайа! И она тоже всегда рядом со мной! Хотя даже я редко ощущаю ее присутствие! – Санти улыбнулся, не слишком весело.

– Они двое... – тихо сказала Эйрис. – Похоже, для меня места не осталось?

– Нет, не осталось. Вспомни свое истинное имя, Харрок,– и ты поймешь! А место рядом со мной... Оно не самое лучшее.

– Не говори, я вижу! Из-за этого ты отказался от власти?

– Из-за этого я не принял ее! Моя страна не должна разделить мою судьбу!

– Понимаю. Твой отец будет хорош на троне.

– Он и ты. Я вам завидую!

– Ты?!

– Я пошутил!

– Когда ты уплываешь?

– Послезавтра, вместе с Биорком. Он повезет своих урнгрия в Гурам. Нам – по пути.

– Гурам?

– Нет. Я поплыву дальше. К горам Хох. Судьба дарит мне целый год. Мне предстоит многое узнать о пределах своей силы. И у меня будет в этом помощник. Вернее, друг.

– Кто?

– Человек. Маг.

– Так ты не останешься на посвящение отца?

– Зачем? Жрецы Тура отлично справятся сами. Тилод Зодчий – самый подходящий правитель для нынешнего Конга. Боги будут довольны.

– Тилод Зодчий?

– Так звали отца в Фаранге. И будут звать впредь, когда он станет Владыкой. Кстати, он уже давно хочет тебя видеть.

– Я чувствую. Но подожди. Мы ведь не скоро окажемся вдвоем!

– Судьба. Эйрис, из рода Асенаров, Харрок, дочь Народа, я благодарен богам за то, что ты – моя мать! Но, боюсь, наступит день, когда ты проклянешь своего сына.

– Не знаю ничего, что ты мог бы сделать, чтобы навлечь мое проклятие! – сказала Эйрис.

– Не я – ты сделаешь... Не спорь, мама, я вижу...

Эйрис молчала.

Санти закрыл глаза и увидел степь: постепенно поднимающееся вверх разнотравье и алые цветочные бутоны, вспыхивающие в зелени, как разбросанные гранаты.

Санти поднял голову. Дальше, на восходе, лежали круглые горбы предгорий, с редкими фиолетовыми пятнами виноградников. А над ними, стряхнув с себя все живое,– грозные ржавые пики горного хребта.

Дюжина всадников змеей ползла по узкой степной дороге. Красная пыль, поднятая лапами пардов, повисала за ними мутным, долго не оседающим шлейфом.

Верховые пастухи-эдзаки, гортанными криками подгоняющие желтое море овец, подскакали было к дороге, но, увидев незнакомые доспехи, резко повернули назад. Только два черных, покрытых свалывшейся шерстью пса, вывалив красные языки, некоторое время бежали в густой траве у обочины. Они отстали, когда всадники миновали отару. Редкие облачка плавали в небе.

Один из всадников вынул флягу и, приложив к губам, оглянулся. И Санти узнал его...

Почувствовав прикосновение к плечу, молодой маг поднял голову.

Эйрис в комнате не было. Рядом стоял Эрд.

– Мы собрались и ждем тебя, брат! – негромко сказал светлорожденный. – Прости, если...

– Да, спасибо,– Санти поднялся. – Идем.

– Хой, Сантан! – пророкотал Нил, едва они переступили порог. – Ты обрекаешь меня на муки, клянусь желудком Тура! Наш друг Ганг прислал нам такое угощение, а я боюсь притронуться к нему! Вдруг, если я не дождусь твоего пришествия, ты обратишь меня в паука?

– В хуруга! – отозвался Санти. – Только хуруг не уступит тебе прожорливостью, если не считать самого Огненного бога! Но я польщен! А теперь подвинься, я хочу сесть рядом с

Ангнани!

– Демоны Нижнего мира! – проворчал великан. – Завтра он покидает нас, братья! Нас, вытащивших его прямо из соххогтойской кухни, где ему готовили роль главного блюда! И в этот день он говорит мне: подвинься!

– Еще неизвестно, кто кого вытащил, – заметил Биорк. – В одном ты прав: пора отдать справедливость яствам благословенного Конга!

– Впервые слышу, отец, чтобы ты заговорил о еде! – промычал Нил, уже отправивший в рот здоровенную порцию острого рагу. – Эй, Санти! Это едят! Едят, а не разглядывают! Ешь, или станешь похож на того мага-эдзака, которого ты приволок с собой! Генани! Следи, чтобы он ел! Это в твоих интересах!

– Кстати, о маге, – негромко проговорил вагар. – Он ведь из Алчущих?

– Был, – так же тихо ответил Санти. – Теперь он – мой. Нил! – сказал он, поворачиваясь к великану. – А где же Телла?

– Ей нездоровится! – отозвался сын вагара. – И еще она сказала, что ее тошнит от вида того, как я набиваю брюхо!

– Она собирается подарить ему еще одного сына! – шепнула Ронзангтондамени на ухо Санти.

– О! – произнес молодой маг. – Сам знает?

– Конечно!

– Ах да, я забыл! Легко забыть, что Нил – посвященный, глядя, как он ест... Какая-то часть меня будет очень скучать по нему.

Из соседнего зала донеслась негромкая музыка. Слуги внесли третью, последнюю перемену блюд.

– Странно! – сказал Санти вагару. – Я совсем не хочу есть!

– Нил прав! – ответил Биорк. – Ты уже больше маг, чем человек. Хотя кто знает, кто ты на самом деле, Сантан, сын Тилода и Эйрис из рода Асенаров!

– Хорошо, что ты напомнил! – проговорил Санти. – Эрд!

– Да?

– Я хочу, чтобы ты принял назад Белый Меч!

Светлорожденный был потрясен. Ему потребовалось время, чтобы справиться со своими чувствами и покачать головой:

– Нет, Санти, это невозможно!

– Очень даже возможно! Бери, брат! Мой Белый клинок – внутри меня.

– Возьми меч, светлейший! – поддержал Биорк. – Возьми! А я дам ему кое-что взамен! Кое-что более подходящее для мага!

На стол лег длинный предмет в кожаном чехле.

Санти развязал шнурок. Магический жезл лег на ладонь. Сиреневый, переливчатый, словно драконий глаз огонек заплясал на кончике жезла, Правиёла возникшего Крылатой Колесницы, пришедшего из тысячелетней бездны... Как и сам Санти.

– Эй, поосторожней! – предупредил Нил. – Это серьезное оружие!

– Оружие? – задумчиво проговорил Санти, поглаживая то, что лежало на его ладони. – Я не стал бы называть это оружием.

Он вздохнул (где теперь его окрыленная колесница?) и убрал Правиёло обратно в мешочек. А потом отстегнул от пояса меч и протянул Эрду.

– Ну вот! – констатировал Биорк. – Так много лучше! Генани! Хочешь, я подарю тебе корону сирхара?

– Подари ее Санти! – предложила Женщина Гнона. – Раз уж ты отдал ему Хлыст!

– Нет! – заявил Биорк. – Я-то знаю, как он относится к коронам!

– Эй! – широкая теплая ладонь Нила накрыла плечо Санти. – Раз уж до следующего Летнего Праздника еще целый год, почему бы тебе не погостить в Империи? Клянусь нежной грудью Морской богини, наши горы куда привлекательней эдзамских!

Санти повернулся, чтобы ответить... и застыл.

В проеме дверей, прямо под желтой резной аркой, обращенной к террасе, увенчанная полукружием синего конгского неба, стояла Этайа.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЛЕТОПИСИ

Приложение Совсем немного истории

Известная история Мира насчитывает около двух тысяч лет. Именно в это время сформировались упоминаемые в Летописях Конга народы и страны: Хольд, Аркис, Тайдуан, впоследствии ставшие единой северной Империей, Гурам и Эдзам – на востоке, Конг – на юго-западе. То есть Мир залечил раны, оставленные Эпохой Перемен, уничтожившей три тысячелетия назад цивилизацию Махт-Шагош. О последней в описываемую эпоху известно не так уж много. Известно, что так назывался четвертый, южный, материк. А сама древняя Империя включала все земли, кроме Белой Тверди, слишком холодной в те времена. Затем наступила Эпоха Перемен. Южный материк затонул полностью. Затонула и южная часть Красной Тверди. Досталось, впрочем, всем континентам. Именно в Эпоху Перемен появились первые Проклятые земли, расплодились магхары, а освоенный Юг Черной Тверди превратился в Гибельный лес.